

THE NEW REVIEW Новый Журнал

Основатели М. Алданов и М. Цетлин – 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

С 1966 по 1975 редактор Роман Гуль

С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор)

Г. Андреев, Л. Ржевский

1976 – 1981 редактор Роман Гуль

1981 – 1983 редакция: Р. Гуль (главный редактор),

Е. Магеровский

1984 – 1986 редакция: Р. Гуль (главный редактор),

Ю. Кашкарров, Е. Магеровский

1986 – 1990 Редакционная коллегия

1990 – 1994 редактор Юрий Кашкарров

1994 – 2005 редактор Вадим Крейд

Семьдесят пятый год издания

Главный редактор Марина Адамович

Редакционная коллегия:

Сергей Голлербах, Марина Гарбер, Генрих Иоффе, Елена Краснощекова, Валентина Синкевич, Владимир фон Цуриков

Ответственный секретарь – Рудольф Фурман
Редакция – Владимир Гандельсман, Наталья Гастева,
Марина Гарбер, Илья Куксин

Журнал выходит при поддержке Фонда «Династия» /
The Dynasty Foundation

The New Review, Inc.:

T.Bobrinskoy; T.Chebotareva; S.Hollerbach; C.Geacintov;
V.Galitzine; G.Glinka; M.Jordan; P.Khlebnikov; V.Kreyd; N.Lobanov-
Rostovsky; G.Mesniaeff; A.Nebolsine; A.Neratoff; O.Radish;
I.Sikorsky; V.Sinkevich; P.Tcherepnine; V. von Tsurikov; M.Adamovitch.

Обложка художника М. Добужинского

THE NEW REVIEW

№ 283, Июнь 2016

© 2016 by THE NEW REVIEW

Рукописи не возвращаются

Перепечатка материалов «Нового Журнала» без письменного разрешения редакции запрещается. Размещение материалов «Нового Журнала» он-лайн без письменного разрешения редакции запрещается.

Редакция не несет ответственность за содержание публикуемых материалов. Авторы несут ответственность за достоверность приводимых ими фактов и цитат.

THE NEW REVIEW (ISSN 0029–5337) is published quarterly
by The New Review, Inc., 611 Broadway, # 902, New York, N.Y. 10012.
Periodical postage paid at New York, N.Y. Publication No. 596680.

POSTMASTER: send address changes to The New Review,
611 Broadway, # 902, New York, N.Y. 10012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

<i>Бахыт Кенжеев</i> – Стихи	5
<i>Валерий Черешня</i> – Городское трио и вальс. Стихи	9
<i>Елена Катишонок</i> – Счастливый Феликс	13
<i>Маргарита Меклина</i> – Слоны Ганнибала	23
<i>Анна Голицына</i> – Стихи	52
<i>Михаил Этельзон</i> – Античные мотивы. Стихи	54
<i>Рудольф Фурман</i> – Стихи	58
<i>Ольга Исаева</i> – Валюша	60
<i>Янислав Вольфсон</i> – Стихи	81
<i>Борис Ильин</i> – Стихи	86
<i>Вадим Ярмолинец</i> – Эта непредсказуемая жизнь	90

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАЗАХСТАНА

<i>Лиля Калаус</i> – Горгона	96
<i>Бахытжан Кананьянов</i> – Рассказы. Стихи	125
<i>Константин Емельянов</i> – На углу «Дерибаса», или Повесть о школе, которой нет	143
<i>Ермек Турсунов</i> – Три рассказа	163
<i>Диляра Тасбулатова</i> – Из цикла «Театр»	186
Стихи репрессированных поэтов Казахстана: <i>Шакарим Кудайбердыев</i>	193
<i>Мыржакып Дулатов</i>	196
<i>Ахмет Байтұрсынов</i>	198
<i>Мағжан Жұмабаев</i>	199

К 100-ЛЕТИЮ С. С. МАКСИМОВА

<i>Сергей Максимов</i> – Рассказы 1950–1960-х годов (Публ. – А. Любимов)	202

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

<i>Кн. Вера Константиновна Романова</i> – После войны (Публ. – М. Адамович)	227
<i>Борис Сергеевский</i> – Автобиография (Публ. – Ю. Сандулов)	242
Письмо В. П. Камкина М. М. Карповичу (Публ. – Ю. Сандулов)	246
<i>Владимир Хазан</i> – «Общение в высоком плане...»	253
Письма Софии Прегель к М. С. и М. О. Цетлиным (Публ. – В. Хазан)	265

ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА. ИСТОРИЯ

Евгений Шраговиц – Парадокс.

Загадка двух стихотворений Пастернака	287
<i>Лев Бердников</i> – «Волнует эхо здесь звучавших слов...»	305
<i>Марк Уральский</i> – Лео Бирински – киносценарист и драматург	320
<i>Марина Адамович</i> – «Не знал я вас, господка кадеты...»	335

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Памяти Никиты Алексеевича Струве. 1931–2016	356

СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

<i>Сергей Шиндин</i> – Обязательный постскриптум и необязательные детали	358
<i>Т. Колодзей, Н. Колодзей</i> – Kolodzei Art Foundation – вчера, сегодня, всегда	367

ОБ АВТОРАХ	379

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Бахыт Кенжеев

Ах, Гамлет, Гамлет, нищий друг, ну в чем твоя вина?
Пусть у тебя шестнадцать рук, но печень-то одна.
Пора выплачивать долги, а не качать права:
У человека три ноги, но глаза только два.

От неурядицы такой кривится смертный рот,
и вот артист, забыв покой, гармонику берет.
У ней пушистые меха, и кнопок галалит
то о-хо-хо, то ха-ха-ха, то сладко, то болит.

Я был и сам большой артист, я под грозою мок,
то травянист, то каменист, то вовсе невдомек,
и робко верил, что для нас, художников, судьба
предназначает третий глаз посередине лба.

Струитесь, слезы; лейся, смех; слагайся, хитрый стих!
Топорщится тресковый мех на девах молодых.
Письмо. Дуэль. Сервант. Хрусталь. Есенин. Ночь. Трюмо.
Ну да, ни капельки не жаль, – но видеть сны, быть мо...

* * *

Ипполит разбогател
и от ужаса вспотел.
Принесла ему ромашка
запотевшую рюмашку,
и спросил летучий еж:
отчего же ты не пьешь?
И добавила крапива:
Ну, не крепкого, так пива!

«Раньше я скучал немного, –
вдруг признался Ипполит, –
шел зато с отрядом в ногу,
несмотря что инвалид.
Но от лампы повивальной
проступил в душе ожог,

и уже я не дневальный,
а слоеный пирожок.»

Тут воскрес митрополит,
бородат, как Митридат,
заявляя: «Ипполит,
не печалься, трудный брат!
Слышишь, как луна лихая
распевает угугу,
в легком небе отдыхая,
будто ворон на снегу?»

Ипполит – «спасибо» дяде,
и, утешившись навек,
в кенигсбергском зоосаде
самый первый человек.
Ходит в свитере почетном,
а по числам по нечетным
отдыхают с ним друзья:
Бог, Спиноза и змея.

* * *

Спят усталые игрушки. Мышки спят и кошки спят.
Одеяла и подушки ждут девчонок и ребят.
Хватит лаять, ставить лайки, телевизор наблюдать.
В этот час зловредный байкер вылезает из кровать.

У него большая шея и отменный аппетит.
Он на тяжком на харлее вдоль по улицам летит,
На машине снят глушитель, на плече фашистский знак.
Трепещи, дремотный житель в теплых байковых штанах!

Байкер! Есть Господня воля. Честь и совесть. Смерть и ложь.
Что ты мчишься в чистом поле, спать младенцам не даешь,
пьешь вино немолодое, кожей черною блестя,
потрясаешь бородою, павианово дитя?

Отвечает выюнош дерзкой: я катаюсь под луной
на машине богомерзкой в плотной куртке нефтяной,
чтобы помнил обыватель, съев барашка и свинью,
словно всякий обитатель, участь жалкую свою.

Дохнет комп. Сгорает дача. Вяжет петельку Атос.
Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утес.
Шумный странник, жизнь чужая, не смешил бы ты меня,
кое-как изображая топот бледного коня.

* * *

На старости годов – вот подлость! – вдруг чувствуешь профнепригодность
и мыслишь: Господи, помилуй! вот несравненная отчизна,
вот тризна, призрак коммунизма, вот прах отчества в горсти.

А где любовь? Где свет и жалость? Измена, братцы. Все смешалось
в доме Облонских. Зря ты, Лев Толстой, от Церкви отлученный,
бурчал, как некий лжеученый, о смысле жизни нараспев.

Ночь. Репродуктор мой бумажный, хрипя душой семиэтажной,
кидает вдохновенный клич о заговорах, наговорах,
о порохе сухом, о спорах сибирской язвы, – резать, стричь

зовет. Эх, римская скульптура! Ах, обнаженная натура!
Где виды неземных красот? Один лишь Эдичка Прилепин,
(как в гневе он великолепен!) портянку честную жует.

Вообще-то лирик, иногда я, как все, над родиной рыдаю.
Молчу, под утро водку пью. Сержусь, мягчею, умираю.
И говорю: не надо рая. Отдайте родину мою.

* * *

У фонарей, где хлопья снега тают,
где голос плоти теплится едва,
невидимые ангелы летают –
беспольные ночные существа.

Зачем – Бог весть. Не дышат, но играют.
Не знают ни заботы, ни труда.
Поют. Разносят вести. Проплывают.
Не пьют. Не существуют никогда.

А я еще носить умею имя
и отвечать вопросом на вопрос –
но спорить не осмеливаюсь с ними,
печальная машина без колес.
Немного водки, осени немного.

Умыть лицо. Обнять родной порог.
Изготавливать суглинистого бога
из месива проселочных дорог.

Мы лузеры, мы оба в мелком ранге,
но все-таки не улетай, постой, —
храни меня по имени, мой ангел,
фантомной боли доктор золотой.

Нью-Йорк

Валерий Черешня

Городское трио и вальс

ВОДА

Воды смеющиеся рты,
кипенье пены у причала...
Как по-русалочки влекли
твои дразнящие черты,
пока ты рябь себе вязала.

Вбирать в себя и отпускать –
живая жадность отраженья,
учись умению ласкать
без присвоенья и вторженья.

Твое всему и вся – люблю,
твоя отзывчивая влага
искрящаяся, бытию
быть зеркалом, какое благо!

Когда, как жук ползущий, жуть
на гладь реки наводит катер,
вскипает недовольно муть
и небо комкает, как скатерть,

но, наградив в сердцах гранит
пощечинами в переплеске,
вновь успокоившись, лежит,
как женщина, в зовущем блеске.

В ней город нянчит свой портрет,
чтоб люлька ломкая канала,
кроша на корм дрожащий свет,
осколки сумерек качала,
пока не догорит дотла
закатная змея ползучая.

Подруга хаоса и случая,
работает всю ночь вода,
выбалтывая мысль текучую.

ВЫХОДНОЙ

Анатолию Заславскому

Бежит солдат по переулку
на долгожданную прогулку,
он матерщинник без затей;
он завернет, пропустит кружку,
обнимет скорую подружку
и разведет протяжный клей.

Стоят бездымные заводы,
на них холодный дух природы
шершавой изморозью сел.
На самолет неторопливый,
звнящий точкой комариной,
разинув рот, глядит пострел.

Морозный запах апельсинов,
упорство дивное спортсменов,
в избытке заселивших край;
кривые стекла магазинов,
за ними лица манекенов
и скачущий по ним трамвай.

Майор сдувает пену с кружки,
обходит спящего пьянчужку
и гордо думает о том,
что он умрет не пьяным вором,
не как собака под забором, —
в уюте, созданном трудом.

Иди и знай, как повернется...
В квартирах медленно живет
большим количеством людей.
Они выходят на прогулку,
солдат бежит по переулку...
Таков пейзаж воскресных дней.

ПРОВОДА

Пересечение проводов, ломтей небесных блюд,
кривая песня городов, косой нарезки чудо.

Густая арфа гулких крыш, линейки нотной невод,
когда взметнется ветер: «кыш»! – и голубь прыснет в небо.

Сигая смело сверху вниз, убившись в крышу склада,
он черным животом провис и режет тело взгляда,

зато мелодия легка его подъема-спада,
когда под дудочку столба он пляшет до упада.

Путепроводы проводов, столбов немая свита,
в побеге белой ночи снов из склепа лабиринта,

держа спасительную нить влюбленной Ариадны,
по набережным побродить, где люди бродят стадны,

где изувеченный закат течет расплавом в вены, –
так золотом в глазах горят мозаики Равенны,

так в путанице проводов, водой каналов морщась,
лаокооны городов встречают утро, корчась.

ВАЛЬС

Вот Ничто,
вот в начале Ничто проступает,
полым светом тебя пеленает
на обочину жизни кладет, –
все придет.

Все придет,
все придет и себя раскроет
в силу силы – чего оно стоит,
превращаясь, вращаясь, любя
в тесном мире тебя.

В тесном мире тебя
звук течет изнутри, расширяясь
до кустов и деревьев, вплетаясь
в молодые побеги листвы
той весны.

Той весны,
той весны сны и сны, и подруга
водит сердце по глупому кругу:
раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, —
все сотри.

Все сотри,
все сотри до последней картинки,
настоящего мелкие льдинки
письмена высекают морщин —
ты един.

Ты един,
ты един, выходя на поклоны
ветки в ветреный вечер, на склоне
жизни видишь: а вот и лицо,
вот Ничто.

Вот Ничто,
вот Ничто через все проступает,
тонкий занавес жизни снимает,
в тайничок во Вселенной кладет —
там схоронится, не пропадет.

Санкт-Петербург

Елена Катишонок

Счастливым Феликс

Маленькая повесть

Дина и Феликс познакомились в очереди. Не в вульгарной давке за копченой колбасой или даже апельсинами, и не в благородной очереди за книжным дефицитом, а в очереди в приемную комиссию. Оба страстно хотели стать геологами и потому принесли документы в Горный институт родного города, который назывался в те времена Ленинградом, и невозможно было представить, что когда-нибудь он снова превратится в Петербург, тем более – «Санкт».

Девушка стояла перед Феликсом, и ему была видна тонкая шея с нежным русым завитком посередине – точь-в-точь вялый перевернутый вопросительный знак. Хотелось на него дунуть. Волосы были завязаны «хвостиком» на затылке. Сдавая документы, девушка обернулась и тревожно взглянула на Феликса. Пока полная женщина, член комиссии, выписывала ей экзаменационный листок, Феликс прочитал имя: Палей Дина.

Феликс окончил школу с золотой медалью и в приемной комиссии не задержался. Когда он выбежал из института, девушки не было. Сдавать экзамены ему не нужно было, но зачем-то он пришел на самый первый и долго толкся в коридоре, пока из двери аудитории не показалась Палей Дина. На щеках у нее полыхали алые пятна, лицо было несчастное, большой палец она по-детски держала во рту, прикусив ноготь. При виде Феликса девушка не удивилась, только горестно покачала головой. «Все пропало, – сказала убитым голосом, – я не решила.»

Феликс усадил ее на скамейку тут же, в коридоре, и заставил повторить условие задачи. Решил и поднял глаза: «Так?»

Дина, как выяснилось, решала более громоздким способом, но, судя по ответу, верно.

То, что Феликс наблюдал, было воскрешением из мертвых: она оживала на глазах. Когда ожила полностью, они пошли есть мороженое. Там же, в дверях института, Феликс взял ее за руку.

И больше, казалось, эту руку не отпускал...

После каждого экзамена он встречал Дину, привыкнув уже к закушенному ногтю, а на следующее утро прибегал в институт и бро-

сался к вывешенному списку, выискивая строчку «Палей Д.» и холодея при мысли: вдруг не найдет?.. Потом встречал Дину и брал – уже привычно – за руку. Это продолжалось с первого по пятый курс, и все это время Феликс не отпускал Дининой руки, вел ее, в самом буквальном смысле, сквозь все премудрости геологических наук. Все предметы давались ему на редкость легко, в то время как она в отчаянии закусывала ноготь, продираясь сквозь палеонтологию, минералогию, геофизику...

Поженились они на третьем курсе – так, не размыкая рук, и вошли в ЗАГС. И не потому, что в этом появилась существенная необходимость, а просто шли мимо, переглянувшись... и Феликс решительно взялся за ручку двери.

Диночка легко рассталась с фамилией Палей – палая листва, пух с тополей, и стала – в соответствии с законодательством – Диной Заенчковской. Хотя могла бы не торопиться, думала с застывшей улыбкой мать Феликса, только что ставшая свекровью. Как всякая мать, она не спешила видеть сына женатым, но если уж это случилось, то пусть бы рядом с ним стояла красивая, яркая девушка, а не эта... глιστα в обмороке. Заенчковский-отец, считая себя человеком в высшей степени терпимым, отметил мысленно Диночкину недокормленность и удивился: что сын в ней нашел?..

Феликсу, понятно, такого вопроса не задавали – привыкли за несколько лет видеть Дину в доме, но надеялись, что сын-отличник помогает отстающей однокурснице постигать премудрости геологии, не более того.

Оказалось, намного более.

Сама того не зная, их чувства полностью разделяла красивая, яркая девушка – староста группы, умница и всеобщая любимица Алена Локшина, давно мысленно примерявшая фамилию Феликса. Не потому, что своя надоела, а просто была уверена, что нашла бы куда лучшее применение его фамилии, чем эта недотыкомка, не отличающая гранит от граната, которую за ручку водят, и кто? – Феликс, Феликс!.. Алена держала большой букет и старательно расправляла цветы. Одна роза сломалась, и черт с ней; перебьется Дина-сардина. Черт с ней, черт с ними...

Диночкины родители улыбались, но было видно, что у Палеев собственная гордость: нежная, хрупкая Диночка почему-то выбрала Феликса; пусть он попробует не соответствовать – о большем не мечтали.

В общем, и те, и другие родители мысленно считали происходящее неравным браком. Как будто существуют браки равные, усмехнулся про себя Диночкин отец. Конечно, если бы спросили его

мнения... Только его мнения давно никто не спрашивал; он вздохнул и перевел взгляд на молодых, ревниво любуясь зятем.

И ничего удивительного. Хорош собой был Феликс и похож на рыцаря – римский профиль, темно-серые глаза, а волосы золотистые и густые, мұка для парикмахеров: «Здесь немножко проредим, молодой человек, а то волос будет плохо лежать». Не каланча, но на голову выше маленькой Дины, и широк в плечах. Одним словом, рыцарь в новеньких свадебных доспехах.

...Их миновала чаша проживания бок о бок с родителями, поскольку за полгода до свадьбы умерла Динина бабка, и Дину прописали на жилплощадь деда, чтобы старику было не так одиноко, и вообще... прописка никому не мешает. Дальновидное соображение очень помогло. Старик, оставшись один, затосковал, и гой в качестве мужа любимой внучки не прибавлял оптимизма. Хотя молодой человек обходителен и заботлив, он не покупает печенье с орехами, мученье для вставных зубов; однако печенье печеньем, а всем известна любовь поляков к евреям. Куда мир катится?.. Старик умер, так и не найдя ответа на свой вопрос.

Дина с Феликсом ждали распределения на Дальний Восток или в Сибирь, где самая романтика, ведь они не так давно перешагнули за двадцать, а календарь показывал конец шестидесятых, и спрос на романтику был высок.

Придя в институт с золотой медалью, Феликс окончил его с красным дипломом. Он устал за последние месяцы, потому что писать пришлось не только свою, но и Диночкину работу; защитилась она на четыре балла.

За неделю до распределения все выпускники-геологи должны были пройти флюорографию. Несмотря на то, что многие хорохорились – черт возьми, мы – взрослые люди, дипломированные специалисты! – пришлось-таки подвергнуться ненужной процедуре. В результате вопрос о Диночкином распределении был отложен, зато назначены новые обследования ...которые подтвердили ТБС. Туберкулез.

Как – ТБС? Откуда?! Многие студенты курили, курила и Дина, а что закашливалась, так это дешевые сигареты виноваты. Возможно. Многие курили «Приму», кто-то даже бравировал «Памиром», однако только у Диночки беспощадные лучи высветили каверны в легком. В результате вместо Дальнего Востока или Сибири она попала в больницу – с туберкулезом шутки плохи.

Перед лицом обстоятельств и те, и другие родители засуетились, сплотились, чтобы не сказать – сроднились. Сплочение происходило в квартире Палеев, при никому не нужном остывающем чае.

Диночкина мать дрожащими руками резала торт, одними губами повторяя: «что же делать, что же делать», и Заенчковский с трудом подавлял раздражение. Камвольный комбинат, одно слово. Будучи человеком в высшей степени терпимым, он этим даже несколько бравировал – вот, породнились с рабочим классом. И объяснял, что сваты, хоть и евреи, но всю жизнь работают на своем камвольном комбинате: она, дескать, бригадир, а муж – то ли мастер, то ли начальник цеха, не припомню. Приятели удивлялись, и вот тут-то самое время было пожать плечами: вот, не все евреи – врачи да эйнштейны, понимаешь.

Должность мог «припомнить» только сам Яков Палей. Он поднялся по служебной лестнице до главного инженера крупного камвольного комбината и был благодарен судьбе, что не пошел по творческой части: «космополитов» мели всюю. Через год-другой стало ясно, что кончат трясти одних космополитов, возьмутся за других – например, прицепятся к костюмному сукну, без которого, как ни крути, не обойтись, – и к тем, кто его производит. А тут его перевели в Ленинград – якобы поделиться опытом, наладить производство. Нет, в поезде не взяли, зато в Бологом прихватило Палея так, что прямо со станции в больницу отправили. Что-то там в ребухе... желчный пузырь, что ли, взбунтовался. Когда приехали в Ленинград, его ждал строгий выговор за прогул и понижение в должности. Понижали с особой любовью к космополитам: стал «делиться опытом» в цеху. Через полтора года умер отец народов, и Якова назначили мастером; со временем и в начальники цеха перевели. Жена – в другом цеху, бригадиром... Да ой, лишь бы Динку на ноги поставить! И жевал картонный вафельный торт.

Феликса за столом не было – умчался в больницу к жене, где и сидел, привычно держа ее за руку.

Спокойнее всех была Диночка, потому что готовилась красиво умереть. Она читала, что при туберкулезе женщины хорошеют, а хорошенькие всегда умирают красиво. Как Пат из «Трех товарищей» или дама с камелиями. Наверное, камелии – это вроде лилий, тоже слово извилистое. По-настоящему Дине больше нравились розы, но лилии, конечно, для гроба подходят лучше. Она вздохнула, передернув плечами.

– Замерзла? – вскочил Феликс.

Она грустно улыбнулась и покачала головой. Бедный Феликс, как он будет страдать. И родители. Сама она ничего не будет чувствовать, усыпанная лилиями. Свекровь – ехидина, змея подкольная, – обрадуется, но будет стоять с постной миной, как полагается, а цветы принесет самые безвкусные, какие-нибудь каллы, даже название противное, фу.

Пока Диночка с упоением репетировала нарядную смерть, ее свекровь, ехидина и змея подколотная, взяла судьбу невестки в свои руки:

— Где у вас телефон?..

Один-единственный звонок ничего не решил, но привел в действие людей, как-то связанных друг с другом, и через неделю Дину перевели из районной больницы в НИИ туберкулеза. Серьезное обследование нужно было делать, по мнению змеи подколотной, именно здесь.

Если мать Феликса была змеей, то, скорее, из разряда гремучих, потому что Динины родители повиновались ей полностью: ей виднее, она — доктор... Как Заенчковские не имели понятия о камвольном производстве, так и сваты их не знали, по каким болезням она доктор. И хорошо, что не знали, — Аглая была патологоанатомом. Оба Палея были защищены от осознания дочкиной болезни своей полной медицинской девственностью — Яшин желчный пузырь давно был забыт. Слово «чахотка» звучало жутко, но сейчас ведь не XIX век, и туберкулез лечат! — есть санатории, всесоюзные здравницы, вот у нас на комбинате путевки бывают...

Институт туберкулеза, несмотря на строгое научное название, оказался старой, обшарпанной больницей, чем Дину очень разочаровал. Горевать, однако, было некогда: гоняли ее по разным кабинетам, почти всю кровь на анализы высосали, про бронхоскопию и говорить нечего: концлагерь какой-то. И с Феликсом целоваться запретили, да кто их слушает?..

И тут выяснилось, что необходима операция. Вначале подлечиться, отдохнуть в санатории, — вы же только что диплом защитили? Вот после санатория и прооперируем.

Этого, воля ваша, Динкина мама понять не могла. Лечить-лечить, чтоб у живого человека кусок легкого отрезать?! Уж пускай бы сразу, если без операции нельзя...

Между тем страсти вокруг распределения отшумели. Жаждающие романтики отправились в Сибирь, а Феликс остался на кафедре геологоразведки, чему безмерно радовались мать с отцом и руководитель дипломной работы. Феликс ушел с головой в специальную литературу — не столько по геологоразведке, сколько по легочной хирургии.

Он изводил врачей вопросами об анализах и летел домой с головой, распухшей от цифр. Цифры были тревожными, новые слова — непонятными и зловещими. Какие-то эритроциты (белые кровяные тельца, как объяснила врач), призванные Диночку защищать, вдруг ополчились против нее. Феликс ненавидел эти тщедушные и немощ-

ные *тельца* – казалось, ему, здоровому и сильному, ничего не стоит остановить их рост, однако эритроциты росли и, хуже того, – оседали... где?! Где-то в Диночком теле, продолжая вредить и разрушать. Он тайком утащил у матери медицинский справочник и листал его в троллейбусе по пути в больницу. Там он присаживался к Дине на кровать и брал ее за руку, пытаясь осмыслить прочитанное. Говорил же о своей диссертации, которую задумал написать побыстрее, до Динкиной операции.

Не такой уж фантастический план – свои возможности Феликс знал, однако вмешалось новое обстоятельство: деньги. Зарплата с трудом покрывала самое насущное, а самым насущным были цветы и ранние овощи, которые на рынке стоили дороже цветов. Брать у родителей не мог – оставалось грузить ящики в соседней столовой. Иногда в них были даже апельсины, которые никогда не доходили до меня – Лариска-буфетчица зорко следила за этим. Узнав про жену в больнице, стала заворачивать кулек из грубой бумаги, скрывающий экзотические плоды, но не аромат. На деньги смеялась: «Что ты мне свои рваные суешь, студент?» – и не брала.

Лаборантка-заочница просила помочь с контрольной работой. Взялся с энтузиазмом и набрел на синекуру – стал делать эти контрольные для заочников из других вузов. Столовую все же не бросил из-за дефицитных живых витаминов.

Наступил страшный спасительный день операции – и миновал благополучно. Хирург объяснил: прооперированное легкое надежно прошито танталовыми скрепками, а это означало, что после восстановления Дина вернется к полноценной жизни, – так и сказал.

А что такое «полноценная жизнь»? Как сытый не разумеет голодного, так и здоровый больного. Какая может быть полноценная жизнь под пожизненную диктовку врачей? Дининой судьбой теперь распоряжался противотуберкулезный диспансер. Он отправлял Диночку в Крым и на Кавказ, всякий раз на двойной срок; он же определял режим и питание, что сказалось на ней благотворно. Дине даже разрешили работать – без перегрузок – и, кстати, посоветовали сменить ленинградский климат на более подходящий.

Феликс растерялся. Уехать из Питера, совсем? Но... как? И куда?

Тесть его как раз хорошо представлял куда и, главное, как: Гуревич, уехавший после ленинградского процесса, обещал прислать вызов. И воздух сухой, не хуже Крыма. «Текстильщики везде нужны, – страстно убеждал Палей, – и геологии вашей там хватит на всех.» С последним тезисом нельзя было не согласиться: геологии на земле хватало.

«Камвольный комбинат» с его внезапной идеей застал врасплох

родителей Феликса, но тут обнаружилось, что невестка беременна. В таком состоянии резкие перемены Дине были противопоказаны, и Заенчковские с облегчением передохнули – неведомого инициативного Гуревича можно было выкинуть из головы.

Вот это и называется «из огня да в полымя», думала мать Феликса. Больше всего боялась она, что этот заморыш в куцей юбчонке когда-нибудь станет матерью; боялась давно, с самого ЗАГСа, когда еще не знали о палочке Коха. Сейчас бойся не бойся – в период ремиссии рожать никто не запретит, да и Дина больше не была похожа на заморыша, вот ведь эффект устоявшегося стереотипа! Не то что бы гадкий утенок оборотился лебедушкой, но Дина выглядела поздоровевшей и свежей молодой женщиной, чему способствовала забытая, к счастью, привычка кусать палец. И какая-то новая независимая уверенность в ней появилась – оттого, должно быть, что не каждый день Феликс вел ее за руку, пока в санаториях набиралась здоровья и румянца. Так что, если выбирать между расставанием с сыном или встречей с будущим внуком, Аглая, безусловно, предпочитала второй вариант.

Если Яков Палей и огорчился, то никак этого не выдал. Родит ему Динка внука, а потом и Гуревича побеспокоим, если все сложится.

Феликс обрадовался, что никуда не надо переезжать – пока, во всяком случае. Тем более, что диссертация зависла в странном состоянии: была почти закончена вот уже почти год. Отчего так получилось, думать было некогда: выспаться бы...

К своему трудоустройству Дина отнеслась очень серьезно, несмотря на то, что все твердили: не время. Диночка же тревожилась о рабочем стаже, о коем знала теоретически, зато про декретный отпуск девочки в санатории предупредили. Работать хотела не абы где, а только по специальности. На счастье, у Заенчковского-старшего нашлось знакомство на гидрометеостанции, благодаря чему невестка пробыла метеорологом почти полгода, и в конце каждого рабочего дня к метеостанции подбегал запыхавшийся Феликс. Он встречал жену, брал за руку и вел на остановку. Ленинградская погода, хоть ею теперь ведала Дина, частенько портилась, и стоило подуть прохладному ветру, как Феликс открывал портфель и вытаскивал Динину кофточку: «Надень». Метеорологические сотрудники посмеивались, дамы завидовали.

Через полгода метеоролог Дина Заенчковская ушла в декрет и в положенное время родила девочку. Совершенно благополучно родила, потому что «никто еще от этого не помер», как уверяла Диночкину маму благодущная акушерка. Доктор Заенчковская могла бы оспорить это мнение, но промолчала.

Золотоволосая и сероглазая дочка получилась копией Феликса, словно Дина не имела к ней никакого отношения. Молодая мать очень похорошела после родов. Она не кормила грудью, но молочная кухня исправно поставляла бутылочки со смесью, которую девочка покладисто и быстро поглощала, – и так же быстро покрывалась сыпью диатеза. Феликс добывал импортные порошки всеми правдами и неправдами – судя по цене, скорее, неправдами.

Про незаконченную диссертацию Феликс старался не думать: успеется. Главное, что диатез отступил. Юлька была на удивление спокойным ребенком: она терпеливо кряхтела в ожидании, когда ей сменят мокрые пеленки, потом истово сосала заграничное молоко, пока серые глаза не заволакивало дремой. Всю ночь она спала спокойно, как и Дина, свято соблюдавшая режим девятичасового ночного сна.

Феликс осторожно двигался по квартире, собирая разбросанные вещи, развешивая выстиранные подгузники и пеленки. О том, что где-то в мире существуют дайперсы, он не подозревал, а мыл посуду, начиная с молочных бутылочек. Одна лежала на письменном столе, прочно приклеившись к разложенным страницам.

Он даже не огорчился – обрадовался: бутылочка помогла принять решение. Ничего не сказав ни жене, ни родителям, Феликс оставил университет. Он ушел в какую-то проектную организацию, которую про себя неуважительно называл «конторой», где стал работать сдельно. Получал конкретное задание, набрасывал план, чертил схемы; в конце месяца заполнял наряд и передавал в бухгалтерию. Домой теперь приходил с тубусом, где покоились свернутые чертежи; в портфеле носил справочники по гидротехническим сооружениям. За письменным столом поселился толстый рулон миллиметровки. Когда рулон худел, Феликс приносил с работы новый. Деньги тоже приносил другие – в смысле, те же советские деньги, только больше.

На той миллиметровке дочка сделала первый рисунок, изобразив амёбу с длинными зелеными щупальцами, но уверяла, что это мама. Спасибо бутылочке – решение было принято верное. Денег почти хватало на жизнь. Теща вышла на пенсию, помогала с Юлькой и по хозяйству. Диночка вышла на работу, «а то ведь я не расту профессионально». Феликс опять стал носить в портфеле кофточку, встречал жену после работы.

– Счастливая... – вздохнула сотрудница, глядя в окно.

– Нет – счастливый, – загадочно поправила другая.

Возводились новые гидротехнические сооружения – и ремонтировались старые, так что Феликс работал по совместительству в двух

«конторах». Дочка пошла в первый класс. Недописанная диссертация быльем не поросла, разве что покрылась пылью, хоть и лежала в нижнем ящике письменного стола. «Успею, – заверял родителей Феликс, – времени достаточно.» Тем не менее, времени постоянно не хватало. Нерадивые студенты не переводились, и по ночам Феликс делал для них, вернее, за них – контрольные работы; зато не переводились и свежие фрукты, живые витамины, необходимые теперь двоим: Дине и дочке. Буфетчица Лариска давно не называла его «студентом»; она просто заворачивала в грубые кульки дефицит, хотя Феликс давно не разгружал ящики.

– Все болеет? – спрашивала Лариска с боязливым любопытством здорового человека. – Ты заходи давай.

Диночка не болела, нет; а все же Феликс со страхом ждал очередной проверки, – жену периодически вызывали в тубдиспансер, и Феликс шел с нею, крепко держа за руку.

Юлька превратилась в очаровательного подростка. Звонили мальчишки, один даже из девятого класса! Отец Феликса перенес инфаркт, а его сват, «камвольный комбинат», – не перенес. Далекий Гуревич об этом не узнал, потому что умер еще раньше. Феликс уже не взбегал на четвертый этаж, а поднимался размеренным шагом. Его золотистые волосы потеряли пышность и потускнели от седины; парикмахеры давно не предлагали «проредить» их – об этом позаботилась природа. Та же природа теперь одарила Диночку женственностью, которой ей так недоставало в юности: плавными движениями, неторопливой походкой – откуда что взялось? – свежей кожей. Никто не распознал бы задохлика и бледную немочь в этой цветущей женщине, которая выглядела намного моложе своих сорока с небольшим лет. На работе к ней по-прежнему относились бережно, не перегружали, зато дали старшего инженера, вот вам и профессиональный рост.

И все было замечательно, пока Феликс не вытащил из почтового ящика желтенькую открытку из диспансера. Открытка почему-то была адресована ему.

Дининогo фтизиатра он знал со времени той злосчастной физиотерапии. За прошедшие годы докторша погрузнела, поседела, но продолжала работать.

Он приготовился к самому плохому, отчего забыл поздороваться; уходя, не попрощался, если не считать бессмысленной, счастливой улыбки. По пути домой снова и снова проигрывал в голове слова врача. Полное выздоровление. Танталовые скрепки надежно держат исцеленное легкое. Функциональная компенсация. Нормальный режим. Перестаньте нянчить жену.

Весна кончалась торжественным днем: Юленька окончила школу. Все разглядывали новенький аттестат и забрасывали девочку вопросами и советами, куда поступать; а в том, что это произойдет, ни у кого сомнений не было, с ее-то оценками!

Юлька радостно выдохнула, что выходит замуж, и предъявила жениха, насуспенного от робости и лопоухого, как Чебурашка. Замуж? Прямо со школьной скамьи, без образования? Ну, почему же – будем поступать на физмат. Лопоухий кивнул.

И наступил один из ясных, светящихся дней осени. Феликс выдвинул ящик письменного стола, когда-то назначенный склепом для недописанной работы, и вынул рукопись. У ног его стоял раскрытый портфель.

– Дина, – голос его был спокойным, как всегда, – я ухожу.

Жена снимала бигуди, и поднятые руки на несколько мгновений замерли.

– Зайди в гастроном на обратном пути, – напомнила Дина.

Феликс посмотрел на жену. Свежее бело-розовое лицо, веки чуть припухли от сна, русая прядка спускалась на шею перевернутым вопросительным знаком. Он улыбнулся и покачал головой.

Может быть, Дина не могла отличить гранит от граната, как некогда шутили однокурсники, но мужа своего она знала. Подойдя близко, со всей силы пнула портфель. Оттуда выскользнула Динина кофточка и вывалилась, зацепившись корешком, толстая техническая книга. Посыпались исписанные страницы.

– Ты!.. Ты голый и бóсый уйдешь отсюда, – сдавленным голосом, захлебываясь, проговорила Дина, – голый и бóсый!.. Тут ничего... Тут нет ничего твоего!

Она расшвыривала ногами листы, яростно топтала их вышитыми атласными тапочками.

Феликс поднял с полу книжку, потряхнул и сунул под мышку; кофточку положил на стул. И пошел к двери.

– Ты... куда? – настороженно спросила Дина.

Муж обернулся.

– Жить.

Маргарита Меклина

Слоны Ганнибала

I

Нога была отставлена в сторону как ненужный предмет. Безжизненно белая, с непрямыми, какими-то кольчатыми волосками – как будто только выросшие, они уже стремились обратно, – она утратила все свои функции. Надутая, полная от природы икра, распухшая из-за расплывающегося на ней безгранично-бордового синяка. Это большое, насыщенное синим, красным и желтым пятно накрывало почти всю творожистую, выглядящую рыхлой поверхность, через которую проходила красная, с зазубринами по всей длине, царапина, – будто стрела!

Неизвестная женщина набросилась на Адель, когда та собралась в Швецию к виртуальному бойфренду. Он так мечтал ее увидеть вживую, что, одурев от Скайпа и ожидая секс-сказку, решил ускорить сближение – и оплатил ей билет.

На «встречи» с ним Адель надевала леопардовую, пятнистую шкуру прямо на голое тело и распахивала ее на груди, ведь на расстоянии невозможно было определить, что шкура искусственная, приобретенная в «Пенисе»* всего за шесть евро, – и этот стратегически истраченный шестерик, а также повешенный на шею, мигающий, как в диско, велосипедный фонарик, и повлекли за собой шестьдесят пять, которые шальной швед выложил, чтобы погладить ее густой, настоящий, слегка серебристый, прореживаемый только перед ожидаемым совокуплением мех.

Но все равно необходимо было раздобыть шведские кроны на карманные деньги. Сама Адель скрывалась от не отпускающего ее мужа-мужлана на окраине Дублина, на чердаке литовской хозяйки-оторвы, так прекрасно ругавшейся матом по-русски (в советское время она трудилась в порту), что чувствительная к языку Адель не хотела от нее уезжать. Правда, чердак был завален бутылками с самогонном, который хозяйка гнала из самовыращенного в саду винограда, и еще какими-то склянками с выходящими из них отростками-

* «Пенис» – магазин дешевых товаров под названием «Penney's»; русскоязычные эмигранты произносят это название как «Пенис».

трубочками, а также нарядами, в которых она в молодости щеголяла в Литве (причем Каунас стратегически отличался от Паневежиса, и все паневежцы были вежливы и интеллигентны, зато выходцы из Каунаса считались хозяйкой «куку»), и поэтому Адель и ее продолжавшая пухнуть, но не пахнуть, нога со скрипом туда помещались.

Адель периодически смазывала абстракционистское смешение красок и царапину на икре антисептическим кремом «Боро плюс», который ей неизменно дарила на Восьмое марта сестра. Он придавал ноге шелковистость и мягкость. Однажды, поднимаясь с только что вымытой и смазанной кремом ногой по скользкой винтовой лестнице на холодный чердак (в крыше было окно и туда, на стекло, часто приходил воющий, с вонючим ртом, кот и топтался настойчиво, так что стекло прогибалось, и Адель опасалась, что приваживаемый литовской лэндлордшей смрадный мерзавец своим весом проломит окно и провалится в комнату); Адель поскользнулась, неловко упала и пересчитала позвонками ступени, съехав на заднице вниз – подвел подаренный хозяйкой-оторвой рождественский, с помпончиком, разрисованный ужасно-красными удалыми снежинками тапок. Подошва у него была скользкой и совсем не ребристой – как лед. Второй тапок слетел с переносимой под мышкой ноги и оказался в самом низу лестницы, где его сразу же приняла за игрушку собака хозяйки – ее звали Лита, в честь денежной единицы Литвы, – и принялась увлеченно трепать.

Целительница, которую Адель навещала по понедельникам, говорила, что муж (его звали Деклан, и его имя совсем неслучайно рифмовалось с мужланом) притянут к ней невидимым тросом, который необходимо разрезать. Пытаясь его разорвать, она щелкала поочередно правой и левой рукой. Затем произносила: «Золотой люющий свет, разорви связь, заземли», – и принималась стучать пальцами то по лбу, то под носом, то по щеке и спрашивать Адель о самых неприятных моментах. Считалось, что таким образом Адель забудет все болезненные эпизоды жизни с покинутым, но непокорным и коварным мужем, и станет собой.

Муж Адель жил в Малиновой Голове, в самой северной точке Ирландии, заселенной овцами с розовыми и зелеными метками на пожелтевшей свалывшейся шерсти, и веселыми барами, а больше – кроме торфяников, тоски и туманов – там не было ничего. Периодически он приезжал к дому Адель, обычно вечером, уже в темноте, когда во всем Дублине становилось пронзительно холодно и безлюдно, – и бессловесно, в мерзкой мороси, пропитываясь мокрой мглой, стоял под дверями. Таким образом он звал ее обратно к себе и к сыновьям, в свою суетливую, засоренную случайными бумажками и очистками сырость; клялся, что у него так и не было после нее женщины и что

если он заведет новую подругу жизни, то это будет собака. Или лайка, или добродушный, с купированным хвостом, фокстерьер. Так его задела Адель. Так в него запала и саднила раной Адель.

Темнокожая женщина схватила и затрясла огромный стенд, и он начал падать. Он валился прямо на Адель, а та стояла, распахнув глаза, и не могла сдвинуться с места. Она не могла сдвинуться с места и все предыдущие десять лет, когда ее муж падал, падал на нее в их обширной общей кровати, давил ее своим животом, вспарывал изнутри своим жезлом. И железный стенд опрокидывался на нее, падал, распарывал ногу, – и она, как бы зная, что так и должно быть, не могла отойти. Долго не могла уйти от него. Выползти из-под его железного живота, избежать его совокуплений и сотрясений.

Женщина-африканка в красном, вызывающем опасения яростно-ярком платке, прежде чем разгромить помещение, нервно потрясала перед круглой дыркой окошка каким-то важным для нее документом, но Адель, пришедшая в этот офис на О’Коннел Стрит в Дублине, чтобы купить шведские кроны, была так заинтересована происходящим, что, не думая о последствиях, встала прямо за ее спиной, с разъявленным ртом наблюдая за развитием сцены.

Так же Адель наблюдала за своим десятилетним, долгим – и, как впоследствии оказалось, *долговым* – браком, не замечая, что он валится на нее, заваливает ее вихрем счетов и открыток из оплаченных ею путешествий.

– Деньги, когда вы выдадите мне мои деньги!!

– Предоставьте нам документ.

– Почему вы не даете мне деньги? Я никуда не уйду, пока не получу того, что мне нужно!

– Нам нужен ваш паспорт.

– Вот мои документы!

– Но чтобы выдать вам деньги, нам необходимы другие!

Лицо объясняющего ситуацию клерка было смущенным. Чем больше металась и бесновалась темнокожая женщина, тем больше взглядов метал на своих коллег прижавшийся спиной к стене клерк. Но он был защищен стеклянной перегородкой – Адель же, как оказалось, была беззащитна, бесправна. Муж за ее спиной растратил все деньги. Все семейные сбережения. Все их начерноденные накопления. И тоже тряс какими-то бумажонками, говоря, что подаст в суд, если она уйдет от него. Что безжалостно заберет все: дом, детей, домашнюю утварь, все добришко ее; все, что ей дорого. Заберет и потом еще растопчет ногами.

Неожиданно африканка схватила лежавшие у окошка буклеты.

Они взметнулись вверх, будто птицы. Адель заворуженно следила за ней. Клерк со вздыбленными бровями тоже следил, защищенный прозрачной оградкой. Буклеты взлетали вверх, и Адель глядела на них в гипнотическом трансе, не замечая, что женщина обхватила руками стенд и принялась им потрясать. На стенде были открытки с картинками и картами путешествий, визитки, реклама туров – на Коннемару, в Донегал, в Белфаст, на Аранские острова. Все это полетело в лицо Адель как метель. Она не сразу сообразила, что вслед отправился стенд. Она попыталась отскочить, но было поздно. Она стояла прямо посреди создаваемого этой незнакомой женщиной хаоса. Стенд со всей силы ударил ее по ноге.

Все десять лет с мужем полетели в лицо, как только она узнала, что он украл все их деньги, украл и потратил на коллекцию старинных пластинок, на беззубый беззвучный граммофон; на бесполезные, струящиеся по полу, пленки; на голоса призраков; на бочонки из воска.

После того как на нее упал стенд, нога отвалилась, и Адель принесла ее к себе на чердак в Бланчардстаун, раздолбайский рабочий район, где скрывалась от мужа, и принялась фотографировать и помещать снимки оплывшей, расплывающейся ноги в Фейсбук. Район имел такую славу, что однажды, когда с забора спрыгнули трое парней и пошли наискосок навстречу Адель (времени было полночь), она проворно вынула нож, раскрыла его, не скрываясь пред ними, и побежала прямо на них, с блестящим ножом в руке. Так и бежала, не останавливаясь и блестя, не выпуская ножа, до самого дома, радуясь, что они отступили, и никто ей не дышит в затылок.

Синяк заполнял весь экран. Она не знала, как еще сообщить друзьям, что ей плохо, что она панически боится непрекращающихся угроз и шантажа мужа, что у нее все болит. За нее теперь говорила нога. Утром она появлялась сфотографированной в едва пробивающихся сквозь стекло лучах света. Днем – на шерстяном одеяле. Вечером – на кухне на полу рядом с плитой, где стоял коврик, в которм Адель варила грибы. Здесь, в Ирландии, похоже, были лишь «пуговки», но и в них надо было привередливо копошиться, отделять ножку от шляпки, заглядывать «под ногти» грибов, вычищать грязь. Нога терпеливо ждала рядом с плитой, пока Адель занималась приготовлением пищи. Иногда она надевала на стопу серый носок, чтобы оттенить становящийся багровым синяк; иногда – радужные разноцветные гетры. Это делалось для разнообразия: для того, чтобы ее приятелям не стало скучно. Они так привыкли к ежедневным ее обновлениям, что с нетерпением ждали фото ноги. С подсветкой, укутанной в шерсть, выходящей под мышкой на променады или лежа-

щей на стуле. С красочными краткими подписями. Муж Адель был добавлен в группу «знакомых», потому что Адель не хотела, чтобы он видел, что без него ей приходится туго (но еще хуже ей было с ним), и поэтому за приключениями ноги не следил.

В отличие от друзей по Фейсбуку – которые приходили в восторг от всех ее репортажей, очевидно, принимая их не за настоящую жизнь, а за фейковый фильм. Но иногда Адель становилось так тошно, что, сфотографировав ногу, она запихивала ее с глаз долой под кровать. Синяк, как и нога, жил своей жизнью: сначала он был, как ему и положено, – синим, потом пожелтел, затем принялся резко темнеть. Нога же стала еще более безжизненной и отчужденной, потому что теперь она существовала отдельно от тела. Адель понимала, что нога – и, вообще, все происшествие с разудалой разбойницей – были сигналом. Этот синяк – тайный знак, недаром «знак» и «синяк», – но вот что он значил, еще предстояло узнать.

В конце марта, когда она садилась в идущий в аэропорт зеленый автобус под номером 747, чтобы отправиться к шведу, у нее порвался правый ботинок. Развалился на части; прежде крепкая, надежная обувь разинула зев, и Адель призадумалась, зачем же ей сдался этот зашибленный швед. Ботинок принадлежал правой ноге, а отставленная нога была левой. Как будто Адель пытались полностью обезножить: сначала отняли левую ногу, а потом затруднили поступь правой, и поэтому она приказала себе не спешить.

Не окутаться с головой «и ногами» в новую страсть.

И действительно, швед встретил ее неприветливо, не поставил в вазу букет цветов, который она привезла, выпил подарок – бутылку портвейна, умял шоколадные яйца, а потом без предваряющих коитус, не зря перевозносимых прекрасным полом прелюдий, склонил к своей потной постели с электрическим одеялом, хотя буквально за секунду до этого яро божился, что не может любить ее во всю силу своего сердца, ибо до сих пор оплакивает бывшую пассию, замерзшую на улице пьяной, пока вся страна, не замечая сирых, пропащих, голодных, холодных, праздновала Рождество.

Вскоре Эдвард, шведский бойфренд, из-за которого она потеряла в офисе обмена валюты левую ногу, был позабыт. И он вряд ли являлся подходящей кандидатурой на нового мужа, с его дефицитом внимания, душевного обогрева и теплоты. Теплоты, которую он замечал наличием обогревателей в своей тесной квартирке. В каждой комнатке их было по три. И еще у него наличествовала такая привычка: он развешивал выстиранные подштанники на деревьях и сразу же о них забывал. Или вот еще что было не очень приятно: две девушки, которым он как-то помог разжечь костер (и разжег их любо-

пытство своими рассказами о радиоактивном реакторе, а также изотропном обогревателе, который, якобы, изобрел), пожаловались учителям, что он дотрагивался до кончиков их косичек в процессе зажигания спичек – а также чуть ниже. По городку о нем поползла нехорошая слава, и Адель, еле унеся правую ногу в порванной обуви из Гетерборга, надеялась, что следующая встреча, наконец, принесет ей любовь.

II

Однако, когда она встретила Шеймуса, который занимался продажей и починкой подержанных велосипедов и в первую неделю знакомства казался ей идеальным, и поплыла с ним на Аранские острова, она повредила плечо. Произошло это так: Адель собиралась сказать Шеймусу, что не уверена, что хочет быть с ним (шла вторая неделя знакомства). Для этого она приобрела бутылку вина. Они приплыли на остров и сидели на скамейке у самых ног океана, намазывая на хлеб свиной паштет и отхлебывая вино из бутылки. Складной, с оранжевой пластмассовой ручкой нож (Адель любила все яркое) периодически измазывался паштетной коричневой массой, и Адель пыталась снять ее мятым кусочком туалетной бумаги. Шеймус торопился показать ей, как хорошо он умеет кататься. Хотя он крепко выпил, он прекрасно стоял на ногах, в своих штанах с кучей карманов, которые так ему шли. В своей непромокаемой, непродираемой морозами куртке, на рукаве которой было написано «Super dry» и еще что-то японскими иероглифами.

Адель, тоже выпивши, попыталась спросить, как тормозить, но Шеймус не слушал. «Нужно жать на левый и правый или только на правый?» – спросила она. В детстве Адель каталась на «Ласточке», останавливающейся, когда она крутила педали назад. Шеймус уже выходил из сарая. Хозяин велосипедов попытался что-то сказать и объяснить, но Шеймус, не слушая, гордо бросил ему: «I am a cyclist». От шлема он презрительно отказался. Адель попыталась всунуть голову в розовое сплетение пластмассы и принцессиных блестящих, но затем тоже отложила шлем в сторону. Буйная голова! Шеймус ловко поехал вперед по незнакомой дороге, и Адель увеличила скорость. Она решила, что узнает о торможении уже на ходу.

Расстояние между ними становилось все больше и больше, и Адель, в поту от тринадцатиградусной бутылки вина под названием «Барон Сэйнт Джин», опасалась, что не догонит. Дорога, посыпанная крупным гравием, шла под откос. Джин из бутылки поддавал жару. Остров был залит солнечным светом. Казалось, что прежде застоявшаяся жизнь пошла намного быстрее. Адель все увеличивала и увеличивала скорость, чтобы показать, что даже и с поврежденной

ногой умеет кататься (на время поездки пришлось ее прицепить). Неожиданно картинка сменилась. Они больше не ехали друг за другом в тандеме. Некогда было разглядывать солнце. Шеймус без предупреждения затормозил, причем так моментально, что Адель увидела себя летящей прямо на его «Super dry». Сейчас она собьет его с ног. Она слышала визг и стоны песка. Без раздумий, инстинктивно, изо всей силы сжала левый рычаг. Так работала ее советская «Ласточка». Либо резко крути педали назад, либо используй единственный ручной тормоз. Чтобы не врезаться на полной скорости в Шеймуса!

Ее переднее колесо оставило на дороге глубокий след, заднее же продолжало крутиться. Адель подкинуло в воздух. Она не могла понять, что происходит, – только поняла, что летит. Щебенка становилась все ближе. Ее буквально выбросило на дорогу. Она упала всем весом на левую руку и сразу почувствовала в левом плече дикую острую боль. В непонятной согнутой позе она продолжала лежать на беспощадной щебенке, не в состоянии разогнуться и встать. К ней подбежали. Адель была в шоке. Она никого не могла сейчас видеть. У нее не было никакого желания сейчас что-то менять. Ее болевые ощущения были настолько сильны, что она решила оставить поврежденную конечность на острове, вместе с этой непереносимой, ноющей болью. Отстегнуть левую ногу, отшвырнуть поврежденную левую руку вместе с плечом, оставить все позади и не возвращаться. Однако у Шеймуса, которого не оставляло чувство вины за то, что он затормозил так невовремя, был другой план.

Он продолжал повторять: «Прости. Прости. Я затормозил потому, что вспомнил, что забыл объяснить тебе, что нужно жать сразу на два рычага! Каждый отвечает за одно колесо. Ты на большой скорости нажала лишь на один, переднее резко прекратило свой бег, заднее же продолжало вертеться – и велосипед ‘полетел’».

Он сразу же протрезвел и сказал, что на острове ее не оставит, а поедет с ней в госпиталь. Проезжающий мимо тракторист, ирландец с серьгой в правом ухе и с сигаркой, в запачканных масляной краской штанах, отвез их в местную неотложку. В допотопной островной неотложке ей объяснили, что у них нет рентгеновского аппарата, повесили ее руку на самодельную, скрепленную булавками несерьезную привязь и предложили на выбор – или отправляющуюся прямо сейчас лодку, или маленький самолет.

– Вас нужно немедленно эвакуировать. Что вы предпочитаете: воздухом или по морю?

Адель, подтягивая брюки (в бедро ей вкололи какой-то сильнодействующий препарат) ответила:

– Но нам не удалось осмотреть остров!

И они с Шеймусом обошли по периметру остров, отказавшись от лодки и от самолета, и вернулись на обычном пароме обратно.

Госпиталь. Голуэй. Выяснилось, что во время падения одна кость в плече стукнулась о другую. Так силен был удар. Так безжалостно встретила ее покрытая щебенкой, влажная от прошедшего недавно дождя земля. У Шеймуса не попадал зуб на зуб. Он перенервничал и протрезвел. А у нее в ушах звучали стихи:

Солдат под знаменем идет,
Стучит костями ног,
Точь-в-точь, как позапрошлый год
Подковами сапог!

Чтоб не рассыпался в пути
Не скрылся в прах земной,
За ним два санитары шли,
Суровых, как конвой.

Хоть нос истлел, но чтобы нюх
Солдата вел не в тыл –
Шла авангардом пара шлюх,
Которых он любил...

После десяти часов ожидания ее, наконец, провели на рентген, где санитар показал ей на снимке темную полосу, затемнившую одну из двух белых: там, где одна кость вжалась в другую при падении, когда Адель перелетела через руль велосипеда и оказалась на крупном, колющем гравии. Рукав складывающегося в свой собственный карманчик красного дождевика, который ей подарил пару лет назад муж, разорвался, и его пришлось выбросить (Деклан потом несколько раз спрашивал про подарок : «Где твой ‘Винчестер’?» – и сильно расстроился, что дождевика больше нет).

Понял ли он, что вместе с дождевиком марки «Винчестер» пропала ее рука?

Одиннадцать часов она провела в приемном покое. Вечер тридцать первого октября, шел Халуин. Некоторые больные щеголяли масками с нарисованной на них кровью; у некоторых были настоящие, израненные в пивном сражении лица. Адель не могла их различить. Кто был по-настоящему, а кто по-театральному ранен. На стульях восседали бледные мертвецы. Одни побелели от отсутствия крови; другие – от наличия краски на лицах. Кто-то щеголял фальшивыми акульими или дракульими челюстями, кто-то – зияющими провалами

от выбитых в драке зубов. Испитые рты, оспинки, родинки, щербатые лица. Одного парня с перевязанной головой сопровождали два полицейских. Он периодически сползал со стула, и по виску у него текла кровь. Гарды тем временем отпускали шуточки медсестре.

Сначала Адель просто сидела среди людей в страшных костюмах. Какое-то время спустя ее вызвали в другой зал и положили там на кровать с контролируемой высотой, а затем задернули занавеску. Периодически занавеску кто-то отдергивал, и тогда Адель видела полную, надушенную и увлажненную кремами медсестру с аккуратно уложенным кренделем рыжих волос. Стоило Адели на нее посмотреть, как та начинала подмигивать. Адель думала, что подмигивание значило, что ее очередь пойдет намного быстрее, и пыталась подмигнуть рыжеволосой в ответ, но даже после подмигивания ничего не менялось. Независимо от того, задернута была занавеска или нет, Адель слышала: «Сначала мы примем тех, кого привезли сюда на 'скорой' – а уже потом вас». Однако привезенных на «скорой» было такое количество, что Адель продолжала сидеть за своей занавеской. Ничего не происходило. Иногда она садилась на краю кровати, и тогда Шеймус взволнованно подсказывал к ней. Он божился, что обычно ожидание в ирландских госпиталях занимает три-четыре часа, но из-за Халуина все изменилось. «Это тут самая продолжительная, самая беспокойная ночь! – объяснял он. – Люди дерутся, выходят из себя, пьют, и потом им всем нужна помощь.» Затем он задремал, и Адель одна бодрствовала; одна, без Шеймуса, спрашивала у проходящих мимо людей (врачи тут были без белых халатов), когда же примут всех привезенных на «скорой». Однако каждый раз, когда она спрашивала, ей отвечали, что теперь она – следующая, но если привезут кого-то на «скорой», врачи обязаны будут вначале принять их. Когда она настаивала на приеме и осмотре врача прямо сейчас, ей предлагали таблетки. Бело-синюю горсть овальных капсул, от которых ей, якобы, должно стать легче. Когда она отказывалась от таблеток и просила «все-таки посмотреть плечо чуть побыстрее», ей с удивлением и даже вызовом говорили: «Мы вас здесь не держим, разве это тюрьма? Вы можете уйти отсюда в любой момент».

Так и провела она всю халуинскую ночь.

В шесть утра, когда Халуин кончился и поток мертвецов спал, доктор, наконец, ее принял. Весь прием занял восемь минут. Рентген показал, что во время падения одна кость стукнулась о другую, но потом встала на место. Адель решила, что это закономерно и гармонично: «костяное происшествие», имевшее место в халуинскую ночь.

Ей выдали темно-синюю перевязку, которую невозможно было надеть без помощи постороннего человека. Застегнули сзади ремни.

Одной рукой она вряд ли могла бы управиться. И вряд ли смогла бы надеть бесполезную перевязку одна. Как только они вышли с Шеймусом из университетского госпиталя в Голуэе, Адель попросила его расстегнуть все ремни и сунула ненужную темно-синюю тряпку в рюкзак. В госпитале кость еще не стучала, но через пару месяцев после происшествия с падением и тормозами стала хрустеть, и когда Адель плыла кролем или пыталась застегнуть сзади крючки белого спортивного лифчика, кость издавала неудобный, несмазанный звук. Тогда Адель отцепила руку и поставила ее в угол, но даже ночью продолжала слышать похрустывания и поскрипывания, как будто кость во сне от боли стучала зубами. Часто это случалось посреди ночи и будило ее.

А затем она потеряла лицо!

III

К ней приехал муж из своей глухомани и привез детей. Он так и не расстался со своей привычкой кормить их яйцами каждое утро. Как она ни сопротивлялась, кастрюлька с яйцами появлялась на плите каждый день. Обычно муж варил сразу десять яиц, чтобы их хватило на все пять школьных дней. Но несмотря на то, что сейчас у них были каникулы, история с яйцами продолжалась. И на отдыхе они отправлялись на арендованной машине в старинные кельтские поселения, держа яйца во рту. В монастыри. На промозглые кладбища. В музеи, объясняющие восстание 1916-го года и Великий Картофельный Голод. В библиотеки, где книголюбов закрывали в клетке вместе с излюбленной книгой. К хлюпающим носом, чавкающим под ногами горам.

Оба сына держали яйца во рту и не двигали губ. Только чтобы не прожевывать крошек. Не проглатывать белок и желток. Не ощущать вкуса яиц. Они хотели, чтобы яйца просто медленно растворились. Исчезли сами собой. Покинули рот без единого писка. Но яйца распадались на части не так быстро, как им хотелось, и поэтому они оба, исполняясь очей, глядели на маму, моля их защитить. Оградить от того, что находилось в их ртах. Но мама сама не знала, что делать. Как защититься от пришествия наглого мужа, как спрятаться от нашествия назойливого белка и желтка. За тусклым окном косенько моросил серый дождь. Было так зябко, что мороз добирался и до ее белой кости в плече, и до темной полоски. Несмотря на то, что плечо с рукой она отставила в сторону! Очевидно, это была фантомная боль. А внутри в машине сидели ее сыновья, и у них были яйца во рту; одеты же они были в футболки с короткими рукавами, и как Адель ни умоляла мужа достать из рюкзаков свитера или хотя бы

футболки с не вызывающе короткими, а успокаивающе длинными рукавами, муж даже слышать не хотел. Как только они добирались до помеченной им на карте достопримечательности (он все пометил в своей Малиновой Голове еще год назад, когда она ушла от него, как он говорил, «в поисках приключений»), сыновья выходили к ледяному, брызжущему слюной и слюдой океану с голыми руками и ушами, в которые сразу же вселялся проворный ветер.

Но не только от яиц защищалась Адель. Муж, увидев в ее комнате пиво (она могла теперь в один присест выпить восемь стеклянных бутылочек по 0.75 миллилитров), сказал: «Я защищу тебя от себя», имея в виду не свои проступки, кражи и грубость (не стоит забывать, что он умыкнул у семьи сто двадцать семь тысяч евро), а то, что он защитит Адель от Адель. Защитит Адель от бутылок. От четырех градусов дешевого жестяного пива из «Альди». От пяти градусов чехословацкого мокрого «Кракова». От шести с половиной градусов мексиканского пива «Сомбреро» с добавлением мощной Текилы. Наконец, от тринадцатиградусного африканского красного. От одиннадцатиградусного испанского белого. От двенадцатиградусного «Темпранилло». От трех и восьми десятых дешевого, в раскрашенных банках, пива из «Лидла». Он говорил громко и потрясал перед лицом Адели своим кулаком. «Ты не знаешь, что делаешь, что со своим алкоголем творишь, и все за тебя решу я.» Адель попросила его опустить свой большой, одутловатый кулак. Неожиданно для нее он послушался и опустил, но не переставал громко кричать. Опухшее медвежье лицо. Щель нацелившихся на нее глаз. Округлое, будто бы обтесанное полнотелое тело. «Ты не знаешь, что нужно делать, понятия не имеешь, как вести себя, ты должна быть под контролем, и я буду тем, кто спасет тебя от себя.»

Уходя от его кулака, Адель на одной ноге проскакала на кухню. Налила себе хозяйкиного самогона из огромной, почти в половину ее роста, бутылки. Это было сделать не просто, но Адель уже научилась управлять одной рукой и ногой. Хозяйка в юности играла на виолончели и изучала библиотечное дело, а теперь убирала дома у богатых ирландок. Если ирландкам не нравилось, как она чистила полочки или как гладила их ночные сорочки, Эдита (так звали хозяйку) входила в раж и бросала им: «Ну так ищите другую. Попробуйте еще найти такую, как я!» Когда одна из клиенток на Рождество не вручила Эдите конверт с ожидаемой суммой, а вместо этого попыталась сунуть ей в руки бутылку вина, Эдита повернулась спиной и без слов села в машину. В разваливающийся на части маленький «Форд» за четыреста евро, в котором она ездила на уборку и на рыбалку. Клиентка, по-прежнему в добрых чувствах, поспешала за ней.

– Что я, пьяница, что ли, какая? Зачем мне бутылка? Я одна, без этих пьянок-поганок, вырастила красавицу дочь! Ведь на прошлое Рождество эта шалава раскошелилась на сто евро, а сейчас что, обеднела бы от подарка на Кристмас? Муж ее лойер? И сама работает в сэйлсах!

– И что же клиентка? – пока Эдита рассказывала, Адель пыталась представить все происшествие в лицах.

– Бежала за мной с этой поганой бутылкой, чтоб ее разорвало! Не понимая, дурища, как со мной поступила! Растерла своим неуважением об асфальт! Так я села за руль и даванула на газ. Только тормоза взвизгнули. И через стекло плюнула этой гадине в морду. Пока та стояла там с разинутым ртом. Пусть теперь другие глядят ее пиздоблузы!

Ночью Эдите снились сладкие сны. Там фигурировал музыкант, бегущий к ней, – она сидела в первом ряду в зале – клявшийся в вечной любви. Видимо поэтому она купила билеты на Пласидо Доминго – надеясь, что он к ней прибежит. С подтянутыми веками, полная, поглощающая взбитые сливки на тренажере и одним глазом глядящая в телевизор на Путина, ругая «педиков, негров, кривоизогнутых ирландцев» и восхваляя Советский Союз, сидящая на пособии от государства Эдита, – с ее заполонившими холодильник свиными ушами и голубцами из «Литуаники»,* – вызывала в Адели ненависть и интерес.

Адель, слыша приближающиеся голоса сыновей и мужа, рассказывающего им о пользе яиц, долила себе еще самогона. И еще. С этими яйцами нельзя было справиться!

Провела единственной рукой по лицу. Лицо было шершавым. Губы она смазывала кремом, сделанным из сосновой хвои, – его в лучшие времена подарил муж. Для лица, однако, у нее ничего не осталось, и она стала искать крем в хозяйкином ящике. Крем не находился. Зажигалки, пищевая сода, которой хозяйка лечилась от каждой напасти, письма из соцслужб, оповещающие об утверждении инвалидности и наличии соцпакета; длинные «безопасные» спички. Никаких тюбиков с кремом. Адель хотела выглядеть свежей и молодой, несмотря на то, что они с мужем находились в постоянной вражде. Плеснула еще самогона. Если долить еще, хозяйка-оторва все равно не заметит. И еще чуток. Ведь он исчезал так быстро, а она не пьянела! Адель перерыла все ящики, но крема не находилось. Лицо должно быть красивым и эластичным: надо следить за собой! Кроме самогона у хозяйки еще было вино в пластмассовом бурдюке. Адель отлила из бурдюка себе в чайную кружку. Непринужденно зашла в туалет с кружкой вина, будто с компотом. Допила до дна. Поставила кружку

* «Литуаника» – популярный в Ирландии магазин литовских товаров.

на пол. В корзинке накинаны были цветные тампоны. На столике лежал тюбик с кремом. Этот туалет (в квартире их было два) обычно использовался высоченной, невозмутимой хозяйкиной дочерью Годой. За глаза, в Фейсбуке, Адель, рассказывая друзьям о своей жизни на чердаке, называла Году «Сабонисом»*. Ах да, вот тюбик, испещренный литовскими буквами. Адель, спеша, под парами вина, не стала читать. Тюбик был увесистый, новый. Он приятно помещался в руке. Адель начала накладывать крем на лицо толстым слоем. Чтобы кожа была мягкой, красивой. Не для мужа или для сыновей, не для Шеймуса или Шёна. Не для шаловливого шведа.

Адель стали нравиться женщины.

Сверху раздались голоса. Муж с сыновьями спускались по узкой винтовой лестнице с чердака. Сидя на стульчаке, Адель заторопилась и принялась накладывать на лицо второй слой. Через пять минут кожа защипала и принялась сжиматься под кремом. Через десять минут начал действовать самогон. Перед глазами было чуть мутно, тело потело. Ее бросило в жар. Но на душе было легко. Она вышла на кухню и долила из бурдюка еще немного вина. Хозяйкина емкость почти опустела. Теперь Эдита наверняка заметит исчезновение жидкости. Адель испугалась. Ее тревожили: 1) яйца; 2) футболки с короткими рукавами на детях; 3) ирландский зубодробительный холод и не заболеют ли сыновья; 4) не являются ли яйца во рту попыткой контроля; 5) как муж будет защищать ее от себя, ведь лишь завидев его одутловатое лицо и трясущийся перед нею кулак, она сразу тянулась к бутылке, только бы зашататься или без сил свалиться в постель, чтобы все происходящее, с ледяным ветром, футболками с короткими рукавами и медленно растворяющимися во рту яйцами, превратилось бы в сон или пыль; 6) хозяйкин гнев при виде пустого бурдюка и полупустой самогонной бутылки, — она опять поставит их как укоризну на стол и будет держать там неделю; 7) ее жгучее лицо и разгорающиеся пламенем щеки.

Лицо продолжало гореть. Адель никак не могла взять в толк, что случилось. Села с мужем и сыновьями в машину. Даже когда она выпивала, она прекрасно держалась. Стояла на ногах, не роняя ни предметов, ни единого лишнего слова. Становилась еще более деловой, серьезной. Лицо жгло, будто в сауне или в аду. Адель подумала, что с кремом хозяйки было что-то не то. Начала стирать крем белой салфеткой, из коробки, найденной в бардачке. Он сходил толстым слоем; кожа высвобождалась из-под этого белого гнета, но все равно продолжала гореть. Лицо щипало даже тогда, когда весь крем был уже стерт.

* Сабонис — известный со временем Советского Союза высокий баскетболист.

Оно продолжало сильно беспокоить и в ресторане, где муж знакомил ее с напарниками по прежней работе (четыре года назад он приобрел торфяной бизнес, но, как всегда, прогорел).

Эти люди наверняка решили, что с Аделью что-то не то.

Пронесла горящее, щиплющее, покрасневшее лицо в туалет. Там у зеркала попробовала снять с него белые крошки. Они не снимались, и тогда Адель решила полностью снять все лицо. Медленно потянула за отслоившийся уголок вверх лба. Лицо снималось, как пленка. Оно сползало слоями и продолжало гореть, и только когда она сняла его полностью и свернула, чтобы убрать в сумку, боль поутихла.

Она решительно раскрыла дверь и пошла навстречу коллегам мужа по прежней работе. Те уже с ним прощались и не заметили ни ее красноты, ни ее горящего лица, ни того, что у нее уже не было никакого лица.

Они пили и ели и не заметили ее отлучения в туалет.

При прощании женщины тискали ее младшего, Федю. В ресторане он их развлекал: они кидались друг в друга пробками от бутылок с минеральной водой, и это занятие веселило их больше, чем вторые скучные половинки или погода в Северной Калифорнии (туда собрался один из сидевших за столом, серьезный, как соль, инженер). Только Адель распахнула дверцу взятой в прокат мужем машины, как он заявил:

– Вечером – никаких душей!

Адель не могла понять, заметил ли он, что она сидит без лица. Запустила в сумочку свою неповрежденную правую руку. Свернутая трябкой пленка лица покоилась на матерчатом дне.

– Но я имею право зайти на кухню и выпить воды.

Они сейчас ехали в Карлоу, где жили родители мужа. Там, на кухне, на верхней полке, стояла неизменная картонная коробка с вином. В прошлый визит Адель проскальзывала ночью на кухню, сворачивала кранику голову, и оттуда лилась красная жидкость. Адель подставляла под краник стакан. Сплошная темень, крошечная жидкость. С каждым разом ее становилось все меньше и меньше. Адель в последний раз взболтнула коробку и ощутила на дне лишь жалкую мель. Там наверняка остались только осадки. Но у нее должно быть право пойти на кухню в доме свекрови и свернуть кранику голову!

Муж подsunул ей под нос одутловатый кулак. Стал грозить пальцем перед глазами. Стоп, стоп: какой нос? Как можно подsunуть что-то под нос, если у человека больше нет носа! Как можно грозить пальцем перед глазами? Ведь у нее больше не было глаз! Лицо лежало на матерчатом дне. Заметил ли муж, что на ней нету лица, когда закричал:

– Ты никто! Я скажу всем, что ты – никто! Мы знаем, чем ты занималась весь этот год! С кем ты любила! Скажи, скажи своим детям, с кем ты спала! Ты теперь просто никто! Моя мать должна отдыхать в постели с журналом, а не слышать твой душ! Моему отцу уже восемьдесят три, и он умирает! Дай ему спокойно поспать, а затем умереть! И я знаю, зачем ты ходила на кухню! Почему ты сидела без света! Что ты там себе наливала! Почему ты там ошивалась всю ночь! У тебя нет никаких прав, ты больше не существуешь, ведь ты теперь сплошной ноль!

Адель стала рыться в сумочке, чтобы позвонить сестре и доложить, что муж ее оскорбляет. Что намекает на давнишнюю, случайную, не оставившую никаких следов однополую встречу, о которой случайно узнал. Она просто не в состоянии была выйти сейчас из машины. Не могла идти сейчас в свекровин дом, к пластмассовому, спасительному, но истощившему запас кранику над столом. Даже отсутствие лица ее не спасало! Лицо путалось под руками, когда она пыталась отпихнуть его в сторону, чтобы достать телефон. Правый глаз был чуть-чуть вывернут и заспан, с красной прожилкой. Поверхность его выглядела слишком сухой. Наверное, нужно было закапать туда глазные капли. Она пыталась не касаться заспанного глаза рукой. Телефон запропастился на дне матерчатой сумки.

– ...Ты просто ничтожество. Как только ты покинула дом, ты стала ничем. Я сейчас отвезу тебя в твой дебилный, задолбанный Дублин, чтобы ты никогда больше не попадалась мне на глаза. Выкину все твои вещи, чтобы ничто о тебе не напоминало. Все твои плеточки и садомазохистские ремешки. Все твои замшевые пиджаки и мужские подтяжки. Твою заумную извращенку Моник Виттиг и ее «Лесбийское тело». И ты никогда больше не увидишь детей!

Адель, испугавшись этого смотрящего на нее красного глаза, никак не могла выловить телефон. Губы на лице кривились, как-то плаксиво меняли форму. Она старалась не задеть их рукой. Как же она могла говорить, если ее губы вместе с лицом от нее отделились? Но муж вряд ли слышал ее. Ему важно было самому говорить.

– Ты – ничто, ты – ничтожество. Тебя больше нет.

У Адели не было глаз. Если из них что-то текло, оно больше не было связано с ней. Она не могла проливать слез! Что было общего между ней и ее лежащими сейчас в сумочке глазами с красной прожилкой? Ничто не связывало ее и с ее ртом. И рот, и глаза сейчас просто мешали найти телефон и отвлекали от поисковой задачи. И даже щеки не могли гореть от стыда перед своими детьми за неожиданные незаслуженные оскорбления, ибо щеки тоже были свернуты в трубочку и покоились на сумочкином матерчатом дне.

Что она могла сказать сейчас без рта? Как без глаз выразить шок от его сорвавшихся с языка слов? Попросить его перестать повышать голос? Может быть поэтому он не прекращал свой пронзительный атакующий крик, потому что без рта она не могла ему возразить? Сыновья сидели, напрягшись.

Младший, шестилетний Федя, сказал:

– Папа, пожалуйста, прекрати. Мама, а ты ему не отвечай. И не пытайся. А то вы поругаетесь снова.

А старший, девятилетний Ираклий, заметил:

– Мама, но ты же живешь в чужом доме и поэтому не должна принимать душ вечерами. Папа же объяснил, что это будит бабушку с бабушкой! Ты должна его слушаться, потому что он правильно говорит.

Адель знала, что старший боялся отца и поэтому всегда принимал его сторону, подсознательно понимая, что только так может себя защитить. Муж трясся в гневе. Лицо комкалось под рукой, пока она пыталась найти телефон. Из-за эпиляционного крема оно так покраснело, что создалось впечатление, что напрягаясь, начавшая бордоветь кожа вот-вот потрескается или покроется ранами от усилия сдерживать боль. Под его резким взглядом маньяка, под прицелом его ненавидящих глаз, она не могла сейчас погладить лицо и пыталась спрятать его под рукой, опасаясь, что муж схватит отвлекающий ее внимание странный предмет. Наконец телефон отыскался, и она закричала в трубку сестре:

– Я не могу идти домой; он мне угрожает.

Звонок оборвался. Может быть из-за потери губ сестра сейчас не могла ее слышать? Или связь между Ирландией и Калифорнией была слишком плоха? А ведь ей так хотелось, чтобы он перестал. Чтобы опомнился и остановился. Чтобы не ранил детей. Не травмировал их несложившиеся детские души. Чтобы постыдился перед ними ей угрожать.

– Ничтожество, – заходил он в эпилептическом трясении пальца и крике, а она машинально теребила внутренность сумки. Стараясь не задеть свернутого в трубку лица. Стараясь не испачкать руки в жидкости, которая текла из ее глаз. Ведь она отдала ему все, а сама переехала в Дублин. Дом покупать он не хотел, и она в одиночку заплатила вступительный взнос. Тридцать пять тысяч, все ее сбережения. Он не добавил ей ни копейки. Детей он тоже не собирался иметь – даром, что так возится теперь с их школой и яйцами! Она склонила его к деторождению силой. Оставила ему две машины – и ведь обе исправны. Небольшой грузовичок и седан. Он даже перешел в ее религию, запанибратски общаясь со священником и полюбив ортодоксальную русскую церковь.

– Я сейчас отвезу тебя в твой дерганный, долбанный Дублин, если ты произнесешь еще хоть одно слово. Хоть раз пикнешь – и тебя здесь больше нет! Поняла, наконец? С тобой только так можно! Ведь ты просто никто!

– Но если мне нужно в ванную, скажем, не в десять, а в половину одиннадцатого?

– Ты никто, у тебя нет никаких прав, – Деклан потрясал одутловатым кулаком перед ее носом. – Как только ты ушла из семьи, ты потеряла себя.

– Я не выйду из машины, пока ты не извинишься, – сказала она. – И вообще не буду ночевать ни у твоего отца, ни у твоей матери. Пусть они там вдвоем отдыхают на смертном одре с журналами!

– Даже и не подумаю, – он гадко рассмеялся, и она бессильно сжала правый кулак. – Выходи из машины. Выходи из клозета, выходи во всех смыслах. Я сейчас скажу детям, чем ты занималась все это время. Во всех подробностях. Я сейчас им все расскажу!

Очевидно, он намекал на то, что она как-то сказала ему, увидев эротический фильм, где две женщины целовались: «Мне тоже хотелось б попробовать», но ведь после этого, кроме той случайной ночной встречи несколько лет назад, не оставившей никакого следа ни в ее душе, ни на здоровье, ничего не случилось, – и у него не должно было никаких причин ни чтобы ее упрекать, ни чтобы ей угрожать.

Она выудила телефон из кармана и, без рта и без лица, опять принялась набирать телефон сестры в Калифорнии.

– Ариадна, – кричала она в трубку и не чувствовала, что рта больше нет. Как будто лицо все еще было с ней. Голосовые связки дрожали. Губы больше дрожать не могли.

– Ариадна, он не разрешает мне принять душ и говорит: я никто.

Она не помнила, как они добрались до Карлоу. Как провели оставшиеся дни школьных каникул. В памяти осталась детская площадка с розовым зайцем и синим дельфином, на которых можно было скакать. Ее сыновья на качелях. И она с сумкой в руке. Там спрятаны два литровых пакета дешевого красного. Качели взлетают. Она откручивает пластмассовую белую крышечку. Дети просят ее покачать. Она говорит: «Сейчас, сейчас» – и, прикрываясь сумкой, держа пакет прямо в ней, отпивает. «Мама, иди!» Она делает второй глоток. Третий. Заглатывает в себя, как компот, и не ощущает ни алкоголя, ни винных паров. Просто жидкость для утоления жажды. Псевдоуспокоительный эликсир. Качели чуть замедляют свой ход. Дети ждут, пока она возится с сумкой. Она подходит, толкает. Младший сын улыбается. Старший взлетает в воздух без ее помощи. Она видит это и думает, что сейчас снова можно отпить. Только

откручивает крышечку, как старший сын говорит: «Мама, и меня тоже!» «Сейчас, сейчас», – она отвечает. Жадно хлебает. Совсем некрепкое. Неэффективное. Двенадцать градусов – а как будто компот. Ничто не собьет ее с ног. Даже напившись, она не может забыть, как он ее оскорблял. Качели взлетают. Она отпивает, но не пьянеет. Только становится жарче. Или это от усилия, от того, что толкает качели одной рукой? Откручивает крышечку, прячется за сумкой с пакетами. Сыновья радуются, что мама, наконец, с ними, что они вместе. Она допивает первый пакет. Откручивает крышку второго. Сыновья продолжают качаться и улыбаться, счастливые от того, что мама здесь.

IV

В день отъезда муж помягчел.

На остановке, провожая его с сыновьями, она ждала, когда же можно будет уйти. Купить небольшую бутылку. Автобус запаздывал. Адель думала, что теперь пить будет намного легче и незаметнее: ведь лица нет. Скорей всего, никто вообще не увидит, если женщина без лица пройдет в туалет и там будет слизывать с горлышка последние капли!

На остановке образовалась длинная очередь. Он посмотрел на нее: – Ты меня поцелуешь?

Она в очередной раз поразилась, насколько он не чувствует, не замечает ее. Он так и не осознал, что у нее больше нету лица. Нет глаз, чтоб его видеть. Нет носа, чтобы чувствовать его запах, когда он находится рядом. Нет ноздрей, чтобы его обонять. Нет губ, чтоб целовать. Остался лишь мозг. Мозг, повергающий ее в панику, когда Деклан к ней приближался. Голова думала; сердце аритмично стучало; ноги были готовы броситься в бегство (вернее, *нога*). Язык лежал где-то внутри, не было глаз, бровей, губ. Но мужа остановить невозможно! Любил ли он ее так сильно, что был привязан к ней и без ее красоты? Или любил так мало, так скудно, что не заметил, что она все потеряла: детей, дом, деньги и даже лицо?.. А возможно, он хотел ее по привычке и был привязан не к ней, а к десяти годам, которые они разделили? Или его интересовало лишь то, что можно было потрогать, и при таком раскладе становилось понятно, что лицо и душа тут совсем ни при чем.

Она не знала теперь, как его целовать. Заметит ли он, что у нее больше ничего не осталось? Произнесла:

– Да нет, что-то не хочется.

Он помрачнел. Как-то весь сник: но не безвольно, а грозно. За его разочарованием явно скрывалась угроза. Он был удивлен, что она не хочет сомкнуть губ в поцелуе. Как странно: десять лет совместно-

го проживания – и он не заметил, что у нее больше нет губ. Или после стольких лет вместе детали уже не важны? Впрочем, что тут удивляться: когда они лежали в кровати, она просила его войти в нее как можно быстрее, без предварительных ласк, без поцелуев. Так у нее, при ее занятых офисных днях, почти сразу высвобождалось свободное время. Он кончал и шел в ванную мыться, а она зажигала свет и доставала свежий журнал.

Наверное, она была виновата в том, что потеряла лицо. Более того: она была виновата и в том, что он не замечает, что у нее больше нет губ. Ведь когда ее губы еще были при ней, она не хотела их использовать с ним. Получалось, что абсолютно неважно, есть у нее губы или их нет, ведь она все равно не собиралась сомкнуть их с ним в поцелуе...

С другой стороны, у нее остались грудь, зад, соски, которые по-прежнему вставали в стойку, если кто-то их трогал. Но ей стало бы противно, если б он принялся обхаживать их, не выказав сначала нежности к доступности и мягкости ее губ. Но губ больше не было, так что любая близость с ним автоматически отменялась.

Автобус с сыновьями и мужем уехал.

На Рождество к ней прилетела Ариадна, сестра.

V

Ожидая увидеть одинокую, без детей, мать в слезах. Но слезы продолжали вытекать в сумку из лежащих там глаз, оставив Адель возможность быть совершенно сухой и бесстрастной. Вместо глаз с ней была женщина.

Адель встретила с ней на кишашей туристами, попрошайками и рисующими на асфальте художниками Хенри Стрит, кинув монетку в футляр ее скрипки. Женщина задержала взляд. И, удерживаемая ее взглядом, Адель продолжала кидать и кидать... кидать и кидать... приведя измержшую, изголодавшуюся, истосковавшуюся по чистоте и постоянству скрипачку домой.

Рождество они решили справить в отеле с бассейном. Скрипачку звали Амира. Смуглокожая, со смоляными, крашеными волосами, маленькой, меньше теннисного мяча, грудью и тонкими палками ног, по очертанию напоминавшими кости на снимке рентгена (так мало на них было кожи и мяса), она происходила из хорошей семьи. Отец ее когда-то был знаменитым, обильно оплачиваемым архитектором, строившим крытые золотом отели в Аммане, и, даже обеднев, в рейтузах с дырками на боках (там, где она пыталась их подтянуть), она не чуралась гламура. Раньше Амира играла на фешенебельных вечеринках и кормилась за счет подаваемой там еды, зачастую пропуская

стаканчик вина, но сейчас у нее не осталось даже приличного платья. Когда они с Адель встретились, на ней был мохеровый малиновый свитер с дыркой под мышкой, а на ногах – один серый, с нордическим веселым орнаментом, а другой – простой, дешевый, черный носок.

Адель, желая сделать приятное и сестре, и скрипачке, сняла комнату на троих в четырехзвездочном «Клейтоне». Триста евро за три дня и три ночи. Плавание в бассейне с Амирой. Амира до трех утра не ложится в постель, играя на скрипке. Семь утра. Адель, так и не заснув, споро встает. Лифт. Вертушка отеля. Чистый, еще не проснувшийся Дублин. Киз. Ха'Пенни Бридж. О'Коннел Стрит. Спайэр. Остановка семьсот сорок седьмого. Мокрые улицы. Автобус едет вдоль реки Лиффи. Астон Ки. Бург Ки. Джорджз Ки. Сити Ки. Сэр Джон Роджерсон Ки. Бритейн Ки. Полупустой автобан. Терминал два. Аэропорт.

Сестра долго не появляется из дверей с надписью «Лучший подарок – это то, что отсюда выходит». Все деловитые путешественники, катя чемоданы на удобных колесиках, со скутерами, компьютерами, детьми и ракетками, уже проскользили мимо Адель, а она все ждала и ждала. Наконец лицо сестры появилось. Складки на шее. Сорокасемилетние, не улучшенные сидением в самолете дряблые щеки. Одета она была слишком тепло и от этой лишней в помещение укутанности смахивала на неповоротливый ком. На серый, округлый, слеппенный осами домик, один из которых Адель видела под крышей на даче в России на озере Хиппорви. Только в данном случае этот домик разросся до невероятных размеров. Без тележки, без удобных колесиков, с укоризной в глазах, сестра волокла за собой продолговатую сумищу.

– Ты же писала, что сумка легкая, и мы сможем без такси донести ее до машины! – удивилась Адель.

– Это тебе; это я купила и привезла все, что ты просила. И добавила кое-что от себя.

Адель сделала вид, что чмокает сестру в щеку. Она еще не решила, стоит ли говорить, что у нее теперь нету лица.

– А что от себя? – Адель сочла своим долгом спросить. Она знала, что покупки, материальные вещи, внешний вид для сестры очень важны. Каждую неделю та покупала несколько наименований одежды в сетевом магазине, а потом везла – но уже в магазин настоящий – обратно сдавать. Ей так редко что-либо нравилось!

Услышав вопрос о подарках, сестра оживилась, и Адель не стала указывать ей на надпись на двери, из которой она только что вышла.

Перефразируя радужное утверждение: «Лучший подарок на Рождество сейчас выйдет отсюда».

– Что добавила от себя? Ну вот... Коробку зубной пасты и щеток. У нас в «Костко» намного дешевле. Дезодоранты без алюминия. Рыбий жир в капсулах. Раствор для линз в мини-бутылках. Их можно проносить в самолет. Крем для рук. Бритва для ног. Очиститель кожи лица. Одеколон «Невесомость». Нейлоновые брюки для ирландских дождей. Несколько пар черных носков. Шоколад «Аленка», московский. Зефир «Соната», литовский. Сардины балтийские, рижские. Железо для менструации. И еще немного нашего калифорнийского «Жиранделли».

Адель попробовала перехватить ремень у сестры. Сестра его не выпускала из рук. Медленно, передвигаясь шажками, держа вместе ремень и волоча донельзя набитую сумищу по полу, они кое-как доползли до грязного, гулкого лифта.

Автобус из аэропорта. Покупка билетов. Трудная высадка. «Клейтон» с его вертушкой дверей. Сумка не лезла. Адель растерялась. Сестра стояла в выжидательной позе, будто бы укоряя ее за непромокаемые брюки для ирландских дождей. За очиститель, за «Невесомость». За привезенный ей «Жиранделли». За то, что более десяти лет назад Адель встретила Деклана на сайте знакомств и сломя голову полетела в его Malin Head, распрощавшись навсегда с Сан-Франциско. Метрдотеля не было видно. Адель разогнулась. Попробовала размять единственную затекшую руку. Затем – втолкнуть сумищу в узкое пространство вертушки. Люди позади ждали. Вертушка застряла. Кое-как протаскив сумку в фойе и не обращая внимания на пристальную укоризну сестры, прошла к стойке и налила себе из самовара горячего сидру. По случаю Рождества! Потом еще. И чуть-чуть снова. Сестра, нарочито наклонив голову, выказывая всем телом усталость, с непреходящей укоризной ждала. В холле отеля были диваны, но она предпочитала после долгой дороги и заокеанского перелета стоять.

Втащив сумищу в лифт (усталость и укоризна на лице сестры умножались с каждым тяжелым шажком), они доехали до девятого этажа и, наконец, вошли в полутемную комнату. Скрипачка, устав от вчерашнего пикиканья на морозе и ночного концерта, еще лежала в кровати, накрывшись горой одеял. Этот ватный сугроб делал ее схожей с бездомной. Адель замерла, не представляя, как сейчас развернутся события, – ведь она не раскрыла всех подробностей своих отношений с Амирой. Сестра скривила лицо.

– Она до сих пор спит?

Адель нечего было кривить. В аэропорту они с сестрой не целовались и, возможно, поэтому та не заметила, что у Адели больше нет губ. Вместо губ у нее теперь была женщина. Ранее бездомная жен-

щина, которая учтиво спрашивала, прежде чем съесть чей-нибудь оставленный в кафе бесхозный кусочек:

– Ты не будешь шокирована, если я угощусь?

Скрипачка поднялась. Она прибрала номер и лежала под одеялом полностью одетая, желая предстать перед сестрами в лучшем виде. На ней было ее черное концертное платье, которое она сама несколько раз зашивала под мышкой. Все, что ее интересовало в Адели, были теплая постель и язык.

В номере стояла двуспальная кровать и небольшая кровать для сестры. Сестра легла в нее и зарыдала. Скрипачка начала подсчитывать выручку: монетки, которые туристы вчера накидали в футляр. Адель спросила сестру:

– Все в порядке? Почему ты рыдаешь?

– Хочу домой, – сказала сестра.

– Уже? Ты же только что прилетела.

– Знала бы, не летела б вообще. Ты же хотела, чтобы я привезла тебе вещи? Моя миссия выполнена, и теперь можно отправляться обратно. А эта, похоже, манипулирует тобой еще почище, чем муж. Я-то думала, тебе нужна моя помощь и совет, что делать с детьми и Декланом, а тебе тут и так хорошо.

Очевидно, двуспальная кровать говорила сама за себя. Адель понимала, что воображение сестры сейчас занимала только она. Что сестра гонит мысли о том, что у скрипачки под платьем. Что происходит между ними ночами. Что Ариадна готова была понять и принять ее ситуацию, ее положение матери без детей только в том случае, если Адель жила бы одна. Если бы с ней рядом не было женщины. Если бы Адель, убитая горем от того, что находится вдали от сыновей, сходилась с ума от тоски. Если бы она была покрыта язвами и умирала. Если бы лежала бессильно на предсмертном ложе, отяжелевшая от мыслей о гнете белка и желтка. Женщина рядом с Аделью равнялась в мозгу сестры излеществу, предательству, похоти.

Адель хотела вздуть брови, но бровей у нее не было. И не скривить было уголков рта. Не возвести глаз к потолку. Не показать своего неприятия того, что она слышит. Но что она могла слышать? Не исчезли ли уши вместе с лицом? Адель хотела потрогать их, но под взглядом сестры не решалась. Неужели та видела, как Адель кидала монетки в скрипачкин футляр? Всего несколько дней прошло с того момента, как Адель пригласила ее к себе в комнатку на крохотном чердаке (хозяйка как раз улетела на месяц в Литву с кастрюлей котлет, на новогодние посиделки). Амира, при одной мысли о твердом языке и теплой постели, сразу же согласилась. Ведь она обычно ночевала на улице, залезая в два спальных мешка. Излюбленным местом

для ночлега служил Собор Святого Патрика, где она укладывалась прямо у входа. Теперь скрипачка и Адель собирались жить вместе.

По лицу сестры текли слезы. Та свернулась вопросительным калачиком на постели, как в детстве. Она всегда была уверена в том, что их мать больше любит Адель.

В школе Ариадна всем сообщала, что как только Адель родилась, ей, старшей сестре, стали доставаться только объедки. Вместо морковки – огрызки. Вместо полноценного сыра – заплесневелая корка. Вместо яблока – кожура.

Сестра рыдала, скрипачка считала монеты, у Адель в ушах звучали слова: «Она еще почище твоего мужа. Такая же манипуляторша. Поддай. Принеси».

Как она могла догадаться так быстро? Ведь Амира не успела себя показать. А голос шептал: «Все хотят от тебя только денег и постоянно используют – это потому, что ты слишком добра».

Эти опасения поселились в ней еще до приезда сестры. Адель хотела их заглушить. Хотя ее уши исчезли, она слышала все.

Глушила водку.

Вот вчера, например.

Или позавчера.

И поза-позавчера то же самое: бутылка была спрятана в рюкзаке. Адель с рюкзаком вошла в магазин. Задела полку с вином. Одна бутылка вдруг пошатнулась. Адель ожидала, что она упадет и разобьется. Стоявший на лесенке продавец тоже провожал ее взглядом. Адель хотела купить и вторую – той, которая в рюкзаке, наверно, не хватит. От ужаса в ней все сжалось. Стоит бутылке коснуться пола, как она разлетится на части. Продавец закричит и заставит платить. Затем увидит, что на ней нет лица и поймет, что Адель не просыхала с утра. Они оба затаили дыхание. Он – готовый обрушиться на Адель с обвинениями, она – в любой момент готовая убежать. Бутылка ударилась о пол. Целая, покатилась. Она катилась достаточно долго и продавец за ней наблюдал, очевидно ожидая, пока она докатится до другой полки. Адель облегченно вздохнула и вышла из магазина.

Сестра повторила: «Скрипачка – манипуляторша».

Скрипачка, убрав деньги в мешочек, который она носила на шее, произнесла: «Надеюсь, твоей сестре здесь понравится. Может быть, сходим вместе в музей? Здесь неподалеку находится Ирландская Национальная Галерея».

Оказывается, без рта совсем несложно заглатывать водку. Откупоривать пробку без глаз.

Сестра спросила: «Я недавно смотрела фильм про художника

Тернера. Кажется, у вас он тут есть? Мне запомнилась картина ‘Снежная буря’ про переход через Альпы. Пурга, метель, воины еле идут, борются со стихией – и в самой середине маленькая-премаленькая точка – изображенный художником слон».

Амира ответила: «Я видела огромных Тернеров в Лондоне, но никаких слонов не заметила...»

Сестра возразила: «Там такой маленький слон и еще он снабдил картину стихами собственного сочинения про тщету надежд...»

Амира сказала: «Какой-то Тернер там точно есть... но его вывешивают в Ирландской Национальной Галерее всего раз в году, так что будем надеяться, наши надежды не будут напрасны!»

Когда они оказались в музее, скрипачка сказала: «Через пятнадцать минут мне нужно быть на Хенри Стрит, в это время мимо меня обычно проходит богатый турист и опускает в мой футляр двадцать евро. Твоя сестра успеет быстро все осмотреть?»

Адель сказала сестре: «Нам нужно идти. Ты будешь готова через десять минут?»

Сестра обиделась: «Зачем нужно было меня тогда звать? Я могла бы спокойно сейчас сидеть в Калифорнии. Мы ведь только вошли».

Складывая брошюру музея, Амира заметила: «Тут открыта лишь одна выставка. Это совсем маленький Тернер. Увы, никаких снежных бурь. Несколько штормов, закатов и тонущих кораблей. Все это можно обойти за десять минут».

Сестра сказала: «Я и за пятнадцать не справлюсь», – и зарыдала.

Она вскоре улетела обратно в Калифорнию со своим скорбным лицом, а Адель осталась в Ирландии без лица. Со скрипачкой, которая так к ней прикипела, что не расставалась теперь с ней, как раньше не расставалась со своим спальным мешком и футляром для скрипки.

VI

Жилья в центре Дублина было так мало, что смотреть квартиры пришло по сорок-пятьдесят человек. Амира срывалась с места и, свернув в скатку спальный мешок, посещала просмотры, оставляя скатку в ванной или на кухне показываемой съемной квартиры, не замечая, что своими странными действиями вызывает удивление квартировладельцев (она же хотела спрятать старый мешок и пальто с обдрипанными рукавами подальше от чужих критикующих глаз). Лицо у нее было заспанное и спитое, но только когда Адель смотрела на нее при ярком свете. Все остальное время она выглядела посвежевшей, используя коровье масло «ги» для лица вместо крема. Более того, после того, как они с Адель стали встречаться, она расцвела!

«Я следую аюрведической традиции, – говорила она. – Мой тип

называется 'вата'. У нас, у ват, тонкая душевная организация, мы не переносим грубую пищу и шум, не можем долго следить за разговором, не в состоянии сразу же, после бурного дня, засыпать, и нам нужно очень много тепла».

Скрипачка переживала по поводу каждой квартиры, где им продолжали отказывать. Отзывов с работы она не могла принести, ведь туристы, кидающие монетки в футляр, не давали рекомендательных писем. И так называемых «заручательств лэндлорда» она не могла раздобыть, ночуя на скамейке у речки или у церкви! Каждый раз она терпеливо стояла в медленной очереди, чтобы пройти интервью на квартиру. Адель в это время работала в офисе. Скрипачка же заканчивала «Дорогу дальнюю» или «Oh Dunny Boy» на своей Хенри Стрит и устремлялась на очередной просмотр квартиры, в очередь, где уже стояли люди с черными папками, белым ворохом документов и выписок из Ирландского банка. После собеседования она обычно впадала в отчаяние – похоже, она действительно хотела жить вместе с Адель!

У Адель в отсутствующих ушах звучали слова: «Тебя все хотят лишь из-за денег, используют, как твой разорившийся муж, не верь никому, ведь нет настоящей любви». Она наблюдала, как Амира приходила в уныние, плакала, объясняла, что, несмотря на все усилия, наверняка их никто не возьмет к себе жить. Говорила, что всю жизнь только и искала убежище: нормальный дом, тепло и плечо, на которое могла бы опереться. И добавляла: «Когда тепло, я все могу сделать, и даже работу найти, и стать сыроедом, питаться салатами и орехами, но вот когда холодно, моему типу 'вата' нужно обязательно спать не меньше восьми часов, а также необходима обильная, хорошо подогретая пища». В своем оранжевом, повидавшем не только туристические виды, плаще с грязными обшлагами она вызывала у Адели неимоверную жалость, и вот тогда-то Адель и сняла им квартиру, предложив хозяину плату вперед за несколько месяцев. Скрипачку это так восхитило, что она, как собачка, ходила вслед за Адель, готовила ей ужины с рисом и кокосовым молоком и еще с какой-то изумительной рыбой, которую ловил для нее в реке Лиффи – один из бездомных, в обмен на обучение его игре на гитаре (скрипачка закончила престижный лондонский колледж и умела играть на любом инструменте). Рыбу Амира готовила на пару с овощами и так увлеклась «здоровой едой для нас обеих» и «спокойным гармоничным существованием, которое подойдет типу *вата*», что почти забросила свою скрипку, заявив, что теперь хочет переключиться на «более весомый и серьезный киборд».

Адель работала в офисе и потом, вечером, возвращаясь домой

без лица, без левой ноги и без левой руки, отбивалась от мужа, который приезжал со своего полуострова Инишхофен, где находилась его Малиновая Голова, и пытался убедить ее к ним возвратиться. Ни яйца, намертво засевшие в ртах сыновей, ни отсутствие лица у Адели его не смущали. Муж клялся в любви и винил ее в том, что она разрушила сказку. Он полагал, что они будут как Абеляр и Элоиза из романа Жана-Жака Руссо, который он не читал, но о котором столько раз слышал, – а она разрушила их такой прочный союз, уйдя жить с «непонятными, никому не нужными инструментами, которые сыг-рают любую мелодию и даже разденутся за гроши». Каким-то образом он разузнал про Амиру и не упускал случая, чтобы кольнуть.

– Я музыку тоже люблю, – убеждал он Адель, – но не до такой же степени, чтобы с нею любиться.

Адель отмахивалась, но рук не хватало, и муж обнимал ее за плечо, тыкался холодным носом куда-то ей в нелицо, целовал в холодные недогубы, заглядывал в невидящие недоглаза и таким образом убедил ее истратить последние сбережения на очередное путешествие по Европе. Иначе он не давал ей видеться с сыновьями, объясняя, что либо она возвращается к ним и тогда получит возможность видеть их каждый день «как настоящая мать», – либо он отнимет у нее все: деньги, детей, положение в обществе. И не только отнимет, но еще и растопчет своими ступнями! Эти угрозы она уже слышала тысячу раз.

«Ну да, конечно, – размышляла она, – он может отнять у меня последнюю руку и ногу, но ведь я просуществовала какое-то время без ноги и руки – так что это, кажется, совсем несмертельно!»

Однако, не устояв перед ним, она все же потащилась с ним и сыновьями в Испанию и Италию, и там он опять начал ее оскорблять и говорить, что она «ничто» и что у нее ничего нет (так и не заметив, что у нее нет лица!), и опять сыновья сидели, как истуканы, с яйцами, и ждали, когда те растворятся.

Тогда Адель не выдержала и позвонила Амире. Та принялась путано объяснять, что потеряла футляр вместе со скрипкой и теперь собирает монеты в старую зимнюю шапку, но денег сейчас не так много, ибо зима и звук замерзает, не успевая долететь до ушей ждущих пира духа туристов; а потом объяснила, что на последние деньги, оставленные Адель ей на еду, приобрела два подержанных пианино: одно, чтобы стояло дома в тепле (ведь по аюрведической традиции она была вата!) и чтобы на его теплых клавишах приятно было играть, а второе – более мерзлое и компактное, которое можно будет брать с собой на гастроли.

И пока Адель звонила скрипачке, муж ее бегал вокруг нее со

своим телефоном и тоже набирал какие-то номера... (потом оказалось, что он умудрился позвонить всем родственникам в Дублине, Бремене, Сан-Франциско и на Хиппоярви, вопрошая, почему же его никто не предупредил насчет ее половых предпочтений, нездоровых влечений и увлечений...) И пока он названивал ничего не подозревающим родственникам, Адель пыталась разобраться в истории между футляром для скрипки и двумя новыми пианино, которые скрипачка купила вместо того, чтобы прикупить себе побольше еды... и в этот момент Деклан вдруг схватил ее за волосы, и принялся таскать туда-сюда в гневе, объясняя, что не может без нее жить, а Адель продолжала пытаться объяснять что-то Амире, которая в очередной раз рассказывала про сорвавшуюся репетицию... сорвавшуюся из-за того, что, привыкши к теплу в их квартире, она и на репетиции включила принесенный из дома обогреватель, который вырубил все электричество в школе, где шла репетиция, обесточив оркестр со всеми его электрогитарами и усилителями...

«Ты никуда от меня не уйдешь», – говорил муж, тряся ее, и она понимала, что кроме лица потеряет теперь и свои волосы, и совсем облысеет, а скрипачка рассказывала, что посеяла где-то распечатку с нотами, все сто семьдесят восемь страниц, которые Адель распечатала для нее на своем принтере, и поэтому не смогла поехать сегодня на репетицию своего собранного из бездомных инструментов оркестра.

Вырываясь из его рук, Адель удивлялась:

– А где же та папка, которую я тебе приготовила с нотами?

– Мы с тобой стали одним, ты никуда от меня не уйдешь, – говорил муж и выдирает ее волосы с корнем, а Адель вопрошала:

– Но ты же можешь найти ноты этого мюзикла в интернете?

А муж говорил:

– Ты одна-единственная для меня, у меня больше никого нет и не будет.

А Адель волновалась:

– Но ты же можешь попробовать найти эту музыку в интернете... у тебя ведь есть твой айпэд?

А муж продолжал:

– Если ты будешь со мной, нам не понадобится никаких поганых юристов; мы просто будем продолжать друг друга любить, ведь ничего нет важнее любви.

А Адель возмущалась:

– Амира, что значит, там кончился весь заряд? Разве ты не можешь попробовать его зарядить? Я же купила тебе переносной чехол для твоего электрического пианино, неужели опять сорвется важная репетиция?

А муж умолял:

– Останься со мной, посмотри, какие у нас растут сыновья.

А скрипачка отвечала что-то насчет айпэда и насчет подзарядки, что провод порвался, и Адель уже не пыталась вырваться из его медвежьих лап; она знала, что у нее не было ни руки, ни ноги, ни лица, и ей непонятно было, почему у скрипачки при наличии заспанного лица, двух ног и двух рук все всегда из них вылетает, и куда делась бумажная папка, которую она ей принесла, и почему вдруг у зарядки порвались все проводки, и скрипачка не знает, как сыграть «Амстердам» Жака Бреля или «Алабаму» Курта Вейля, или «Мечту Ники» Хораса Силвера, а муж продолжал таскать ее за волосы и кричать, как он ее любит, а она объясняла в трубку скрипачке, сквозь помехи и рыдания, как снять деньги со счета в банке, прилететь в Турин и взять машину до Сан-Микеле, – и не прошло и дня, как скрипачка, наконец, сообразила, что ей надо сделать, и прилетела в Сан-Микеле с кибордом за спиной, будто на крыльях.

И киборд за ее спиной действительно делал ее похожей на большую, с огромными крыльями, птицу, которая готова взлететь.

И пока сыновья стояли с раскрытыми ртами, из которых высовывались белок и желток, Адель взяла скрипачку за руку, и они пошли вверх по дороге, оставив за спиной мужа с его вспухшими кулаками, одутловатым лицом и свисшим из штанов животом... Пошли по дороге, по которой ранее, несколько столетий назад, с трубным гласом прошли слоны Ганнибала.

Перед ними расстился живописный монастырь и дорожки, увитые розами, и они шли, шли наверх, несмотря на то, что скрипачка несла тяжелую ношу, а у Адель не было левой ноги.

Адель рассказывала скрипачке то, что она недавно разузнала и про эту местность, и про слонов, а скрипачка со всем соглашалась и нисколько не сторонилась окружавших их огромных животных. Более того, идя вместе с ними по тропке, она чувствовала себя так непринужденно и так легко, как будто с детства принимала участие в военных походах, и поэтому Адель тоже воодушевилась и воспрянула духом, и не боялась теперь смотреть на заточенные перед сражением бивни, мощные хоботы и стальную броню, и даже заметила, что доспехи были украшены по бокам светлыми камешками в виде слезинок.

– До сих пор остается загадкой, – повествовала Адель, – где Ганнибал достал этих слонов. Если бы у него был выбор, он пошел бы в бой с индийскими слонами, с теми, которые ранее использовались против войск Александра Великого. Индийские слоны – не такие большие по размеру, как африканские, зато они обучаемы, и

поэтому их так любят в зоопарках и цирках. Африканские же слоны славятся своими плохими характерами и огромными, похожими на громадный фен, ушами, гнутыми спинами, а также плоскими лбами. Используемые в военных целях, слоны должны быть хорошо вышколены, иначе они станут обузой. Африканскими слонами намного сложнее командовать – более того, из-за их чудовищных размеров и маневрировать ими непросто. Именно поэтому они потеряли свое значение и не использовались для небезопасного перехода через Альпы. В любом случае, ученые до сих пор так и не выяснили, где Ганнибал достал для своего блистательного военного похода индийских слонов...

И пока Адель так говорила, они продолжали идти вверх, под победные трубные зовы, охраняемые со всех сторон прирученными и тренированными Ганнибалом гигантами, не взирая на тех, кто так и остался стоять с открытым ртом позади.

В результате у озадаченных слонами монахов из Сакра ди Сан-Микеле появилась вторая загадка: куда же смогли деться две взявшиеся за руки женщины? Одна из них была в черном плаще, в шляпе и с рюкзаком и помогала второй нести скрипку, а на второй были резиновые ботфорты, непромокаемые брюки и оранжевое походное пальто с большими накладными карманами, а за спиной, как крылья, болтался огромный черный киборд; и они шли так слаженно, так мерно, так гармонично, – вверх, на вершину освещенной солнцем горы, вслед за Ганнибалом и его слонами с прямыми спинами и небольшими ушами, что, казалось, за перевалом их ждет не селенье или билет на самолет в какую-нибудь другую, щедрую и благодушную к ним, страну, а голубое, просторное, безразмерное небо.

Ноябрь 2015 – апрель 2016

Анна Голицына

СУТУЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

На мокрых листьях – первый снег,
А на асфальте – серый вечер.
Нахохлив по-вороньи плечи,
Идет сутулый человек.

Чернеют хмурые стволы,
Открыв для неба настеж гнезда,
А человек, забывший звезды,
Окрашен цветом полумглы.

Разворошенный тротуар
Нелеп и стар, как память детства;
И трещин мерный ритуал –
Последний грош его наследства.

Протратил все, но не купил,
Отдал, но все упрямо помнит,
Прожил, но сны мои дополнит

Забытым запахом чернил.

9 Ноября 2012, Бостон

ПРИСТУП

Легкий приступ бессмысленной ревности,
А за ним приступ скомканной жалости.
Ох, пора позабыть эти древности,
Успокоиться, радуясь малости.

Не хотеть ничего – как положено,
Жить с собой или с обществом – слаженно,
Убедиться, что все подытожено,
Перестирано и переглажено.

И глаза станут светлые, чистые.
Разговоры, как надо, нечастые.
Позабуду тропинки тернистые,
Да в чащобе поляны цветастые.

23 сентября 2013, Бостон

О ПОЛЕТАХ ВО СНЕ И В СТАРОСТИ

Каждый вечер волочишь себя на кровать –
И как будто не жил, до предела устал.
Все же можешь сказать себе: «Да, я летал.
Да, я знаю, как можно и нужно летать».

Засыпать по ночам – не захлопывать дверь:
Закрываешь глаза и считаешь до трех.
Громко лает в ночи жалкий пес-пустобрех,
Только замки понадежней проверь.

Чуть ногой оттолкнись, тяготенье презрев,
Сдерни с крыши туман, как дырявый чехол,
Воспари над прогоном, как ангел беспол,
Мирозданию крылья свои простерев.

Там на пойме – весна, а над поймой – простор,
Одевается в нежно-зеленое лес,
Там оврага вдали чуть раскрытый разрез,
И скрипит на ветру потихоньку забор.

И когда прокричит позабытый петух,
Ты поймешь, что закончен ночной перелет,
Ты проснешься, погладишь простой переплет,
Почитаешь на кухне рассеянно вслух.

24 января 2014, Бостон

РАССВЕТНОЕ

Матов воздух. Пока не совсем и нескоро рассвет,
Но уже отличаешь те самые нитки и ветки.
Резок голос дрозда в его тисовой утренней клетке –
Он уверен, что все – суета бестолковых сует.

Сна еще не случилось, его заменяет печаль
О стране и о том, что сказали газеты и люди.
А ведь раньше мы были вместе и против. Будет
Мир не так уж хорош, но все же не так одичал.

Ослепительно небо, где розово-желтый восток
Наконец пробирается искрами в старую тую.
Мимо белка несется, она-то уж точно не всуе
Запасается пищей и прочей полезностью впрок.

12 июля 2015, Бостон

Михаил Этельзон

Античные мотивы

ОРГАН

Звучал орган, звучал орган –
собою зал переполняя;
из нот, аккордов, строф и гамм
рождалась fuga неземная.
Живя без воздуха – в плену –
преграды разбивая сходу,
сметая шум и тишину,
звук вырывался на свободу.
Из труб, задвижек и щелей,
из чепухи, земного хлама
звучала Музыка, и в ней
концертный зал казался Храмом.

Звучал орган, творил орган,
вещал – торжественно, могуче,
он плыл к далеким берегам,
бросался вниз и вверх – по кручам.
То нежной феей, то как зверь,
то проклиная, то вздыхая,
молясь за всех – без рас и вер –
в Катynях, Дрезденах, Дахау.
Он обращался к небесам:
дерзил, доказывал, перечил;
он был Творец сегодня сам –
всесущ, всемогущ, бесконечен.

Звучал орган, орган взлетал,
не трубы надрывая – сопла;
и слышал все покорный зал –
от плача детского до вопля.
Такие звуки извлекал,
что мы – нелепые, земные –
неслись с органом к облакам,
безвольно следуя за ними.
Звук оставался на губах,
на стенах, в космосе глубоком...

Звучал орган. Не Бог – но Бах,
и мы молчали
вместе с Богом...

РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ

А пена морская, седая, ласкаясь у ног,
с восторгом глядит на рождение новой Венеры.

Н. Крофтс

У моря – у бездны – безмолвно стоишь,
бессильна, безвольна, у самого края.
Вот грань, за которой становятся лишь
частицей пучины, со смертью играя.
А море не ждет, набегаёт волной –
и пальцы Нептуна, к стопам прикасаясь,
погонят мурашек по коже тугой,
и ты содрогнешься – нагая, босая.
Наивная, с пеной затеешь игру,
расслабленно тело опустишь на воду.
Вот грань, сделай шаг за очерченный круг –
за круг на песке, выбирая свободу.

А море не ждет, – окатив с головой,
завертит, закрутит, теряя в пространстве,
где трудно дышать, где не голос – а вой,
где всё в бессознательном, бешеном танце.
Ныряешь в глубины – до сути, до дна,
и снова за воздухом – вверх, на поверхность,
всю жизнь ожидавшая этого дня,
стихии хранившая веру и верность.
В ладонях у древнего Бога, без чувств,
невинно в купель – искупая вину ли,
отдавшись спасителю и палачу,
ты в море вошла – ты из моря вернулась.

В последнем движении – порыва, броска,
еще в лихорадке, биенье, дрожанье,
ты рухнешь на мокрой постели песка,
став дочерью моря, его урожаем.
Волна за волною, прилив и отлив,
вот грань – без дыхания, времени, меры,
и, маленькой смертью себя утолив,

из пены седой возникает Венера.
В глазах отразился неведомый мир,
вот первые звуки – на нечеловечьем,
пытаясь понять, пережить каждый миг...
А море не ждет – ненасытно и вечно.

ДЕЛЬФЫ

На развалинах Трои лежу...

Ю. Левитанский

На развалинах Дельф я, полвека проживший, стою...
Словно павшие воины, камни лежат под ногами.
Поле брани – История. Чудом остались в строю
пара старых колонн, изувеченных в битве с веками.
Облака нависают и давят тяжелым свинцом,
по холмам, как змея, извивается путь серпантином,
если можно в тумане и встретиться взглядом с Творцом –
то на склоне Парнаса, где наша была пуповина.

На развалинах Дельф ясно вижу Иерусалим,
павший Рим, Византию, Помпею под пеплом вулкана,
на развалинах веры две тысячи лет мы стоим –
вижу Мекки останки и бледную тень Ватикана.
Зарастает оракул, не видно обкуренных дев –
в наркотическом трансе вещающих истинны пифий,
и жрецов, всё предвидевших, кроме разрушенных Дельф...
Мы гадаем без них по руинам, легендам и мифам.

На развалинах время замедленно – вяло течет,
во вселенских часах осыпаются древние храмы,
и песок, обретающий смысл и теряющий счет,
на египетский лад завершит этих мест панораму.
Славу эллинов в греках ищу и забытую речь
на земле, повидавшей немало, – немало и давшей,
что осталось от прошлого – что они смогут сберечь?
На развалинах Дельф я пытаюсь понять –
что же дальше?..

СКИТАНИЯ

На все четыре стороны, на все –
попутного течения и ветра,
останусь на нейтральной полосе
за тысячи подальше километров;
свидетель, соучастник, понятой,
оставшиеся годы отмеряя,
примеривая жизнь – не ту, не с той –
в своем краю, в чужом краю, у края.

Пытаясь за двоих найти ответ,
остолбенеv на странном перекрестке,
не в силах выбрать между «да» и «нет»,
я слепнувший, сидящий подросток.
На полюсе, нейтральной полосе, –
смотреть за горизонт не перестану
на все четыре стороны, на все –
пока ты не вернешься из скитаний.

ПРИШЕЛЕЦ

Давит, всё больше давит: ты не Давид...
Дело не в том, что не было Голиафа,
даже не в том, что тело не то да вид,
Иерусалим чужой, непонятна Яффа.
Вечно скитался странником по земле,
впитывал звуки сотен иных наречий,
строил жилища новые на золе,
не находя источники в междуречье.

На перекрестках долго стоял один,
выбрав дорогу, шел по ней – неуверен,
на площадях по праздникам – нелюдим,
в храмы идущий – но не пришедший к вере...
В городе предков – проклятом и святом –
встань у стены и тихо проси прощения:
дом, не узнавший сына, уже не дом;
сын, не узнавший дома, уже пришелец.

Нью-Йорк

Рудольф Фурман

НОЧНЫЕ ДОЖДИ

В Нью-Йорке дождь ночной и обложной,
а мне бы под забытый петербургский,
холодный, морозящий, но родной,
под свет фонарный, матовый и тусклый.

Пройти б неспешно той же Моховой,
по той брусчатке, вспученной местами,
и слушать, как со мною вразной
шагает дождь звучащими шагами.

Я города люблю дождливый лик,
и мне его судьба не безразлична.
Все тот же он, и я к нему привык,
и будет все, как раньше, как обычно.

С ним до утра мы будем говорить,
И под дождем, как пьяницы, шататься...
А дождь нью-йоркский будет лить и лить,
и намекать, что надо возвращаться.

О ВЕЧНОСТИ

Какая-то вечерняя печаль
снисходит с затихающего неба,
и тени поглощают близь и даль,
и день съедают, как краюху хлеба.

В их алчности порока не найти, –
так мир устроен с самого рожденья...
Прекрасно, что не вечно в нем гостим,
нам повезет еще познать забвенье.

* * *

Поздний вечер.
Из всех предпочтений выберу, без сомнения,
время для чтения.
Устроюсь в кресле или в углу дивана,
открою «Ладейный эндшпиль»
Владимира Гандельсмана.

Погружусь (в который раз!) в сумерки Петербурга,
в которых мой дом: во дворе грязь,
на фасаде – отбитая штукатурка;
окно, смотрящее чужими глазами на сквер, на газона пятно,
на которой вино распивает то ли бомж, то ли урка.

Двор промозглый, чахоточный свет фонарей,
тополинная горечь с листьев стекается в лужи.
Я постарел,
да и он стал старей,
и к тому же – простужен.

А может, все изменилось изрядно,
И ничего не осталось от бывшего мира:
дом залатали,
двор закатали асфальтом,
чисто в парадной,
отремонтирована квартира,
труб водосточных
стало слышнее бельканто...

Все возможно,
даже внешнее великолепие,
но красивый фасад – это ли не камуфляж,
за которым скрываются пьянство и раболепие,
к дальнему, ближнему, – зависть черная да ненависть та ж?..

Но, впрочем, не мне решать не мою проблему.
Лучше сменю тему и продолжу читать свою любимую книгу,
которой в душе место и над которой
стоит поразмышлять.

Нью-Йорк

Ольга Исаева

Валюша

Лоле и Гале

1

Лешка говорил: «Ты, Валюшка, как воздушный шарик, надутый радостью. Того и гляди, вырвешься и улетишь». Так и рисовал ее. Внизу березки, домики, речка-змейка, а в небе она – розовая, с перламутровыми грудками, обвивающей тело золотистой косой, маленькой головкой и светящимися таинственной нежностью глазами. Сколько у нее этих картин осталось? Все на стены не повесишь. Сколько лет они, укутанные простыней, в углу простояли? Валюше казалось – вечность.

Умер Лешка. Погиб в Чечне. Вместе с его жизнью оборвалась и ее. Шарик улетел – она осталась. Жила в той же квартире, каждое утро просыпалась под соседскую попсу, в хмурой толпе отдельно от всех спешила на остановку, ехала на маршрутке в центр, потом весь день сидела за швейной машинкой. Годы капали, как слезы: мутные, одинаковые, горькие. За окном в бензиновом мареве Москва пухла от бабок. Распугивая «жигули», по переименованным улицам неслись иномарки. На месте ларьков возникали бутики. На смену народности пер гламур, но на стремительно меняющуюся реальность Валюша смотрела со скорбным недоумением. Она бы давно ушла туда, где, как ей казалось, ее ждал Лешка, но непонятно было, что делать с картинами. Куда они без нее, на помойку? Чувство ответственности держало ее, как потерявшую хозяина собаку, – на привязи.

В Лешкин день рожденья Валюша их открывала и по одной рассматривала. Вот на зеленом лугу среди маргариток девушка – сама, как огромная маргаритка, пушистая, воздушная от счастья. Ноги тонкие, в стебелек переплетенные, едва травы касаются. Или – она же, в виде кошки с синими глазами, с косой, плавно переходящей в хвост, летит над туманными холмами. Куда? В счастливое будущее, за краем картины, увы, не существующее.

От той девушки Валюшу отделяла пропасть; она с трудом могла вспомнить себя счастливой, зато с поразительной ясностью видела Лешку, цепкими глазами вглядывавшегося в нее, но видевшего что-то поразительно свое. Когда она ему позировала, казалось, вместе они

творяют чудо. Ведь вот только что ничего не было, кроме чистого холста и выдавленных из тюбика жирных червячков красок. И вдруг возник мир – яркий, живой, объемный, принадлежавший только им двоим.

Валюша по-прежнему работала в театре, где они когда-то работали вместе с Лешкой. Вокруг, в пыли и духоте пошивочного цеха, пылали страсти, которые ее не касались. Она пришивала фижмы, строчила жабо, набивала плечи, подшивала камзолы, подола, трены. Вещи любили ее и слушались, а бабье вокруг злилось и норовило уколоть: мол, тихоня, а в тихом омуте, сами знаете... Что? Что они про нее знали?

Из нынешнего состава Лешку уже почти никто не помнил. Жизнь переворачивает страницу и пишет новую, а что на прежней было, никому дела нет. Да и в театре-то он проработал всего ничего. Пока в театральном учился, его не трогали, а как получил диплом, так через полгода загребли в армию. Он пришел из военкомата, сам смеется, а глаза грустные. «В Чечню, – сказал, – еду. По лермонтовским местам.» Сейчас Валюше казалось, что он сразу почувствовал, что на смерть едет, но тогда она жила в розовой дымке надежды, и потому с легкостью поверила, что до Чечни он, скорее всего, не доедет, а пристроится где-нибудь в Москве, начальственных жен рисовать.

Она вообще верила каждому его слову, хотя он никогда не говорил серьезно. Жила внутри него какая-то незлая насмешка над словами, и он играл с ними, как взрослый с детскими игрушками. Они прожили вместе три года и ни разу не заговорили о свадьбе, но после военкомата Лешка сказал: «Пошли, Валюша, в ЗАГС. Поженимся и пропишу тебя, чтоб дома сидела и ждала меня, а то, не дай Бог, попрут тебя с квартирки мои заботливые родственнички. Я вернусь с войны весь израненный. Спрошу: ‘Где моя Валюша?’ А они скажут: ‘Улетела’». И тут же рисовал их квартиру на последнем этаже многоэтажки, свору зубастых родственников на лестнице и Валюшу, печально улетающую в распахнутое окно.

Еще не понимая до конца, что стоит на самом пороге вечной разлуки с ним, она спросила: «Лешик, а если тебя стрелять заставят, и ты убьешь кого-нибудь?» Он решительно замотал головой: «А я прикинусь слепым и придурковатым. Смотри...» Он сделал такое глупое лицо, что она поневоле улыбнулась, тем более, что так не хотелось думать о страшном.

В ночь перед расставанием они молчали. Лешка гладил ее гладкий живот, а она – его колючую голову. Любовь сияла над ними и в них. Звучала музыкой. Слова были не нужны. Что такое слова? Шум, шорох неглубоких мыслей, свист смертельных идей. С тех пор Валюша молчит. А люди думают, что она либо дурочка, либо хитрю-

га, себе на уме. Родственники Лешкины, так те вообще возвеличили ее в коварную провинциалку без высшего образования, нарочно окрутившую бедного мальчика, чтобы московскую квартиру оттяпать.

За минуту до построения, когда Валюша, вся мокрая от слез, вжималась в Лешкино плечо, он шепнул ей на ухо: «Не грусти и ничего не бойся. Я с тобой». Он и был с ней. Каждый день, каждую минуту.

Раньше она часто видела его во сне и просыпалась счастливая. Казалось, смерти нет, а есть лишь затянувшаяся на всю жизнь разлука, и надо потерпеть, перетерпеть, чтобы дожить до встречи. Потом он стал сниться реже. Валюша даже упрекала его, мол, что ж ты прогуливаешь, я же надеюсь, но он смотрел на нее издалека и не давал приблизиться. «Что там? – кричала она ему сквозь глухой туман небытия. – Скажи, мне легче будет», но он хмурился и говорил: «У каждого свой ад и рай, и ты сама должна понять, зачем живешь на свете».

Понять этого Валюша не могла. От людей ее скрывала непроницаемая стена горя. Ей нечего было им сказать, а они... У них и без нее было полно забот. Одиночество стало для нее защитой от чужой, враждебной ей жизни. Чтобы стать невидимой, она даже одежду себе придумала, в которой напоминала серую птицу без крыльев, которая ходит по земле, забыв о небе.

Однажды после долгого отсутствия Лешка все же пришел. Валюшу поразило, какой он юный. Просто мальчишка по сравнению с ней, но строгий, недоступный. Глядя ей прямо в душу, он сказал: «Ты тратишь время, а жизнь такая короткая. Любовь сияет вокруг, но ты ее не видишь. Очнись, ты достаточно страдала. Пора начинать жить». Валюша бросилась к нему: «Лешик, возьми меня к себе», – но он исчез, и она поняла, что он больше не вернется.

2

Тихо стрекочет швейная машинка. С пляжа доносится безмятежное дыхание моря. Из кафе на набережной течет сладкая, как мед, арабская музыка. С площади доносятся крики мальчишек, играющих в футбол. На соседней крыше Тереза с треском встряхивает мокрое белье, развешивая его на веревке. Валюша пришивает золотистую кайму к подолу синего, как небо за окном, сарафана и думает: «Что такое счастье? Свобода от горя, обид, жалости к себе, от сдавливающего душу, как капкан, одиночества? А может быть это просто надежда на то, что все в будущем будет хорошо? Или способность видеть в жизни только прекрасное?»

С тех пор, как она дала Лешке слово начать новую жизнь, прошло два года. Валюша не позволяет себе оглядываться в прошлое, но

иногда вспоминает шаткий, как мостик между жизнью и смертью, миг, когда все в ее судьбе перевернулось. А началось все с того, что, однажды проснувшись, она заметила, что комната ее замохнатела пылью, заросла хламом и смотрит на нее с немым укором. Впервые за много лет ей захотелось убрать, выбросить ненужное старье, но скоро выяснилось, что надо делать ремонт. Вынося из квартиры мусор, оттирая от въевшейся пыли предметы, покрывая потолок и стены ровными слоями краски, Валюша чувствовала облегчение, которое испытывает хронический больной, у которого постепенно стихает боль.

После ремонта ей понадобилась ветошь для протирки окон. Подтащив к дверному проему стул, она влезла на него, с трудом оторвала друг от друга слипшиеся дверцы антресолей и из первой же картонной коробки вытянула за хвост легкий сарафан, про который давно забыла. Когда-то она сшила его, чтобы позировать Лешке, но картину он не закончил. Остался только бледный силуэт на сером фоне.

Вместе с сарафаном из коробки выпали старые фотокарточки: чумазая крошка в слюнявчике с ложкой, прилипшей к носу, коричневая тень молодой мамы, две очень по-разному улыбнувшиеся фотографу школьницы в одинаковых платьях. Сколько им было тогда? Семнадцать? Восемнадцать?

Со своей единственной школьной подругой Галкой Валюша не виделась с тех пор, как уехала из родного города в Москву поступать в художественное училище. Они не ссорились, не было между ними ни обид, ни зависти, ни ревности, просто вздыбилась частоколом забот и горя разделившая их судьба. А ведь как клялись, что будут любить друг друга вечно! Глядя на веснушчатое Галкино лицо и хитроватую улыбку, Валюша не могла представить себе ее взрослой. Клоунесса и фантазерка ни за что не хотела превращаться в замороженную жизнью женщину. Рядом с ней Валюша всегда казалась себе вялой и бесхарактерной. Увидев свое детское лицо, она невольно подошла к зеркалу и сквозь изморозь побелки будто впервые увидела женщину, совсем чужую, почти незнакомую. Та хотела понравиться ей, улыбнулась, но губы растянулись в горькую гримасу. «Как же я тебя ненавижу», — крикнула Валюша. Женщина в зеркале, страдальчески шевельнув губами, ничего не ответила.

В недрах той же коробки отыскалась записнущка, в которой крупным почерком отличницы были написаны телефоны и адреса одноклассников, чьих лиц Валюша уже не помнила. Пальцы судорожно листали страницы. Вот она — Галка Никулина. Сердце колотилось, как перед экзаменами, пока шел вызов. Он пульсировал медленно, спокойно и, казалось, страшно долго, пока вдруг не оборвался, хриплым

мужским голосом, пролаявшим прямо в ухо: «Слушаю!» От неожиданности Валюша растерялась: «Гая. Гая Никулина здесь живет?» Голос рывкнул: «Щас», и трубку взяла женщина, оказавшаяся Галкиной младшей сестрой Лизой – крошечной Лизкой, которую они когда-то с таким азартом наряжали в сшитые из материнских капроновых платков платица.

Удивительно, но Лизка сразу же ее вспомнила, сказала, что Галка здесь больше не живет, но предложила продиктовать телефон, предупредив, что звонить надо по карточке, потому что напрямую очень дорого. Валюша долго не могла понять, что за странный телефон ей диктуют, а Лиза куда-то торопилась и не сразу догадалась, что Валюша понятия не имеет, что Галка давным-давно уже живет в Испании.

– Что она там делает? – удержала Валюша норовившую улизнуть куда-то Лизку.

– Да у нее там бизнес, позвони ей, она сама тебе расскажет.

Легко сказать. У Валюши чуть ли не неделя ушла на то, чтобы купить карточку и решиться позвонить человеку, который живет в Испании и у которого «свой бизнес». Ей было страшно. Очень страшно услышать голос взрослой Галки. Вернее, страшно, что она окажется совсем чужим человеком. От волнения Валюша несколько раз промахивалась. Вроде бы набирала правильный номер, но отвечали по-испански какие-то посторонние люди. Иногда в трубке звучал ласковый голос автоответчика. Превозмогая себя, Валюша набирала номер до тех пор, пока трубка не ответила.

– Але!

– Галь?

– Валюшка, ты?

– Я!

– Господи, как я рада, что ты, наконец, объявилась! А то Лизка...

– А я-то как рада. Наконец-то дозвонилась до тебя. Как ты там? Галка вздохнула:

– Долго объяснять. Понимаешь, у меня тут ресторан. Мы с одной бабой напополам купили. По уши в долгах. Она испанка. Я шеф-повар, а она клиентов окучивает. Пашу по-черному. Ты лучше приезжай, а то по телефону ничего толком не рассказать. Сейчас ужин, самая закрутка. У тебя интернет есть?

– Да куда мне!

– Ясно. Щас у меня тут все сгорит. Перезвони через пару часов. Я освобожусь, поболтаем. Только обязательно. Я буду ждать. Страшно по тебе соскучилась.

По телефону Галка звучала так, будто они растались вчера, ну, в крайнем случае, позавчера. Однако чувствовалось, что на разговор у

нее не хватает дыхания. Что-то вокруг нее шипело, бурлило, скворчало. С первого же звука ее голоса Валюше стало ясно, что им необходимо увидеться, а для этого придется ехать в Испанию.

Это слово вспыхивало в ее воображении яркими шелками, шелестело шальями, шуршало пышными оборками. Сколько за жизнь в театре она их сшила? Уйму! Но мысль, что она сама когда-нибудь сможет поехать в Испанию, ей даже в голову не приходила. Да что говорить, она и в родной город много лет не ездила, а тут Испания!

Разговоры в костюмерных о гастролях в Мадриде, Барселоне, Севилье бурлили вне ее сознания. Курорты, музеи, страстные танцы, рестораны, пляжи... Все это из красивых слов и приторных, как карамельная тянучка, чужих воспоминаний, вдруг стало оживать, превращаясь во влажную, трепещущую, будто только что пойманная рыба, мечту.

Валюша никогда не вспоминает о том, как трудно было договориться с начальством об отпуске, получить визу, купить билет, как морочили ей голову предстоящей премьерой, заставляли работать сверхсрочно, как нескончаемо тянулось время в душных очередях к окошечкам, за которыми враждебные девушки не хотели выдавать документы, от которых зависела ее судьба.

Она помнила лишь сенсационное оживление, с которым сотрудницы встретили новость о ее поездке. Казалось бы, им-то что? Но они почему-то обрадовались, завалили ее советами: куда пойти, какие экскурсии заказывать, что с собой взять, какие слова учить. Валюша поначалу отбивалась: «Да я ж не на экскурсию. Я к подруге еду». Но женщины наперебой объясняли: «Да ты не понимаешь – там же так здорово!» Глаза их светились воспоминаниями о пережитом счастье. Одна, самая напористая, даже ляпнула: «Наконец-то ты очуталась. А то прям смотреть на тебя тошно. Поезжай, развейся, может мужика себе какого надыбаешь».

Тогда эти разговоры вызывали в Валюше только раздражение – ну что они лезут к ней! Какое отношение они имеют к ее встрече с Галкой? Но сейчас она понимала, что многие годы наполняла пространство вокруг себя таким плотным туманом отчаяния, что все, кто поневоле находились рядом, чувствовали горечь и удушье. Они не знали и не понимали ее, но с облегчением вздохнули, ощутив, что туман рассеивается.

«Шмоток с собой не тащи. Подарков не покупай, мне их все равно хранить негде. Как прилетишь, сразу выходи из таможни и

садись на голубой автобус. Билет стоит четыре евро. Езжай до конечной, это будет Пласа Каталунья. Стой там и жди меня. Только запомни: мой единственный выходной – понедельник, так что в другой день я тебя встретить не смогу...»

Галкины инструкции Валюша выучила наизусть, однако заранее всего не предусмотритишь. В Москве в начале апреля весна еще не вылупилась из ледяной скорлупы. Привыкнув к полугодовому сумраку, о темных очках Валюша даже не вспомнила. А в Барселоне солнце палило, как из пушки. Стоя в зимнем обмундировании в полуголой толпе, ожидавшей вместе с ней автобуса, Валюша чувствовала себя снежной бабой, угодившей на летний курорт. Того и гляди растает. К счастью, автобус пришел быстро, а в нем всюду работал кондиционер.

Экзотических пальм, цветущих акаций, залитых перламутровым светом просторов Валюше вполне хватило бы, чтобы испытать благодарность, но когда автобус поплыл вдоль пышных, как кремовые торты, зданий, кружевных площадей, воздушных арок, устремленных в небо церквей, сверкающих на солнце фонтанов, она успокоилась. Тревога и стыд перестали грызть сердце. Страх, что Галка разочаруется в ней и пожалеет, что пригласила в гости, исчез. При виде плывущего за окном волшебного города, она почувствовала умиротворение, какое бывает только в детстве, да и то во сне: сладком, счастливом сне, от которого не хочется просыпаться.

Наверное, Валюша задремала, потому что вздрогнула, когда водитель что-то буркнул в микрофон, и соседи устремились к выходу. Она, как всегда, была последней. Водитель что-то сказал ей, но она лишь руками развела. Он показал на рюкзак, мол, держи крепче, не зевай, а то вмиг спioniерят. Валюша застенчиво шепнула: «Грасияс», спустилась по ступенькам и оказалась в головокружительной гуще толпы на огромной, круглой, как карусель, площади с фонтанами посередине. Сотни людей переходили улицы, входили в сверкающие двери магазинов, болтали за столиками открытых кафе, считали сдачу, курили, покупали цветы, говорили по мобильникам, ползли в автомобилях, неслись на мотоциклах, тащили к останковке чемоданы, ловили такси, смеялись, целовались... Валюша мгновенно охватила взглядом всех. Но Галки не было! Сотни тревожных мыслей набросились на нее: «Забыла, заболела, опоздала, угодила в аварию», но вдруг из-за спины раздался голос:

– Гражданочка! Вы не меня тут поджидаете?

Валюша обернулась и оказалась в Галкиных объятьях. Казалось, не было ни долгих лет разлуки, ни одиночества, ни черного, как вечная ночь, отчаяния.

– Галочка моя, какое счастье, что ты приехала, – всхлипывала

Валюша на плече у высокой, элегантной дамы, рядом с которой сама она выглядела, мягко говоря... Впрочем, какая разница! Кто бы хорошо выглядел после бессонной ночи да еще в зимней куртке с капюшоном, сапогах и рюкзаком на плече? Главное, что Галка была рядом и такая же родная и любимая, как в детстве.

– Да разве ж это я? Это ж ты ко мне приехала!

Валюша вытирала слезы о Галкино плечо.

– Да это я от радости. Господи, да неужели же это все на самом деле!

Валюша пыталась справиться со слезами, но не могла. Галка прижимала ее к себе, гладила по голове и уговаривала:

– Валюшка, ну не плачь, а то я тоже зареву, и вся моя штукатурка поплывет. Пошли скорей на поезд.

Валюше хотелось удлинить мгновение встречи, всмотреться, вжиться в родное лицо, свести концы с концами двух разорванных судеб, но Галка торопила.

– Бежим скорее. Поезд ждать не будет. За две недели и наговоримся, и насмотримся. Давай сюда рюкзак!

Валюша знала – спорить бесполезно. Еще в школе она привыкла беспрекословно слушаться подругу, и сейчас рефлекс сработал безотказно. Она сглотнула дюжину крутившихся на языке вопросов, покорно сунула в протянутую руку свой выдавший виды рюкзак, и, как ниточка за иголочкой, побежала за Галкой.

Путь до поезда сжался в мгновение. Мелькнули мутные, как на полужасвеченной киноплёнке, кварталы. Перед светофорами Галка брала ее за руку и как ребенка переводила через дорогу. В памяти остался только яркий, восхитительный запах кофе, которым, казалось, была пропитана утренняя Барселона.

А в поезде Валюшу ждал еще один сюрприз. Едва усевшись у окна в полупустом прохладном вагоне, Галка протянула ей пожелтевший по краям листок в линейчку.

– Смотри, Кошкина, что я для тебя припасла!

Еще не развернув, Валюша ахнула. Сколько же лет ее никто так не называл? В ЗАГСе Лешка шутил: «За отличную службу повышаю вас, товарищ Кошкина, в звании». Так она превратилась в Львову, и с тех пор забыла о своей девичьей фамилии. А ведь как страдала в детстве. Как мечтала стать Солнцевой, Виноградовой или Добронравовой...

На листочке было написано:

«Сочинение на тему: ‘Человек, с которого я хочу брать пример’
ученицы четвертого класса «Б»...

Валюша глазам своим не верила.

– Галь, откуда это у тебя?

Та хитро усмехнулась:

– Места надо знать. Да ты читай, вслух читай.

Поерзав от неловкости, оглянувшись на сидевших в другом конце вагона туристов с чемоданами, Валюша глубоко вздохнула и негромко, так, чтобы только Галка слышала, начала:

«Сперва я хотела брать пример с пионера-героя Володи Дубинина. Он помогал партизанам во время Великой Отечественной войны. Если бы сейчас была война, я бы тоже помогала, но пока мирное время, буду брать пример с Гали Никулиной. Она моя лучшая подруга и очень хорошая девочка. Веселая, умная, деловая. Получает хорошие отметки и ведет общественную работу. А еще мне нравится ее мама, тетя Тамара. Она вкусно готовит и работает водителем грузовика. Ее все боятся, потому что уважают. Я люблю ходить к ним в гости, а то у нас бабушка все время стонет, и мама жалуется, что мы ей жизнь заели. А тетя Тамара не жалуется, хотя крутится одна с двумя детьми, как белка в колесе. Мне кажется, что таким людям, как она, легче жить, потому что они не отступают перед трудностями. Я тоже так хочу».

Валюша вся увлажнилась.

– Неужели это я написала? Пряма не верится. И за что мне только Бомба двойку влепила?

Галка протянула ей салфетку:

– Кошкина ты, Кошкина. Когда ж ты повзрослеешь. Ты еще ороси мне тут слезами весь Иберийский полуостров. Сразу все виноградники погибнут. А что, ты запросто...

Валюша вытерла глаза.

– Галь, да ведь это я от любви. Скажи, где ты его взяла? Я прям будто в детство нырнула.

Галка усмехнулась.

– Украла я его, Кошкина. Прямо с учительского стола. Папаша мой – вор был. Настоящий, профессионал. Это я в школе заливала, что он геолог, мол, и всю жизнь по командировкам мотается. А он срок за сроком мотал. Мама меня правильно воспитывала, но от папашинных генов куда денешься? Так что пока ты в туалете из-за своей двоечки рыдала, я твое сочинение потихоньку спioniрила. Все ж таки не каждый день о нас с мамой такое пишут. Видишь, она тебе двойку на пятерку переправила, и до самой смерти среди своих документов хранила. Я после похорон в шкатулке нашла.

Валюша ахнула.

– А давно она?..

Галка замотала головой, как от сильной боли, но потом все же скороговоркой выпалила:

– В прошлом году. Рак. Усохла вся, но виду не подавала и к врачам не ходила. Папаша ее угробил. Знаешь, она такая сильная и независимая была, а как этот упырь с зоны воротился, сама не своя стала. Слово поперек ему не скажет. А он бил ее. Так бил, зверюга! Она ни в чем ему не перечила. Любила и всю жизнь ждала. Ну и как мне, спрашивается, после такого было замуж выйти? Да я ни одному мужику над собой власти не давала...

Валюша хотела ее обнять, но Галка отвернулась.

– Я щас зареву. Давай потом поговорим. Ты не думай, что я такая каменная стала, просто реветь больше не хочу. От слез слабею, а мне сильной надо быть. Ты посмотри пока в окно. Не каждый день тебе Испанию показывают.

4

Летели, плыли навстречу Валюшину распаханному взгляду опушенные фисташковой дымкой деревья, золотистые пастбища, кудрявые, как овечья шерсть, облака. Сияли под солнцем лиловые, розовые от цветущих трав горы. Праздничной стайкой выбегали к путям белые домики с гирляндами цветного белья на балконах. Приветливо улыбались чистенькие станции, отрешенно и торжественно смотрели в небо соборы. Мелькали автозаправки, кафе, киоски. Изредка вдали проплывали развалины древнего замка или крепости. И Валюше казалось, что она спит. Мягкая скороговорка колес, иноязычный гомон соседей, грохот прожитых лет, нежная мелодия вновь обретенной любви слились в ее душе в симфонию, под которую она и впрямь уснула, а проснулась, лишь когда Галка тихонько поерзала плечом под ее щекой.

– Просыпайся, Валюшка, приехали. Сейчас начнется для тебя «пытка роскошью».

Это была любимая Галкина фраза. Она подцепила ее у своих любимых Ильфа и Петрова, которых в школе постоянно цитировала. «Пытка роскошью» была, когда в школьном буфете им удавалось купить свежие сырки с изюмом или сбежать с пионерского сбора на индийское кино... И все же Валюша вздохнула свободнее, когда на парковке возле станции Галка подвела ее не к роскошному «Мерседесу», а к старенькой «Тойоте». Такую пытку Валюша могла выдержать.

Сейчас, вспоминая свою жизнь после Лешки, Валюша не помнит ничего, кроме надежды увидеть его во сне. Годы ее молодости будто ухнули в черный колодец. А вот свою первую поездку с Галкой по горной дороге на старушке «Тойоте», которую та называла «Белочкой», запомнила по минутам. И то, как вжималась в сиденье,

охала, на каждом вираже хватаясь за ручку двери. И то, как Галкин профиль становился все суровее, и то, как она вдруг остановилась на крошечном пятачке под скалой и сказала:

– Все! Выходи. Дальше я тебя не повезу. Либо ты перестаешь дрожать, как овечий хвост, либо идешь пешком.

От такого разворота Валюша опешила. Она не знала, то ли ей обидеться, то ли... Не могла же она в самом деле идти пешком. Но и перестать бояться тоже не могла. Как это? Всю жизнь боялась и вдруг перестать?

Галка объяснила:

– Чтобы перестать бояться, надо расслабиться, а чтобы расслабиться – надо очень сильно напрячься. Зажми все свои мускулы, собери всю себя в кулак, сосчитай до десяти и отпусти. Повтори три раза. Вот увидишь – страх уйдет.

И действительно, страх пропал. Зато Валюша во много раз острее ощутила запахи трав, цветущего вдоль дороги шиповника, нежный запах сухой глины, раскаленных на солнце скал, сладковатый запах резины, бензина, асфальта, Галкиной косметики, старой обшивки, собственного пота и неизвестно откуда прилетевший запах моря. Оно появилось позже и заполонило собой весь горизонт. Казалось, раньше страх забивал все ее органы чувств. Сейчас она дышала полной грудью и наслаждалась каждым вдохом.

5

Что такое счастье? Это миг, в который понимаешь всю закономерность бытия. Связь прошлого, настоящего и будущего. Мгновение, когда полностью меняется все твоё мировоззрение, а вслед за ним меняется твоя судьба. Валюша ощутила его в полной мере, когда стояла на вершине горы и смотрела на открывшуюся перед ней панораму. Она почувствовала, как душа ее раскрывается навстречу жизни, а два разорванных конца ее судьбы соединяются. Детство, – почти забытое, казалось, навсегда ушедшее, оказалось совсем рядом, только руку протяни, а страшный жизненный опыт рассеялся, словно его и не было. Она соединилась с синим простором, почувствовала родство с травой, цветами, воздухом, светом. Внутренним зрением увидела, как в двенадцать лет они играют с Галкой в птиц, набросив на плечи мокрые простыни, которые тетя Тамара попросила развесить на веревке во дворе. Как они летают, кружатся, машут мокрыми цветастыми крыльями. Передразнивая училку биологии, Галка картавит: «Я, Гавка, – хозяйка двогов и помоек, цагица сгедней полосы Госсии». А Валюша чувствует себя ласточкой, маленькой, юркой ласточкой, живущей в отвесной скале над морем.

Откуда в ее детском сознании возникла эта картина? Стоя рядом с Галкой на скале, с которой открывался вид на все побережье, она вспомнила, что когда-то все это уже видела, что еще в детстве получила телеграмму из будущего, – и вот оно наступило. Прозрачный, душистый воздух, вечная красота природы наполнили ее такой силой и благодарностью, что она почувствовала свободу от жизненных пут, от себя, от прошлого и будущего. Она поняла, что этот миг освобождения останется с ней навсегда. Радость, легкость бытия, которые, казалось, навсегда покинули ее, вернулись, – так, будто из внутреннего застенка она вышла на свет Божий.

Галка молча стояла рядом. Она знала, что происходит в душе подруги и понимала, что любое слово, даже самое сочувственное, может помешать творившемуся рядом с ней чуду. Она нарочно повезла Валюшу со станции домой не по шоссе, а длинной дорогой, петляющей через горный заповедник, чтобы поделиться с ней самым прекрасным и самым дорогим в своей судьбе.

Она тоже когда-то, оказавшись в этом месте, круто поменяла ее, – ушла с престижной работы, порвала близкие, но слишком тесные отношения; поселилась у подножья этих гор и стала тем человеком, которым должна была стать.

«Боже мой!» – повторяла Валюша уже в машине, когда из-за каждого поворота открывались виды один прекраснее другого... «Боже мой!» – ахнула, войдя в Галкину квартиру, и сразу увидела, как много в ней воздуха и света. Окна были распахнуты. С балкона было видно море, высились вдали развалины старинной крепости, шумела внизу курортная жизнь. «Боже мой, как тут у тебя красиво», – повторяла она, рассматривая рисунки на стенах, иконы в нише, ковер на полу, букеты из трав, коралловые ветки, раковины, книги... Вещей было немного, но все были очень красивыми и гармонично соединялись в общую картину. А Галка, как всегда, отшучивалась: «Для вас, милочка, старались. Сама-то я здесь только ночую. Как уйду с утра, так без задних ног приползаю ночью и валюшь без памяти. Знаешь, как древние говорили – ‘счастье в труде’. Вот у меня этого счастья всю жизнь было навалом. Я даже окна открытыми держу, чтобы хоть мухи погостить прилетали. Слава Богу, хоть ты теперь порадуешься».

Валюше казалось, что она жила здесь всегда; казалось, ей знакома каждая вещь. Не то чтобы она когда-то все это уже видела, но она сразу почувствовала родство со всей Галкиной жизнью, а та объясняла: «Ты пойми, каждая вещь – это портрет души человека, который ею владеет: картины, дома, еда, которую мы готовим, одежда, которую выбираем, любое дело наших рук». Тут Валюша вспомнила, что

привезла Галке в подарок сарафан, который полгода назад нашла в коробке на антресолях. Она достала из рюкзака сверток, развернула, и в глаза брызнула шелковая синевя ткани, сверкнула серебристая кайма оторочки.

Галка радостно и смущенно замахала на нее рукой: «Да что ты, зачем? Такая красотища! Да мне такое не идет», но все же побежала к зеркалу и прикинула на себя. «Снегурка переросток, – рассмеялась она, увидев в зеркале свое отражение, – я же говорила, что мне такое не идет. Ничего, сама будешь носить. За тобой по набережной толпы будут бегать.» Валюша смутилась, вздохнула, но не огорчилась, а просто подумала: «Ничего, другое сошью».

6

Валюша любовалась тонущими в зелени белоснежными домиками, нанизанными на ниточки улиц, круто взбегающих к небу от самой набережной, но воспринимала их как жемчужный узор по темно-зеленому бархату. Она гуляла по набережной, пестреющей гостиницами, ресторанами, пляжными магазинчиками, засаженной пальмами, засиженной туристами, шумящей, фланирующей вдоль золотистых пляжей толпой, но воспринимала ее, как парчовую кайму, отделяющую зеленый бархат от синего, сияющего серебряным люрексом, шелкового моря.

Шить она умела с детства. При мысли о маме в памяти возникали не лицо, не улыбка, не голос, а стрекот швейной машинки и склонившая над ней скорбная фигура, которую Валюша видела, просыпаясь и засыпая на своей раскладушке. Мать тоже спала на раскладушке. Но спящей Валюша ее отродясь не видела. За ситцевой занавеской на кровати с железными шишечками безмолвно молила о смерти бабушка. Ее горящий взгляд, – единственное, что осталось живого в ее неподвижном иссохшем теле, – был прикован к иконе, с которой так же неподвижно и молча, но сурово и безучастно смотрел на ее страдания Бог. Из-за бабушки мама на работу не ходила, соседушки называли ее «кустарем-одинокой». А еще они говорили, что она «халтурит», хотя к работе мама относилась очень ответственно.

Для маленькой Валюши такие диковинные слова как «оверлок», «реглан», «манжета», были такими же привычными, как для соседских девчонок «скакалка» или «качели». Со двора целыми днями доносились удары мяча, скрип качелей, смех, лай, визг, ругань, вой гармошки, стук домино, крики соседок, звавших детей домой. Казалось, весь их огромный дом жил во дворе, а в пыльных и узких норах люди только спали. Но мама сама во двор не ходила и Валюшу не пускала. Шум жизни заглушала швейная машинка, игрушки ей

заменяли пуговицы, катушки и обрезки разноцветных тканей, а лучшими подружками чуть ли не с рождения были иголка с ниткой.

Когда в пятом классе на урок рисования завуч привела новенькую, Валюша увидела, как из-за дородной, похожей на белый батон фигуры сначала высунулось остроносое веснушчатое лицо, а потом показалась долговязая худая фигурка девчонки по имени Галя Никулина. С ее появлением Валюшина жизнь круто поменялась. Она превратилась в праздник, в цирк, в театр одного актера. А для него необходимы были костюмы. Много костюмов. Так в Валюше зародилась мечта стать театральным художником-модельером. Вместо бытовой униформы, которую шила мать, ей захотелось создавать яркие, крылатые, легкие, веселые костюмы.

Сразу после выпускных экзаменов Валюша поехала в Москву поступать в театральный институт. Мать, конечно, уперлась, – мол, не пушу, не думай, в доме ни копейки; но деньги на поездку дала Галкина мама, тетя Тамара. Провожая ее на поезд, она наставляла: «Главное, замуж сразу не выскочи. Жизнь так прекрасна и непредсказуема. Не спеши отдать ее мужчине». Валюша послушно кивала, но обещания своего, конечно же, не выполнила.

В Москве она растерялась, испугалась, почувствовала, что своей здесь никогда не станет. Огромная, враждебная машина сдавила ее. Ей все время хотелось забиться куда-нибудь в угол. Ее провал на экзаменах был неизбежен. Бывалые девчонки, не первый год с боем штурмовавшие вожаденный вуз, авторитетно заявляли: «Да ты что, без блага да без трудовой книжки сюда и соваться нечего. Беги, пока не поздно, в швейное училище». О возвращении домой не могло быть и речи. Валюшины мечты, как яркие ленты, спутались в клубок, который выпал из ее рук и покатился до самого входа в швейное профтехучилище. Его поднял и отдал в руки худенький, щупленький парнишка в измазанных краской джинсах. Его звали Лешкой. Он учился в том самом институте, куда Валюшу не приняли, а в училище пришел, чтобы найти кого-нибудь, кто сшил бы костюмы для учебного спектакля, в котором он был художником. Этим человеком и стала Валюша.

7

А вот Галка о Москве даже мечтать не могла. Она отлично училась, могла поступить в любой институт, но тут из Сибири вернулся ее отец. Едва порог переступил, как начался мордобой. Дочерей он не трогал, но жене прямо с порога «всадил промеж рог». Тетю Тамару как подменили. Она молча сносила побои. Галка с Лизкой половицей скрипнуть боялись. «В кулинарный пойдешь – отрезал отец, когда Галка принесла домой свой пятерочный аттестат, – хлеботорам при

любой власти жизнь – ‘малина’.» Спорить с отцом было опасно. Со дня его приезда они жили, как на войне. Предать мать и сестру, бежать, оставив их наедине с врагом, Галка посчитала бессовестным. Она бы послушалась его, даже если бы он приказал ей на стреме стоять или шелушить чужие карманы в автобусе, а уж учиться в кулинарном техникуме – считай, легко отделалась...

Галка возвращалась из ресторана за полночь. Валюша ждала ее, с вопросами не лезла, давала отойти от «ударной вахты». Ставила перед ней травный отвар, давала выкурить на балконе сигарету в полном одиночестве. Через некоторое время Галка приходила в себя. Речь становилась живее, через полчаса она уже смеялась.

В Галкином ресторане Валюша побывала только однажды, в первый день после приезда. Он находился на главной площади. Дом был старинный, с высокими длинными окнами. Внутри сохранилась лепнина и ручная роспись на стенах и потолке. Проведя Валюшу по залам, Галка отворила дверь в сад, где цвела акация и тихо журчал фонтан. Она накрыла стол чистой скатертью, принесла из кухонной пристройки закуски, посуду, откупорила бутылку вина.

– Ты у меня сегодня – главный дегустатор. Ешь внимательно, скажи, что не так, – приказала она Валюше.

Та разволновалась:

– Да я в жизни ничего вкуснее не ела, Галка – ты гений, а я всю жизнь бутербродами питалась. Толком суп сварить не умею.

– Э, голубушка, суп сварить – большое искусство. Вот попробуй эти креветки. А вот баклажанчики.

Весь день был так наполнен впечатлениями, что есть совсем не хотелось, но стоило Валюше отведать Галкиных закусок, как ее обуял такой могучий голод, что она вмиг умяла все, что было на тарелках. Воспользовавшись тем, что Галка снова убежала на кухню что-то жарить и взбивать, Валюша даже всплакнула от наслаждения. Из кухонной двери тек божественный аромат мяса с травами, в окне мелькала сосредоточенная Галкина фигура в фартуке и туго повязанном платочке. Жизнь оказалась действительно прекрасной и непредсказуемой, но Валюша только сейчас об этом вспомнила.

В тот вечер они с Галкой выпили две бутылки вина, пели «Беловежскую пушу» и «Два кусочка колбаски у меня лежали на столе», потом Галка включила музыку, и они танцевали. Вечер был безветренный, ярко горели в стеклянных вазах свечи, воздух искрился светлячками, жарко сияли над головой звезды и широко улыбалась полная Луна.

Они долго не могли уснуть. Сидя на балконе, Галка рассказывала Валюше о себе:

— Это я с виду такая сильная да деловая, а были моменты, когда хотелось только умереть. Особенно когда Петя ушел. Муж мой. Мы прожили с ним всего три месяца. Я души в нем не чаяла. Мужчины у меня и раньше были, но его я полюбила с первого взгляда и на всю жизнь. Никто его заменить не смог.

Валюша робко спросила:

— Как ушел, умер?

— Нет, просто однажды исчез. Ни записки, ни звонка. Я все больницы, все морги облазила. А он через два месяца объявился в монашеской рясе, в бороде, с крестом на груди. Ничего объяснять не стал. Сказал, что с ним случилось чудо, и Господь призвал его на служение. Раньше он был душой компании — песни, танцы, вино, шутки, анекдоты. А тут такой весь строгий стоит, каменный; смотрит, будто я где-то совсем далеко от него. Когда уходил, даже не обнял меня на прощание. Не хотел веру свою замарать. Вот когда мне совсем худо стало.

Пока я думала, что он погиб, больно было, страшно, но оставалась надежда, что он найдется, а главное, что он любил меня, а когда он такой чужой вернулся, чтобы объявить, что уходит от меня навсегда, я думала, с ума сойду от обиды. В такой мрак рухнула, откуда только два выхода было: сумасшедший дом или Церковь. Я выбрала Церковь. Год по монастырям скиталась, грехи отмаливала. Потом послушницей стала. У владыки на кухне четыре года вкалывала, без благословения в туалет сходить боялась. Понасмотрелась там всего, поняла, что между мной и Богом слишком много посредников, и сбегала. С тех пор меня в храм не затащишь. Бог — он ведь везде: и снаружи, и внутри. Главное, его почувствовать и ни на кого свои грехи не перекладывать.

Валюша даже рот открыла от удивления.

— Галка, по тебе никогда в жизни не скажешь, что ты верующая.

— А я со своей верой никому в душу не лезу, только тебе рассказывала, как-то само собой получилось.

— А как ты в Испании оказалась?

— Да как все. Приехала и осталась. Десять лет была нелегалкой. Сейчас у меня и гражданство, и бизнес свой, только ни семьи, ни детей нет, да, наверное, уж и не будет...

Разговоры, разговоры... Валюша отогревалась сердцем во время этих долгих разговоров с Галкой. Как две прялки они разматывали клубки воспоминаний, создавая узорную ткань своего прошлого, и не было на свете для Валюши ничего дороже этой близости. Две недели тянулись медленно, а пролетели быстро.

«Вот и все, кончился праздник», – не в первый раз подумала Валюша, когда Галка, оставив ее ночевать у своей барселонской подруги Саши, умчалась на вокзал. Прощаясь, обе ревели. Обeim не верилось, что вот сейчас оборвется такая долгожданная и желанная для них близость. Утром Валюше надо было ехать в аэропорт, а потом... Нет, сейчас она думать о предстоящем возвращении не хотела, просто не могла.

Наотрез отказавшись от ее помощи, Саша убирала тарелки после ужина. По узкой металлической лестнице Валюша поднялась на второй этаж в свою комнату. В ней было душно, неуютно, тоскливо. Летом все комнаты в Сашином пансионе бывали заполнены туристами. Она сдавала их дешевле, чем другие хозяева, а эту, нависавшую над хозяйской кухней комнатку, вообще сдавала студентам забесценку.

Спать ложиться было еще рано. Валюша решила пройтись по старинной улице, на которой находился пансион. Главное, никуда с нее не сворачивать. Выйдя на лестницу, она столкнулась с соседями, только что вернувшейся с прогулки итальянской парой: красивый, лет сорока пяти, муж и совсем юная жена. Все трое обменялись ставшим для Валюши привычным приветствием: «Ола!» – и еле разминулись на крошечном пятачке перед лестницей.

На улице стемнело. У входов в бары клубился сигаретный дым. Воздух звенел голосами, смехом, музыкой, несшейся из открытых дверей кафе. Мясные, зеленные, рыбные лавки еще не закрылись, но покупатели уже разошлись. Продавцы-арабы стояли на улице, о чем-то беседуя и провожая ласковыми взглядами всех проходящих мимо женщин.

Валюша шла, благодарно растворившись в звенящей атмосфере вечерней Барселоны. Ей было хорошо, но грусть от скорого расставания с этим прекрасным, чужим, но всего за две недели ставшим для нее таким любимым, миром пронизывала до глубины души. Она поймала себя на том, что позавидовала собачке, идущей на поводке, рядом с погруженным в свои мысли хозяином. «Я уеду, а она останется и будет жить здесь, даже не понимая своего счастья», – подумала она и сама себя одернула: «Ну и ничего страшного, уеду, а через год снова вернусь, наша связь с Галкой не оборвется, есть телефон, есть надежда на новую встречу, а сейчас надо жить моментом, не боясь будущего и не оглядываясь в прошлое.»

Было уже совсем поздно, когда Валюша вернулась в гостиницу. Она открыла дверь в прихожую, боясь споткнуться в темноте, прокралась через столовую к лестнице и поднялась на второй этаж. Дверь в ее комнату была не заперта. Ключ торчал в замке. Комната

впитала в себя весь жар дня и все запахи Сашиной кухни. Там весь день жарили лук, чеснок, рыбу, картошку, Сашин муж много курил. Валюша почувствовала, что задыхается. Она показалась себе вареной цветной капустой, плавающей в горячем густом супе. Ночная рубашка на ней сразу же промокла, и пришлось ее снять. Глаза слипались, но стоило забыться, как духота выталкивала наружу. Промучившись около часа, она приняла снотворное и провалилась в тяжелый сон, однако среди ночи очнулась и не сразу поняла, где находится.

Ей хотелось в туалет, но сон все еще цепко держал ее за косу. Какое-то время она лежала в надежде, что вновь удастся уснуть. В комнате было темно, лишь электрические цифры будильника показывали три часа ночи. Тем не менее, встать все же пришлось. Включив свет, Валюша открыла дверь в коридор и едва сделала шаг наружу, как заметила сидящего на лестнице мужчину. Он обернулся и весь подался к ней. Валюша испугалась, вдруг осознав, что абсолютно раздета. Резко развернувшись, она юркнула к себе и захлопнула дверь. «Что он там делает? – подумала она, – как же я теперь выйду?» Надев сарафан, она еще долго не решалась выйти в коридор, хотя очень, очень надо было. Чуть успокоившись, она открыла дверь... Сосед ждал ее у входа. Не грубо. Нет! Очень, очень нежно он обнял ее. «Белла, белла», – повторял он. Губы его тянулись к ее губам, глаза смотрели с такой мольбой, будто от ее ответа зависела вся его жизнь. Он был похож на умирающее от жажды животное. Казалось, стоит ответить на его поцелуй, как... Мысль о его юной жене стрелой пробила непонятно откуда взявшуюся связь с этим незнакомым человеком. Валюша оттолкнула его, влетела в ванную и с силой дернула защелку. Сердце билось в горле. Было странно, страшно и стыдно. «Господи, ну что ему от меня нужно?»

Она долго сидела на унитазе. Казалось, весь ее организм замер от изумления. Она надеялась, что итальянец понял ее и ушел, но стоило открыть дверь, он был тут как тут. Он целовал ее в шею, гладил волосы, прижимал к себе ее руки. Валюша не сразу нашла в себе силы оттолкнуть его. Но уж как решилась, сказала:

– Но!

– Но? – изумленно спросил он.

– Но! – ответила она и скрылась за своей дверью.

Запершись на защелку, она приняла еще одну таблетку, погасила свет и сразу же уснула. А утром случившееся ночью показалось ей бредом.

Она встала, уложила в рюкзак ночную рубашку, оделась для дороги в аэропорт и вышла, чтобы почистить зубы. Итальянец стоял рядом с ее дверью. Взгляд его был пропитан обидой и чем-то еще, в

чем Валюша не захотела разбираться. Она ответила на его взгляд твердо и без тени вины, тем более, что из комнаты напротив как раз в этот момент вышла его жена, и вместе они стали спускаться по лестнице.

Взволнованная, рассерженная, Валюша решительно повернула несколько раз ключ в двери, но положить его было некуда, к тому же он был слишком большой, поэтому она просто оставила его в замке. Почему она это сделала, она потом сама понять не могла.

Тем не менее, ее порыв имел странное продолжение. Почистив зубы, она хотела было вернуться в комнату, но ключа в двери не было. Не испытывая особого волнения, она сбежала вниз, думая, что, может быть, он зачем-то понадобился Саше, но все оказалось намного сложнее. Промучившийся всю ночь без сна итальянец с сегодняшнего дня снял Валюшину комнату и потребовал ключ. Сашин муж попытался объяснить, что ключ слишком большой, замок старинный и они им никогда не пользуются, но итальянец настаивал. Сашин муж сбегал за ключом и, не подозревая о том, что дверь заперта, отдал его итальянцу. Сам сразу же убежал на работу. Итальянцы тоже вышли на улицу. Мгновенно осознав весь абсурд произошедшего, Валюша выскочила за ними на улицу, надеясь догнать, но было поздно. Они уже растворились в многомиллионном городе.

Ужас был в том, что второго ключа у Саши не было, дверь была громоздкая, старинная, взломать ее было невозможно. По крайней мере, сама Саша сделать этого не могла. В комнате остались билет, паспорт, вещи, деньги. Валюше надо было ехать в аэропорт, но куда ж поедешь без билета и паспорта? Что делать, было абсолютно непонятно. На нервной почве Сашу разбирал смех. Валюша, наоборот, была очень испугана. Единственным правильным решением ей показалось позвонить Галке. Пока она сбивчиво рассказывала ей о случившемся, та сосредоточенно слушала. Валюше казалось, что сейчас Галка что-нибудь придумает, и все разрешится к лучшему, но она никак не ожидала, что та скажет:

– Знаешь, Валюшка, давай-ка возвращайся ко мне. Я и так-то не хотела тебя отпускать, а сейчас сама судьба распорядилась...

Валюша застонала:

– Но мне же завтра на работу. Что я скажу начальнице? Билет пропадет. Нет, это ужас. Ужас!

– Ничего неправимого не случилось. Все как-нибудь устроится. Может тебе вообще не стоит возвращаться. Давай, дуй ко мне. Саша проводит тебя на вокзал, купит билет, а я встречу тебя на станции. Главное, не расстраивайся и ни о чем не беспокойся. Я с тобой.

Почему-то после разговора с Галкой Валюша совершенно успо-

коилась. С судьбой не поспоришь, тем более, что уезжать так не хотелось. Перед выходом из дома Саша приготовила яичницу, сварила кофе. За завтраком Валюша рассказала ей о своем ночном приключении с итальянцем. Когда она дошла до того момента, как ей стало стыдно перед его юной женой, Саша вдруг расхохоталась.

— Да это не жена его, а дочь!

Валюша даже руками на нее замахала.

— Не может быть! Откуда ты знаешь?

— Да он сам сказал. Эх, упустила ты, подружка, свой единственный шанс.

Валюша только горестно вздохнула.

9

С тех пор прошло полгода. Она так и не вернулась в Москву. Она живет у Галки. Вместе им хорошо и спокойно. Тихо стрекочет швейная машинка. Ветерок парусом надувает шелковую занавеску. Валюша шьет новый сарафан на продажу. Галкина подруга Маргарита, владелица модного бутика на набережной, увидев ее эскизы, пришла в такой восторг, что согласилась продавать все, что она сошьет.

Изредка, отвлекаясь от работы, Валюша гладит свой сильно округлившийся живот. Она ждет сына. В том, что это будет именно мальчик и звать его будут Алешка, она не сомневается.

Полгода назад, возвращаясь из Барселоны без вещей и паспорта, Валюша не знала, что ждет ее впереди, но вдруг ощутила странную, иррациональную надежду на то, что жизнь ее круто переменится. Как это произойдет, она не знала, но ощущение счастья зазвучало в ней, как прекрасная, давно забытая музыка.

А на следующий день после ее возвращения Галка позвонила с работы. Голос ее охрип от возбуждения.

— Кошкина, пожалуйста не падай в обморок, но к тебе едет твой итальянец.

— Как едет? Куда? Зачем?

— Он везет твои вещи. Сашка рассказала ему о том, что с тобой случилось, и он потребовал адрес. Она только что звонила и сказала, что он уже выехал. Готовься, Кошкина. Когда именно он приедет, я не знаю, но лучше не выходи из дома и жди. По-моему, он в тебя втюрился.

— Но что я ему скажу?

— Не думай об этом. Приедет, сама разберешься.

Валюше стало одновременно и страшно, и радостно. Несколько часов она от волнения себе места не находила. Когда итальянец нако-

нец появился на пороге Галкиной квартиры, ее поразило жалкое, виноватое, очень взволнованное выражение его лица. Это выражение и решило ее судьбу. Валюша сжалилась над ним. На мгновение она почувствовала такую любовь и благодарность к этому незнакомому человеку, что, казалось, никого ближе его и быть не может. Она шагнула ему навстречу, и он обнял ее.

Валюша не знала ни одного слова по-итальянски, он не знал русского, но чтобы понять друг друга, им хватило одного взгляда. «Да, да, да», – выдохнула она, когда он обнял ее. «Да, да, да», – повторил он, целуя ее лоб, губы, шею. Их любовь длилась несколько часов, а потом он уехал. Ему надо было возвращаться в Барселону к дочери. Единственное, что она узнала про него, что его зовут Серджио. Валюша могла бы разыскать его через Сашу, но не хочет. Все самое величественное и прекрасное между ними уже случилось. Всю свою любовь она теперь отдает живущему в ней ребенку. Еще не родившегося сыночка они с Галкой уважительно называют Алексеем Сергеевичем. Валюша постоянно ощущает в себе его присутствие. Она больше не плачет о прошлом, не боится будущего. После стольких лет безнадежного горя она впервые наслаждается каждым мгновением своей жизни и благодарна судьбе, вложившей в ее руку ключ от счастья.

Нью-Йорк

Янислав Вольфсон

там за окном милиция
заночевал в гостях
пришел на репетицию
и плакал как дитя

вахтерша белолицая
просцениум метя
пришел на репетицию
и плачешь как дитя

в зеленой майке с птицею
без грима и дождя
пришел на репетицию
и плачет как дитя

по давешней традиции
в седьмом ряду свистят
пришел на репетицию
и плачешь как дитя

и примадонна ситцевая
как будто на сносях
пришла на репетицию
но плачет как дитя

туман в углу клубится и
и сцена-то пуста
отмена репетиции
тарашится с листа

ГОРОДСКОЕ РОМАНСЕРО
Зашивал как-то рваную рану я
Чуть не час над проклятой корпел
Разговаривал с парнем про разное
Одного лишь спросить не успел

Он лежит в охлажденной прозекторской
Пинту крови своей не добрав

замызганной музы двора поставщик
влагающий камень в ухмылку пращи
не целясь такой сообщает куплет
что замертво падай
и тихо лежи повторяя губой
его для других зашифрованный вой
который тебе боевой амулет
посмертной награды

БЕГСТВО

В. И. Порудоминскому

...почему в Египет? Что там дают?
Свистки лангустам? Мартышке – труд?
Отпускают все вины?
Там же грязь, и песок, и отбросов ил,
и сидят весь день меж своих могил
бедуины.

Мне так мало месяцев, что понять,
куда меня тащат отец и мать,
всего закутав,
я не могу, и тому и рад,
и хочется спать, и в тень, и в сад,
и пить, и кушать.

Отчего же морщина лицо кривит
отцу и матери, и горит,
кровав, как подделан,
закат в пустыне, пустой намек
на будущий или прошлый урок
простого напева.

Жизнь мою крохотную спасти,
сердце мое спрятать в горсти,
чтоб уцелело,
я понял это только сейчас,
и воздух стал ядовитый газ
из змеиного зева.

Пытаюсь, спасибо, выходит вон
только какой-то мычащий стон,

меня не слышат,
не оборачиваются ко мне
и греют на камне и на огне
какую-то пищу.

Тшусь понять, хоть навряд ли надо,
почему в Египет, а не в Канаду,
лежу, нутужась,
там же сплошные рабы, арабы,
в позе собаки застывшие бабы
и прочий ужас.

Может, этот полет в Египет
будет на камне холодном выбит
как назиданье
тем, кто, сомнением весь изъеден,
не от победы бредет к победе,
а от раны к ране.

Без объяснения и намека,
как задание на дом после урока,
как факта вожжи,
дескать, смотрите, какие ране
были решительные все крайне,
не то, что позже.

Но вот что сердце младенца гложет:
это не главное бегство. Может,
главное – дальше.

Когда каждый тихо и в одиночку,
уставившись в небо, словно в точку,
без лжи и фальши,

побежит по пустыне,
пока не простынет,
раскинув руки,
пока не исчезнет
в дали железной,
и тьме упругой.

А что же было все это, выше?
Не вычтет время, но, может, спишет
на чудищ облых...

Это не бегство еще, не бегство,
это не детство уже, не детство,
а краткий отдых

на пути в Египет. И вот картина
про старца в дороге с женой и сыном
в любом пейзаже
наводит резкость на наши будни,
на то, что не было, было, будет,
и страшно даже

за эту паузу под навесом
яркого солнца в песках белесых,
покой и волю
и всё, чему уже есть синоним,
за близких, дальних и посторонних
каких-то, что ли...

...но в путь пора. И меня уносят.
И кто-то слышу, не влагу просит,
но снисхожденья,
за всё, что вынес или не вынес.
И эхо ему, что в ответ случилось,
приносит — пенье...

Миннесота

Борис Ильин

CREDO

я что-то такое знаю
про беленького про заю

про шевеление ушек
про дрожание хвостика

вот где тупик немолодого агностика

поверить ли в Бога через такие мысли
до инфаркта поверить и почечных колик

через прелестного грызуна
он зая в ласкательном смысле
но в биологическом кролик

а что же как мысль моя не верна?
а вдруг это пропасть без дна?

ЛЮБОВЬ К МУЗЫКЕ

когда я слышу музыку я млею
я ничего поделать не могу

хоть за рулем я самосвал веду
в котором до отказа
предметов всяких страшная гора

о я родился не вчера
я знаю про ответственность шофера

но звон струны иль хрип шофара
в спине томленье нежное родят

я вдруг подобен выводку котят
внимающих и звуку и движенью

вот так и я
я становлюсь мишенью
для вора и для афериста

так укоряю я себя:
«Борис-то, вот бдительность терять тебе куда?»

уж ни питье меня не занимает
ни еда
и сон мне не идет на ум

я все слежу где шум
который в музыку вдруг и переродится
как с этим жить со всем

нет
жить так не годится

АПОЛОГИЯ НЕВЕЖЕСТВА
живу в вещественном я мире
так будто бы в чужой квартире

то что-то выпью
то сжую
по имени не знаю
и ничего не узнаю

проснешься утром
слышишь – птички
щебечут или же поют
уют собою оформляя

я их не различаю личики
кто они
где
как их зовут

не знаю также
я названий древесины
как я ни бьюсь
ольху всё путаю с елохой
и от осины я их не отличаю

я часто отмечаю
что всегда
когда безоблачною ночью

на небо вдруг взойдет звезда
я ничего не ощущаю

а просто думаю: звезда
она доступна мне воочию

еще такая у меня беда
что если вдруг травинка или куст
то мой словарь не беден
просто пуст

и опыт мой не вреден
тем кто измучался как я

тем кто не ведает
какой бывает клюв у соловья
и чем гиппопотам обедает
который в целом бегемот простой
а соловей тем славен что певучий

здесь очень сложный случай

* * *

тютчев дома по-немецки
по-немецки дома фет

поищи давай стамески
говорит отец

руки выросли из дупы
из привычных мест

дома немцы мы да глупы
ищем инструмент

скорбь культурная квартиры
и глядишь совой

без немецкого хватило
на всю жизнь с лихвой

ведь не всем резьбу резную
правду ясную сквозную
смолоду беречь

старшим не перечь

расскажи мне папа сыну
как нам дальше быть
молотком ли ухнуть в стену
в доску ль гвоздь забить

Бруклин

Вадим Ярмолинец

Эта непредсказуемая жизнь

МАДОННА И КАРЛИКИ

У нас тут на втором этаже живет один знаменитый художник Сеня. Это я без шуток говорю, что он знаменитый. Было время, когда он проживал в собственном поместье в Ист-Хэмптоне, просто потом фортуна повернулась к нему спиной. И это я еще мягко выразился, как вы поняли.

А началось все с того, что на какой-то выставке Сенину картину приобрел один японский банк. После этого о Сене написали несколько статей, его показали по телевизору и под этот медийный шумок его стали приглашать в дома звезд. Короче, к тому времени, когда он вернулся к нашему скромному столу с обычной водкой и рижскими шпротами, ему было что вспомнить.

— Я, — раз говорит он, — с Мадонной рядом сидел. Вы поняли? Да, с той самой. Вот так — я, а вот так — она. Что сказать? Бицепсы у нее, как у мужика. Раз врежет — мало не покажется. Мне такие бабы не нравятся.

— А о чем ты с ней разговаривал-то? — спрашиваю.

— Слушай, — вздыхает он. — О чем я с ней мог разговаривать? Что я видел по сравнению с ней?

Потом разговор снова пошел о политике, а поскольку он пил не только с нами, эта история с Мадонной прибавила ему весу.

Один раз он решил съездить на родину — в Черновцы. И представьте себе, его там встречали как знаменитого американского художника, среди друзей которого была сама Мадонна. Принял его местный олигарх, с которым Семен сидел в далеком детстве за одной партой. Ну, они, как полагается, выпили, закусили, сходили баню с массажем, потом — спать. Заводят Сеню в опочивальню. Посреди, значит, стоит койка под балдахином, перед койкой — окно в сад с соловьями. Правда, до окна далековато. Если идти, то минуты две-три. Он ложится, но что-то ему не спится. Жарковато. Он думает: надо бы кондиционер включить. Смотрит, а кондиционера нет. Вот тебе и олигарх! Одно слово — провинция! Тогда Семен достает свой сотовый телефон, набирает этого олигарха и говорит ему:

— Феликс, — а того Феликсом звали, — кондиционера у тебя нет,

это я уже понял, но, может, хоть какой вентилятор допотопный найдется?

Не проходит и секунды, как влетает Феликс.

– Сень, – говорит он не без яда в голосе, – кондиционерами пусть у вас на Брайтоне пользуются, а у нас тут все на грин-технологии и ван-хандред-персент-органик. Сейчас я тебе все покажу, ты только никуда не уходи.

После этих слов олигарх звонко щелкает пальцами, и в комнату входят... два карлика. На них шаровары, туфельки с закрученными носками и тюрбаны. А в своих мускулистых ручках они держат опахала со страусовыми перьями. И вот один становится к окну, другой поближе к койке, и они начинают махать своими перьями так, что волшебный воздух украинской ночи течет прямо на Семена. Минута-две – и тот погружается в самый глубокий и здоровый сон своей жизни.

А наутро Семен и олигарх пьют кофе, едят яшницу с беконом, и на вокзале никак не могут развести объятия – так им хорошо. Потому что выспавшийся человек – счастливый человек.

Теперь я хочу плавно перейти с этого эпизода на тему несправедливости, а лучше сказать, – непредсказуемости нашей жизни.

Значит, смотрите: если бы только визит Семена в Черновцы имел место до его встречи с Мадонной, то его рассказ о ночи с карликами, заменяющими кондиционер, мог бы произвести впечатление даже на выдающуюся певицу. И тогда Семен продолжал бы выпивать, закусывать и занюхивать, если вы поняли, что я имею в виду, – с ней и ее друзьями по сей день. Но проблема в том, что если бы Семен не встретил сначала Мадонну, то кто бы о нем вообще вспоминал в его родных Черновцах?

Поэтому все, что ему остается, – это пить с нами не самую фешенебельную водку, закусывать ее рижскими шпротами и рассуждать о политике, – что тоже, согласитесь, не худший из возможных вариантов.

СВИНГЕРЫ

Есть у меня одна подруга – Лена. Сухопарая такая физкультурница из Питера. Вместо того, чтобы бегать за мужиками, выжимает в спортзале трехпудовые гири. Одновременно у меня есть жена, но сейчас – о главном. На днях прочел статью о свингерах – любителях группового интима, и сильно возбудился. С профессиональной точки зрения, конечно. И как настоящий репортер решил испытать это дело собственноручно. Не стану скромничать, но чтобы сделать газету интересней, готов пойти еще и не на такие жертвы.

Одна проблема – свингеры принимали к себе только парами. Конечно, проще всего было взять на эту встречу жену. Но если бы я только заикнулся ей о чем-то подобном, она бы мне голову оторвала. И не только голову! Хотя внешне наши семейные отношения напоминают райские, за их кулисами царят страшные репрессии. Редкий день проходит без того, чтобы я не оказался на скамье подсудимых. К высшей мере меня уже приговаривали раз пять. Единственное, что меня спасает, так это нечеловеческая гуманность моего прокурора.

Короче, пребывая в нездоровом профессиональном ажиотаже, обращаюсь за помощью к Лене. Да, к той самой. Излагаю суть дела.

– Нет! – режет она. – Меня с этого дела тошнит.

– С какого именно? – уточняю.

– С длительной езды на автомашине. В Лонг-Айленд часа полтора ехать. Хотя, с другой стороны, мне как раз в магазин ИКЕА надо. Столик купить.

– Ну!– нахожусь я. – Так заедем за столиком, а потом прямым ходом к свингерам. Я пока у них пару интервью возьму, ты на кухне инструкцию изучишь. Как к столу ноги привинтить.

– А можно я ее в машине изучу?

– Так они же только парами пускают! А то знаешь, сколько бы к ним холостяков слетелось? Прилечь бы негде было.

– Как бы меня не вырвало, – сомневается Лена. – Дорога все-таки длинноватая.

Но по глазам вижу, что идея поездки за столиком ей в душу запа-
ла.

– Была не была. Поехали!

Связался я по интернету с кем надо, записал адресок. Жене сказал, что еду писать репортаж про один интересный спортивный клуб, поэтому к ужину чтоб не ждала. На всякий пожарный принял душ, взял Лену, поехал. Первым делом – в ИКЕА. Прикупили столик, привязал я его веревкой к крыше, поехали дальше. Едем мы где-то так с полчаса по лонг-айлендским просторам, и краем глаза вижу, как по лицу моей спутницы начинает разливаться совершенно смертельная бледность. Наконец, выдавливаю:

– Слушай, зачем тебе эти свингеры? У меня в ранней молодости столько мужиков было, ты не поверишь. Штуки три, не меньше. Я тебе столько про них расскажу – тебе на книгу хватит.

– Лена, – напрягаюсь я. – Если ты меня сейчас заставишь назад ехать, так только через ИКЕА и со сдачей мебели.

– Нет, нет, – спешит она, а сама меняет бледный цвет лица на синий. – Меня просто подташнивает малек, а так – я что, я еду.

– Ты, в случае чего, за борт облегчись, – рекомендую. – Только

смотри, чтоб голову телеграфным столбом не отшибло. Скорость движения автомобиля 65 миль в час.

– А помедленней нельзя?

– Можно, – говорю, – но тогда дольше ехать будем. А так – примчим туда минут через пять. Ты где-то в уголке пристроишься, а как голова перестанет кружиться, так назад поедem. Ты не думай, мне много не надо. Два-три интервью, и назад. Меня, как-никак, любимая жена ждет.

– Ладно, – кивает. – Уговорил.

Приехали. Вытащил я свою подругу из машины, а она еле на ногах стоит. Подтягиваемся к указанному дому. Стучу. Двери открываются. Дамочка в черном неглиже на каблуках проводит в гостиную. А там, дорогие мои товарищи читатели, натуральные Содом и Гоморра. Голый и босый народ вьется стоя и лежа, на весу и на лету, да так, что земля горит под ногами оккупантов этого срамного помещения.

«К нам гости! – объявляет наша бортпроводница. – Прошу любить!»

Собравшиеся с интересом рассматривают нас и отдельные приветственно машут руками. Мол, давайте, присовокупляйтесь.

– Здравсьте, – вежливо представляюсь я и подталкиваю спутницу, чтоб она тоже блеснула своим питерским воспитанием. И вот тут с моей Леной случается самая настоящая метаморфоза. Из приличного человека с высшим образованием она внезапно превращается – вы не поверите – в грenландский грязевой гейзер. Вы, вообще, знаете, что такое гейзер и как он работает? Не знаете – посмотрите в Википедии, но если по-простому, то в радусе метров десяти – ни одного сухого человека. Что начинается! Мужики матерятся. Бабы визжат. Пара человек подступает с кулаками. Один качок вообще грозит полицию вызывать.

Я кричу, мол, дорогие хозяева, помилосердствуйте, подруга моя, может, больна хроническим слабоумием. Чего бы вы думали она со мной еще сюда приперлась?! А если среди вас есть врач, так помогите, Бога ради, человеку! А я пока займу место медика, чтобы процесс не прерывался.

Что вы думаете, находится-таки одна врачиха. Говорит, – ладно, тащи ее в ванную, мы ее пока умоем, а дальше видно будет.

– А сама, – спрашиваю со страшной надеждой в сердце, – не дотащишь?

– Я тебе не грузчик, – отрезает. – Ты лучше ответь, кем тебе старуха слабоумная приходится?

– Это моя сотрудница Лена, – объясняю. – Ей надо было столик приобрести в ИКЕА, вот мы с ней и вступили в тайный сговор. Я ей –

столик, а она за это со мной – сюда. Вы же по одному не пускаете, верно?

– Так ты, стало быть, старуху в качестве пропуска использовал, а теперь хочешь ее на меня бросить? Нет, милый, мы таких хитрованов видали. Нам они каких-то тяжело больных пенсионерок подкладывают, а сами нашими кралями наслаждаются. Вам дай волю, вы нам покойниц с кладбища таскать начнете!

Короче говоря, не успевает ваш корреспондент моргнуть глазом, как оказывается вместе со своей осрамившейся спутницей за бортом этого гнезда разврата. Лена же, придя в себя, интересуется:

– А коробочка-то где?

– Какая, – говорю, – к чертям собачьим коробочка, когда я мимо такого неслыханного счастья пролетел!

– А та коробочка, – отвечает Лена, – в которой мой столик на крыше твоего драндулета лежал.

Смотрю – точно! Коробочку корова языком слизала.

– Я ж тебе говорила, олуху такому, что не надо было меня в этот вертеп тащить! – заводится моя спутница.

– Да кто ж меня бы пустил туда без тебя, несмышленое ты создание?! – кричу в ответ.

Короче говоря, ругайся не ругайся, а стол надо идти выручать. Стучу снова в дверь и требую стол. Баба в чулках, вмиг потеряв всякую женственность, орет, что она за сохранность вещей, оставленных на крышах машин перед домом, не отвечает. А сама, бестия такая, так и косит глазом в сторону. Тогда я ей говорю:

– Если ты, шалашовка, не вернешь моей коллеге Елене Аркадьевне, честнейшей женщине, передовице производства и бывшей выпускнице редакторского факультета университета города на Неве, купленный на ее трудовые сбережения стол, то я сейчас сяду на свой драндулет, разгонюсь получше и смету ваш бордель с лица земли!

– Вот я сейчас нашим коблам скажу, чего ты задумал, они тебе рога-то пообломают, – отвечает шалашовка и хлопает дверью.

Я же, не дожидаясь предсказанного ею развития событий, сажусь за руль своего «шевроле-каприса», сдаю немного назад и, переключившись на полный вперед, давлю на педаль газа до отказа. И тут случается последняя за этот напряженный день неприятность. Потому что машина моя, произведенная на свет лет за двадцать до конца прошлого тысячелетия, не выдерживает такого эмоционального стресса и глохнет. И только густой черный дым из-под капота укачивает на то, что еще недавно под ним бился вместо сердца пламенный мотор, полный лошадиных сил и планов на благополучное возвращение домой.

Вот, в общем и целом, моя история о плюсах и минусах свинга. К этому могу добавить, что хотя я своей любимой жене так и не изменил, но был приговорен ею за опоздание и потерю фамильной машины к 15 суткам каторжных работ по мытью посуды. Правда, после отбытия двух третей срока я был освобожден условно-досрочно и даже допущен к пользованию любимым телом. И все это благодаря ее пониманию того, что работа у меня хоть и опасная, но в целом полезная, поскольку направлена на повышение культурного уровня нашей довольно-таки непутевой аудитории. О своем уровне я уже не говорю.

Нью-Йорк

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАЗАХСТАНА

Лиля Калаус

Горгона

Огромные ноги будто обернуты в карты автомобильных дорог – красно-синюю паутину скоростных трасс чужой неприятной страны с неряшливым волосатым кустарником на обочинах.

Шаркая продранными по периметру всех десяти пальцев тапками, ноги шли себе и шли по волнистой прерии линолеума, иногда прилипая к глянцевым лагунам из-под сладкого кофе, волоча за собой комковатые водоросли сора. Главное – не делать резких движений. Пусть спят, голубушки. Интересно, молочко осталось?

Ноги – это была ее мама. Вечно хлопотливая, острая на язык. Вечный цветастый фартучек и вечная комбинация. Вечный макияж на вечном добреньком личике, словно сложенном из нескольких гладких баночек от вечной отечественной косметики. Вечно что-то готовит, дует на ложку, пробует. Вечная «Красная Москва» за ушками. Вся, как ртуть, в движении.

Чрево сбежало на бедра двумя античными складками. На стыке первой и второй складок нефтяной скважиной чернел пупок. Вторая складка, передником лежащая на бедрах, была украшена тремя розовыми блестящими иероглифами: справа наискосок шел причудливый шрам от аппендицита, по центру – извилистый след от кесарева, слева, круглой нашлепкой, – отверстие от дренажной дырки. Чрево – это был ее муж, любимый и единственный мужчина, который не побрезговал отведать ее любви, плоти, мозгов и психики.

Груди – это была она сама. Огромные, бесформенные отростки – они никого не выкормят и уж точно не станут средоточием сексуальности для какого-нибудь пускающего слюну малахольного придурка.

Вот что от нее осталось. Уродский всадник без головы на последней стадии эндокринного цунами. Не женщина, а фигура ма-терной речи, гулко рыгающая в вихрях печально испускаемой розы ветров.

Из холодильника тоже воняло. Заросшая плесенью банка смета-

ны примерзла к сталактиту на задней стенке. Из овощного ящика торчали мокрые клочки газеты. Жрать совершенно нечего. Девочки будут недовольны.

Переливчатый свист чайника слился с трелью дверного звонка. Секунду она соображала последовательность действий, потом, матерясь, потопала за халатом.

– Вы – Галя? Мне ваш телефон дала Леночка Ахмедова. Я вас, наверно, жутко отвлекаю. Вы из ванной? Но Леночка сказала...

Вздохнув, Галя запахнула расползающиеся полы махрового халата и, придерживая на голове куколь из полотенца, скучно спросила:

– Карты? Гуца? Хиромантия?

– Да как вам сказа... Ой! Это у вас таракан?

– Проходите в комнату. Я сейчас.

Сука эта Леночка. Не могла предупредить, зараза.

Джинсы в середине опять протерлись. Маечку. Косынку «Олимпиада-80». Сонные какие... Сладкие мои. Спите, спите.

– Присаживайтесь.

Длинная элегантная баба в белоснежном винтажном костюмчике так и торчит осиной посреди комнаты.

– Да вы садитесь, – Галя сгребла на пол изодранные детективы и для примера уселась на край дивана. – Только осторожно, он продавленный.

Поздно. Острые колени посетительницы взлетели вверх, тощая задница приложилась к полу, глаза сделались, как у безумной яростной муляшки, – сверкающей спиралью.

– Это что же?! – промямлила баба, пытаясь выдраться. – Я-а-а... – и вдруг завывала, ударившись о диванный валик затылком, – и над ее идеально уложенными волосами нимбом взвилось радужное облачко пыли.

Галя вздохнула, пошла на кухню. Ни одной чистой чашки. Сполоснула в тепловатой струе последнюю из матушкина гостевого костяного – когда уже разобьется, тварь, прям как заговоренная? Изнутри чашку опоясывали годовые кольца танина.

Посетительница уныло всхлипывала, размазывая бумажной салфеткой косметику по худому лицу. Приняла чашку с водой, покрутила, поставила на журнальный столик. Вскинула прозрачные глаза на Галю:

– Я закурю?

Руки у нее тряслись. Умер, что ли, кто-то? Галя с тоской вздохну-

ла. Говорила же, предупреждала. Нет, Леночку давно пора окоротить. Если она думает, что Галя ей по гроб жизни благодарна за рекламу, то она сильно оши...

– Куда пепел?

– Да в чашку и кидайте.

Вот и пригодилась, костяная нога.

– Что у вас случилось?

– Сейчас... Сейчас-сейчас.

Посетительница курила отрывисто, как боец перед атакой. Галя с неудовольствием наблюдала за клубами дыма. Девочки заерзали.

– Вы понимаете... У меня вся жизнь... Вся... Вам не понять... Никто не знает... Не понимает...

Посетительница, давясь дымом, зарыдала. Галя вздохнула и посмотрела в потолок. Это надолго, кажется. Ну, Ленка, чтоб те...

– Что вы все вздыхаете, как корова?! – вдруг взвизгнула баба, вывинтилась из дивана и, мелко подпрыгивая, принялась носиться по комнате.

– Корова! Дура тупая! Грязищу развела. Тараканов!! Жирнюга проклятая, что смотришь?! Что башкой вертишь?! Пасть закрой!

Клиентка дала еще круг по комнате (оцепеневшей Гале показалось, что она бежала по стенам, как гигантский богомол). Потом плюхнулась на старое место, вновь приложившись задом к полу.

– А-а-а...

Галя инстинктивно отодвинулась.

– А не пошла бы ты, – устало сказала баба и сунула окуроч в чашку. – Карты давай. Только больше штуки не дам.

– Вы уходите. Прямо сейчас, – раздельно произнесла Галя. Девочки испуганно шевельнулись.

– Миленькая.... Галя-а-а... Галечка... А-а-а... – клиентка, перегруппировавшись, ткнулась носом в Галину коленку. – Помогите... Вся надежда... На вся надежда-а-а.... Вы меня простите... Я, может, не то говорю... У меня шок... Такой стресс... Такой... Вся жизнь... Вся жизнь...

– Да что случилось-то? – Галя отталкивала рыжую голову посетительницы, чутко прислушиваясь к едва слышному сопению и щелчкам. Девочки окончательно проснулись. – Умер, что ли, кто-то у вас? Да?

– Да ты что! – клиентка выпрямилась и злобно ощерилась. – Сглазить хочешь, сука? Меня?! Предупреждаю, я тебя... Я тебя... Нет, не то... Не то... Галечка... Прости!

– Ну хорошо. Давайте на картах.

– Штука! Штука!

– Ладно, ладно. На кого гадаем?

– Э?

– На вас или на мужчину вашего?

– На квартиру!

Через час сволочь, наконец, ушла. Галя подобрала с пола пять мятых, оплеванных клиенткой двухсотенных, потом стянула майку, лифчик, липкие джинсы, утерла пот и набрала номер Леночки Ахмедовой. Косынка с олимпийским мишкой медленно сползла с головы. Тише, тиш-ш-е-е-е... Растревожились... Лапоч-ч-ки-и-и...

Дальше день покатился, как с горы. Пришла Маша. Как всегда охнула: «Ну и засралась, матушка. Неделью-то продержаться не можешь. А окна, окна! В прошлом месяце мыла. А ты глянь, как паутинкой затянуло. Иди, покамест, в парчок прогуляйся. Иди, иди... Засраночка».

Квартира действительно зарастала грязью в необъяснимо быстрые сроки. Конечно, главную причину Галя усматривала в своей лени да еще в чувстве невесомой отстраненности: жидкости проливались на пол неукоснительно, унитаз мгновенно покрывался вонючим желтым налетом, посуда чуть ли не сгнивала в раковине, пол зарастал склизким мохом, – а ей, Гале, было все равно. Зубов лишний раз не почистит, не то что – унитаз «доместосом» залить. А уборку девочки не любили, ох как не любили! Отчасти это тоже было причиной бардака. Они вообще не любили движения. Не любили и резкие, неожиданные смены настроений, даже слезы под дамский сериал приводили бедняжек в состояние легкой паники. Больше всего любили они покой. Теплую пыль. Ровное размеренное дыхание. Жару. Пот. Ленивое колыхание теплой воды в ванной. Испарения немытого тела. Дух плесенного сыра из промежности. Запах кислого молока из-под мягких грудей. Кариозную вонь изо рта. Мягкие почесывания и шлепки. Накручивания и раскручивания. Покусывания и шепот. Воркование, мурлыканье, колыбельные песни без слов и без голоса, на горловом потягивании звука. Медленную вязкую музыку. Турецкие рахат-лукумы. Вообще – сладкое, даже просто сахар. Горячую пенную кока-колу.

И – главное! – никакого холода.

А холод был Гале нужен. Тело истекало густым потом, стонало от слабости, требовало льда, ледяной минеральной, ледяных кондиционерных вихрей, мокрых ледяных полотенец на лоб и к пяткам. От холода подруженьки засыпали. Вялыми, разморенными, безмолвными она не любила их видеть, боялась, что не сможет разбудить, звала по именам, ласкала, согревала ладонями и дыханием. Жара стала привычной пыткой.

Маша натянула резиновые сапоги, перчатки. Стала похожа на

потомственного золотаря. Пообещала заказать продукты и воду, заплатить коммунальные. Старается. Дни, небось, считает. За квартиру пашет. Ну и ладно. Не пропадать же добру. А жить-то осталось совсем чуток. По ночам спать невозможно – панические атаки одна за другой. Цепенеет тело, горло перехватывает. Только они, подруженьки, только они и спасают... Все чаще Галя пересиживала ночь на темной кухне, прижавшись спиной к холодному боку холодильника, слушая его тихие электрические токи да шепот девочек. Телевизор уже не помогал, как раньше. Эх, бывало, включишь его да и заснешь, а он себе играет и поет, а утром встречает тебя веселыми мордами ведущих утреннего шоу. Хорошо! Стабильность, покой, ощущение правильности бытия и прямой дороги в светлое будущее. Теперь не то. Телевизор уже не усыпляет, а навешивает на глаза мучительную серую муть, его бодрый треп колет ухо отитной болью.

Сдохнуть бы поскорее. Жизнь не получилась, чего тянуть. Девочки негодующе шевельнулись, одна холодом скользнула над бровью. Понимаю, понимаю. Но ничего не могу поделать.

Галя вышла из квартиры и медленно спустилась по лестнице. Пятый этаж. Еще одна попытка.

А вот интересно, как ее будут из квартиры выносить? Такую тушу по лестнице вниз переть да плюс запахи и, вообще говорят, покойники в весе прибавляют. И гроб надо будет специальный заказывать. Двухспальный. Как бы потом в нем не проснуться... А что, такое и сегодня бывает. Надо в завещании приписать, пусть Машка сотку в ящик кинет. Хотя нет, хорониться придется рядом с мамой и бабушкой, на Кенсае, по исламским законам. Значит, гроб не нужен, обернут в какой-нибудь траченный молью зеленый ковер – и привет. А лучше всего был бы, конечно, крематорий. Да, лапочки мои? Лапочки согласно шелестнули. Огонь все уничтожит, разве пара-тройка упрямых косточек останется, так и их в дробилку кинут. И вместо всего этого сала и вонь – чудная пиалушка с мягким пеплом. Милое дело. И закапывать не надо. Развезл в Роще Баума, постоял ритуально пять минут – и дальше побежал. В смысле, Машка – развезяла, постояла и побежала. А кто еще хоронить-то будет? Жалко, крематория нет и не предвидится. Мусульманская страна, не те культурные традиции.

Галя шла через парк Горького. У нее было любимое местечко, в самой глубине, очень далеко от детей, прыгающих с надувного носа ужасного клоуна, от шансона, запахов шашлыка и пива, пьяненьких гуляющих и чудовищного треш-дизайна главных аллей. Полупоразрушенная беседка советских времен – «часовенка», как называла ее Галя. Заросли – то ли рябины, то ли калины, черт разберет

этот ядовитый плющ с волчьими ягодками. Деревья корявые, старые, – труха сыплется. Сирень. Пока что не добралась до всего этого железная рука городского коммунального хозяйства. А коли доберется, надо будет другое местечко искать. Здесь тоже непременно поставят кладбищенские ажурные заборчики, выстроят будку-самсятницу, врубят попсу. Но пока – тишь да благодать. И пруд недалеко. Тянет тонкой прохладой, сыростью. Самое то.

Галя присела на валун. Погладила его. Шершавый, теплый. Да, мальчик. И зачем ты в тот день в парк поперся? Хорошо, хоть упал удачно. Можно посидеть, почесать тебе темечко. Дружки твои, подонки, вон, в мелкий булыжник рассыпались. Потому что – в движении, понимать надо. А ты споткнулся, бедный придурок, и так мешком и повалился, мгновенно налившись серым цветом, теряя черты в наплывающем каменном тесте... А нечего у пожилых теток сумку рвать. И денег-то там было – копейки, тебе бы на самсу не хватило.

Галя завздохала. И правда, – что это она все время вздыхает? Это от кислородного голодания, ответила сама себе. Потому что тело большое, сосуды отмирают, вот оно и требует воздуха. Как забытый в подводной лодке матрос. В старом каком-то фильме видела. Все свалили, а ему скафандра не хватило. А подводную лодку фашисты подбили, и она ко дну идет, а он там, внутри, сидит, потеет и дышит тяжело, как рыбка на берегу, бедный. Вот и она, Галя, давно уже ко дну идет. Только своими ногами. А кто-то внутри, живой и маленький, которому ужасно страшно, подает ей сигналы, – дескать, помогите! SOS! Воздуху! Кислороду! А нету.

Ну что ж. Жизнь испорчена. Но раз ее сначала не перепишешь, зачем вообще стараться?

В какой момент Галя махнула на все рукой? Когда Славка ее бросил – с выпотрошенным брюхом, рыдающую нон-стоп? Когда с работы поперли? Когда мама умерла? Да, после мамы, наверное. Жила, как курица с отрубленной головой. По инерции.

Конечно, несчастья подкосили, то да се. Но, – думала дальше Галя, любясь цыпльками-одуванами на полянке, – может быть, ей никогда никто особенно и не был нужен? Работу в универе она ненавидела, студентов боялась, от мамы много чего терпела, а уж Славка и вовсе семь лет ее строил, как на плацу. Лишний раз присесть боялась, зато дом – блистал, искрился чистотой, как хрустальный.

Сериал посмотреть, книжку почитать, поесть как следует – и на улицу выходить пореже. Вот и все, что ей на самом деле нужно. И чтоб дома иногда убирались. Доживает Галя свою идиотскую жизнь в относительном комфорте. Главное, ей сроду не было скучно в одиночестве. А уж когда девочки появились, через пару месяцев после

маминых похорон... Это они, милые, шепчут-нашептывают разное. Сначала Ленке Ахмедовой гадала, однокурснице. Потом соседкам, а потом бабы косяком пошли. И деньги, и уважение. Иной раз скажет она, Галя, что-нибудь, и сама обмирает – чушь же полнейшая. А клиентка загрузится, сведет бровки к пороссячему носику, да и пойдет, головой качая, а на следующее утро звонит и рыдает: дескать, правда ваша, Галюша, мой-то снова в запое, белочку ловит...

Галя еще посидела на горемычном камушке, потом отломил веточку сирени да и домой пошла. Настроение улучшилось, кстати. Всегда так. Из дома выходить неохота, но если уж выйдешь – природа берет свое. Весна, лютики-цветочки, сирень пенится, ветерок мурлычет. Подруженьки и то прониклись, притихли.

Насчет того, что ей никто не был нужен, – конечно, вранье. Но о своей бедной доченьке, не прожившей и дня, Галя думать себе запретила. Иногда в полусне позволяла себе помечтать. Как бы она ее наряжала. Гулять бы водила. Уроки бы помогала делать, потом они смеялись бы, болтали о мальчишках, смотрели мультики. Но ничем хорошим такие мечтанья не заканчивались, так что – *silentium*.

На лавке у подъезда сидела та самая клиентка, тетка-богомол. Ниной ее звали, как выяснилось. Всем своим мужикам, по ходу пьесы, Нина головы уже пооткусывала, и сейчас ее мучил только квартирный вопрос. Квартирку она хотела отсудить у какой-то дальней родственницы. В общем, дело темное, да Галя и не вникала.

Нина улыбнулась страшной улыбкой инсекта и помахала в воздухе тысячной купюрой.

– Погадаешь? Теперь на кофейной гуще давай. Чтоб верняк.

Галя пожала плечами.

– Пошли.

Пройдясь по квартире, убранной верной Машкой, Нина заявила:

– Ишь ты... Чисто, как в аптеке. Дашь свою домработницу?

– Не, не дам. Ну что, пошли кофе варить?

Кофейное гадание девочки любили. Запах им, что ли, нравился. Поэтому нашептали целый ворох какой-то экзистенциальной ерунды и чуть ли не пророчеств насчет мирового кризиса и новых источников энергии. Надо же, как разогнались. Фильтруя «базар», Галя пересказала основные тезисы. Судя по всему, не видать Нинке выморочной квартирки, как своих острых ушей. Ну, наше дело – сторона. Получив гонорар, Галя встала, как бы намекая клиентке, что пора и честь знать. Но Нина не спешила.

Во второе свое посещение вела она себя не в пример спокойнее.

Не орала, не плевалась, не плакала. Окончательно перешла на панибратское «ты». Вопросов почти не задавала, только шурила светлые глазки, внимательно следя за Галиной работой.

– Ну а шар у тебя есть? Этот, который магический. Гаданешь?

– Есть шар, – Галя пожала плечами. – Но он дорогой. Три штуки платишь?

– Покажи.

Вернулись в комнату. Галя полезла за шаром в шифоньер. Роясь в полугрязном белье, мысленно прикидывала: сегодня еще три клиентки, все – на вечер, надо еще успеть пожрать и поспать хоть часок перед столоверчением, эта бодяга на полночи затянется. Наконец, шарик подставил ей свой холодный стеклянный бочок.

– Битый он у тебя, – Нина осторожно потрогала шар. – И грязный. Что ты за баба...

– Ладно тебе, – с достоинством сказала Галя, протирая магический шар влажной салфеткой. Он действительно был чуток подбитый, одна гадина в обморок свалилась, когда Галины девочки ей онкологию диагностировали, лапищей своей и задела, он по столу покатился – и бац! Хорошо, не разбился. Теперь Галя его на стол не выставляет, пусть себе в шифоньере лежит от греха.

– Короче так. Садись за стол, руки мне давай. Я тебя держать за них буду крепко, имей в виду, так что не дергайся. Если у меня глаза закатятся – не бойся, так надо. Может, даже пена изо рта пойдет. В общем, твоя задача – слушать и в шар смотреть. Он, типа, кино показывает, но видишь его только ты. Если я замолчу надолго, но не протунусь, оставь деньги и уходи. Не вздумай меня будить или, чего доброго, скорую вызывать. Поняла?

– ОК. Погнали. Тьфу ты, у тебя руки мокрые.

– Ну уж потерпи.

Галя вытерла руки о штаны, снова крепко взялась за узкие нинкины ладошки. Девочки едва слышно зашипели, завозились под косынкой. Настраиваются, лапочки. Шар редко кто заказывает, а им, бедолажкам, всё интересно. Ну что, зрители на местах, жрут попкорн и делятся рекламой. Погнали, в самом деле.

Когда-то Галя пробовала засекать время, но состояние транса не поддавалось логике. Она могла отсутствовать и три минуты, и час, а однажды вышла в реальный мир только через двое суток. Клиентка ее тогда хорошо обчистила, даже продукты из холодильника вынесла. Видимо, возмещала моральный ущерб.

Интересно, что сама Галя ничегошеньки после сеансов не помнит. Как будто сознание теряет. Клиенты тоже никогда не рассказывают ей об увиденном. Но и шара больше не заказывают.

– Ну давай! Давай! Открой глаза, корова!

Затрещина и, судя по всему, не первая, окончательно привела Галю в сознание. Медленно всплывая на поверхность, отплеываясь от придонного ила и ощущая тлетворный запах болотной жижи, Галя открыла глаза.

– Слава те! Очухалась.

Нинкина бледная рожа исчезла из поля зрения, потом появилась вновь, и Галя почувствовала на подбородке холодное. Раздвинула губы, хлебнула... Черт, что случилось-то? Видимо, она сказала это вслух.

– Ты на пол грохнулась. Начала орать, изгибаться. Это у тебя апоплексия, что ли?

– Эпилепсия.

Галя села, ощупала себя. Руки-ноги двигаются, лицо не перекошено. Значит, не инсульт. Косынка!! Все нормально, на месте. Да если б не на месте была, кто бы с ней сейчас разговаривал... Девочки притихли. Наверное, в спячку попали от ужаса.

– А-а. Как у Федора Михалыча прям.

– Да нету у меня никаких припадков. Первый раз со мной такое.

– Ну, все бывает впервые. Ты бы к врачу сходила, проверилась. Мало ли.

– Ладно, я сказать-то тебе успела что-нибудь?

– Да уж сказала. Хоть бы промолчала, ей-богу. И шар твой... Убери к чертовой матери. Не хочу даже смотреть на него.

– Заплатишь?

– Не обману. Я же сама, дура, полезла.

Потом они вернулись в кухню пить чай. Галя сама себе удивлялась. Тяжело она с бабами сходилась, – что в школе, что в универе. А тут – сидит, болтает с этой безумной богомолихой, как с родной.

Машка, золотая душа, все чашки отмыла, даже костяную. В холодильнике полно фастфуда, торт, Галин любимый, шоколадный, и то приперла. Интересно, ничего туда не подмешала? В целях скорейшего исполнения завещания. Конечно, Маша – человек воцерковленный. Но, как учит тот же ФМ, вера в Бога никому еще не мешала давить ближнего своего.

– А чего ты в платке все время ходишь? Ты из этих, что ли? Из мусликов? На казашку непохожа.

– Мама – крымская татарка. В мечеть ходила. А я – так. По состоянию здоровья. Себорея у меня.

– Это че?

– Болезнь такая. Фу-фу-фу, тебе неинтересно.

– Ладно. Ты мне нравишься. Ты, конечно, дура, здоровье не бере-

жешь. Ну что ты жрешь этот торт?! Тебе сеном надо питаться. И бегать на свежем воздухе.

– Плевать. Отрезать еще?

– Не, пасиб. Слушай, ты меня извини за утрешнее. Я на нервах всю неделю, из судов не вылезаю. А сейчас, веришь – нет, отпустило. После гадания твоего. Я и сама чуяла – не обломится мне квартирка, хоть выпишью на ней. Прямо полегчало. Ну их всех к черту. С адвокатами ихними, зверями апокалипсиса.

– Апокалипсиса.

– Неважно. У меня к тебе предложение. Ты сразу не отвечай, подумай. Давай контору откроем? Все по-взрослому. Офис, все дела. Позовем дизайнера, понарисуем везде кровавых знаков, повесим вуду-муду, оденем тебя по высшему разряду, накрасим – мать родная не узнает. Дадим объявление в газету. И начнем деньги грести. Но на законных основаниях, налоги там, чеки, кассовый аппарат. Ты на фасоли гадаешь?

– Ага.

– Это хорошо, национальный колорит. А на бараньих кишках?

– Честно сказать, не пробовала. Но смогу, наверное. Алгоритм везде одинаковый. Понимаешь, тут главное – сосредоточиться, зацепиться за что-то глазом. Неважно за что. Все эти карты и шары – залепухи для клиентов. А я могу и как авгуры, по полету птиц. И даже на внутренностях цикады.

– Ци... Кого?

– Цикады. Это такой древнегреческий таракан.

– Нет, таракан – это лишнее. В общем, подумай. А то дома – много ли зарабатываешь? Да и стукнуть могут – соседи или те же клиенты. Дескать, незаконная финансовая деятельность. И влетишь на штраф или под статью. Тебе оно надо?

– А ты что, угрожаешь, что ли?

– Не. Я – добрая Нина. Я заработать хочу. На квартиру. Мне сорок четыре, и у меня, прикинь, вообще никогда в жизни своей хаты не было. А с тобой мы в золоте валяться будем. Как свиньи в абрикосах. Сечешь?

– Секу... Нин, послушай. Мне уже предлагали такое, и не раз. Не буду в подробности вдаваться, но поверь мне, ничего хорошего не получится. Сначала конкуренты наедут, потом гопота, потом – серьезные люди, фээсбэшники или бандиты. Работать не дадут, только нервную систему подорвем себе. Я когда-то тоже хотела по-честному зарабатывать, даже МЧП открыла, или как они теперь называются, – ИП, что ли. Так я его до сих пор закрыть толком не могу... Замучилась уже со всей этой документацией возиться, пропади она пропадом.

Нет, мне дома проще. Может, денег и немного, зато никому не должна. А соседи у меня хорошие.

Нина прикрыла прозрачные глазки, задумалась. Ее длинные пальцы плавно вращали костяную чашку с остатками чая на дне. Вдруг она вскочила, уронила чашку – та с печальным звоном разбилась, – и закричала:

– Я придумала! Галка, придумала я!

– Ну, чего ты там придумала? – Галя начала собирать осколки. Вот ведь, терпеть ее не могла, а как разбилась – сразу стало жалко, мамин же сервиз. Любимый. Только для гостей. Богомолиха проклятая.

А богомолиху тем временем несло:

– Ты права, подруга, самим надо пробиваться. Цену тебе будем подымать. Ну помнишь, при совке была такая, типа Ванги, но не слепая, молодая такая, Брежневу гадала еще...

– Джуна, что ли? – Галя ссыпала осколки в ведро, сполоснула руки. – И что?

– Раскрутить тебя надо в газетах-интернетах. Нагнать какой-нибудь загадочной фигни. Биографию придумать. Ты не из дворян, случайно?

– Скорее, из дворовых.

– Неважно. Я буду твоим агентом. Погоди, мы тебя еще продвижем на мировую арену! Ну как, лады?

Галя с сомнением поглядела на протянутую дрожащую ручку Нины.

– А в чем прикол?

– Буду тебя рекламировать, клиентов поставлять. С каждого своего пятнадцать процентов возьму, это недорого. Да плюс раскрутка. ИПэшка твоя пригодится еще... А там поглядим. У меня везде знакомые есть, не сомневайся.

– Нина, ты меня правильно пойми. Я тебя знаю всего несколько часов. Ты, вообще, кто по профессии?

– Слесарь шестого разряда. Правда, че ты ржешь?

– Ну лады, черт с тобой...

И Галя, плохо понимая, что она делает, пожала Нинкину бледную лапку.

Нинка объявилась только через две недели. Галя уже и забыла про нее, да и работы было много. Весна, гормоны, любовь-морковь. Бабы в очередь записывались. И каждая норовила душу вывернуть. Хоть кабинет психотерапии открывай. Галя не препятствовала. Во-первых, иногда ей и самой было интересно, а во-вторых, и в главных, –

девочкам развлечение. Очень они любили такие задушевные беседы, хотя и пугались иногда дамских слез.

В тот вечер, выпроводив последнюю клиентку, Галя пошла за дозой доширака к кухонному шкафу. И тут раздался звонок. Особенно противный. Значит, к неприятностям. На пороге стояла Нина. Никаких винтажных тряпок, демократичные джинсы и гаповская фуфайка с засученными рукавами. На площадке выстроились: фанерный чемодан, две полосатые авоськи и скособоченный торшер.

– Хай, подруга. Посторонись, что ли.

Нина втащила в прихожую скарб, больно клюнула Галю в щеку и, разуваясь, заявила:

– Поживу у тебя, можно? Бросила своего козла. Чтоб он сдох. Кстати, погадаешь мне на него?

Нинка жила у Гали три дня, в подробностях рассказала о своей семейной драме (Галя так и не поняла в итоге, кто первый налево двинул, да и бес с ними), замучила подружек-заинек непрерывным курением, выстроила с десятков схем совместного обогащения, выжрала холодильник и снова пропала. Сняла деньги с Галиной карточки, забрала сумки и торшер, подарив на память о себе пустой гроб чемодана. Хорошо хоть денег было немного, считай, легко отделалась. Вот так вот – чужих-то людей в дом пускать. Впрочем, Галя на Нинку совсем не сердилась. Безумный богомол – что с нее взять. Зато треплется весело.

В июне клиенток заметно поубавилось, а к июлю денежный ручеек и вовсе засох. Все рванули на юга – истово строить личную жизнь. Ну ничего, к осени вернуться, как перелетные птицы, приползут по новой – лечить свои пробитые курортными романами куриные сердечки. В начале июля, в самый разгар депрессии, когда Галя перестала общаться даже с подруженьками, раздался телефонный звонок.

– Здравствуйте, меня зовут Шолпан, я работаю на телеканале «Тамаша», хочу пригласить вас поучаствовать в нашем шоу «За последней чертой» в качестве экстрасенса. Вы согласны?

Неведомая Шолпан на секунду остановилась, чтобы набрать воздуха, и Галя успела вставить:

– А откуда у вас мой телефон?

– Нинель Григорьевна дала, она у нас в буфете работала, сказала, вы классный экстрасенс и гадаете на тараканах, приходите к нам на съемки, мы вас будем очень ждать в понедельник 18 июля в 12.30, Карабасова 2, бывший университет «Жалбыр».

– Как одеться? – прокричала Галя в пустую телефонную трубку, но в ответ получила только короткие гудки.

Как одеться... Идиотизм. Будто у нее есть выбор. Почему-то идея сняться в телешоу ее чрезвычайно увлекла. Галя разыскала в инете ссылки на старые передачи, посмотрела, поплевалась. Формат дебильный, ведущий – идиот, экстрасенсы – жулики. А что если пойти показать класс? Делать все равно нечего. Почему бы и нет? Страшновато, конечно. Может, ну его? Пойду, решила Галя.

Накануне заветного дня помылась, почистила подружек – они тоже нервничали, шипели, одна даже цапнула Галю за палец, – погладила джинсы и выходную черную майку с черепом.

Бывший университет «Жалбыр», а ныне – независимая телестудия, располагался на страшной улице Карабасова. Даже в мегаполисах бывают такие inferнальные места. Вроде бы только что Галя шла по цивилизованному центру, вокруг – высокие дома, вывески переливаются, иномарки в пробках пыхтят. Люди. Девушки смеются. Дети кушают мороженое. Румяные юноши пожимают друг другу руки. Добралась до поворота на улицу Карабасова. А там! Мама дорогая! Асфальт провален. Слева – вереница гаражей, покрытых петроглифами доисторического материализма. Справа – крепостные стены с бойницами и псевдоготические теремки. Прохожих хочется обойти по большой дуге да и дернуть побыстрее, не оборачиваясь. Дети тут смотрят искоса и курят, низко голову наклоня. Девушки страшны, как Галина нелепая жизнь. Юношей бледных горящие взоры шныряют по периметру. По пыльному небу ползет кровавый желток солнца, и глаз отдыхает, только если упирается в собственные мелко дрожащие руки, прижимающие сумку к животу...

Не помня себя, гаражами и лабазами, добралась Галя до злополучного университета. Это оказалось здание старой советской школы. Не в смысле сталинского ампира (которому седина и заброшенность только к лицу), а в смысле типовой постройки 70-х, невероятно запущенной, с копченными солнцем стенами, выбитыми кое-где окнами, облезлой крышей и кривым железным забором когда-то зеленого цвета. Следуя указателю – бумажке с трогательной надписью «ЗА ПОСЛЕДНИЙ ЧЕРТОЙ», Галя вошла внутрь.

Пусто, темно, гулко. Даже охранников нет, видимо, охранять особо нечего. Галя рассеянно пошла по коридору. Коридор плавно перетек в рекреацию – слово выпрыгнуло из школьного детства и завозилося в голову. Через несколько шагов Галя уперлась в мрачную стену, на которую не падало ни единого луча света. И все же что-то на ней было. Она вгляделась. Ну точно. Бродячий сюжет 70-х: космонавт в скафандре парит в невесомости, тянет ручки к неведомой звез-

де, но левая его нога намертво привязана к черепу матушки-земли. Мозаика производила тягостное впечатление. Краски потемнели, кое-где плитка была выбита. В целом интерьер напоминал декорации к сериалу «Ходячие мертвецы» – примерно на шестой год мировой катастрофы. Вот сейчас из-за угла покажутся иссохшие бродячие мумии с вытянутыми руками и горестно разинутыми гнилыми ртами...

Из-за угла вышла изящная блондинка в снежно-белом сарафане. Галя бросилась к ней, насколько позволила инерция тела:

– Девушка! Я на передачу... На последнюю черту... Куда идти, не подскажете?

Девушка брезгливо оглядела ее и сказала:

– Вас приглашали?

– Да, мне звонила Шолпан, кажется.

– А, Шолпа... Я – продюсер шоу, меня зовут Ирэна. А вы, наверное, Алия Муратова? Я до вас дозвониться не могла вчера. У вас что, мобильного нету?

– Почему, есть.

– Хорошо, пойдемте. Дресс-код, конечно, ужас. Разве Шолпа вас не предупредила? Черное для съемок не подходит, это закон телевидения. И обувь – у вас что, босоножек нет? Спортивная обувь у нас запрещена. У вас какой размер?

– Сорок... первый, – зачем-то соврала Галя, едва поспевая за шустрой Ирэной. У нее был сорок второй с переходом в сорок третий.

– Посмотрим, что у нас есть. Алия, а вы бы не могли снять платок? Вы бы еще очки темные надели. Режиссер будет ругаться.

– Галя, – выговорила Галя, отдуваясь и обливаясь потом.

– Что – Галя? – удивилась Ирэна.

– Галя, а не Алия. Вы знаете, я, наверное, домой пойду. Все равно я по дресс-коду вам не подхожу. И платок я снять не могу.

– Почему? – Ирэна остановилась и строго посмотрела на Галю.

– У меня себорея. Это не заразно.

– Понятно, – Ирэна мученически завела глаза вверх, вздохнула. – Хорошо. Не будем горячиться. Вы же не хотите сорвать съемки? Мы уже никого не успеем пригласить. Сейчас вами займется костюмер, потом гример. Пойдемте скорее.

Галя, испытывая острый дискомфорт, пошла следом, в поводу у деятеля телевизионных искусств.

Студия, душная, тесная, с закрытыми окнами и неработающим кондиционером, была битком забита шеренгами стульев, непонятными конструкциями из пластика и фанеры, пластмассовыми букетами и логотипами неведомых программ. На ярко освещенном софитами

пяточке толкалась куча людей. Одни что-то поправляли на потолке длинными палками, другие ползали по полу, роясь в извивах разноцветных проводов, третьи шлялись просто так, засунув руки в карманы и глаза на декорации. Маленький дядька средних лет, с обтянутым футболкой арбузным пузиком, похожий на плешивого Карлсона с ампутированным пропеллером, тонким голосом орал на операторов. Операторам было по барабану, они вяло кивали и мужественно смотрели в объективы. В глубине, впритык к декорации, размалеванной знаками зодиака, стояли два кресла. Это для экспертов, – вспомнила Галя. В центре пяточка виселись три колченогих табурета с алыми сиденьями. А это для экстрасенсов. Блин, как же я на него влезу?

– Вы – Галия? – плотная тетка лет сорока в голубой кофточке с неприличным декольте решительно взяла Галю за руку. – Я – Оля. Пойдемте.

В примерной Оля выбрала из кучи обуви пару лакированных туфель, потрескавшихся от старости.

– Примерьте, должны подойти. У вас же сороковой? А размера побольше нету, извините, у нас тут только женская обувь.

Ну да, конечно. Разве я женщина? Туфли, естественно, не налезли. Карлсон, оказавшийся режиссером Женей, хмуро выслушал сбивчивую речь Оли, смерил глазами смущенную Галю и отрывисто бросил: «Ладно... Давайте так, в тапках. Но это в последний раз, Ольга Денисовна, вы слышите?» Оля усадила Галю в кресло, привязала к ее шее пластиковый фартук и взялась за кисточки.

– Вам же укладку делать не надо? Вот и хорошо. Глазки закройте.

Через десять минут Галя открыла глазки и ужаснулась. Из зеркала на нее смотрела пожилая бандерша, на совести которой была не одна сломанная женская судьба. Выбеленное лицо, нарисованные брови, жирно подведенные глаза и изумрудные тени.

– Сейчас губки покрасим... Готово!

Оля триумфально сдернула с Галиной шеи фартук. Хищные алые губы, довершившие ансамбль, добавили к перечню правонарушений, совершенных бандершей, парочку убийств с особоотягчающими.

Девочки давно уже с неудовольствием возились под платком. Надо бы их успокоить. Быстро съесть что-нибудь сладкое.

– А можно чаю?

– Да, конечно. Проходите вон туда, там Ирэна, она вас с остальными участниками познакомит. И чай там можно попить.

Оля одну за другой захлопывала коробочки с гримом. На ее темноватом пористом лице лежала печать безразличия.

В закутке, поодаль от съемочной площадки, стоял стол, уставленный пластиковыми стаканчиками, бутылками, тарелками с печеньем и карамельками. За столом сидели люди, также обезображенные искусной рукой гримера. Это были экстрасенсы и эксперты, приглашенные на шоу. А вот и красавчик-ведущий в смокинге. Картинно облокотившись на облезлый прилавок какого-то кулинарного шоу, вдумчиво читает сценарий и что-то помечает в нем красным фломастером.

— Познакомьтесь, господа — новый участник нашей передачи, Алия Муратова, — сказала Ирэна, не сводя обеспокоенного взгляда с ведущего. — Алия, присаживайтесь, — чай, кофе... А я на минутку.

Ирэна подошла к ведущему, и они немедленно заспорили о чем-то придуренными злобными голосами.

— Галия, — с вымученной улыбкой сказала Галя. Мизансцена не изменилась. Парень с длинными волосами, украшенными эффектной сединой, похожий на древнего инка из Мачу-Пикчу, копался в айфоне. Рыжая старуха в пестром бурнусе, не мигая, смотрела в блюдо с сушками. Пожилой импозантный дядечка в отличном костюме и с шелковым шарфом беседовал с дамой в прозрачной розовой кофточке. Лицо дамы было скрыто под вуалью, присобаченной к шапочке-таблетке с павлиньим пером. Экзотика, однако. Галя поежилась. А у нее только принт в виде черепа. Стыдоба. Девочки шикнули. Да-да, милые... Галя цапнула с блюда две карамельки и торопливо запихнула их в рот. Надо бы запить. Воды в чайнике не оказалось. В бутылках тоже. Она беспомощно огляделась. Из аппаратной прибежал парень, прицепил ей микрофон. Проводок от коробки пришлось тянуть под майкой. А сама коробка никак не цеплялась к поясу. Трудно что-то прицепить к шару. Кое-как приладили.

— Алия? Здравствуйте, — сказал ей дядька в шарфе, любезно улыбаясь. — Очень приятно познакомиться.

Он протянул ей руку.

Галя, торопливо жуя карамельки (черт, зуб!), сунула в ответ свою, слишком поздно вспомнив про вечно потные ладони.

— Ой, простите, — вскрикнула она, выдернула руку из дядькиной лапы и торопливо обтерла ее о джинсы, потом протянула опять. — Не Алия — Галия. Можно просто Галия.

Дядька посмотрел на нее поверх очков. Достал платочек, вытер пальцы.

— А меня зовут Серик Магисович, — холодно сказал он. — Я — социокulturолог, этнопсихолог и бихевиорист.

Дама в вуали мелодично засмеялась и повернулась к Гале.

— Я — Ариадна. Потомственная белая ведьма. А вы, Алия-Галия, чем занимаетесь?

– Просто Галя, – устало повторила Галя, усаживаясь на шаткий стул. – А водички нет, не знаете?

Ариадна пожала плечами. Галя вздохнула. Нестерпимо ныл потревоженный карамелькой зуб.

– Я гадаю.

– И все? Только гадаете?

– Ну да. А что, для передачи недостаточно?

Ариадна покачала головой и отвернулась. Это как понимать, интересно?

Галя подошла к Ирэне и ведущему.

– ...Я предупреждал! Я отказываюсь выходить на площадку... Я Шолпе говорил... Чтобы про Советский Союз... И лично про Путина... Ни одного плохого слова!

– ...Нуржанчик, ну где тут про Путина? Что ты на Шолпу наговариваешь?

– ...Вот тут, читай! В Советском Союзе...

Галя кашлянула и влезла в беседу.

– Извините... А можно водички?

– Боже мой, да у вас грим потек! – вскричала в ответ Ирэна. – Оля! Ольга! Скорее сюда, у нас экстрасенс блестит!

Галю снова запудрили. И она снова заблестела, и еще не раз. Съемки все не начинались. Эксперты и экстрасенсы скучали. Галя ощутила острый приступ голода.

– А здесь есть буфет? – робко спросила она у дамы в вуали. Та сделала вид, что не услышала.

– Нет, голубушка. Да вам и ни к чему. Будет вам разгрузочный день, – пошутил Серик Магисович.

Галя задохнулась от ярости. Но тут по студии разнесся голос режиссера: «Внимание! Минутная готовность! Всем занять свои места!» Положим, через минуту они не начали. Но момент был упущен. А потом их рассадили на табуреты, причем ей удалось вскарабкаться на свой с первой попытки. И понеслось.

В первом туре экстрасенсов испытывали на ясновидение. Гример-костюмер Оля с тщательно нарисованным лицом вынесла на площадку блюдо, закрытое пузатой крышкой. Ведущий прочел с суфлера соответствующую подводку и предложил уважаемым гостям шоу угадать, что же лежит на блюде.

Седовласый молодой человек по имени Арман, шаман в тринадцатом колене, протянул смуглые руки, коснулся крышки. Закрыв глаза и запел красивую горловую песню, не разжимая губ. Встал, покружился на месте. Подпрыгнул. И, не открывая глаз, громко, с паузами, сказал: «Знаки. Символы. Буквы. Числа». Эксперты захло-

пали в ладоши. Следующей угадывала дама, уже без вуали (после длинной склоки с режиссером она ее все-таки сняла). Белая ведьма Ариадна долго и чувственно гладила крышку, нашептывая при этом жутковатый текст. Потом принялась щелкать пальцами, на каждый щелчок что-нибудь выкрикивая. «Он теплый, теплый! Это очень полезный предмет для человека!» Потом – «Я чувствую доброту... Этот предмет создан любящим сердцем!» Потом – «Он зеленый... Нет, синий. Хотя это одно и то же!» Поделившись напоследок ценной мыслью о том, что пластмасса – великое изобретение человечества, Ариадна утомленно присела на табурет и застыла в позе Ахматовой с известной картины – голова повернута набок, костлявое плечо выпирает из блузки.

Пока работали ее коллеги, с Галей творилось ужасное. От духоты и софитов она буквально заливалась потом. Пить хотелось невозможно. Съемку останавливали раз пять – Ирэна дежурила в шаге от площадки с бутылкой воды и рулоном туалетной бумаги, чтобы промокать реки Галиного пота. Режиссер бесился. Галю трясло. Девочки впали в обморочное состояние. Наконец, подошла ее очередь угадывать содержимое блюда. Она потрогала крышку и сказала: «Калькулятор».

Ведущий вкрадчиво попросил комментарий. Галя пожалала плечами – калькулятор и есть, что еще говорить-то. Черной сборки. Клавиша «8» залипает. Лет десять ему.

Тут Ирэна закричала: «Стоп! Одну минуту!» Не открывая крышки, блюдо унесли в аппаратную. Эксперты замерли в предвкушении. Ариадна зловеще усмехалась. Арман тихонько мурлыкал свою песню. Наконец, блюдо внесли опять. «Мотор! Камера! Пять, четыре, три, два, один – поехали!» Ведущий развинченной походкой подошел к Оле, резко поднял крышку – на блюде лежала розовая шариковая ручка с логотипом «Тамаша». Галя ахнула. Как?!

А ведущий тем временем взял ручку и продемонстрировал ее камерам. Потом еще раз. Потом еще. Режиссер Женя кричал из аппаратной: «Выше подними! Да нет, ниже! Твою мать, не трясй рукой! Ирэна, у него манжета задралась!» Все это время Галя тупо разглядывала пол студии. Девочки возмущенно цокали и шипели. Они не могли ошибиться! Никогда не ошибались!

Настала очередь экспертов. Социокультуролог, этнопсихолог и бихевиорист Серик Магисович излагал мысли витиевато, с употреблением таких слов, как «сингармонизм», «мальтузианство», «аккомодация» и «герменевтика». Педагог Жанна Аркадьевна, та самая рыжая старуха, любительница сушек, обрывала эти вербальные кружева, с апломбом заявляя: «Мне здесь не хватило самости». Или:

«Голосово – не верю!» После десяти минут трепа эксперты присудили победу в первом туре Арману. Ведущий павлином прошелся по площадке, задавая каждому участнику слабоумные вопросы насчет итогов первого тура. У Гали он спросил:

– Не кажется ли вам, уважаемая гадалка Галия, что предмет, лежавший на блюде, очень далек от калькулятора? Разве что... (тут он скосил глаза в приступе остроумия) ...например, некоторые бухгалтеры любят нажимать на кнопки калькулятора именно ручкой. Не этот ли образ заслонил вам верное решение?

– На блюде лежал калькулятор, – четко ответила Галия. А почему она должна врать?

– Стоп, пауза! – вскричала Ирэна. – Алия, подойдите ко мне, будьте добры.

Галия подошла.

– Что вы себе позволяете? – зашипела Ирэна, некрасиво шевеля бровями. – Если вы подглядели, как я кладу калькулятор на блюдо, это еще не дает вам права! Как вам не стыдно! Нам пришлось срочно менять предмет – и все по вашей милости! Прекратите немедленно – вы мне съемки срываете!

– Знаете что, – с чувством сказала Галя, – вы тут меня не...

В этот момент из аппаратной выкатился режиссер Женя.

– Давайте не будем! – сказал он. – Ирэна, теряем время. Быстро, быстро, девочки, второй тур отпишем, потом будем разборки устраивать! На площадку! Друзья мои, минутная готовность! – и укатился обратно.

Галия секунду думала – плюнуть и свалить или вернуться? Ирэна, взяв себя в руки, зашептала:

– Вернитесь, пожалуйста, на площадку! У нас съемочный день пропадает... Ну пожалуйста!

Хрен с вами. Галия хлебнула воды, утерла пот туалетной бумагой и снова вскарабкалась на табурет.

Во втором туре полагалось угадать текст, написанный на доске. Доску, укутанную плюшем, вкатили в студию Оля. Арман снова проделал те же трюки, добавив к ним неплохую исполненную чечетку, и произнес: «Жизнь. Мудрость. Еда. Одиночество». Эксперты забились в экстазе. Ариадна тоже обновила свой номер. Первым делом она разрыдалась. При этом белая ведьма ухитрилась почти не нарушить макияж. Потом она принялась, всхлипывая, выпевать: «Какой ум! Какой талант! Господи, я не понимаю... Не понимаю! Это великий человек! Сейчас, сейчас... Любовь. Да, любовь! Она движет светилами во мгле!» И так далее.

Дошла очередь до Гали. Она прочла:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

А потом добавила:

– Омар Хайям. Кто переводчик, не скажу. Слишком известное, цитируют часто. Может, фейк. Тут лучше погуглить...

Ирэна издала горлом сухой звук, похожий на треск ветки. Оля сняла плюш с доски. В студии стало очень тихо.

– Хуяссе... – сказал режиссер Женя в микрофон из аппаратной.

– Я Шолпу убью! – взвизгнула Ирэна. – Остановите съемку!

Потом был скандал. Ирэна кричала, что Галя в преступном сговоре со сценаристкой Шолпой решили свести ее в могилу, сучки! И ради чего?! Ради чего?! Ариадна кричала, что ноги ее больше не будет в этом лживом вертепе. Режиссер Женя кричал, что он не нанимался здесь всякой х... заниматься, ему еще три передачи до понедельника монтировать. Ведущий кричал про Советский Союз, Путина и фашизм. Серик Магисович кричал, что с точки зрения теории случайных чисел нет ничего невозможного. Жанна Аркадьевна просто кричала. Арман повел себя странно. Он набрал телефонный номер, что-то тихо сказал в трубку и протянул вопящей Ирэне. Мгновенно заткнувшись, та с полминуты слушала, потом нажала «отбой» и, буря лицом, процедила: «Заканчиваем. Быстро!»

Галя, находясь за гранью добра и зла, решила досмотреть спектакль. С застывшей улыбкой на потном лице вернулась она на табулет. Подруженьки потрясенно молчали.

На этот раз эксперты высказались коротко и туманно. Ведущий юбилейным голосом объявил безоговорочную победу Гали во втором туре. Тепло поздравив ее с триумфом, он объявил третий тур. Режиссер закричал в микрофон: «Снято! Всем спасибо, до завтра!»

– А как же третий тур? – машинально спросила Галя. Оля, снимая с нее микрофон, охотно ответила:

– Так он же на выезде. Завтра в 10 утра отсюда на автобусе поедет.

Ну конечно. Щас вот. Галя, ни на кого не глядя, не прощаясь, не тормозя на поворотах, вынеслась вон. Шагая мимо вонючего туалета, макабрической мозаики с космонавтом, пустого поста охраны, забора, лабазов и гаражей, она повторяла про себя стих Хайяма, в который раз поражаясь тому, как безошибочно жизнь расставляет точки над «і». Именно, что не возись с кем попало. В жопу такое телевиде-

ние. Старая дура, размечталась, рассиропилась, класс решила показать... Дура, дура. А, плевать. Выкину из головы, и все.

К вечеру ужасно разболелся низ живота. Эта боль не имела ничего общего с женским недомоганием. Она настигала Галю внезапно, мучила несколько часов, потом так же внезапно растворялась. Конечно, давно надо было пойти к гинекологу. Но было невыносимо стыдно демонстрировать свое уродливое тело, к тому же эти, наиболее отвратительные, его части. Гордыня, гордыня... Неужто ты, глупая Галя, думаешь, что чем-то удивишь врача? Да кому ты нужна! Записалась на прием, пришла, посидела в пыточном кресле, получила диагноз, ушла. Стоп. Наверное, не в гордыне и смирении дело. Диагноза-то Галя и боялась больше всего. У мамы был рак матки.

Галя промаялась полночи. Пыталась смотреть свежий сериал про дьявола, который, сбежав из ада, помогал красотке-детективу распутывать скучные американские преступления против налоговой службы. Поначалу бредовость сюжета ее даже увлекла. Потом боль накатила с невиданной силой, и Галя долго ходила по квартире, подвывая и захлебываясь слезами. Из обезболивающего у нее был только анальгин, которого она и наелась от души. Девочки шипели, извивались, душили друг друга, кусали Галю за уши – бесились. А может, им тоже было больно.

Про себя Галя ничего не знала. Не могла ни в прошлое глянуть, ни в будущее, ни маму не видела, ни бабушку, ни диагнозы свои. С одной стороны – обидно, а с другой – наоборот, отлично. А то много будешь знать – рехнешься еще.

Полегчало. Засыпая, Галя думала о том, что эти боли, возможно, вообще не физиологические. Это сколько она сексом не занималась? Лет пятнадцать. Как Славка ушел. Галя не могла, не хотела, даже не думала про это. Отрезало начисто, как скальпелем. Любовные сцены в сериалах смотрела на прокрутке. Вранье, чистое вранье. Мерзость. Ну не мерзость, это она слишком. Просто сильно все это преувеличено. Значение секса, в смысле. Молодым надо, что там говорить, гормоны, продолжение рода, все дела. Галя не возражала. Но вот мозг пáрить – «любит-не любит», «как он посмотрел», «у меня душа поет» – увольте. Сколько она от клиенток наслушалась дерьма про эту вашу любовь. Пропади она пропадом.

Разбудил ее телефон. И ведь не разрядился, собака, за ночь. Галя, спросонья не разобравшись, ответила. Это была Ирэна. Голосом смертельно раненного олененка она умоляла Галю не срывать съемки, не лишать карьеры и заработка двенадцать человек команды, включая многодетную уборщицу и трех матерей-одиночек. Галя сделала одну

крупную ошибку – не повесила трубку сразу. Ну и поделом ей, пришлось доставать из грязного вчерашнюю майку, идти в душ, запикивать в себя йогурт. Есть совершенно не хотелось, противно было открывать холодильник. Все же странные штуки происходят с ее сбрендившим организмом. Утром есть было неохота, в обед тоже, но постепенно напал голод. После обеда желание пожрать медленно нарастало, чтобы к вечеру достигнуть апогея. И Галя объедалась по ночам, чтобы хоть как-то себя побаловать.

На этот раз она кинула в сумку горсть конфет, яблоко и печенюшки. Взяла из холодильника бутылку воды. Погладила сонных девочек, наvertела тюрбан и вышла.

Во дворе стоял микроавтобус. И откуда они адрес узнали? Шофер и Серик Магисович курили возле песочницы, стряхивая пепел в забытое детское ведро. Арман босиком на газоне исполнял какие-то упражнения, плавно разводя и сводя руки и как бы лаская ладонями невидимый шар. Остальные, нахохлившись, сидели внутри. Ирэна, караулившая Галю у подъезда, кинулась к ней, как к родной матери.

– Галиюша, дорогая! Спасибо вам, вы нас так выручаете! Скорее! Съемочная группа уже на кладбище! – и она потянула Галю к микроавтобусу.

– На кладбище?

– Ну конечно! Разве Шолпа не сказала? Ах, эта Шолпа... – и брови Ирэны содрогнулись, а голос на секунду окреп до начальственного кинжального звона. Но она тут же зажурчала: – Третий тур мы на кладбище снимаем... Могилы... Поэтичная атмосфера... Загадки времен... Поехали, поехали, все в автобус! Опаздываем, уже час простоя!

Галя совсем не удивилась, когда автобус приехал на Кенсай. Сколько она у мамы не была? Года два? Да, не меньше. Маша ее сюда таскала, несмотря на свое православие, потому как нехорошо – родных не навещать. А потом махнула рукой, сама стала ездить, без Гали. Гале было, во-первых, лень, во-вторых, ужасно трудно – допустим, до кладбища на такси доедешь, а там, внутри, своими ножками надо ходить, на крутые горки взбираться, оно же волнистое-холмистое, старое Кенсайское кладбище. А ходила она с трудом. В-третьих... Ну что, придешь, цветочки положишь, памятники ветошью оботрешь. Сорняки дергать глупо, новые нарастут. Пустая трата времени. А мама и бабушка все равно у нее в голове живут, как и не умирали, грызут ей мозг ежедневно. Единственное развлечение – пошляться по соседним аллеям, поглазеть на чужие могилки. Интересно. Навевает мысли, роднит как-то с человечеством. Людишки – вовсе не сахар, но одного не отнимешь, исправно мрут. А мертвого человека

можно и пожалеть, особенно когда всю его жизнь за секунду считываешь. Да, поэзия присутствует, права Ирэна.

Доехали до места. Ирэна объявила:

– Уважаемые гости! Сейчас – грим, а потом мы будем вас по очереди вызывать на съемки. К экспертам это не относится, вы пойдете сразу. Режиссер объяснит, что надо делать.

Пока Оля облагораживала гримом лица участников шоу, Женя подробно рассказал процедуру. По согласованию с администрацией кладбища и родственниками усопшего, участнику шоу полагалось отгадать, каким, так сказать, путем покойник отправился на тот свет. Чем подробнее – тем лучше. Можно с ритуалами и предметами культуры. Чтобы зрелищно было. А потом родственники (они сидели в отдельном автобусе) должны были подтвердить или опровергнуть версии экстрасенсов. Прием был не нов. Точнее говоря, свистнут у какого-то российского шоу на ту же тему. Галя усмехнулась.

– А можно мне первой? – подняла она руку.

– Нет нельзя, – Женя покосился на нее с неодобрением, – работаем по вчерашнему графику, очередность не меняем. Первым на площадку выходит Арман. Вы готовы?

Арман тряхнул сивой гривой.

– Прошу. Остальные пьют чай и ждут сигнала.

Арман с Женей пошли к могилке. По случаю съемок не только она, но и все окрестные захоронения были убраны и украшены свежими цветочками. Софиты и камеры расставлены, народ к бою готов. Арман выложил на все сто. Зрелищности – хоть ложкой ешь. И балетные батманы, и танцы с веером, и горловое пение, и игра на... а на чем это он играет, интересно? На гусли похоже, но с национальным уклоном. Прямо настоящий баксы, шаман то есть казахский. Даже перья на себя нацепил. И на гусли свои. Нет, молодец. Гале Арман очень понравился. Настоящий шаман. И красивый, и говорит мало. Да и угадывает неплохо, стало быть, способности есть.

– Ушлый мальчик, – процедила Ариадна у Гали за спиной. Галя повернулась:

– В каком смысле?

– Наш Арманчик – мастер, только никакой не экстрасенс, – Ариадна язвительно засмеялась. – Говорят, из очень хорошей семьи, он ведь в Лондоне учился. Вы не знали? Вернулся, сначала в нефтяном бизнесе поработал, а потом захотел на сцену. А голоса нет. Совсем нет. С ним лучшие педагоги занимались, папа из Италии выписал, думал, бельканто можно, как скважину, пробурить. В Ла Скалу мальчик не попал. Тогда он придумал стать экстрасенсом. Полгода вирусного маркетинга, и Арманчик – в высшей лиге.

– Ну а что, у него неплохо получается, – сказала Галя с вызовом.

– Вы про его прозрения? Ох, не смешите. Папа Ирэнке забашлял, она ему информацию и слила. А вы решили, Арманчик реально что-то там видит? Я думала, вы знаете. Это принцип ток-шоу. Все стоят в очереди. Моя в сентябре подойдет. А пока я на вторых ролях должна сниматься, как на подтанцовках. Это же просто реклама – для раскрутки бизнеса. Недорогая, кстати. Наше телевидение мало кто смотрит. А все-таки неплохо на экране засветиться. Вам что, Ирэнка не предлагала в клуб вступить? Предложит еще. Значит, вы Шолпе забашляли? Это глупо, Шолпа ничего не решает.

Режиссер Женя влез в автобус и провозгласил:

– Ариадна, ваш выход!

За ней Галя уже не следила. Да и не бином Ньютона, сейчас пойдут руки заламывать, рыдать, биться в конвульсиях и обнимать памятник.

В автобус влезла Ирэна, присела рядом с Галей, протянула ей стаканчик с лимонадом.

– Галиюша, я с вами хотела поговорить. Я с Шолпан вчера разговаривала, она клянется и божится... В общем, не знаю, что там у вас произошло, но я, как продюсер, хочу вас попросить. У нас есть сценарий, все отработано. Это телевидение, понимаете? Тут не может быть неожиданностей. Вы только не обижайтесь, я не говорю, что не верю, но я двадцать лет тут работаю, и это шоу идет уже второй год, и я ничего подобного еще не видела. То есть, были случаи... недобросовестной работы, так скажем. Но чтоб так угадывали – этого просто не бывает.

– Но...

– Не перебивайте меня, пожалуйста. Я вас хочу попросить не нарушать наш регламент. В этой передаче победителем будет Арман, вы же видите, как он ровно идет, как работает на площадке. А вы нам, как бы это сказать... Усложняете задачу. Давайте договоримся. Мы дадим вам возможность блеснуть, показать свой талант, только немного позже, хорошо? Скажем, в октябре? Согласны?

Галя пожала плечами.

– Да пожалуйста. Но врать я не стану. Что скажу, то и скажу, а вы потом меня вырежете, если что.

– Вы меня неправильно поняли, Галия! – воскликнула Ирэна. – Нам обязательно нужно показать вашу реакцию. И если вы по какой-то... случайности знаете историю этого человека, ну, который похоронен, вы ее не озвучивайте, ладно?

– А то что?

Ирэна с досадой хлопнула ладошкой по коленке.

– Да что с вами такое! Я же вам русским языком сказала, попросила... Опять на скандал нарывааетесь? Имейте в виду, вас потом никуда звать не будут! Уж я постараюсь.

Галя засмеялась. Необидно, но так искренне, что Ирэна на секунду растерялась.

– Девушки, вперед! – Женя торопливо бежал к автобусу, размахивая руками. – Ирэна! Галя! Времени мало, смена заканчивается, поэтому, умоляю, покороче!

Галя вылезла из автобуса, вчерашний парень снова нацепил ей микрофон, и она побрела к могилке. Эксперты, Оля с салфетками наготове, операторы – все как-то притихли, завидев ее.

Галя подошла к памятнику, осторожно погладила его. Теплый мрамор нежно завибрировал под ее пальцами. Имя, фамилия, даты ничего ей не сказали, кроме того, что человек умер десять лет назад.

– Он очень сильно болел, – сказала она. – Мучился. Рак простаты, с легкими что-то нехорошее, но это с детства. Похоже на туберкулез... Мальчиком в аule голодал сильно. Ну, это понятно, в 30-х. Мать умерла от голода. Они ее съели. Ужас... В пятидесятых сидел. За проявления национализма... Красивый был. Карьера отличная, до замминистра дошел. Женщины его любили. Двое внебрачных детей, пятеро своих. Всем помогал. Вообще, о родне заботился. Птичек... Птичек кормил в парке, когда совсем старый стал. Пел. Все время пел песню. «Козимнын корасын»... Да. Это его любимая. Дети его отселили в последние годы, приставили сиделку, домработницу. А он об одном только мечтал – внуков почаще видеть. Внучка его и траванула (тут Галя усмехнулась своим недавним мыслям). Дед ей квартиру отписал. Нетерпеливая оказалась. Он простил, кстати. Только он хотел, чтобы...

– Наглое вранье! Наглое! Ее уберите, эту! Что... что это за такое вообще?! – к Гале подбежал крепыш с налитым кровью лицом, дернул ее за рукав майки. – Клевета! В суд! Какая тюрьма?! Какая отравила?! Какие внебрачные?! Я – правнук! Законный! Какой ваш канал? «Тамаша»? Да мы вас разнесем! Это же был человек! Герой соцтруда! Восемь медалей! Орден поросят! То есть «Парасатг»! Да я... Да мы...

Поднялась суета. Правнука поили водой, коньяком и валерьянкой, успокаивали, валялись у него в ногах и посыпали свои головы пеплом. Галя сняла микрофон, положила на травку, еще раз погладила памятник. Герой соцтруда всего-навсего хотел лечь рядом с первой женой, он ее только и любил, а она умерла очень молодой, едва успев родить ему сына. Но его положили здесь, и ему грустно.

Галя пошла по тропинке вверх. Эту часть кладбища она немного знала. Надо навестить маму и бабушку.

Она шла, разглядывая могилки. В сущности, что такое памятник? Камень с человеческим лицом. Ее контингент. Только у Гали на совести всего лишь те хулиганы в парке да врачаха районная, сука и хабалка. А смерть – это серийный маньяк, она платочков с олимпийскими мишками не носит. Особенно бередили душу, естественно, детские захоронения. Пухлые младенцы, выбитые на мраморе, выцветшие фотографии девочек в бантиках, сегодня они были бы старше ее, Гали. Мальчики в камне, с каменными же паровозиками в ручках. Эта под машину попала, тот из окна выпал... Нет не выпал. Выкинули. Черт, невозможно, хватит уже, не хочу видеть, хочу развидеть... Сволота, кругом сволота, зомби проклятые, все вам мало, все-то вы несчастненькие такие, а сами – хуже зверей апокалипсиса.

Галя свернула, потом еще раз, потом поймала немигающий белый взгляд и обмерла – это из пыльных зарослей глядел на нее с постамента каменный гость – толстый лысый сановник, убийца. Лично арестованных расстреливал, топтал сапогами, мерзавец. Галя побежала. Тяжелой трусой, задыхаясь, как бегемот, обливаясь слезами и потом. Девочки бились и шипели, платок был им тесен.

Каменные мазары, ржавое железо, звезды и полумесяцы, сорняки и березы, пыль, сухие букеты, пластмассовые венки... Зброшенные, без памятников и оградок, выпирающие из земли, как живот беременной, – эти были страшнее всего. Они уже и сами про себя ничего не помнили. Мотались в своих норах, грызли землю, как черви... Господи, зачем, зачем ты все это придумал?! Отпусти нас всех! Отпусти!

Потом устала, пошла. Так хотелось присесть на какую-нибудь лавочку у могилки, передохнуть. Но нельзя. Снова кто-нибудь в башку залезет. Нет, хватит на сегодня впечатлений. Галя огляделась. Так. Ни души кругом. Незнакомая местность. Неописуемая жара. Хорошо, что водичка есть.

Пойду по дорожке, авось, выведет к людям.

Через много-много времени Галя поняла, что выхода нет. Могилы она уже не различала. Брела, иногда садилась на землю. Вода кончилась. Нестерпимо хотелось пить и писать. Адское солнце залипло в центре белого неба. Подружки-заиньки молчали. Солнечный удар у них, что ли? Кругом – никого. Хуже всего было с ногами. Кровавые мозоли. Да когда же это все кончится?!

И тут Галя услышала слабый писк. Уже ничего не соображая, свернула, побрела через могилы, по тонкой осыпающейся тропке, перелезла через чудовищные корни, споткнулась о кучу мусора, упала. Кое-как встала, размазывая по лицу грязь и слезы, начала про-

бираться дальше. Застряла животом между двумя высокими ржавыми оградками, еле выдралась, порвала майку. Это же... нет, мне кажется... Откуда?! Похоже на плач ребенка... Младенца...

Он лежал на зеленом холмике. Красный, морщинистый. Искореженное мукой личико, хриплый плач-писк. Бедный, маленький...

Галя легла рядом, сняла платок, укрыла ребенка. Осторожно обняла. Зашептала-заныла-зашелестела что-то на одной ноте, без участия пересохших и треснувших связок. Он затих. Вообще все затихло. Ни одного звука. Ни одного запаха. Только жар падает сверху. Давит... так сильно. Кажется, майка сейчас загорится. Солнце и правда спускалось с неба. Мир начал стремительно выцветать, сливаться в одно белое яростно сверкающее пятно. Все, зрения нету тоже. Мышцы отказали, и тело стало жидким и вязким, а потом улетучилось.

Солнце встало на колени и осторожно погладило Галю по голове. Змеи, толстые и тонкие, разноцветные, в ромбах, пятнах и орнаментах, ликующе взвились ему навстречу, шипя и судорожно клубясь.

– Пойдем, сестра. Это был последний круг ойкумены.

Галя... Нет, не Галя. Уже нет.

Она привстала. Тело налилось одновременно весом и легкостью. Глаза... Они видели всё: и глубину, и высь, и кротовьи норы, и черные дыры. Она чувствовала себя беспокойно. Это было не то место. Брат прав, пора. Наказание кончилось, и это прекрасно, потому что теперь можно просто дышать.

Она подняла ребенка – тот улыбнулся ей и сразу же приник к груди.

И Она ушла.

На девять дней поехали Маша и Оля-гримерша. С цветами, едой в пакете. По дороге Маша рассказывала:

– Она мне как сестренка всю жизнь была. Галка. По-ихнему – Галия. Они же из крымских. Бабушку, Анифе Ибрагимовну, Сталин выслал. Она вспоминать не любила. Однажды только сказала, как они в поезде ехали, без остановок, и мертвяков своих из окон выбрасывали. Страшно было слушать, веришь. А она, Анифе Ибрагимовна, заведующая детским домом была, в Симферополе своем. И тут, когда приехали, с детишками возилась, которые без мамки-папки остались. Многих спасла. Тоже детдомом заведовала до самой пенсии. Такая добрая была бабушка. Они с Галкиной мамой и меня из детдома взяли. Ну это потом, у них тогда уже свой домик был в Малой Станице. Они его на кладбище построили. Ну, старое кладбище было

на окраине, в пятидесятых его на куски порезали и раздали, вот они и построили. Сад был у них какой! Закачаешься. Виноград, яблочки-райка, махонькие такие, сладкие, как мед. Клубника. Ландыши. И розы – всяких сортов; их мама Галкина, Майя Мансуровна, очень любила. А как они готовили! Пальчики оближешь. Как бабушка умерла, они дом продали и в городе квартиру купили. А потом Галкин отец с ее мамой развелся, квартиру разменивать пришлось, вот они в однушке и оказались. Я-то к тому времени уже замужем была, за Виктором, да и Ванька у меня родился. А Галке не повезло. Дочка в родах умерла, а муж ее, Славка, сволочь такой, даже не похоронил ребеночка. Пока Галка в роддоме лежала, все вещи вывез. Бросил ее. Уж она убивалась. Говорит, даже на могилку не сходить. В мусор выкинули доченьку, в отходы абортария. Жуть, да? Очень я Галку всегда жалела. Добрая, вся в мать с бабушкой... Но до чего невезучая! Я ей говорила: молиться тебе надо. Не хочешь православному Богу – так хоть своему молись, как все твои. Нет, говорит, не могу. Душа не лежит... Вот и...

Оля сочувственно качала головой. Маша крестилась и вздыхала. Приехали.

Галя в махровом халате и косынке с мишкой сидела на скамейке в больничном двореке. Увидела их, замахала руками.

– Привет, девчонки!

– Мать, ты сколько сбросила-то? Тебя и не узнать...

– А черт его знает, Маш. На самом деле не так много, килограммов десять. Мне еще худеть и худеть. Редиску принесла?

– Принесла, принесла... На, грызи.

– Галия, это вам от нашей съемочной группы. Мы все скинулись. Тут питание детское, еще одеяльце, а манеж я Маше отдала, он хороший, ничего, что старый?

– Оленька, спасибо, милая... Как вы там?

– Передачу-то нашу закрыли, Ирэнка на другой канал перевелась. Ничего, живем потихоньку, мы с Шолпой теперь интеллектуальное шоу будем делать. Типа «Что? Где? Когда?» Приходите к нам играть, вы ж на все вопросы... это... В смысле, ответов.

– Спасибо, Оля, вряд ли. Маш, как Анечка?

– Все хорошо, не волнуйся. Хотела с собой взять, да жара такая – прям печет. Чего ребенка по такой жаре таскать. Мои с ней сидят. Сама скоро увидишь, тебя ж послезавтра выписывают.

– Дождаться не могу... Что врачиха сказала?

– Все нормально. Абсолютно здоровая девочка. Прямо дар Божий. Я ей, врачихе, и участковому тоже из того конверта, как ты сказала, вынула да и отдала. Все справки в порядке, мамаша. Анифе теперь дочка твоя законная, и слава Богу.

– Оля, да что ты стоишь, садись...

– Ой, я побегу, у меня съемки через час. Галя, а можно я к вам на прием приду? В смысле погадать? А?

– Конечно, приходи. Только позвони заранее, ладно?

– Пока-пока!

– Маша... Слушай, насчет квартиры...

– Не заводи, Галка. У тебя теперь дочка, так что даже не думай.

– Я не про то. Если со мной что случится...

– Типун тебе на язык, дура! Что случится-то? С диабетом люди до старости живут, и ничего. Диету только соблюдай, упражнения... А мы с Виктором поможем, ты не сомневайся.

– Нет, ты послушай, я же про случайности говорю. Мало ли что, так ты, Маш, Анечку не бросай, ладно? Я завещание переделывать не буду.

– Не реви. Тьфу ты, теперь и я... Что с тобой будешь делать. Уж не брошу. Тебя же не бросила. Прекрати выть. Тебе на капельницу не пора?

– Да, минут через пять. Медсестра позовет. Ты иди.

– Ага. Я спросить хотела. Слушай, Галь, а ты гадать что, не бросишь разве? Грех-то какой, прости Господи...

– Я теперь и не смогу. Да и хорошо, правда? Бабушка Анифе по-настоящему умела, малостаничные девчонки за ней хвостом ходили. А я... Баловство это. Ну разве в шутку, если подружка попросит. Ничего, в школу пойду работать. Диплом же есть.

– Вот и умница! Голова-то как, заживает?

Галя поглядела вокруг, потом стянула косынку. Маша осторожно погладила ее по исцарапанному бритому черепу, поцеловала в лоб.

– Ну поправляйся.

И ушла.

Брякнул телефон. Галя, повязав косынку, глянула. СМСка. Текст гласил:

«Милая Галоша! Прости за галошу это автонабор. Милая Галоша! Кинь мне на телефон 500. Очень надо. Люблю целую Нинка».

И Галя засмеялась.

Бахытжан Канапьянов

Рассказы

ЖАЛГЫЗ АГАШ*

После перевала дорога расширялась и не петляла, а прямой серой лентой тянулась к долине. Вот уже много веков она верно служила людям. Конь, устав в высоких травах предгорья, выходил на нее и отдыхал, и копыта, влажные от росы, мерно отстукивали степную мелодию – цок, цок, цок... Затерявшийся путник, найдя дорогу, не сворачивал в сторону, а шел прямо, зная, что она приведет к человеческому жилью. О возрасте этой дороги напоминали иногда встречающиеся каменные изваяния – балбалы – да древние мазары**, пережившие не одну легенду о себе.

Из ущелья подул сквозной холодный ветер. Старый чабан оглянулся. Отара уже разбрелась поперек дороги и мерной волной катила в сторону зимних кошар. Старик опустил поводья, и конь, почувствовав свободу, изредка вздрагивая и чуть наклонив голову, сбавил шаг. Пес Акдаул, резвясь, забегал вперед и затем, пропуская овец, поджидал молчаливого хозяина. Вечер опустил черные крылья на холмы. Свет заходящего солнца слегка окрасил хребты гор, которые вторгались в пространство закатного неба. Пахло осенью. Земля после щедрого жаркого лета незаметно погружалась в сон. В порыжелой траве еще взлетали одинокие стайки птиц. В нескольких шагах от дороги шумела горная речка, но шум ее не был так неистов, как в горах, где она порождала эхо в глубинах ущелья.

Вдали показался Жалгыз Агаш. Старик свернул отару к речке, чтобы дать ей отдохнуть после утомительного горного перегона, и серая лавина овец, поднимая пыль, устремилась к прохладной воде. Чабан отвел коня к водопою, а сам прилег у подножья дерева, чувствуя под собой слегка выступающие из земли корни. Береза взглянула на старика множеством ветвей, как бы вопрошая: «Что, старый Дос, устал?.. Опять гонишь отару на зимовку. Вижу, нагуляли твои овцы вес. Это хорошо. Значит, быть достатку. Что же ты молчишь? Ведь с последней встречи прошло много времени. Тогда, по весне, ты был весел. Да и вся земля радовалась пробуждению. И корни мои

* Одинокое дерево (казах.)

** Могила мусульманского святого – авлия (араб.)

впитали свежие силы, и ветви мои налились соком, и крона моя была полна весеннего гула. И чуяла я корнями, как сейчас, тяжесть твоей спины. Что же ты молчишь, старый Дос?.. Расскажи, как живут мои сестры и братья там, в горах. Ведь ты же человек, Дос. Ты можешь удаляться и приближаться ко мне, знать, что делается на белом свете. Расскажи, жива ли мать моя, чей стройный ствол я никогда не видела и чье семя давным-давно занесло ветром сюда, в долину, где, куда ни глянешь, – не видать моих собратьев, лишь сквозь синюю дымку в полдень я вижу их смутные очертания на вершинах родных гор да чую корнями, как пьют они ледниковую воду. Река об этом мне шепчет ночами. Так почему же молчишь, старый Дос? Ведь ты же человек. Тебе дано счастье двигаться, а я пригвождена ураганом к долине. Мне никогда не подняться в горы. Скажи, ты поведал им о моей судьбе? Не молчи. Шум листьев не заглушит твои слова, ибо их почти не осталось в моих ветвях...»

Старик молча гладил ладонью шершавую кору ствола, будто бы зная, о чем шумит, качая ветвями, эта старая береза, о чем скрипит ее ствол. Казалось, что он сейчас ответит ей: «Там, на высоте перевала, где шум реки заглушает шелест листьев, там, склонившись над ущельем, стоит твоя мать. Она и не знает о твоём существовании. Так почему ты скорбишь, береза? Ты родилась здесь. Нам, людям, ты тем и дорога, что единственная на всю долину. Да, много их там, наверху, целые горные леса, но нет в них отдельного лика, есть лишь облик, название которому – деревья. А ты родилась здесь, и эта долина – твоя родина...»

Но молчал старый чабан Дос. Небо уже почернело, и лохматые звезды рассыпались по нему. Дыхание овец слилось с той неповторимой тишиной, какая бывает в степи лишь в темные осенние ночи. Молчал старый человек. И склоняла над ним тонкие ветви береза. Дос почувствовал озноб в пояснице. Это ночной холодок выходил на поверхность земли. Боясь ломоты в костях, чабан встал и, крикнув Акдаула, начал поднимать отару.

Береза, провожая чабана, устало вздохнула редкими листьями. Для нее это была последняя встреча с живыми существами в этом году. Теперь наступит долгий сон до самого марта, и ни одна живая душа не забредет сюда, разве что случайный сайгачонок, отстав от стада, ковыляя, подойдет к спящему дереву и начнет лизать жарким языком обледенелую кору. Снежное безмолвие долины оглушит березу, и лишь в корнях будет теплиться надежда – увидеть весну.

Заметив на горизонте мерцающие огни аула, Дос обрадовался, и обветренные уста чабана затянули песню. Гортанная песня парила над степью, и к ней прислушивались звезды. И среди этих осенних звезд ярче всех горела Сумбуле – путеводная звезда чабанов.

БАХЧИСАРАЙ

«Бахчисарай, Бахчисарай», – пел старик, ухаживая за цветами полисадника. Ему было за шестьдесят, двадцать лет из которых он прожил со своей старушкой на чужбине и здесь, на севере Казахстана. Из рассказов соседки, словоохотливой спекулянтки Айши, многие жители нашего края знали, что стариков выслали из Крыма сначала в Ташкент, а с середины пятидесятых разрешили поселиться в этом целинном городе. Соседка Айша утверждала, что старика Кемалю душит бронхиальная астма и потому ему нельзя было жить в Ташкенте, особенно в тот период, когда по весне над городом плывет нескончаемый тополиный пух.

Они жили тихо и особо не общались с соседями. Их небольшой домик, купленный в рассрочку у отъезжающей чеченской семьи, за два-три года преобразился, постепенно превращаясь в домик-сад. Фруктовые деревья, которые были в диковинку нашим соседям, вдруг почему-то принялись у старика. А цветы? Ими усеян был каждый пустующий клочок земли возле их дома.

«Бахчисарай, Бахчисарай», – напевал старик, прививая деревца или окучивая клумбу. Белолицая старушка Ани подпевала ему и иногда выносила нам, играющим неподалеку мальчишкам, сушеный урюк, изюм и яблоки. Эти гостинцы довольно часто присылали им из Ташкента.

«Бахчисарай, Бахчисарай», – напевал старик, подрезая ветви, тронутые морозцем, а в глазах стыла потусторонняя тоска, и ее не могли растопить ни весенний цвет яблонь, ни бутоны первых цветов в полисаднике, ни воспоминания о той, еще довоенной жизни в Крыму.

Не знаю почему, но старик к своим садоводческим опытам иногда привлекал меня, ученика пятого класса. Быть может, потому что я был сыном учителей, и отец, идя вечером из школы, где он работал директором, часто останавливался возле старика, который колдовал на своем участке.

Мне трудно было понять, о чем они вели свою беседу, но старик, улыбаясь, называл отца «муаллим»*, отец что-то ему отвечал то ли по-татарски, то ли по-арабски, иногда вперемешку с казахско-татарской речью звучали слова «Каир», «Алушта», «Ак-Мечеть», и эта беседа всегда заканчивалась песенной фразой старика: «Бахчисарай, Бахчисарай!»

На мой вопрос: «Что означает Бахчисарай?» – отец отвечал, что это город в Крыму, в котором находится дворец бывших крымских ханов и эмиров, а слово «Бахчисарай» дословно переводится как

* Учитель (араб.)

«дворец-сад». Отец недавно съездил отдохнуть по путевке в Алушту и был полон впечатлений и рассказов об этой сказочной стране под названием «Крым».

Он и прочел мне легенду о том, как возник Бахчисарай. Книжка, которая называлась «Легенды Крыма», была старая, потрепанная, но я внимательно слушал мягкую речь отца.

Однажды сын хана Менгли-Гирея поехал на охоту. Он спустился из крепости в долину. Сразу же за крепостными стенами начинались дремучие леса, полные дичи. Для охоты выдался удачный день, гончими и борзыми затравили много лисиц, зайцев и даже трех диких козлов.

Захотелось ханскому сыну побыть одному. Отправил он слуг с добычей в крепость, сам забрался в чашу, спрыгнул с коня и присел на пне у реки Чурук-Су. Верхушки деревьев, позолоченные заходящим солнцем, отражались в воде. Только шум реки, бежавшей по камням, нарушал тишину.

Вдруг на противоположном берегу послышался шорох. Из прибрежного кустарника быстро выползла змея. Ее преследовала другая. Завязалась смертельная схватка. Обвив одна другую, змеи острыми зубами рвали друг у друга куски тела. Долго длилась схватка. Одна змея, вся искусанная, обессиленная, перестала сопротивляться и безжизненно опустила голову.

А из чащи по густой траве спешила к месту боя третья змея. Она накинута на победительницу – и началось новое кровавое побоище.

Кольца змеиных тел замелькали в траве, освещаемые солнцем. Невозможно было уследить, где одна змея, где другая. В азарте борьбы змеи отползли от берега и скрылись за стеной кустарника. Оттуда доносились злобное шипение и треск веток.

Сын хана не спускал глаз с побежденной змеи. Он думал о своем отце, о своем роде, о своем народе. Они сейчас подобны этой полумертвой змее. Вот такие же искусанные убежали в крепость, сидят в ней, дрожат за жизнь. Где-то идет битва, а кто кого в ней одолеет: золотоордынцы – турок или турки – золотоордынцев? А ему и отцу его, Менгли-Гирею, уже не подняться, как этой змее...

Прошло некоторое время. Молодой хан заметил, что змея шевелится, силится поднять голову. С трудом ей это удалось, медленно она поползла к воде. Напрягая последние силы, приблизилась к реке и погрузилась в нее.

Глазам своим не поверил хан: мгновение спустя змея стала оживать, извиваться все быстрее и быстрее. Когда она выползла на берег, на ней даже следов от ран не осталось. Затем змея снова окунулась в

воду, быстро переплыла реку и невдалеке от изумленного человека скрылась в кустах.

Возликовал сын Менгли-Гирея – это счастливый знак! Им суждено подняться! Они еще живут, как эта змея...

Он вскочил на коня и помчался в крепость. Рассказал отцу о том, что видел у реки. Они стали ждать известий с поля битвы. И пришла долгожданная весть: Османская Порта одолела ордынского хана Ахмеда, который когда-то истребил всех воинов Гирея, а его самого загнал в крепость на крутой скале.

На том месте, где схватились в смертельной битве две змеи, хан велел построить дворец. Около дворца поселились его приближенные. Так возник Бахчисарай. Двух перевившихся в схватке змей хан велел высечь на дворцовом гербе. Надо было бы трех: двух в борьбе, а третью – полумертвую. Но третью не стали высекать: мудрым был хан Менгли-Гирей...

– Бахчисарай, Бахчисарай! – продолжал напевать старик, копаясь в своем небольшом саду.

– А я знаю легенду о Бахчисарае! – пробормотал я, проходя мимо его дома.

Старик медленно повернулся на мой голос. В его голубых глазах застыли и ужас того, что поневоле он выдал только ему известный секрет этого слова, и ненависть к тому, кто стал свидетелем его клятвы-тайны, и вечная скорбь о минувшем. Не знаю, быть может все было и не так, но детская память – цепкая вещь, и это видение оскорбленного, но гордого в своей непримиримости старика навсегда поселилась в моей памяти.

– Э-э, это ты, киши малай, муаллим баласы!* – спохватился он, и глаза его в мгновение ока выцвели, приняв в полумраке наступающего вечера безучастный, пустой вид. – Ну-ка Расскажи, что ты знаешь о Бахчисарае?

Я сбивчиво поведал ему все то, что слышал от отца. И вдруг его глаза вновь зажглись огнем, и он, уже не скрывая ни своей обиды, ни своего гнева, закричал:

– Это я, я – третья змея, которая полумертва. Это я задыхаюсь от тополиного пуха. Я не погиб, когда меня везли красные аскеры в Ташкент, а там есть пух, который меня добивал, и нет для меня ни родной реки, ни камней Бахчисарая. А-а-а! – зарыдал старик, и старуха Ани, выбежав на крыльцо, увела обезумевшего старика.

После этого я долго его не видел. Соседка Айша поведала моей

* Киши малай – маленький юноша; муаллим баласы – сын учителя (*там.*)

матери, что старика положили в больницу с каким-то нервным расстройством, но скоро должны выписать.

Садик возле дома старика без заботливого ухода зачах, а цветы задушила сорная трава, к тому же лето было жарким, почти без дождей.

С тех пор старик редко появлялся на улице. Говорили, что он дома портняжничает. Искусно шьет мужские пиджаки и куртки из разных лоскутов вельвета. Вот такую куртку однажды заказала ему для меня и моя мама. Когда я пришел на примерку, он молча сквозь толстые линзы своих очков взглянул на меня и не сказал своей привычной присказки: «Бахчисарай, Бахчисарай!». А я боялся взглянуть ему в глаза, боялся вновь увидеть в них внезапный огонь бывшего безумия.

Казалось, что все течет своим чередом, но однажды пришли в их дом два милиционера. Мигом собралась толпа соседей и зевак. Любопытным объяснили, что старик Кемаль занимался частным трудом и потому по новому законодательству положено изъять его орудия производства – швейную машинку «Зингер» и настольный ткацкий станок. Милиция и до этого приходила в наш край. У соседа-фронтвика Есентай хотели конфисковать единственную лошадь, на которой он часто подрабатывал у базара.

Есентай, увидев непрошенных гостей в своем дворе, запустил в них самодельным деревянным протезом, а сам, держась на одной ноге, с крыльца запрыгнул на лошадь и умчался в сторону пригородного аула к своему другу-фронтвику. Вернулся через неделю с кучей справок и предписаний, что он ветеран, инвалид войны, на пенсии, и в силу свободного времени помогает горожанам привозить с базара кое-какие товары, и за эту свою работу, разумеется, не берет никакой платы.

Так было с соседом Есентаем, но теперь из дома старика Кемаль милиционеры долго не выходили. И вдруг послышались шум и грохот. Старик Кемаль в приступе ярости выскочил в расстегнутой рубашке, полы которой не были заправлены в брюки, и, рыча, стал рвать в клочья свои немногочисленные швейные заказы. «Бахчисарай, Бахчисарай!» – ревели над толпой то ли со стороны домика Кемаль, то ли с небес.

Тихая старушка Ани беззвучно плакала, заслоняла своего обезумевшего старика от молоденького милиционера и от любопытных взоров толпы.

Вдруг старик выбежал на улицу с большой атласной подушкой, на которой были искусно вышиты китайским способом два дракона-змеи, которые обвивали своими телами друг друга.

– Бахчисарай, Бахчисарай! Я и есть третья змея, меня могут спасти только камни Бахчисарая, – кричал старик по-татарски. Он зубами разгрыз подушку, и птичий пух взметнулся над толпой и стал мед-

ленно кружиться над милиционерами, над старушкой Ани, над стариком Кемалем, который трясся в эпилептических конвульсиях.

Вскоре приехали какие-то люди в темных халатах, которые связали старика и увезли на машине, напоминающей милицейский воронок.

А через два дня старик Кемаль умер в психиатрической больнице. Говорят, что от приступа астмы.

Хоронили его по-восточному. Пришли местные татары и соседи из близлежащих домов. Есентай на своей телеге, застланной единственным ковром из дома старушки Ани, отвез покойного в мечеть, что была возле базара, а затем, из мечети, повезли старика Кемалья на татарское кладбище. А этот ковер я потом часто видел в доме Есентая. На сорок дней приехало много родственников из Ташкента, с которыми должна была уехать старушка Ани, ждали даже кого-то из самого Симферополя, но не дождались. Отец тоже пошел на поминки, я увязался за ним. И когда мулла пел арабскую молитву, я почему-то в такт ему невольно начал бормотать:

– Бахчисарай, Бахчисарай!

КУРАНТЫ НЕБЕС

Ожидание Нового года, ощущение приближения праздника всегда дороже самого праздника, когда шестеренки снежинок, плавно плывущие из бездны небес, вращают колеса времени, все безвозвратно ускоряя, и после хрустального звона фужеров вдруг понимаешь, что снежинки так же падают, как и полчаса назад, но это уже снежинки нового года, а не вчерашние, прошлогодние, осевшие рыхлым снежным настом над нашим прошлым. И вновь в нас – только память о прошлом и мечты о будущем, а самого настоящего нет и в помине, ибо оно, настоящее, ежесекундно переходит в прошлое. В буднях это незаметно и незначительно, и только в последние часы и минуты уходящего года – объемно, осязаемо и выпукло.

Я ехал в электричке до аэропорта Домодедово, чтобы встретить вечерний рейс из Алма-Аты. Где-то в районе Чертаново и возникли подобного рода мысли. И я понял, глядя на сумрачное подмосковное небо, заполненное легкими снежинками, что завтра будет все так же – зябко и монотонно, несмотря на то, что к дате «от Рождества Христова» прибавится еще одна единица.

Я ехал в электричке, экономя свои кровные на обратное такси, ехал встречать Ее. Уже почти месяц я находился в Белокаменной. Моя рукопись каким-то образом попала в план издательства «Молодая гвардия», и сейчас я вместе с редактором завершал послед-

нюю правку перед сдачей книги в производство. Это моя первая книга в Москве. Потому я и нахожусь здесь так долго. Постоянные посиделки в Центральном доме литераторов – с редактором и без него, в кругу друзей по Литинституту, – подточили мой финансовый ресурс в виде аванса от гонорара будущей книги. Но кое-что осталось и на встречу Нового года, и на новогодний подарок для моей Музы, которая кратко сообщила по телефону: «Буду 31-го вечером, встречай. Рейс 505, Алма-Ата – Москва». Вот и еду встречать, заблаговременно сняв на неделю однокомнатную квартиру на ВДНХ, загрузив холодильник всякой всячиной из Елисеевского и бутербродами из Пестрого зала ЦДЛ. Вина – «Мурфатлар», «Гурджаани», коньяк «Плиска», водка «Сибирская». И все это венчают две бутылки «Советского шампанского» – бьют.

Для неженатого молодого писателя соблазнов в столице, разумеется, много, но то она и столица нашей родины – Москва. Но у меня – Муза, и только Она, одна-единственная. Ондатровая шапка, купленная через два телефонных звонка друзей-москвичей в ателье Литфонда, и есть новогодний подарок моей Музе. А чтобы эта шапка не была пуста, в нее вложен флакон французских духов «Шанель», не помню какого номера, но прекрасно помню, что приобрел его по протекции корректора моей рукописи по чекам «Внешторга» в «Березке» – разумеется, по тройному курсу так называемой твердой валюты.

Вот такие чисто прозаические мысли с надеждой на поэтические последствия вперемежку с псевдофилософскими воззрениями переполняли меня, когда электричка плавно подошла к конечному пункту следования.

Самолет прибыл с небольшим опозданием. И я встал у стойки выхода прилетевших пассажиров, вглядываясь в мелькающие лица, на которых была видна печать единой радости: прилетели до прихода Нового года, а значит, будем встречать его здесь, на семи холмах, а не там, в небе, среди холодных звезд.

А вот и она! Стройной козочкой – нет, грациозной ланью, в распахнутой короткой дубленке, с японским цветным платком на шее (без шапки – видимо, женская интуиция подсказала, что будет ей шапка, не мерзнуть же на заснеженных проспектах Москвы), в туго обтянутых джинсах, обозначающих приятные контуры всего того, что ниже пояса, и в легких сапожках на меху с невысоким каблучком... Что таится за этим одеянием, я не стал домысливать, ибо все мысли улетучились, когда она повисла на моей молодой писательской шее, уже привыкшей носить на себе незаурядную голову, наполненную сонмом образов, сюжетных линий, начальных интриг и завершающих развязок, – одним словом, всем тем, что именуется художественным произведением.

Обдав меня приятными благовониями района Тулебайки и Абая, она взглянула в мои глаза и, слегка смущаясь, шепнула:

– Вот и я...

– Здравствуй, Муза, здравствуй, душа моя!

– Сколько на твоих?

– Двадцать девятого.

– Ой, надо позвонить в Алма-Ату. Там же Новый год через сорок минут.

Мы быстро разыскали переговорный пункт и, звеня пятнашками, стали набирать код родного города. Через пять минут, поймав зеленоглазого коня под незабываемый предновогодний московский ветерок в снежинках, я сказал таксисту:

– С Новым годом, шеф! На ВДНХ!

– Пятерка сверху.

(Это значило, что пятнадцать рублей по счетчику и пять – в доверок.)

– Идет, шеф.

В салоне такси тепло и уютно. За боковым стеклом мелькали снежинки, а в лобовое видно, как неслась вдоль дороги московская поземка. На фоне кружащихся снежинок я видел отражение Музы: упрямый лоб, правильный нос и чуть вздернутая верхняя губка над нежным подбородком.

– Жарко, – сказала она и расстегнула верхнюю пуговку синей кофточки, за легкой тканью которой чувствовалось и легкое дыхание ожидания. Мало ли чего можно ожидать в предновогоднюю ночь, подумал я, когда машина вырвалась на Калужскую.

Вблизи церкви на Коломенском она внезапно попросила таксиста остановиться:

– Все, у нас там Новый год, – показывая на свои часы, воскликнула она.

– Шеф, не торопись, мы выйдем на минутку.

– Под Новый год все торопятся, – пробурчал таксист. – Что ж, подожду. Мой дом на Рижской, так что после вас заеду к своим и встречу с ними, а потом опять до утра.

– Ничего, шеф, зато завтра по полной программе – и за Новый, и за Старый. Отгуляешь свое.

Мы вышли из машины и отошли в сторонку.

– С нашим, алма-атинским Новым годом!

Я прижал к себе свою Музу, утонул в запахе ее густых волос, на которые падали едва видимые узоры снежинок и в одно мгновение превращались в капельки пара, сливаясь с нашим дыханием.

– А с чем встречаете? Без стопки вроде не того, – улыбнулся таксист, глядя на нас, чуть приоткрыв переднюю дверцу. – У меня лично «НЗ» всегда при себе.

Таксист показал бутылку белоголовой.

– У нас тоже при себе, – весело ответила Муза и достала из дорожной сумки бутылку коньяка «Казахстан», кусок казы и баурсаки*.

– Саркыт** с алма-атинского стола, – пояснила она.

Коньяк на легком морозе прогрел все мое писательское нутро. Было легко и весело, ведь тебе только тридцать, жизнь полна приятных ожиданий, а рядом с тобой, и только с тобой, – вот она, твоя Муза.

– Не пей много, – потребовала она. – У нас еще вся ночь впереди.

Да, вся ночь, и не просто ночь, а ночь новогодняя, в отдельной московской квартире на двенадцатом этаже.

Когда подъехали к высотке, что напротив скульптуры Мухиной «Рабочий и Колхозница», я щедро расплатился с таксистом.

– Это вам, – сказала она, передавая початую бутылку коньяка. – Завтра выпьете и вспомните нас. С Новым годом!

– Ну что ж, спасибо. И вам хорошо провести Новый год.

«Волга» в клубах морозного пара мигнула красными огнями стоп-сигналов и оставила нас одних посреди площади на проспекте Мира.

Только женщина может накрыть изысканный стол из тех холостяцких припасов, что были в холодильнике.

Пока я протирал бутылки с минералкой и открывал соки, она ловко и умело расставила приборы, из двух-трех банок консервов печени трески и скумбрии или горбуши в масле соорудила салаты, добавив к ним квашеной капусты, а знаменитую русскую закуску – сельдь под луком в сочетании с вареной картошкой – оставила на потом, пока сварится эта самая картошка.

В довершение национальные казы, карта*** и баурсаки придали нашему московскому новогоднему столу чисто восточный, алма-атинский шарм. Я, уловив момент, надел ей на голову ондатровую шапку и галантно вручил флакон с духами.

– В Москве морозы и надо держать голову в тепле, – уклончиво промолвил я.

* Казы – колбаса из конины, традиционное блюдо казахов на праздничном столе. Баурсаки – жаренные во фритюре шарики из дрожжевого теста.

** Саркыт – угощение, которое забирают с собой после праздничного застолья.

*** Карта – толстая кишка (конская), вывернутая наизнанку (жиром внутрь). Считается деликатесом у тюркских народов.

– А я и не подумала, что холодно, – рассмеялась она, довольная подарком.

Затем брызнула духами на колпачок и вдохнула:

– Да, фирма.

Надев чуть набекрень шапку-ушанку, она, «дыша духами и туманами», взглянула на свое отражение в темном московском окне:

– Ну как?!

– Слов нет, Кыз Жибек в ожидании своего Тулегена*, – в тон ее интонации ответил я.

– Ну, ладно, Тулеген, – отпарировала она. – Я пошла... в ванну. А ты... – она погрозила пальчиком, – не пей раньше времени. И включи телевизор.

Дверь в ванную захлопнулась, послышался гулкий шум и всплеск воды.

Я остался один в комнате, в некотором недоумении...

До Нового года оставалось меньше часа, а если точнее – сорок три минуты. За дверью ванной был слышен шум воды и нежный, воркующий голосок моей Музы. Я машинально размышлял, что выпить – водки или коньяка. Для поднятия тонуса – две рюмки подряд, как говаривал классик русской литературы Антоша Чехонте.

Я подошел к темному проему окна. «Москву люблю в любое время года», – пропел я чью-то песенную строку. «Не пей – козленочком станешь», – молвило мне мое же отражение. «Не козленочком, а козлом отпущения этой новогодней ночи», – отвечало ему мое мрачное реальное «я». До Нового года без малого почти ничего, а она вздумала принять ванну. Что – только для ванны летела сюда почти пять часов из далекой Алма-Аты?

А из ванной доносилась плавная гармония женского напева и водяных струй. Я выпил две рюмки подряд «Сибирской» и, продолжая «выдавливаться из себя раба» этой самой новогодней ночи, стал прислушиваться к синтезу своего внутреннего «я» с действием паров открытия Менделеева. Водка медленно, но верно и незаменимо вносила свои коррективы в состояние моей мятущейся души.

«В Москве не будет больше снега, не будет снега никогда», – вспомнил я строку Межирова, глядя на пляску снежинок за московским окном. Почему не будет? – будет, и всегда свежий, и всегда неповторимый московский снег. Целая книга стихов поэта Сергея Мнацаканяна посвящена этому снегу. Она так и названа – «Снежная книга».

* «Кыз-Жибек» – казахская народная лиро-эпическая поэма, названа по имени героини. Это история любви воина Толегена (Тулегена) и красавицы Жибек, которая заканчивается трагически из-за межплеменных распрей.

Странно, что у Пушкина, Толстого, Чехова, Бунина, Абая, Ауэзова есть свои вечные образы снега, метели и зимы, думал я, а у Гоголя, вроде бы, – нет. Как нет? А «Шинель»? В ней, может быть, и прячется образ снега – петербургского. А «Вечера на хуторе»?..

Какие-то неясные силы загудели во мне. Как там, у Олжаса: «Перемещаются во мне шары блаженства, подкатывает к горлу ком – знак совершенства». Но до совершенства моей души было еще ой как далеко, а до встречи Нового года – всего ничего. Я тупо уставился в громаду лиц «Рабочего и Колхозницы» в окне – в серп и молот, взлетевшие над их головами. Во мне гудел такой молот страсти, что без наковальни никакому серпу ее не скосить. И вообще, все, что мы пытаемся познать в женщине, – разумеется, естественным путем своей страсти, – давным-давно уже описано и в фольклоре, и у многих писателей и поэтов. Я имею в виду настоящих творцов человеческих характеров и страстей, а не тех, у которых после заштампованной фразы о том, что она открыла ему душу и дверь или что он взломал ее дверь и открыл свою душу, остается элементарный фиговый лист в виде многоточия. А что там скрыто за этими самыми тремя точками, меня всегда занимало и как читателя, и как обывателя.

Образы и картины роem кружились в моей голове. Как там, у еще молодого Набокова:

Как дочка мельника меньшая
Шла из воды, вся золотая,
С бородкой мокрой между ног.

А как там в нашем, исконно казахском, фольклоре, в знаменитом эпосе «Кыз-Жибек»:

Случилось то, что быть должно,
Что в юности нам суждено
Впервые в жизни испытать
И что не надо объяснять.
Наш Тулеген, наш ер-джигит,
Весь в пламени любви горит.
Девичий расколов орех,
Он сном возлюбленного спит.
Тут не охотник ли сайгу
На полном подстрелил скаку,
И так разделявал добычу,
Что пятна крови на снегу?!*

* Перевод автора.

А как там у запрещенного Магжана:

И – моей любви объятья
Манят на исходе дня.
Шелест скинутого платья,
И – в слезах купаюсь я.
Сердце, чувствами пылая,
Волею самих небес
Увлечет, увы, не зная,
Что опять вселился бес.

За дверью ванной стояла томительная тишина. Она настораживала, возбуждала и угнетала.

Из телящика плыли заключительные кадры фильма «Ирония судьбы...». Актер Мягков в образе хирурга Жени Лукашина шел, а затем понуро летел из Ленинграда в Москву.

С любимыми не расставайтесь,
Всей кровью прорастайте в них...

«Что она мне может дать – нового и необычайного? – рассуждал я с долей мужского эгоизма, вновь наливая себе русский национальный напиток. – Не пора ли ставить многоточие этой ночи?»

– Тебе хватит пяти минут? – спросила она, наконец приоткрыв вспотевшую изнутри дверь ванной.

Из ванной вышла не она, а что-то из хрестоматии новейшей литературы*:

Изгиб спины ее мне был предсказан,
И линия бедра давно обещана,
По лестнице сходила боком женщина,
Как плавный насталик арабских сказок.
Она спускалась (выступало тело),
Плечами наливалась, грудью зрела,
Лавиной плоти на меня плыла,
Шатая валунов колокола.

– Смотря для чего, – с видом жизнерадостного кретина ответил я, продолжая любоваться метаморфозой происходящего.

– Оставь водку и прими душ, – повелела она, кутаясь в мой халат.

* Олжас Сулейменов

– А ты – что? Так, прямо в халате, собираешься встречать всенародный праздник?

– За меня не волнуйся. Халат будет висеть снаружи за дверью. Да и тебе он ни к чему.

– Это как так ни к чему? Оч-чень даже к чему, – продолжал дурачиться я, скрываясь в ванной.

– Иди, да побыстрей, пожалуйста. Через пять минут будет выступать Генсек.

– Кто-о?

– Леонид Ильич. Поздравит нас с Новым годом.

Стоя под душем, я продолжал вспоминать фривольные строки разных поэтов, стихи которых бродили в списках по этажам Литинститута, по горизонтальным колодцам студенческой свободы слова.

В дверь ванной настойчиво постучали.

– Это ты, Муза моя?

– Нет, это Дед Мороз. Давай выходи, Генсек уже читает.

– Что-то очень важное?

– Хватит дурачиться, выходи.

– С вещами на выход. А рюмку дадите?

– Да.

– Слушаюсь и повинуюсь.

Я вышел из ванной и окунулся в полумрак комнаты, которую освещал экран телевизора. Весь экран занимало породистое лицо Генсека. Поверх своих больших очков он подымал знаменитые густые брови и изрекал, что экономика должна быть экономной и что мы переходим в очень развитой сосисками социализм...

– Иди ко мне, – послышалось из глубин широко раскрытой тахты.

Я сомнамбулой двинулся на зов моей Музы.

– Давай сделаем так, чтобы, начавшись в этом году, это завершилось в новом.

– Чтобы не было настоящего, а было прошлое и будущее?

– Да.

– Ты сказала – «да» – и это слово уже в прошлом.

– Да.

– Я целую тебя и мой поцелуй уже в прошлом.

Я отбрасывал многоточие все дальше и дальше, куда-то за темнеющее московское окно, где на черном фоне кружились в своем безумном танце сонмы снежинок и затем замедляли неистовое круженье ниже нашего двенадцатого этажа.

Да что там какая-то Билитис, жившая до нашей эры на острове Кипр, да что там самые поэтические страницы Ветхого Завета

«Песнь песней», да что там сам первородный фольклор?! Все ничто по сравнению с самым совершенным существом на этом свете, существом реальным, плоть из плоти реального, имя которому – Женщина! Я нежно ее целовал, чуть касаясь губами бьющейся прожилки на шее, которая вела мои губы в ложбинку меж ее маленьких грудей, я нежно касался губами нижней, скрытой их части, пупок и линию бедра, возвышающуюся крутым изгибом над тахтой, касался и слегка гладил рукой ее чуть выпуклый мысок, покрытый мягкими волосами каштанового цвета... Я нашел самую малую родинку с внутренней стороны бедра, и эта родинка, словно маковое зернышко, лишала меня рассудка.

Хрустальный звон наших фужеров перемежался звоном наших сердец. Потянувшись к икрам ее стройных ножек, я переломил ножку фужера, и шампанское, шипя и пенясь, разлилось по ее упругому животу.

– На счастье! – смеялась моя несравненная Муза и, легко увернувшись от моих объятий, грациозно воссела надо мной.

В ней все гудело, раскрепощая ее южную плоть. В ее возгласах и всхлипах слышен был занебесный гул турбин рейса 505 «Алма-Ата – Москва», все турбулентные зоны на пути его следования покрывали нас своей бездной, где музыка звезд манила и влекла нас. И в одно мгновение рождала в нас совсем другие, неизведанные зоны.

Генсек с удивлением поднял свои породистые мохнатые брови и с изумлением разинул рот, глядя на мою Музу, которая мчала «атласной кобылицей» по бездонной московской заснеженной ночи, мчала, втаптывая меня в сугробы раскинутой тахты, очумелого и покорного страсти. Она мчала навстречу своему счастью, к вершинам неопикуемого и доныне непознанного, безотчетного восторга.

А с экрана вещал Генсек. Он был единственным свидетелем нашей ночи любви и он не мешал нам. Генсек, не опуская своих удивленных бровей, лукаво промышчал:

– С Новым годом!

Когда куранты Кремля начали свой перезвон и четко произвели свой первый удар, в нас уже рождались совсем другие куранты – куранты небес, заглушая все в свете нашего сознания, лишая нас чувства пустой реальности, погружая в бездну безумия и отчаянной, никогда не познанной радости и счастья.

А снег за темным окном, рассыпаясь на множество снежинок-шестеренок, разъял небеса, плавно опуская на вечную землю блестящие чего-то неземного, которые уже остались в прошлом, но им было все равно, в каком времени находиться. Самое главное, что они рожают своим безудержным взлетом и падением всегда такую неповторимую, внезапную московскую метель.

Наша ночь любви продолжалась вне времени и пространства.

Я был на высоте творческого вдохновения. От критического реализма до реализма социалистического мы были просто одурачены вехами мнимой литературы. Все эти «измы» ничего не значат по сравнению с одним – первородным и естественным по своей природе, который так напрашивается на конец из органа к органу.

Я знал, как завершить свою первую повесть. Что там вчера мне говорил редактор? Что конец вялый? Я такой конец покажу, что всем концам будет конец. Теперь я все могу и все умею.

И раньше не раз знавал я и познавал прекрасных женщин в реальности и в своем писательском бытии. Был и спортивный азарт, и писательский интерес – да элементарное удовлетворение мужского тщеславия и самолюбия. Не было пиршества души и плоти, которое только сейчас подступало и никак не собиралось меня выпускать из своего неизбежного плена. Там, в прошлом, не было нот моей Музы, которым, чтобы выстроиться в жизнеутверждающую гармонию, необходим был ключ. Скрипичный ключ новогодней ночи.

А утром я повел ее на Красную площадь.

– Это те самые? – по женской логике спросила она, взглянув на Спасскую башню.

– Нет, наши где-то там, в небе, – уверенно ответил я, глядя до головокружения на бездонную серую высь, сплошь покрытую плывущими снежинками из далеких небесных сфер.

ПОВЕСТЬ

На окраине дом
Желтым дышит окном.
Тень в оконном проеме.
Знаю – двое в том доме.
Мать и дочь без отца.
Постою у крыльца.
Помолчу. Постучу.
И попить попрошу.
И дадут мне напиться...
Все опять повторится.
Через несколько лет
В том окне тот же свет.
Мать стоит у крыльца,
Сын растет без отца.

ВДОЛЬ ГОРНОЙ РЕЧКИ НА КОНЕ

Вдоль горной речки на коне
От озера все вверх по склону.
Устроившись в седле – вполне
Устроен быт мой по сезону.
Вдоль горной речки на коне,
Под равномерный шаг гнедого
Я возвращал в себя – извне –
Протюркскую основу слова.
Я понимал полет стрекоз
И взмах китайского удода.
По грудь тибетский камень врос
За речкой, где-то там, у брода.
Выносят камни письма
Тюрки, Тибета, Чагатая,
С наскальным эпосом сплетая
На будущие племена.
Крылом вычерчивал орел
Бессмертную поэму Тенгри.
А конь меня все дальше вел
От саков до ушедших венгров.
Не раз сменяется трава,
Вот снова за ущельем юрта.
Не обрывается тропа
Доисторического тюрка.

ЗНАКИ

На этом камне, где к утру роса,
Я познавал рунические знаки:
Вот вертикаль, виктория с конца –
Четвертый век – когда исчезли саки.
Сменял пергамент кожный пергамен,
А следом – эра рисовой бумаги.
Но камень вечен, знаками храним,
Что высекли первопроходцы-маги.
Вот знак флажка – успешным будет путь,
Вот знак изгиба – верная дорога.
Я постигал руническую суть,
И в этом видел я веленье Бога.
Вот знак – как перевернутое «И»,
Он снимет чувство замкнутого круга.
Энергию свою ты им храни,

Под знаком этим выйти из недуга.
Вот знак угла – увижу в нем ландшафт,
В садах на склоне гор не тает иней.
Я вспомню детство: мама вяжет шарф
Из шерстяных, мне непонятных, линий.
Магический гальдстраф* от камня и до звезд,
В нем виден знак судьбы из ритуальной ночи.
Мне под защиту рун свой занести вопрос,
Преодолеть себя до терапии точек.

* Гальдстраф – магический рисунок в комбинации нескольких рун в одном изображении.

Константин Емельянов

На углу «Дерибаса», или Повесть о школе, которой нет

I

– Ну-ка руки из карманов вынули!

1982-й год. Поздний ноябрьский вечер. Пустая троллейбусная остановка. Дождя нет, но все кругом кажется мокрым и стылым. Я и мой школьный товарищ Евгений стоим навтыжку перед нарядом милиции. Они смотрят на нас настороженно, но без особой враждебности. Обычные, два не очень молодых казаха-мента, которым довелось нести дежурство в этот промозглый вечер. Мокро и холодно, да и набегались они за день, видать, достаточно. Народу на улице практически нет. Я и Женька попались им после распития бутылки яблочного вина, рубль двадцать за бутылку, неподалеку от нашей школы № 41, что в Ленинском районе города Алма-Аты, столицы Казахской ССР.

– Ну и че вы тут делаете? – устало спрашивает один из ментов с лычками сержанта. Если бы нас задержали утром или днем, он бы наверняка добавил «молодые люди», и вопрос бы звучал более «цивильно»: «Что вы здесь делаете, молодые люди?» Но поскольку дело происходит поздним вечером, часов так в пол-одиннадцатого, и сержант устал, он эту «цивильную» часть вопроса опускает.

Когда милицейский патруль задерживает тебя с бутылкой вина в руках, а тебе нет еще и семнадцати, вариантов развития событий может быть два. Первый – если менты злые и ты попался им, что говорится, «под горячую», – они быстренько тебя забирают в отделение, звонят родителям, пишут рапорт в школу, комитет комсомола и т. п. Могут и дать слегка, если начнешь сопротивляться или борзо им отвечать. Второй вариант – «благополучный»: если менты попадались более-менее человечные, тебя после недолгого пугания просто отпустили под торжественное обещание «никогда в жизни»...

В ту ноябрьскую ночь 1982 года менты не выглядели особенно кровожадными. Усталые дядьки в погонах, которым лишь бы смену дотянуть – да домой или в общагу, к жене и детям. Приготовившись, было, уныло затынуть: «Дяденька, простите, отпустите!» – меня вдруг повело «не туда».

– Товарищ сержант, вы нас простите, – начал я, – но мы с другом немножко выпили, потому что сегодня умер наш дорогой Леонид Ильич Брежнев. Мы, как и все советские люди, скорбим о его кончине и хотели помянуть его немного.

Не глядя на Женьку, я все же почувствовал, как тот замер и даже оцепенел. Такого он явно не ожидал. Растерялись и менты. Переглянулись, как бы спрашивая друг друга: «Что делать-то?» И действительно, задерживать ли нас, даже не отрицающих факт выпивания, но *поминающих* уход советского лидера, просто и по-народному скорбящих?.. Тогда же как полагалось: умер Генсек – народ должен три дня траур отмечать, официально разрешенный траур, причем. Умер член Политбюро – на это один день. Все по закону, вроде бы. А вдруг начальство неправильно ментов поймет – партком там, профком какой-нибудь? Признает факт задержания политически нецелесообразным?..

Я и сам не представлял, что выдам такое, и как-то скукожился в испуганном ожидании.

– Ну хорошо, – наконец опомнился сержант, – мы вас сегодня отпускаем. Раз уж повод такой... Только давайте сразу по домам и чтобы мы вас больше здесь не видели. Быстро! – и, козырнув, оба направились по сырой, промокшей улице.

Вечер уходил, уступая дорогу ночи. Заканчивался ноябрь, уступая место холодам и снегу. Заканчивалась целая эпоха в жизни страны, о которой мы, тогдашние шестнадцатилетние пацаны, имели слабое представление, ибо наш последний год в советской школе еще продолжался.

Впрочем, самой школе № 41 оставалось жить чуть меньше десяти лет, перед тем как исчезнуть навсегда с карты города.

II

Средняя школа № 41 была построена в городе Алма-Ата в середине 30-х годов прошлого века. Двухэтажное розовое здание с двойными лепными колоннами, широкими лестницами и высокими оконными проемами возвели на углу тогдашних проспекта Коммунистического и Ташкентской улицы. С самого ее основания школу называли именем пролетарского поэта и трибуна Владимира Маяковского и никогда не переименовывали. «Соединили» старый и новый корпуса большим стеклянным переходом, в центре которого был масляной краской нарисован огромный портрет Маяковского. Великий пролетарский «агитатор, горлан и главарь...» строго взирал на обитателей школы в течение нескольких лет, пока портрет не замазали синей краской,

оставив только голую стену с проступающими через нее пронзительными глазами поэта.

Кстати, о Ташкентской. Я думаю, в незавидной судьбе нашей школы, по сравнению с такими же общеобразовательными заведениями центра Алма-Аты, сыграло роль и ее географическое расположение. Улица Ташкентская существовала в Алма-Ате давно. Однако называлась она по-другому и получила свое общеизвестное название лишь после Ташкентского землетрясения в 1966 году. Начиная с середины 1980-х годов, это была уже и не Ташкентская, а проспект 50-летия Октября. В 1990-х проспект опять переименовали – в Проспект имени Райымбека, казахского исторического деятеля. Однако в широких массах улицу и по сей день называют Ташкентской.

Так вот, и тогда, и сейчас она разделяла «квадраты» города не только географически, но и по их социально-имущественному положению. А именно: квартиры выше Ташкентской всегда ценились при обмене и продаже куда выше, нежели точно такие же за ее чертой в нижней части города. В мои 70-80-е годы сказалось подобное различие и на «контингенте» школы, объединив под одной крышей так называемых «интеллигентов» и «пролетариев». Получилось так, что научные и культурные работники, академики и артисты, отдававшие своих детей в нашу школу, в основном жили в уютных, «элитных» кирпичных домах старой постройки – вроде зданий, где размещались на первом этаже «Кулинария» или же «Дом Мебели». Госслужащие попроще, вроде моей семьи, жили в типовых панельных многоэтажках там же, на «верхней» стороне Ташкентской, в квадрате улиц Маматовой, Панфилова и Фурманова.

С «нижней» стороны Ташкентской, минуя железнодорожный вокзал Алма-Ата-2, в школу нашу шли жители менее комфортных «шанхаев»: частных застроек и старых зданий еще со времен Сталина и Хрущева. Заселены они были в большинстве своем «пролетариатом»: водителями, работниками мясокомбината и автобаз, железнодорожниками и разного рода мастерами. Такого разделения «классов» позднего социализма не было в «элитарных» 56-й, 15-й, 39-й или 25-й школах, расположенных в «центральных», привилегированных районах. Районы, а по ним и школы, там даже назывались «центровыми» или «центрами». «Классовое» разделение внутри школы, может, еще встречалось лишь в соседней с нашей, 52-й, что расположилась на углу той же Ташкентской и улицы Пушкина. 52-я школа граничила с городским автовокзалом, соединяющим Алма-Ату с пригородами и с «чеченской» Малой Станицей, и с Центральным городским рынком, или Зеленым Базаром, как его еще называли. И этим определялось все.

III

К началу 80-х бытие нашей школы сполна отразило и общую «криминализацию сознания». Культ «зоны», широко пропагандируемый «блатными», популяризация тюремной лирики, «понятий» и жаргона, а также быстро прогрессирующая наркомания среди подростков привели к неслыханной ранее в наших краях жестокости. Таковы были реалии начальных восьмидесятых не только в 41-й школе, но и по всему городу. На смену пацанским играм в «асыки» и «лянгу» пришли новые – в «банды» и «районы». Даже значение слова «пацан» изменилось, превратившись в «титул», который надо было заслужить.

В те годы расцвела буйным цветом и молодежная наркомания. Если в застойные семидесятые желающих «раскумариться» еще устраивали пачка чая на стакан кипятка (чефир), таблетки от кашля (кодеин с димедролом) или даже просто клей с ацетоном, то в восьмидесятые годы наркотиком номер один была признана анаша. Популярности она достигла благодаря не только одурманивающему воздействию, но и легкости приобретения. Возле школы в те времена стоял ряд гаражей, где часто можно было видеть сидящих на корточках подростков, пускающих по кругу «косяки» или сигареты. «Накуривались» в квартирах, в парках на скамейках, в подъездах, на чердаках и крышах. Для этого дела табак из доступных нам папирос «Беломорканал» перемешивался с анашой и вручную забивался в «косяк». Существовали даже особые правила – вроде того, что нельзя стряхивать пепел, когда «накуривались». «Косяк» пускался «по кругу», пока его содержимое само не сваливалось на землю и дотлевалось, медленно угасая.

Были в нашей школе и те, кто начинал с анаши и гашиша, а заканчивал внутривенным «герычем», подсев при этом на «ширево» капитально. «Наркоши» эти бродили по району небольшими группками по два-три человека, выпрашивая (а иногда и вымогая) мелочь у малолеток, чтобы «похавать» или «доширнуться». Хотя многие пацаны на Дерибасе и сами были не прочь разделить «косяк»-другой, хронических «наркош» все же было немного. Практического толка от них мало, в «бакланах» и разборках они не участвовали по причине физической слабости и полнейшей наркозависимости. Периодически они исчезали – садились в тюрьму, ложились в больницу и даже умирали от передозировки. Но на месте убитых вскоре появлялись новые «наркоши».

Воровали и отбирали одежду и обувь, как правило, не у «районных» пацанов, а у «чертей» и «быков», тогдашней разновидности «лохов». Эти несчастные к районным бандам не принадлежали и

потому защиты не имели. Такое деление было принято не только в 41-й школе, но и в других центральных алма-атинских школах, включая и элитные. Этот процесс отбирания без насилия назывался «накатывание» (как вариант – «скатывание»). «Накатать» на практике означало, что тебя мирно и даже вежливо просили «дать поносить» твои джинсы, рубашку, кроссовки какому-нибудь школьному «пацану». Даже срок возврата обговаривался, как и повод – мол, на дискотеку иду с «крысой» (девчонкой), а надеть нечего. Вещь, разумеется, не возвращалась, но причины обосновывались, порой самые несуразные (менты забрали, порвал, кровью испачкал в драке, родители выкинули и т. п.). Постепенно история «одолженного» затухала. А искомые джинсы или туфли через месяц-другой появлялись на каком-нибудь другом пацане. Иногда их продавали на «грев» – для пацанов, сидящих «на зоне», иногда обменивали на «наркоту». Но чаще всего вещи просто занаскивались до дыр поочередно всеми членами «банды». «Потерпевшего» за эту его щедрость какое-то время не притесняли, подбадривая, что он-де «настоящий пацан». Хотя в своем кругу его называли по-обидному «чертом» или «быком», так как он «не предъявлял» за вещь.

Если же подобная история происходила между «пацанами», то вещь либо возвращалась к владельцу, либо все заканчивалось дракой и вовлечением «стариков». Своеобразный дерибасовский «суд чести» решал, что «пацанов накатывать западло», и теперь уже сам «накатавший» мог быть опущен в «быки». Этими особыми словами-арго нельзя было бросаться просто так, обзывая «пацана» даже в шутку. Такое оскорбление грозило физической расправой и, опять же, «опущением». Удивительно то, что запрещалось также говорить неуважительно о родителях, отец для каждого «пацана» был богом, а мать – святой. «Кодекс чести пацана», в общем, был во многом позаимствован из блатного мира, но соблюдался он беспрекословно и в мире школьном.

Еще одно пацанско-воровское правило было непререкаемым: любой самый никчемный и слабый «пацан» всегда оценивался на ступень выше, чем самая лучшая, умная и красивая девчонка. Если только речь не шла о чьей-нибудь сестре, то есть члене семьи. Считалось, что «базарить», «предъявлять» и заступаться за честь и достоинство девчонки, как бы дорога она ни была, – «западло». Тем же, кто «впрягался за крысу», грозило суровое физическое и моральное наказание, вплоть до потери «пацанского» статуса. Да, девчонок на районах называли «крысами», «телками» или же просто «мясом», а еще почему-то – «биксами» (металлические медицинские ящики для кипячения шприцов).

IV

В Алма-Ате 1960–70-х годов разборки шли между пацанами, скажем, из домов с магазинами «Снежинка», «Кругозор» или «Пионер». Если магазина или кафе в доме или в квартале не было, то двор назывался по каким-нибудь внешним признакам, к примеру – «Белым». И вражда шла между «Белыми» и «Желтыми» дворами.

В восьмидесятые все изменилось. Вместо дворов – «районы», то есть несколько дворов. Центром каждого «района», как правило, становилась школа, где местные пацаны учились в свободное от драк, пьянок и футбола время. Наша средняя алма-атинская 41-я школа была своего рода «столицей» района, названного почему-то «Дерибас», как в Одессе. Символически границы «Дерибаса» пролегли по квадрату улиц Ташкентской, Коммунистического проспекта, Маметовой (включая Драмтеатр им. Ауэзова, он же новый ТЮЗ) и Фурманова. За улицей Фурманова, вдоль по Ташкентской с гастрономом «Рахат» и выше, до кинотеатра «Октябрь», начинался «район» «Новый Свет». С другой стороны «Дерибаса», за Коммунистическим проспектом, – «Аэрофлот», очевидно, по причине близости девятиэтажки, где первый этаж занимали кассы Аэрофлота.

Дерибасовские часто враждовали с пацанами из района «Салем», центром которого была элитная 56-я, что в старом квадрате улиц имени Тулебаева, Джамбула, Шевченко и Фурманова. Были еще «походы» в «Аэрофлот» (90-я школа), в «Золотую Орду» (школа № 54, что возле ЦУМа на улице Горького, позднее – алма-атинском Арбате), на «Квадрат» (школа № 15, проспект Сейфуллина, угол Гоголя) и в «Драм» (120-я, недалеко от русского Драмтеатра им. Лермонтова). Воевал «Дерибас» и с «Досом» (казахская школа № 12, бывшая 40-я), с «Крепостью» (№ 19) и с «Вигвамом» (№ 39 на улице Комсомольской).

Походы случались обычно в дни больших советских праздников и знаменитых школьных дискотек. Ночных клубов тогда не было, в бары и рестораны нас не пускали. В школах танцевальные «вечера», балы и дискотеки проводили пару раз за учебную четверть. Представьте себе толпу в тридцать-сорок «пацанов», галдящую и идущую по вечерней улице в соседнюю школу на дискотеку... Или на Старую Плошадь, где уже вовсю идут народные гуляния, а мы направляемся на «разборки» с пацанами-старшеклассниками из «недружественной» школы... Впереди идут лидеры, кто-то с палками («дубаками» или «дрынами»), цепями и даже ножами («блудами»), и криками подбадривают следующее за ними войско. (Уже позднее, в конце 80-х, стали на разборки таскать и мелкокалиберное оружие, пистолеты, называемые «стволами» или «дурами».) В нескольких

шагах, немного позади, за «вождями» шла с налитыми кровью и спиртным глазами основная масса «пацанов». Редкие парочки и случайные прохожие испуганно жмутся к домам, милицейские патрули на «бобонах»-«газиках» предпочитают свернуть в переулок...

И вот толпа доходит до соседней школы и засылает «разведку» в грохочущее здание спортивного или актового зала, где собрались танцующие. Ведут себя вызывающе, пиная и плюясь в собравшихся. На «разведчиков» обращают внимание местные пацаны; здесь же договариваются о месте и времени сражения. Иногда первые «схватки» происходят прямо в зале. Учителя, комсомольские активисты и дружинники чаще всего старались в районные «бакланы» не лезть и воюющие стороны не разнимать, отдавая это право милиции. Но и те задерживать «пацанов» опасались – вдруг среди них попадется сынок какого-нибудь городского начальника? Так и работу можно потерять. Потому две толпы встречались в назначенное время в каком-нибудь парке и, подогретые водкой, «сивухой» и анашой, вступали в короткую яростную драку.

По тому же сценарию шли бои на Старой или Новой алма-атинских площадях вечером 7 ноября, 9 мая, в День Города или в другие вечера народных массовых гуляний. Бывали, конечно, и битвы, которые начинались «один на один», или, как говорили тогда, – «раз на раз». Тогда обидчики лично знали друг друга, и конфликт «районный» начинался с конфликта частного. Но со временем «дуэлей» становилось все меньше и меньше, пока все индивидуальные «махаловки» окончательно не уступили место массовым битвам. Такова была дань времени. Чаще всего битва заканчивалась появлением милицейских патрулей, и после чьего-то истошного крика: «Менты!» – «пацаны» разбегались, пытаясь поодиночке вернуться «на район» или же просто раствориться в массе праздного и подвыпившего столичного народа. Задержанных доставляли в местные отделения милиции, где, по слухам, висели в восьмидесятых карты Алма-Аты, на которых разными цветами были обозначены «пацанские» районы.

V

Я уже упоминал «чертей» и «быков». Это, так сказать, изгой. Разница между ними была скорее условная: «черти» – обычные советские школьники, не связанные «понятиями» и служащие в основном для того, чтобы «пацаны» на них наживались. Среди «быков» случались и бывшие «пацаны», разжалованные за какие-то серьезные проступки. Если пацан не уследил за «метлой» или «база-ром», а проще – ляпнул что-нибудь про другого пацана, а потом «завосьмерил», то есть стал отказываться от своих слов, то его изби-

вали и изгоняли «из рядов». Еще изгоняли за добровольную отдачу вещей или денег другим бандам, вместо того чтобы драться за них самому или вовлечь в «баклан» свою банду, или же не отдать совсем, и пусть даже быть за это битым. Ну и, конечно, особенно строго каралась любая жалоба ментам, комсомольцам, родителям или учителям на других пацанов. Это не прощалось никому.

Внутри каждого «пацанского» района существовала своя иерархия, этими изгоями управляющая. Самый младший состав включал «молодняк» («щеглов») – школьников 6-8-х классов. Всерьез их мало кто воспринимал, но на них рассчитывали как на боевую смену. Были у нас и такие «щеглы», кто в своем нежном возрасте мог дать фору старшим. Помню, на слуху были подвиги семиклассников Вовчика и Игорька, которые, напившись-накурившись, «захватили» милицкий «бобик». И не просто захватили, но предварительно выбросили из него ментов. Вовчик и Игорек впоследствии выросли в больших авторитетов «на районе», сходили несколько раз на «зону» и наводили ужас на простых обывателей «Дерибаса». Вовчик, даже выйдя из тюрьмы без одной почки и на костылях, продолжал «зехерить» в окрестностях нашей школы.

Над «молодняком» в табели о рангах стояли «пацаны» – самый многочисленный и боеспособный отряд любого районного «войска». Начиная с 14 лет и до окончания школы «пацаны» дрались с соседними районами, мужиками и мамбетами (так городские казахи называли приезжих из аулов, не говорящих или почти не говорящих порусски) из общаг, «катали» «чертей» и «быков», курили анашу и гашиш, пили водку, пиво и яблочную сивуху с портвейном, сидели в «ментовке» и шли «на зону», если не повезло. Многие из них «завязали» с дворово-районными делами сразу после окончания школы. Если же нет, то «пацаны» поднимались в «табели о рангах», превращаясь в «стариков». Сами «старики» (или «старшаки») в походы против других школ ходили только в исключительных случаях, осуществляя в основном общее руководство и «политико-воспитательную» работу.

Почему «пацаны» примыкали к районным бандам? Это было ново и очень интересно. После тусклого и монотонного дня в школе для многих из нас окунуться в атмосферу «Дерибаса» было как холодной воды жарким днем напиться. Все эти «понятия», жаргон, герои-легенды и прочие элементы блатной романтики... – ничего подобного ни школа, ни комсомол предложить не могли. Все твои друзья были рядом, и вместе мы ощущали себя частью какого-то тайного мощного сообщества, такого «ордена», где один был за всех и все за одного. К тому же подростки являются самыми рьяными мак-

сималистами в обществе, они видят мир черно-белым. Именно такое разделение «Дерибас» и его «культура» предлагали. Нельзя было быть «полупацаном» – ты либо с нами, либо мы против тебя.

По своему «району» пацаны ходили не толпами по 30 человек, как в походы против других школ, а перемещались мелкими группками по 5-6 человек. Группки эти знали друг друга с первого класса, были проверены на лояльность и сколочены по дворовому или классному признаку. Или же по спортивному или командному, когда после футбольного матча мы «продолжали» вечер и «торчали» в подъездах, если было холодно, или на скамейках в ближайших скверах – если тепло. Так вот жизнь пацанская протекала на «торчках» или на «точках», где в перерывах между походами и «бакланами» они выпивали, курили, бренчали на гитаре, травили анекдоты. У нашей группы было несколько таких «точек» на «Дерибасе». Первая – во дворе двух жилых домов прямо возле 41-й школы, куда мы иногда приходили и днем, если прогуливали уроки. Другие две, «вечерние», были в скверике на углу Коммунистического проспекта и улицы Маметова, где памятник казахскому герою Амангельды Иманову. В глубине скверика стояли довольно большие скамейки, народу по вечерам собиралось немного, и мы там зависали часов до десяти-одиннадцати. В дни дискотек и дней рождения частенько можно было встретить одного-двух «перебравших» алкоголя или перекуривших анаши пацанов, проходящих в себя на свежем воздухе.

Менты нас периодически отлавливали, обыскивали, иногда забирали в отделение, чаще всего сразу отпускали, чтобы на следующий вечер мы появлялись опять там же или в другом подобном месте. Кстати, появлялись менты нечасто.

Представьте себе обычную по тем временам картину. Сидит в парке такая вот компания (иногда, хотя редко, присоединялись и девчонки), «бухает», курит и веселится с гитарой или портативным «кассетником». Вдруг откуда ни возьмись появляется наряд милиции, тихонечко выползает из темноты, обычно по два-три человека. И пошло-поехало: «Добрый вечер, молодые люди! Чем занимаемся? Где живете? В какой школе учиться?»... У самых развязных и наглых проверяли карманы, на прощание советовали «разойтись по-хорошему».

Скорее всего, давали менты нам некую фору во времени. Нарваться на неприятности можно было лишь в очень позднее время, после двенадцати ночи, когда прохожие на улицах исчезали совсем. Мы же расходились по домам сразу после десяти – понятное дело, несовершеннолетние, у всех родители, дяди, тети, уроки, родительский «комендантский час», футбол-хоккей по телеку и прочее.

Зимой, в лютый холод, на улице недолго посидишь, и потому

любили мы забираться в большие и теплые подъезды – как в здании «Кулинарии» на Маметовой или «Дома Мебели» на Коммунистическом. Ввели мы себя там скромно и вежливо, со всеми входящими-выходящими здоровались и на стены не мочились. Если «накуривались», то при этом выходили на улицу, чтобы «раскумарило» сильнее. Поэтому из подъездов нас выгоняли редко, и милицейские наряды никто из жильцов не вызывал. Хотя, может, просто побаивались и не хотели связываться. В подземные переходы мы предпочитали не соваться, так как «скрутить» (еще говорили «свинтить») нас там могли быстрее, чем в подъездах. Переходы были негласной ментовской и дружинниковской «территорией».

Их «территорией» был и парк перед бывшим казахским драмтеатром (новым ТЮЗом), или кинотеатром «Октябрь». Уже после нашего окончания школы, в октябре 1983 года, возле ТЮЗа убили парня – даже не убили, а раздели и избили зверски. Он умер от переохлаждения, пролежав в кустах всю ночь. Мы к этому никакого отношения не имели. Однако менты озверели и ловили всех подряд, включая девочек. За кем-то даже домой приезжали на «бобоне». Кое-кого из нашего бывшего и параллельных классов достаточно долго, в течение нескольких месяцев, таскали на дознания и допросы в Ленинский РОВД. Страху натерпелись многие. Но со временем история затихла. Впрочем, к ТЮЗу мы ходить перестали.

VI

Этимология школьных кличек может быть самой разнообразной. Дети, как известно, видят и замечают все вокруг себя. Они не злые, просто называют вещи своими именами и с «политической корректностью» не знакомы. Если их соклассник толстоват, его и называют «жиртрестом», носит очки – соответственно «четыреглазый». Отличника Лешку Миненко за малый рост и юркость звали класса с шестого «Шнырой» (от слова «шнырять») или еще «Шишком» – из какой-то сказки. Его приятеля, высокого Костю Ионova, – «Длинный» или «Костук». Позднее, в старших классах, этих двоих мы в шутку называли «лицами еврейской национальности» и дразнили «бундовцами». Лешка умел больно выворачивать пальцы рук в наказание за наши провинности. Назывался этот процесс выламывания «гестапо». Мы же использовали «гестапо» для обмена знаний на «страдания». Еще одного их приятеля, нашего отличника и активиста Асхата Темирханова, в классе шутливо называли «Китайцем» за узкие щелки смеющихся глаз. Они так и приходили втроем в школу – жили в одном дворе через дорогу.

«Кликухи» лепились и по ассоциации с именами и фамилиями.

Нашу старосту Маринку Муругову, к примеру, все звали «Муркой-Кожаной Тужуркой», как в блатной песне. Иногда ее называли «Шурой Муриной» или «Мурой Шуриной». Она, будучи девчонкой «мировой» и с пацанами дружившей, никогда на нас за это не обижалась. Кстати, она единственная, кто хранил все наши школьные записки и рисунки в течение 32 лет! И без ее участия эти записки были бы неполными.

Ленку Вахрушеву величали «Ватрушкой». У одного из «авторитетов», или «шишкарей», нашего класса – Супы – с ней был «роман» в десятом. Будучи пропитанным дерибасовским «духом» пренебрежения к женскому полу, Супа старался показать, что для него это увлечение ничего не значит, и громко декламировал в классе, озорно поглядывая на свою зазнобу: «У Руслана под подушкой / Лежит слааа-адкая Ватрушка!» Такой вот поручик Ржевский алма-атинского образца. Не знаю, дошло ли у них там «до подушки», но Ленка реагировала на эти куплеты болезненно, краснела и даже из класса выбегала. Хотя Супу она прощала, и их опять видели вместе.

Клички давались и по ассоциации с литературными героями. Прозвище «Варька Корейш» прилипло к Сереге Кожуховскому после памятного урока литературы. Но особенно «повезло» пришедшему в девятом классе Вовке Шевцову. После прочтения нами «Молодой гвардии» Фадеева Вовка «превратился» в «Любку Шевцову». Хотя и с понятными протестами с его стороны. Напоминал он, скорее, Чака Норриса, чем Любку, и был такой же рыжий, здоровый и мускулистый. Я слышал, что Вовка после школы ушел служить в Афган, был там ранен и потерял ногу.

Учителю кличку надо было заслужить. Так, суровый военрук Могильный был «Мудильным». Нашего бессменного физрука Владимира Васильевича за его крикливость, сварливость и летящие слюни изо рта окружающие «ласково» прозвали «Варежкой». Раскрыв свою «варежку», он орал на нас так, что слышно было в каждом классе нового и старого зданий. Прямо как Жириновский на заседаниях Госдумы.

Сильным и авторитетным «пацанам», держащим «шишку» в классе или по школе, клички давать побаивались. Если давали, то звучали они почтительно-нейтрально – как у «шишкаря» Руслана Юсупова, – просто «Супа». С первого класса он хотел быть лидером и притеснял всяких слабаков-добряков, вроде Коржика с Челюстью и меня.

Однажды в третьем классе я что-то ляпнул ему, и он решил меня наказать после уроков. И вот бегу я весь в холодном поту от школы до самого своего дома, а за мной метрах в двухстах несется Супа с

кем-то из своих прихлебателей. Уже подбегая к подъезду, я понимаю, что не успею достать ключ и открыть дверь до того, как меня схватят. Погоня приближается. Как загнанный толстый заяц, я залетаю в подъезд и, не останавливаясь, бросаюсь вверх по лестнице мимо своей квартиры на первом этаже. Пролетев второй этаж, я замираю на третьем, прислушиваясь. Супа с «адъютантом» уже звонят, а потом тарабанят в дверь кулаками. На мгновение оба затихают, прислушиваясь.

— Че-то тихо там, не может так быстро он забежать, — замечает Супа, — а пойдем-ка наверх посмотрим.

И к ужасу непомерному своему я слышу, как они бодренько так топают наверх ко мне. Я чувствую себя в западне, как профессор Плейшнер из популярного тогда сериала «Семнадцать мгновений весны», «зажатый» в подъезде агентами гестапо.

Я на цыпочках поднимаюсь на самый последний этаж и начинаю судорожно звонить во все четыре двери на площадке. Три из них предательски молчат, а из четвертой секунд через десять высовывается сердитое лицо какой-то тетки-домохозяйки. Узнав меня и прослушав мой жалобный вой, что «плохие мальчишки меня обижа-аа-ют!», домохозяйка берет меня за руку и ведет вниз навстречу запыхавшимся «агентам», которые уже достигли площадки третьего этажа. Прослушав нотацию, что «драться нехорошо», они убираются из подъезда. Я, судорожно сглотнув, забегаю домой и запираюсь на два оборота. В окне я вижу, как Супа с «адъютантом» разочарованно удаляются восвояси...

О, идолы и кумиры наших школьных дней! Как непостоянны и коротки были дни ваши! Как за голливудской «звездой», сколько раз наблюдали мы в школе за стремительным восхождением очередного школьного «шишкаря» и столь же стремительным его падением. Кто бы мог предположить тогда, в восьмом классе, что «звезда» Супы закатится уже через полтора года? Случилось это в десятом классе, после его блеклой и невыразительной драки с борцом из параллельного класса по имени Акыл. Интерес к их поединку подогревался в массах постепенно, но неумолимо. Когда десятый класс перевалил за половину, все в школе понимали: бою быть. И вот наступил день, которого мы все ждали, — как любители бокса ждали поединка Тайсона с Холифильдом.

Ярким теплым днем во время большой двадцатиминутной перемены за гаражи потянулось все мужское население старших классов 41-й школы. Шли парами, группами или поодиночке, делая ставки и просто предвкушая «бой века». Но вместо радости мы получили горькое разочарование. После унылого топтания на месте двух «идо-

лов» последовал такой же тоскливый переход в «партер». Бойцов, то есть борцов, пришлось разнимать на исходные позиции, но тяготи́на продолжилась. Наконец, после скучнейшего пятиминутного зрелища, была объявлена такая же невыразительная «ничья». Как для Супы, так и для Акыла ничья эта была равна поражению. Оба были позже биты одноклассниками, как и районными «пацанами», и сгинули в анналах истории. Благо и до конца школы оставалось меньше двух месяцев.

VII

В начале девятого класса на место ушедших ребят пришли новые. Была среди новичков одна загадочная личность. Появившись прямо среди урока, она была описана очевидцами как «смутлый худенький парнишка с длинными волосами, независимо пожевывающий бабл-гам». Жвачка каким-то образом попала изо рта паренька на волосы и окончательно завязла там. Отчаявшись освободить волосы от резинки, новичок достал из портфеля ножницы и отрезал слипшийся клочок вместе со злополучной жвачкой. Так появился в нашем классе Бала.

Вскоре он отличился в межшкольном районном кроссе в честь годовщины Октября вокруг Дома правительства, что на алма-атинской Старой Площади. Участники должны были обежать раз десять мелкой трусцой парк возле Дома правительства. Притаившись среди «правительственных» елей, разросшихся там немерено, наш «бегун» Бала незаметно выскочил из укрытия, когда все участники кросса уже пошли на последний круг. Влившись в группу лидеров, «свеженький» лжебегун торжественно пришел к финишу одним из первых и даже получил за свою «победу» какой-то приз. К нашему общему удивлению, обмана никто не заметил, так как бегуны устали, а судьи за кроссом не следили, болтая друг с другом. Так наш одноклассник в одночасье вознесся к вершинам славы. Пораженные такой наглой «подставой», но все же гордые за честь школы, мы распевали оду Бале, тут же на скорую руку сочиненную:

Ура Бале! Бале Ура!
Ура! Ура! Бала! Бала!

Еще одной колоритной личностью, прибывшей к нам из «Г» класса, был Мырзахмет, или просто Мырза, впоследствии мой хороший друг. Поначалу мы с Женькой с ним не очень ладили, даже драться ходили за гаражи. Называли его Рамзесом Шестым, переиначивая имя как «Мирза Капитан» («господин Капитан», по-казах-

ски). Но постепенно мы друг к другу привыкли, притерлись и очень сдружились к концу 10-го класса. Чувство юмора у нас оказалось похожим, и ржали мы в оставшееся школьное полугодие не переставая, придумывая «союзы», рисуя газеты и шокируя наших одноклассниц.

В декабре 1982 года наши девчонки решили отпраздновать приход Нового года и пригласили всех одноклассников домой к Галке Санниковой. Подозревая, что вечеринка выйдет скучная, мы с Мырзой решили инсценировать якобы драку, а потом всем рассказать – мол, как мы вас разыграли! Задуманный план удался только наполовину, так как когда Мырза со мной «ссорился», у нас дрожали губы от смеха и было очень сложно довести «розыгрыш» до конца. В целом шутка почти удалась, сразу нашлись союзники и у меня (Женька-Хохол), и у Мырзы (Бала), и индивидуальный скандал грозил превратиться в групповую драку. Кто-то предложил вызвать милицию, а Вовка, Любка-Шевцова, схватил одного из «дерущихся» мертвой хваткой, повалившись с ним на пол. В общем, шуму было много, и нам казалось, что вечер удался.

Однако «нестандартность» приносила Мырзе и неприятности. Так, на новогодней дискотеке к нам в 41-ю школу пришла смешанная толпа «пацанов» и «молодняка» из «Дерибаса», «Золотой Орды» и «Нового Света», чтобы наказать Мырзу. Якобы где-то кому-то он сболтнул, что надо организовать новый «пацанский» район на базе нашей школы и двора, где он жил, и назвать его «Белой Ордой». Мырза должен был ответить за «базар». Весь праздничный вечер прошел то в затухающих, то в разгорающихся драках Мырзахмета с «районовским» молодняком и наших с Хохлом попытках их разнять. Под конец вечера разборки перенесли куда-то на пустырь за гаражи и переросли в большую массовую драку. Для «молодняка» это было своеобразное «посвящение» в «пацаны», а для старшеклассников – попытка в этих рядах удержаться.

Кстати, во всех своих драках, справедливых и нет, Мырза держался молодцом и, даже проигрывая, дрался до последнего. Он вообще был бойцом отчаянным и смелым. Длинные руки и ноги давали ему преимущество в дальнем бою, компенсируя некоторую медлительность, свойственную всем высоким бойцам. Уже в апреле следующего года Мырзу, Балу, Хохла и меня задержали менты и дружинники. В стране начиналась андроповская борьба за дисциплину, и менты задерживали всех, кто слишком свободно себя вел на улицах или сидел в парке без дела среди рабочего дня. Нас отвели в «опорный пункт», находившийся в подвале одной из жилых пятиэтажек неподалеку. Обычно после таких задержаний, если имелся «состав

преступления» (сигареты, бутылки с алкоголем, анаша и пр.), составлялся акт, писали в школу, звонили родителям, – восемнадцати нам еще не было.

В тот раз ментов в опорном пункте не оказалось, и главный дружинник предложил нам: один из нас дерется с «юным другом милиции» – так сказать, в целях повышения физической подготовки. Условия были таковы: побеждает наш – отпускают без всяких протоколов, если же побеждает их боец – то нам хана. Выбирать было не из чего.

С нашей стороны «мусора» взяли Мырзахмета как самого рослого и самого «борзого». С их стороны был выбран молоденький дружинник примерно наших лет, весь из себя правильный и положительный. Паренок встал в стойку каратиста. Тогда увлечение карате было почти всеобщим, наравне с футболом. До видеосалонов оставалось несколько лет, но кто такие Чак Норрис и Брюс Ли, знали все. Еще знали советского артиста – каратиста Талгата Нигматулина из фильма «Пираты XX века».

Через пару секунд «юный друг ментов» уже лежал на полу, закатив глаза и постанывая. Главный «другак» плюнул огорченно, но нас отпустил. Без протокола и звонков родителям.

Вот такая у нас была тогда веселая «компашка»: Бала, Хохол, Мырза и автор этих строк. Хохол сопровождал меня почти все школьные годы. В детстве мы с ним в «солдатики» играли и в «индейцев» с «ковбойцами». Были еще у нас хоккеи настольные: у него покруче, из Москвы, у меня попроще, из нашего «Детского мира». Потом игра в футбол затмила нам все остальные увлечения. Еще мы с ним любили в кино ходить, в близлежащий кинотеатр «Октябрь». Смотрели французский фильм «Зорро» с Аленом Делоном в главной роли, немецкие «Апачи» и «Чингачгук – Большой Змей» с Гойко Митичем, индийскую «Зиту и Гиту». Но помешались мы на фильме «АББА» про популярную шведскую музыкальную группу. Я лично, с Хохлом и без него, смотрел этот фильм одиннадцать раз! Помню, мы с Женькой, просмотрев по восьмому разу, договорились, что больше смотреть не будем. Когда же на следующий день я тайком прибежал после школы в кинотеатр на девятый просмотр, то первым делом увидел там долговязую фигуру Хохла, стоящего в кассе за билетом.

Родители Хохла переехали в Москву, а его оставили доучиваться в десятом классе в Алма-Ате. Жил он с дядей-тетей, в основном же – с нами, в школе и во дворе. Или, как тогда говорили, «на районе». Без родительского глаза стал наш Евгений абсолютно отчаянный и неуправляемый. Курил на глазах у учителей, чего мы делать побаивались, «историчку» при всем классе посылал на три веселых

буквы... А родители в это время спокойненько жили в столице нашей родины Москве. Тетка с дядькой в школу вызывались, но какой с них спрос? Особенно дерзким «подвигом» его стало похищение классного журнала в конце первой четверти. Оценки были уже проставлены и особого оптимизма не вызывали. И вот наш лихой хлопец Хохол, в лучших традициях разведчика Николая Кузнецова, спокойненько зашел в учительскую, когда все учителя были на уроках, и «изъял» проклятый кондуит. Учителя нас всех допросили, вместе и по отдельности. Никто Хохла «не сдал». А журнал мы сожгли за городом, корчась в диком танце свободы.

VIII

Положа руку на сердце, не припомню я никого из моих учителей старших классов, уроки которых я бы любил и стремился на них показать себя. Может быть, кроме Зои Федоровны, пожилой учительницы русской литературы и языка. Литературу я любил, а русский язык – нет, за обилие в нем правил. Зоя Федоровна, в силу своих лет и учительского мастерства, на нас не давила, а пыталась пробудить интерес, лавируя среди тоскливой массы обязательной советской литературы. На ее уроках я даже старался быть активным и домашнее задание делал добросовестно. Когда она ушла на пенсию в конце нашего последнего года, мы ее даже навестили. Еще несколько хороших, добрых учителей ушли раньше: классные руководители Анна Ивановна, Ольга Петровна и, особенно, Людмила Калистратовна.

После восьмого класса она, к нашему общему огорчению, ушла преподавать в соседнюю, 90-ю школу. Хотя и была она шумная и строгая, вышагивая по классу размашисто, как солдат, мы все к ней относились очень хорошо. Была Людмила Калистратовна из той породы учителей, воспитанных еще в сталинское время, которые детей школьных любили как своих собственных. Она и сейчас нас помнит и даже узнает дом, в котором я жил тогда. Помнит всех из нашего класса и еще сотни других бывших отличников, хорошистов, обормотов и всех тех, кому жизнь отдала... Но таких учителей, повторяюсь, было либо очень мало, либо не было вообще. Может быть, повлияла нехватка хороших учителей и на факт закрытия нашей школы в начале 90-х?

Основной же учительский корпус 41-й школы в 1982–83 годах казался мне в лучшем случае равнодушно-терпеливым, в худшем – враждебно-активным. Справедливости ради, по прошествии стольких лет я признаю, что любить нас, особенно нашу «четверку», было не за что. Разве можно полюбить Бивиса с Баттхедом? Из всей той придуманной американскими мультипликаторами школы их терпел и

надеялся перевоспитать только один педагог, бывший «хиппи» Ван Дриссен. Но он и сам был чудаковат. В советской школе «позднего социализма» таких учителей к детям не подпускали.

Трястись от страха перед «светлым» будущим мы начинали уже с приближением весны 1983 года. Меня родители «агитировали» поступать в медицинский, даже репетиторов наняли по физике и химии. Ближе к выпускным экзаменам стал я от своих школьных дружков прятаться: говорил, что иду на «свидание», а сам сидел с учебниками. Но ни репетиторы, ни занятия мне не помогли, и на экзаменах я в то лето «срезался». Пришлось идти работать сначала лаборантом в тот же мединститут, а когда меня оттуда за опоздания выгнали, пошел я работать помощником геодезиста, палку двухметровую таскать по арыкам и ямам, пока мой напарник-инженер делал замеры для новыхстроек. Так и протаскал эту палку до следующего лета, пока не поступил в Казахский госуниверситет на факультет журналистики.

IX

Первые предпосылки закрытия нашей, в общем-то довольно рядовой в образовательном смысле, школы возникли после нашумевших «разборок» «Дерибаса» и «Золотой Орды» в марте 1985 года. Тогда погиб старшеклассник 54-й школы, а двое других, из 41-й, были осуждены на большие сроки. Этому предшествовало долгое судебное разбирательство. Однако первую партийно-милиейскую комиссию в 41-ю школу прислали только через два с лишним года. Как ни странно, причиной послужили декабрьские восстания казахской молодежи в конце 1986 года на Новой Площади в Алма-Ате.

При всей внешней несвязанности пацанских «разборок» и стихийного (или организованного) «выступления» студентов против назначения в республику неказахского высшего партийного функционера Колбина было у них что-то общее. И общей стала общественно-партийная чистка с подключением республиканской партийно-комсомольской прессы.

Сначала взялись за студентов. Осудив национализм и повыгоняв всех, кого можно, от студентов до преподавателей, из многих алматинских вузов, партийные власти не успокоились. В январе 1987 года, через месяц после студенческих волнений, газеты опубликовали ряд обвинительных статей против всех, кто каким-либо образом был к этим событиям причастен. Сняли с работы ректора Казахского госуниверситета, «полетели головы» ряда других начальников. Шум разоблачения стоял большой, но и этого властям показалось мало.

И тут партийное начальство как будто вспомнило про «районы»,

«пацанов» и альтернативные карты города с обозначенными на них «Дерибасом», «Салемом» и другими «бандами», висевшие, якобы, во всех райотделах милиции. Вспомнили и про разборки в 54-й школе, фактах грабежа и вымогательства в ряде других школ, приведшие к самоубийству и попытке самоубийства старшеклассников, и заслали в ряд городских школ несколько больших комиссий. Одну из них прислали и в школу № 41, так как упоминание о «подвигах» пацанов с «Дерибаса» встречалось в милицейских сводках часто. Вслед за комиссией в феврале 1987 года республиканская газета «Ленинская смена» опубликовала статью «Пацаны», где наша школа упоминалась несколько раз и совсем не в хорошем контексте. В статье завуч и директор школы на всю страну заявили, что они про «Дерибас» никогда слышать не слышали и, вообще, это все единичные факты нарушений.

Через месяц после статьи та же газета опубликовала продолжение о «пацанах» и «районах». И опять наша школа упоминалась как нехорошая и «беспредельная». Мол, даже анашу в туалетах покуривают – чего я никогда не видел. В той же публикации была приведена и выдержка из письма «учеников 41-й школы», подтверждавших наличие «Дерибаса», его негативного влияния на учебный процесс и на жизнь старшеклассников. Письмо это заканчивалось так: «‘Дерибас’ был, есть и будет. Будь он проклят!» Копия письма ушла на стол замминистра просвещения Казахской ССР. Что и решило судьбу школы окончательно.

А случилось это падение в конце 1991 года, после заката горбачевской перестройки и на заре независимого Казахстана. Тогда школу официально разделили, сделав из одной школы две. Старое здание оставили за русскоязычной 41-й, а новый учебный корпус отдали под казахоязычную школу № 147. Однако не прошло и года, как русскоязычную часть прикрыли совсем, и 41-й общеобразовательной школы имени В. В. Маяковского просто не стало. На ее месте появилась новая общеобразовательная «единица» независимой Республики Казахстан, названная позднее лицеем № 147. Так и ушла в историю неофициальная «столица» пацанского района «Дерибас». А номер «41» чиновники из Министерства образования отдали позднее совершенно другой школе, расположенной то ли в микрорайоне Орбита, то ли еще где-то на окраинах Алма-Аты.

С наступлением 90-х, принесших в Казахстан и другие бывшие союзные республики эпоху «дикого» капитализма, постепенно сошло на нет и «пацанское» движение. Вчерашние «пацаны» стали бизнесменами, рэкетирами, ментами, взяв в руки уже не «блуды», а настоящие «стволы». Кто-то из нашей «бригады» уже реально «кры-

шевал» ларьки и малый бизнес на территории бывшего Ленинского района. Пацанские межрайонные «бакланы» сменились теперь криминальными разборками и переделом социалистической собственности. Да и Алма-Ата, то есть Алматы, был уже совсем другим городом, с другими порядками, обычаями и «хозяевами».

Х

Ничего этого мы еще не знали, когда летом 83-го возвращались под утро с выпускного бала. Девчонки наши тогда оживленно обсуждали дату следующей встречи выпускников, назначенной на 5 июня 1991 года. В 1991 на нее пришел только Женька-Хохол и, простояв часа полтора, не дождался никого. А тогда, после выпускного, жизнь впереди казалось длинной и увлекательной. Не было еще ни достижений, ни успехов, ни падений, – ничего, только планы и мечты.

Отчего такая волна ностальгии по 80-м в странах бывшего Советского Союза? Тогда, после перестройки, все хаяли брежневское время, а сейчас оно кажется добрым, более человечным, что ли. Тогда из школы «бежали» без оглядки, а сейчас пытаются вернуться, найти старых друзей, одноклассников, учителей. Тема 80-х везде: в песнях, фильмах, книгах и воспоминаниях.

А ведь волну эту ностальгическую подняло наше «потерянное» поколение. Нас часто называют именно так. Родившиеся в середине 60-х, в расцвет «застоя», многие в «неблагополучных» семьях, без отца, мы формировались как личности в 80-е, в эпоху, когда «застой» был не только в экономике, но и в сознании людей. Несмотря на повальное вранье и сплошную показуху во всем – в учебе, в работе, в личной жизни, – мы все же были тогда очень наивные и «слепые», как котята. Потом пришли «перестройка» с «гласностью», а вранье и показуха остались. Затем пришли «лихие девяностые», когда жить было просто страшно. А потом – «мертвые» нулевые, и мы немного успокоились. Вот и «потерялись» мы как поколение, швыряемые ветрами перемен от полной наивности к разочарованию и даже озлоблению – и обратно, к надеждам, что все образуется. Единственно чистым пятном в той прожитой жизни остался, как ни странно, именно тот небольшой отрезок времени в начале 80-х. Когда мы еще искренне верили, что жизнь будет прекрасной и замечательной и каждый займет «нишу», которой он достоин. Да и просто – сильно верили в хорошее.

У многих из нас то время связано напрямую со школой. Это прошлое и сейчас объединяет поколение – именно в образе школы. Школа как бы всех «уравнивает», присутствуя в жизни каждого из нас, независимо от того, как сложилась дальнейшая жизнь. Неважно,

добился ли ты чего-то в жизни или нет, стал героем, академиком, начальником, объездил мир или просидел всю жизнь на диване у телевизора... Наша школа стала нашим коллективным прошлым.

Хотя... Большинство в моем поколении школу – как прошлое – может физически «пощупать», прийти туда, прикоснуться, так сказать, к старым стенам... А как быть нам, выпускникам 41-й? Как будто бы нашу школу у нас украли вместе с прошлым. Но это мы поняли не сразу, а только многие годы спустя. И осталась лишь память. Но разве можно украсть память?

Вирджиния

Ермек Турсунов

Три рассказа

КАСТИНГ НА «КЕЛИН»

Многострадальная «Келин»* – картина непростая. Можно сказать, даже многослойная. Однако все, что было с ней связано, часто выглядело смешным. Забавным. Порой доходило и до абсурда.

Сегодня, по прошествии лет, я могу говорить об этом с улыбкой. Ну, а тогда смешного было мало. Впрочем, так бывает всегда. Ну, почти всегда. То, что нам кажется порой трагедией, через какое-то время вспоминается со смехом.

Запуск в производство «Келин» выглядел как сплошной экстрим. Обсуждение худсоветом сценария, стремительный кастинг, подготовка к съемкам, сами съемки, предварительный просмотр, отстранение режиссера, новый кастинг, последовавшая после премьеры шумиха, травля в прессе, выступления отдельных депутатов с требованием выслать автора из страны, привлечь к уголовной ответственности, посадить в тюрьму, а сам фильм запретить...

Одним словом – много чего было.

Но я предпочитаю больше вспоминать хорошее. Тем более, что отдельные эпизоды из жизни «Келин» заслуживают отдельных воспоминаний без особого драматизма.

Вот, помню...

Нужен был гриф. Для покойника. В смысле – для пастуха, которого убил в жестокой схватке соперник.

Искать и ловить грифа в дикой природе не представлялось возможным. Где его возьмешь? А даже если и поймаешь – как потом с ним работать? Он же дикий...

Но попытку мы все-таки предприняли.

Нашли главного по грифам. Он с ходу авторитетно заявил, что гриф – птица особенная, падальщик, и с ним надо аккуратно. В чем особенность падальщика, мы тогда еще не знали. И знать не могли. А как его снимать – тем более.

* «Келин» («Невеста») – реж. Е. Турсунов, «Казахфильм», 2009. Награды: Grand Prix, Monaco Charity Film Festival (2010); «Лучший игровой фильм», «Лучшая операторская работа», New York Eurasian Film Festival (2010), номинация на «Оскар» (2010) и др.

Специалист по падальщикам научил. Для начала нужно оставить дохлятину на видном месте. И тогда эти грифы, учуяв добычу за сотни километров, начнут слетаться. Ну, во всяком случае – должны. Тогда, авось, и получится кого-нибудь из них поймать.

На вопрос: а как же они узнают, что высоко в горах, в таком-то месте для них накрыт стол, было сказано, что у этих птиц сумасшедший нюх и фантастическое зрение.

– У них сетчатка глаза имеет до полутора миллиона светочувствительных клеток в участке глазного дна! – сказал главный по падальщикам и даже нарисовал мне на бумажке устройство глаза грифа в разрезе.

– И что это значит? – осторожно спросил я.

– Это значит, что он нашу с вами таблицу для определения остроты зрения рассмотрит с расстояния в два километра.

Вот оно, оказывается, как! Ну раз такое дело, то конечно.

И еще, оказывается, у этих грифов имеется, в дополнение ко всем их опциям, какая-то своя система оповещения, свое такое птичье средство связи, ничем не уступающее супер-пупер-навороченным военным радарам.

– Так что будьте покойны – грифы соберутся. Вы только организуйте доставку мертвечины, – посоветовал главный по падальщикам.

Ну что ж. Не доверять такому спецу оснований не было, и на следующий день мы поволокли труп ишака в горы. Оставили там на самом видном месте и стали ждать.

Ишак смердел – будь здоров, но стервятников не было. Специалист велел, чтобы мы тут не маячили, а то грифы, мол, чуют подвох.

Ну хорошо, решили мы, раз уж грифы такие стеснительные, оставим их один на один с мертвым ослом. Поставили силки и убрались.

Утром приходим – осла нет. Вокруг – звериные следы. Может, волки. А может, и медведи. Кто их разберет? На этом же ишаке не написано, что он предназначен исключительно для грифов.

Отправили за другим.

Привезли. Потащили дохлятину в гору. Положили. Ждем.

Никого нет. Небо чистое-чистое. Не то что грифов, даже ворон не видно.

Как быть? Время идет. И главное, никто этим грифам ни по какому устройству сообщить не может о такой вот неожиданной халяве.

Просидели мы так до вечера в засаде среди елок и сосен, да и ушли опять не солоно хлебавши.

Утром приходим – ишака нет. Чисто.

Все ясно, думаю. Пора, видимо, закрывать бесплатную доставку, а то мы так замучаемся ослов сюда таскать. Лучше уж без экспериментов.

И мы отправились в наш любимый «столичный Алькатрас» – Алмаатинский зоопарк, где тянут свои бессрочные срока несчастные зверюшки и птички.

Объясняем тамошнему начальству: так, мол, и так, нужен гриф на несколько съемочных дней. Правила знаем. Сохранность гарантируем. Арендную плату за птицу внести готовы. Помогите, люди добрые.

Начальники отвечают: мол, мы бы рады помочь, но вы, ребята, явились не совсем вовремя. У грифов сейчас в самом разгаре брачный сезон. Другими словами, птицы заняты воспроизводством потомства, а это дело ответственное, требует основательности и полного погружения в процесс. А потому отвлекать птичек в такой серьезный момент, сами понимаете, никак нельзя. Так что приходите через месяц-другой, когда грифы закончат, надеемся с достойным результатом, все свои немаловажные дела, вот тогда и поговорим.

А нам деваться некуда. Не можем мы ждать, пока грифы закончат свои немаловажные дела. Объясняем руководству, что съемки идут. Остановить их никак невозможно: все расписано и осмечено. И гриф должен искилывать труп строго в сроки, указанные в календарно-постановочном плане. А это значит, в период с 18 по 22 января. И нужен гриф не простой, а надежный, не обязательно красивый, но желательно с кинематографической харизмой, чтобы в кадре смотрелся и чтобы подозрений никаких не вызывал. Словом, нужен не просто гриф – а артист.

– А нельзя ли, уважаемые господа кинематографисты, – намекают нам начальники зоопарка, – чтобы ваш труп искилевала какая-нибудь другая птица?

– Нет, – объясняем. – Гриф – птица с прочно устоявшейся репутацией. Авторы, когда сочиняли этот долбаный сценарий, понимали, о ком пишут.

– А нельзя ли, – заходят тогда начальники с другой стороны, – чтобы гриф искилвал этот ваш труп, скажем так, в конце февраля или начале марта?

– Нет, – объясняем. – В феврале у нас запланирован кабан.

– А что должен делать кабан?

– Ничего, – отвечаю. – Его убьют в жестокой драке.

– А за кабаном вы тоже к нам придете? – испугались начальники.

– Нет, – успокаиваю я. – Кабан у нас уже есть, и он утвержден. С ним уже репетируют.

– Ну что ж. Все ясно, – говорят нам начальники и предлагают такой вариант.

Живет у них, оказывается, в самом дальнем углу зоопарка гриф. Вдовец. Лет ему уже, если честно, мало кто помнит сколько. Коренной, можно сказать, житель. Родился и состарился здесь, в неволе, и сейчас находится на заслуженном отдыхе. Пенсионер, одним словом.

Пары у него по понятным причинам нет. Была жена, да вроде как померла лет десять назад. Теперь он доживает жизнь в одиночку. А поскольку из большого секса он давно ушел, то из детородного списка списан и в брачные игры уже не играет. Мыслями он уже в другом месте.

– Можно попробовать его, – предложили нам.

Ну что ж. Замечательно. Это даже хорошо, что он «списан из детородного списка». Зачем, на самом деле, в столь почтенном возрасте отвлекаться на всякие энергозатратные шалости? Баловство да и только. Пусть этим занимаются другие. Отпахал уже в свое время. Хватит.

Зато теперь можно будет полностью сосредоточиться на творчестве. Оставить, так сказать, немеркнувший след в искусстве независимого Казахстана.

С этой мыслью мы отправились смотреть заслуженного ветерана. Пришли. Смотрим.

М-да.

Время не щадит никого. Особенно жестоко оно обходится, видимо, с невольниками. А уж со вдовствующими грифами... так это просто душераздирающее зрелище.

Гриф был совершенно лыс. Под чеснок. Перья на его длинной шее также полностью отсутствовали. Со стороны он чем-то походил на безмерно истаскавшегося университетского профессора. Не хватало лишь очков с толстыми линзами и мятого портфеля. Чувствовалось, что жизнь за решеткой отняла у него все жизненные силы и на этот бранный мир он смотрел уже каким-то потусторонним, явно не артистическим, взглядом.

– Он хоть летает? – подал голос после некоторого раздумья мой ассистент по живому реквизиту.

– Не знаем, – ответили служители. – Он ведь всю жизнь здесь просидел. Может, и летает. Ну, должен вообще-то. Он же – птица.

В прозвучавшем предположении присутствовал смысл. Что до оптимизма, то этих нот мы не расслышали. Впрочем, выбора у нас не было. Пришлось утвердить предложенного грифа без кастинга.

Престарелого узника поместили в клетку, и мы поехали снимать кино. С нами еще отправился сотрудник зоопарка. В качестве инструктора. Так положено. Мало ли что может случиться с птицей.

– Хоть полетает перед смертью, – жизнерадостно воскликнул инструктор и плюхнулся на переднее сиденье.

Съемки проходили высоко в горах. На территории заповедника. Красивейшие, должен вам сказать, места. Горы. Снег. Звонящий воздух. Ели.

Приехали. Выгрузились.

Площадка готова. Камера стоит. Свет горит. Мертвец лежит. Группа ждет. Пьяных еще нет. Ну, чистый Голливуд, черт бы его побрал!

– Мы встанем здесь, – объясняю я инструктору. – Гриф должен описать большой плавный круг, пролететь над теми елками и вернуться обратно. Понятно?

– Еще бы, – отвечает инструктор. – Чего тут не понять? Я лично все прекрасно понял. Осталось выяснить: летает этот тип или нет?

Грифа вытащили из клетки и привязали к ноге веревочку. На всякий случай, мало ли. Где его потом искать? Мертвых ослов таскать больше не хотелось.

Здесь, конечно, хочется дать волю перу, расписать, так сказать, как гордый хищник наконец-то почувствовав свободу, окинул зорким взглядом округу, вдохнул полной грудью мерзлый воздух, расправил крылья и воспарил... Но я не буду преувеличивать. Я – за правду.

Гриф сделал пару сутулых шагов вразвалку, нахохлился и хмуро уставился на группу. Прошло минуты две. Гриф не летел. Мало того – он даже не шевелился.

– Ну и че? – подал голос оператор. – Долго он будет так сидеть?

– Да, – вскинулся второй режиссер. – Чего он ждет? Почему не летит?

– А хрен его знает, – пожал плечами инструктор. – Откуда ему знать, чего от него хотят?

– Ну так сделайте что-нибудь.

– Щаз, – сказал инструктор и дернул за веревочку.

Гриф качнулся, но не полетел.

– Может его шугануть? – предложил оператор.

– Щаз, – сказал инструктор и бросил в грифа снежок.

Гриф расправил жидкие крылья, зашипел и повернулся к нам спиной, демонстрируя облезлый зад.

– Вот скотина, – ругнулся второй.

– Скоро солнце уйдет, – предупредил оператор.

– Щаз, – сказал инструктор и толкнул грифа палкой. Тот сделал пару шагов в сторону и снова выключился.

Съемка медленно накрывалась медным тазом. Продюсер смачно плюнул в снег и закурил.

– А давайте его запустим? – предложил ассистент по живому реквизиту.

– Что значит «запустим»? – насторожился инструктор.

– Ну, подойдем к краю обрыва и кинем, – ответил ассистент по живому реквизиту. – Там же обрыв.

– Ну и?...

– Хочешь не хочешь – полетит.

– А если не полетит? – засомневался инструктор. – Разобьется же.

– А мы внизу пиротехников поставим, – продолжил ассистент по живому реквизиту. – Они поймают, если что...

– А если не поймают?

– Да блин! – возмутился вконец ассистент по живому реквизиту. – Он же не пингвин! Должен лететь!

– А чего это мы должны грифа ловить? – возмутился тут бригадир пиротехников. – У нас другая работа. Да и воняет он. Пусть вон каскадеры ловят.

– Ничего с вами не случится! – прикрикнул второй режиссер. – От вас тоже не шанелем разит. А каскадерам сейчас некогда, они работают с кабаном. Так что айда – вперед, будете ловить.

И мы направились к обрыву.

Инструктор со вторым режиссером и грифом остались наверху. Все остальные спустились вниз. Оператор нашел точку и все приготовились к съемке.

– Скажи им, – предупредил я ассистента, – как только я махну рукой, пусть сразу запускают. Но только по руке, не раньше!

Ассистент зычно выкрикнул в мегафон команду.

– ...ахнет рукой...хнет рукой...кой-ой-ой... – прокатилось эхо по ущелью.

Оператор навел фокус и молча кивнул. Я поднял руку.

– Приготовились! – скомандовал ассистент.

Я махнул.

– Дава-а-ай!

Инструктор из зоопарка раскрутил над головой птицу и швырнул ее в пропасть. Гриф, как скомканный ковер, кубарем полетел вниз. С него в разные стороны посыпались перья. Смотреть на это было страшно.

– П...ц, – не отрываясь от видеоискателя, произнес оператор.

Мы тоже все примерно так и подумали. Но, к счастью, ошиблись.

Бедная птичка, видимо, сообразила, – или ей сильно захотелось жить, или в ней все-таки проснулся природный инстинкт. Ну, короче, гриф в какой-то момент вдруг расправил длиннющие крылья, выров-

нялся и полетел. И красиво, надо сказать, полетел. По-настоящему. Сделал положенный круг, просвистел над нашими головами и направился к противоположному склону. Но тут кончилась веревка. Она со звоном натянулась, и гриф, как подбитый «мессершмитт», неуклюже плюхнулся в снег.

– Как? – спросил я оператора.

– Пойдет, – кивнул оператор. – Но придется повторить. Второй дубль – золотой.

Я нагнулся к самому его уху:

– А если нога оторвется?

– На два дубля хватит, – также шепотом ответил мне оператор.

На секунду в моем воображении вспыхнула ужасающая картина: сидит гриф на снегу с веревкой на шее и... без обеих ног.

Но процесс уже был запущен и остановить его не мог никто. Тем более, умные люди говорят, что искусство без жертв не обходится.

Грифа выкопали из сугроба и бегом потащили снова на горку.

Все приготовились ко второму дублю.

Я махнул. Ассистент крикнул. Инструктор раскрутил и швырнул.

Гриф полетел.

На этот раз он летел уже увереннее. Можно сказать, даже величественно. Я мысленно наложил на этот план скорбную музыку. Смотрелось потрясающе!

Но тут снова закончилась веревка. И снова гриф ушел носом вниз. И снова побежали выкапывать его из сугробов.

– Налетается сегодня старикашка, – предвосхищая события, отметил второй.

– Да, – согласился с ним оператор. – За весь срок отсидки.

План парящего символа смерти был, таким образом, снят. Теперь нужен был план того же символа, но уже пикирующего на труп. Эта задача казалась нам практически невыполнимой. Гриф летал только по прямой и пикировать на труп, скорее всего, не собирался. А шансы объяснить ему смысл сцены фактически равнялись нулю.

Но тут на площадке появились каскадеры. Они уже отработали с кабаном и бодренько взялись за грифа. Самым знающим из них оказался Казбек.

Он очень любил животных, в особенности волков. Месяцами пропадал на охоте.

Казбек сразу все забраковал:

– Это надо делать не так.

– А как?

– Щаз, – сказал Казбек и смело шагнул к грифу. Взял старика на

руки. Тот, видимо, еще не совсем отошел от полетов, тяжело дышал, вращал красными глазами и практически не сопротивлялся. Скорее всего, он даже не понимал, что вокруг происходит. У него явно кружилась голова. Видимо, укачало.

Казбек нарезал сырого мяса и сунул грифу под нос. То есть, под клюв. Гриф не отреагировал.

Тогда Казбек раскрыл грифу рот, то есть клюв, и сунул туда кусок мяса. Гриф ожил. Вернее, проявил слабый интерес к жизни. Так у алкашей на секунду появляется смысл в глазах. Проблеск в мозгу.

Гриф вытаращился на Казбека. В обалдевшем его облике читалось: «Ты кто?!»

– Пойдем, – сказал ему Казбек и понес старика к трупу.

Там они, как я понял, занялись поиском творческого решения мизансцены. Мы не стали мешать. Отошли, чтобы оставить их наедине. Издали все их телодвижения напоминали работу кинолога с собакой в поисках наркотиков.

Казбек прятал куски сырого мяса в разные щели трупа, а потом начинал их искать. Клювом. То есть – носом. Гриф сидел рядом и наблюдал, чуть склонив лысый череп набок. Мне хотелось думать, что он критическим взглядом пытается оценить артистизм партнера. Ну, на худой конец, просто понять – чего от него хотят на этот раз. Чтобы побыстрее отвязаться, покончить с этим безобразием и вернуться к себе домой, в зоопарк.

Шансов на грифову сообразительность, честно говоря, было маловато, но к моему удивлению он вдруг тоже принялся искать мясо. То есть, буквально – совать во все свой нос. То есть – клюв. Выглядело вполне себе живописно: стервятник раздирает мертвую плоть.

– Можно снимать, – смахнул пот со лба Казбек, сунул старика себе под мышку и полез с ним в гору. Оттуда он должен был его запустить.

Все разбежались по местам и заняли позиции. Я с оператором – у камеры. Второй режиссер – за мной. Хлопушка – у объектива.

Казбек с грифом уже стоял на верхушке горы. Ждал команды. Остальные тоже наготове.

– Я махну рукой, – сказал я ассистенту.

Тот громко скомандовал эху.

Эхо повторило команду трижды.

Я махнул.

Казбек запустил грифа.

Голодный гриф высокохудожественно спикировал на труп и стал кинематографично его раздирать.

– Как? – спрашиваю у оператора.

– Классно! – отвечает он. – Вот только расфокус. Не успели поймать. Он так быстро подлетел, гад.

– Хорошо, – удовлетворенно потер я руки, и мы быстренько приготовились ко второму дублю.

Оператор кивнул.

Я махнул.

Ассистент:

– Давай!

Казбек:

– На!

Гриф на труп – шмяк!

Сняли. Фокус на этот раз был, но в кадр залез чей-то джип на заднем плане. А по сюжету события происходят во втором веке до нашей эры.

Группа вволю отвела душу на хозяине джипа. В список перечисленных вошли не только его ближние, но и все дальние родственники по материнской линии до седьмого колена. Хозяин джипа благодарно выслушал все напутствия и молча убрал машину из кадра.

Приготовились к третьему дублю.

Но тут туча закрыла солнце.

Группа сразу поскучилась. Сели курить.

По небу поплыли облака разной конфигурации. Подул легкий ветерок. Из леса вдруг вышла совершенно метафизическая корова, посмотрела на нас сонными глазами и снова удалилась в чащу.

Шоферá сдвинули в круг ящики и раскинули карты.

Гримерши сели вязать носки.

Каскадеры со скуки стали бороться.

И тут открылось солнце. Все побросали свои дела и спешно разбежались по позициям.

И тут гриф... никуда не полетел.

– В чем дело?! – заорал я. – Почему он не летит?!

– Наелся, – отвечает Казбек. – Сытый.

– Да и мясо кончилось, – добавил ассистент по живому реквизиту. – Он все сожрал, свинья.

Я вижу, как у оператора багровеет затылок.

Понять его можно. Солнце садится. Группа мерзнет. Гриф обожрался так, что не может взлететь. А мы еще ничего не сняли.

– А давай тогда «крупняк»? – предлагает второй. – План летящего у нас есть? Так?

– Ну?

– Сменим объектив и станем ближе к трупу.

– Ну?

– Чего – «ну?!» – взбесился второй. – Казбек бросит эту сволочь на покойника. Так?

– Ну?!

– А там, на монтаже склеим. Через темное небо.

– Гениально!

Мы сменили точку. Установили камеру на низкий штатив вплотную к труп. Казбек с грифом забрался на стремянку позади нас. По команде он должен был бросить грифа на труп.

– Приготовились! – командует второй. – Плейбек!

– Есть.

– Камера!

– Есть.

– Хлопушка!

– Гриф, поедающий труп... Трата-та-та... дубль трататата...

– Дав-а-а-ай!

Казбек кидает грифа на труп.

Гриф расправляет крылья и приземляется аккуратно на голову оператора.

– ...ою мать...мать-мать-мать! – повторяет за оператором эхо.

Трехэтажный пассаж слово в слово хором повторяет за эхом вся группа.

Тут гриф неожиданно отвязывается и с дикими криками бежит в горы. Именно не летит, а убегает – большими несуразными скачками. За ним клубится след из пуха и перьев.

Казбек, проваливаясь по колено в глубокий снег, устремляется за ним.

На помощь Казбеку бросаются остальные каскадеры. Замыкают группу преследователей пиротехники. Гриф скачет, опережая всех, по склону вверх и орет диким ором.

– У него сейчас может случиться инфаркт.

Я поворачиваюсь на меланхоличный голос сзади. Рядом со мной стоит инструктор из зоопарка.

– У кого? – спрашиваю. – У Казбека?

– Нет, – отвечает. – У грифа.

– Да?! – ехидно вставляет второй. – А инсульта у него не может случиться?

– У него уже был, – холодно отвечает инструктор. – Даже два.

– Оно и видно! – срывается второй. – Не может с трех метров попасть в труп! Идиот!

– У него плохое зрение, – слабо огрызается инструктор.

– А как же таблица умножения?! – еще больше распаляется вто-

рой, путая разные таблицы. – Нам говорили, что он видит ее с двух километров!

– Ну, когда-то видел, – уклончиво отвечает инструктор.

– И даже, наверное, складывал и умножал, – ставит жирную точку в споре оператор.

Ну что есть добавить?

Грифа в тот день мы все-таки отсняли.

К вечеру, как говорят в стереотипных спортивных репортажах, – усталые, но довольные, – мы пожали вялую руку инструктору из зоопарка и поблагодарили за сотрудничество. Гриф, как мне показалось, с великой радостью полез к себе обратно в клетку. Видимо, тюрьма за все эти годы стала ему намного ближе желанной свободы. Говорят же, что человек со временем привыкает ко всему. Звери, оказывается, тоже.

Не могу ручаться, но, полагаю, этому грифу в какой-то мере повезло. Ему будет что вспомнить и что рассказать своим товарищам по неволе. И след свой немеркнущий он все-таки оставил в искусстве. А это, согласитесь, дано не каждому грифу. Тем более – сидельцу.

БРИЛЛИАНТОВЫЙ ДЫМ

Нужен был смокинг. Обычный, классический.

Искать и ловить смокинг в дикой природе не представлялось возможным...

Стоп! О чем это я?

Смокинг – это ведь что-то такое из красивой жизни? Там, где лимузины и фанфары, где шампанское рекой и фейерверки по ночному небу. Где расстилаются красные дорожки, и роскошные дамы с улыбками за миллион фотографируются с блестящими кавалерами в жеманных позах. Где праздничная суета и строгий водораздел, обозначенный оградительной ленточкой. Там, где одна половина изнывает под бременем славы, а другая – жаждет ее. Там, где ярмарка тщеславия оттеняется ярмаркой нарядов...

М-да. Должен признать. Вот в этом я не силен. В этом я, извините, полный профан. У меня и костюмов-то всего два. Один – на случай похорон, второй – на свадьбы и юбилеи. А тут – целый смокинг. Да еще и с бабочкой. Боже мой! В жизни не надевал. А тут сказали – фейс-контроль. То есть – дресс-код. Все время путаю эти вещи. И еще эти безумные скопления людей...

Честно говоря, я их избегаю. Официантов вообще боюсь. Они всегда одеты лучше меня и всякий раз ставят в тупик своими вопросами о «фрикассе».

А куда деваться? В пригласительном на заключительный банкет так и было написано: «Mr. Tursunov!»

«Мистер» – это про меня. И эмблема «Оскарковского» комитета. Кошмар просто.

С другой стороны, вроде как повод радоваться. Командор, что называется, забурел. Вот она – тарелочка с голубой каемочкой. Живу в номере за триста восемьдесят долларов. Каждый день зачем-то меняют постель. Я не успеваю привыкнуть к своему одеялу. Оно все время хрустит. В ванной – восемь полотенец. Мне всегда хватало одного, даже самого маленького, чтобы обтереться целиком. Для чего остальные семь, я не знаю. Но я стараюсь держать марку, не задаю лишних вопросов и насухо обтираюсь всеми, что есть. Все равно придет улыбчивая горничная и скажет: «Хаускипинг». Выметайся, значит, буду менять полотенца.

И шампуни.

На завтрак подкладывают свежие газеты. В одном из последних номеров – моя фотография. Повар, что каждое утро жарит яичницу, показал мне номер с моей растерянной физиономией и разбил в сковородку вместо положенных двух аж целых три яйца. И обильно крошил туда колбасы. И протянул мне, и сказал – «Сэр!»

– Рахмет, – отвечаю и чувствую, что начинаю привыкать. А это уже опасно.

За последние пару месяцев в рамках дежурной рекламы обо мне писали в разных газетах и журналах. И не только здесь, в Америке с Канадой, но и в Европе. И по телевизору я чего-то там говорил. В Италии и Монако.

Мэр Торонто лично подливал мне виски в стакан, а Катрин Денев плакала на сцене в Сицилии и целовала меня со словами:

– Вы сняли фильм про мою жизнь!

Надо же, а я и не знал, что у Катрин была столь суровая жизнь.

В Таормине таксист, узнав меня, подвез бесплатно в аэропорт, и даже тамошние служители услужливо донесли мою спортивную сумку, набитую моим же секонд-хендом, до самого трапа.

Да что там Сицилия! Меня даже упоминали несколько раз в родном парламенте! Депутаты обратились к генеральному прокурору с предложением посадить меня в тюрьму по статье за разврат и смуть. Или выслать из страны, если не получится отправить за решетку. По нынешним временам – это настоящее признание.

Потому как наш парламент давно уже развеял миф о пределах человеческой глупости вкупе с мифом о нереальности загробной жизни. И вот результат: я в Лос-Анджелесе. Или, как они тут говорят по-местному, – в Эл-Эй.

Как это приятно и мелодично звучит: «Эл-Эй-й-й».

Я так и говорю, когда мне звонят и спрашивают: где ты?

– В Эл-Эй, – отвечаю я и жду, когда переспросят.

И всегда переспрашивают:

– Где-где?

– Да Боже мой, – говорю я тоном утомленного делеги, – да тут я, в Лос-Анджелесе. Заскочил на недельку по делам.

– Ух ты! – удивляются.

И я меняю тему, поскольку рассказывать больше не о чем. «Оскар» я опять проиграл. Лишь так, облизнулся. Пронесли его мимо меня и отдали румынам. Или – венграм? Не помню. Да чего уж теперь?

А может, и хорошо, что не получил. Ну его к черту. Наши люди могут обидеться и устроить облаву. А потом ходи доказывай, что ты не специально, что оно само так вышло. Случайно.

И я расслабился. И снова жизнь показалась мне сказкой.

Натянул на себя довольную улыбочку и хожу себе вразвалочку. Чего еще надо?

Блеск. Сверк. Красота. Пальмы. Швейцары в белых перчатках. Чистое кино.

Небритые подтянутые мужики в строгих костюмах, «жэншыны» в длинных платьях с голыми спинами. Ну, и я с ними. Как свой среди своих. Слоняюсь с бокалом шампанского.

Честно говоря, терпеть не могу шампанское. Кислятина. Потом от него отрыжка противная. Но компота нет. А вода только с газом. А я не пью с газом. А сок, гляжу, чересчур натуральный. Боюсь, живот схватит, куда потом бежать? Вот и хожу. Раскланиваюсь. Здесь так принято. И надо слиться. А то, не дай Бог, чего еще может произойти.

Кого только нет!

Живой Де Ниро прошел! И этот с ним, продюсер, забыл фамилию. Но тоже весьма крутой тип.

Теннисист шастает туда-сюда. Знаменитый. Который всегда в чистых носках играет. Белых. С ним эта – у которой новый муж. Моложе ее на двадцать лет. Блин, как ее? Эх, надо читать светские сплетни. Надо!

Это я уже на балу. То есть – на фуршете. В этом чертовом смокинге. Жмет везде. Особенно – под мышками.

Кстати – я ж не рассказал, где я его взял.

Игнасио помог. Таксист. Классный парень. Он вез меня из аэропорта в отель и на следующий день по городу катал. Мы даже к нему домой заскочили.

Чудная семейка – шестеро детей. Все – пуэрториканцы. Жена Лизбет – сиделка у какой-то богатой старухи. Той скоро – сто два. И все ждут. Особенно – родственники. Но Лизбет говорит, что ждут с восьмидесяти пяти. И неизвестно, когда оно все случится. По ее рас-

сказам – бабка никуда не собирается. Посмеивается над всеми и курит кубинские сигары. Их ей покупает Лизбет у каких-то нелегалов, и они по воскресеньям режутся с мажорной бабулей в «дурака», попивая французский коньяк. Так что лично Лизбет всем довольна.

Потом Игнасио дал мне свою визитку, мол, звони, если что.

Ну и я, как только получил пригласительный, сразу к нему, – что делать? Как быть? Паника. Где взять смокинг?

Игнасио только хмыкнул. Сказал:

– В чем проблема? Поехали.

И мы поехали.

Едем, значит, а я думаю: а на фига мне этот смокинг покупать? Надену я его один раз в жизни, порисуюсь в нем пару часов – и что потом? И денег он стоит, как выяснилось, приличных. Да я за такие деньги лучше бутсы куплю – «Мизуно». Да еще и пару!

Как раз спортивный магазин проезжаем. Я Игнасио говорю:

– Тормозни-ка. Я тут загляну на минутку.

Подхожу к магазину. Стоит черный амбал под два метра ростом. Такие в фильмах про мафию вход в злачные места сторожат. Руки на груди крестом. Скучает. В ухе – серьга, на бычьей шее – цепь толстой с палец. Я его спрашиваю: привет, как насчет футбольных бутс?

Он говорит – есть. И спрашивает – зачем тебе?

Я ему: «Как зачем? Себе».

И он тут делает вдруг круглые глаза.

– Тебе? – спрашивает. – Ты что, играешь в футбол?

– Да, – говорю, – с пяти лет. А что тут такого?

У него глаза становятся еще шире.

– И кого ты играешь? – спрашивает и начинает вдруг противно так лыбиться.

– Я-то? – отвечаю. – Защитника. А что?

Тут он начинает смеяться совсем уж откровенно. Толкает дверь в магазин и машет мне своей розовой ладошкой величиной в средний такой шелпек. Зовет, значит, за собой. И все вопросы свои каверзные задает.

– Какого защитника?

– Центрального! – отвечаю.

Тут он вообще задохнулся от смеха.

– И давно ты, – хрипит, – центрального защитника играешь?

– Да тебе-то какая разница, кого я играю?! Покажи бутсы, и все.

Тут он начинает корчиться и кого-то там звать.

– Ронни! – кричит. – Эй, Ронни, поди-ка сюда! Посмотри, кого я привел! Этот китаёза утверждает, что он играет защитника! Центрального!

Вылез откуда-то Ронни. Чуть поменьше своего дружка. Где-то метр девяносто вверх и полтора в срезе.

– Погоди, Монти, – говорит Ронни, отстраняя своего дружка, и выступает мне навстречу. – Ты че, правда в футбол играешь?

– Да вы что, офигели что ли? – начинаю злиться я. – Правда. Чего вы, как иностранцы первобытные? Покажите бутсы.

– Ну, пойдем, – говорит Ронни и ведет меня внутрь.

Заходим. Он подводит меня к полке с какой-то странной обувью. По виду похожа на шиповки для легкоатлетов.

– Вот, – говорит Ронни, – выбирай. Но имей в виду, размеры начинаются с десятки.

А это по-нашему – сорок четвертый.

И действительно: стоят какие-то немаленькие сапоги-скороходы с металлическими шипами. Эдакие корабли на причале.

– У тебя какой размер? – спрашивает Ронни с прищуром.

– Да это же не бутсы, – отвечаю.

– А что это по-твоему? – спрашивает Ронни.

– Говорю же, он прикольный, – давится за спиной Монти.

– Это ж для бегунов! – говорю.

Монти тут перестал слушать и тихо сполз по стенке.

Выяснилось, американцы не знают, что такое футбол. Они его называют – соккер. А футбол – это у них разновидность регби. Там тоже носороги в центнер весом бегают по полю с дыней. И каски у них на головах, чтобы мозги по травке не размазались.

И поехали мы с Игнасио дальше. Искать ателье, где сдают смокинги в аренду.

Нашли. Заходим.

Я выбрал короткий. С баклажановым оттенком. Были еще и длинные. С хвостами. Как у пингвинов. Дирижеры в таких ходят. Но он мне не подошел. Великоват.

Бабочку подобрали с белой рубашкой. Воротник торчком. Глянул я на себя в зеркало – и срочно жениться захотелось.

Начистил я свои чоп-черные ботинки, напялил смокинг с баклажановым отливом и поперся вечером на ихний этот фуршет.

Народу-у-у!

Я сразу затесался в середку и затаился. И нормально себя почувствовал. И хорошо, что поел заранее. Мы с Игнасио, когда обратно в отель ехали, в «Макдональдсе» наворачнули по «биг-магу». А то тут есть нечего. Канапушки какие-то. Октопушки. Слизняки какие-то на сухарях шевелятся: смотреть страшно, не то чтобы есть. Но я попробовал из принципа, чтоб потом не жалеть. Мерзость.

Официант протянул воду в чашке с лимоном. Я ее выпил залпом.

Он почему-то сморщился, глянул на меня внимательно и унес пустую чашку обратно.

Хожу, значит, раскланиваюсь со всеми. И тут – не поверите, Шэрон Стоун, которая – «Основной инстинкт» и все такое прочее, на шею мне бросается. Сама! В каком-то умопомрачительном платье. Сверкает-переливается, как новогодняя елка, аж глазам больно. В ушах – бриллианты, на пальцах – бриллианты, на шее – целая горсть.

– Ха-а-ай! – орет. – Как я рада тебя видеть! Я и не знала, что ты здесь!

– Да я и сам, – говорю, – не очень-то верю, что я здесь.

Она: хи-хи-хи, ха-ха-ха. Ты все такой же балагур. Хохотун.

Ага, отвечаю, все такой же! А сам оглядываюсь, думаю, может, кто меня разыграть надумал? Может, организаторы коварные решили меня так поощрить, раз уж призом обделили? Да мало ли что этим империалистам на ум придет?! Здесь же у них все не так, как у людей.

Нет. Вроде все по-честному. Никаких разводов. Обнимается. Смеется. В щечку чмок-чмок. Пойдем, выпьем. Расскажешь, где да что.

Ну, пойдем. А сам смотрю – она уже навеселе. Глаза масляные. Нос красный. Даже сквозь пудру румянец пробивает.

И давай мы танцевать! Слились, так сказать, в экстазе. И она всем ручкой так машет: привет, мол, ха-ва-ю, видите, с кем я?! И ей все тоже ручками: «Грэйт! – кричат. – Найс! Вандерфул!» Типа – повезло тебе, офигенный выбор!

Ну, еще бы не вандерфул, думаю!

Вот она – жизнь! Вот она – тарелочка! Вот что значит слава! Пусть и не дали мне этот «Оскар», зато сама Шэрон Стоун на людях кидается! И пусть сколько бы ей там ни было, где-то под шестьдесят, если не ошибаюсь...

Ну и что?! Это же тебе не «Аватар» какой-то дуболомный. Не «Трансформер» для ненаигравшихся в детстве. Это же «Казино» и это «Плохие парни». Она там везде!

И вот верчусь я, значит, с ней по залу, а сам думаю, куда эта негодница Деми Мур запропастилась? Чего-то не видать ее. А так бы подкатил к ней – и с наскоку:

– Бонжур, мадам! Позвольте на тур вальса.

Попробуй откажи. Ухарь такой в смокинге с бабочкой. И нехай потом этот ее додик, Эштон Катчер, удивится...

Или у ней уже другой додик? Да, впрочем, какая мне разница?

А сам пальцами так незаметно карман свой шупаю. Там у меня в штанах еще двести баксов заначки от командировочных оставалось. Еще не вечер, господа буржуи, думаю! Еще вполне можно устроить здесь небольшой такой нахрапистый кордебалет!

Короче, шебутимся мы с моей Шэр вовсю. С друзьями ее по бокальчику пропустили. Я даже тост залепил. За любовь с первого взгляда. А что? На сердце – праздник, в теле приятная легкость образовалась. Весь я какой-то гибкий стал, тонкий и звонкий. Легче воздуха. И вроде бы все сразу как милые люди, и ничего в них такого особенного нет. Подумаешь, богема. Видали мы таких!

И тут вдруг Шэрон домой засобиралась. Голова, говорит, кружится, дурнит ее, давай типа завтра с утра созвонимся.

Ну, жаль, конечно, говорю, но – окей, раз такое дело. Я же сегодня джентльмен, черт бы меня побрал. Иди, говорю, раз надо, а утром я тебе звякну. И она целует меня на прощанье в щечку и невзначай как бы роняет:

– До завтра, Ли! Передавай привет своей Джин Хо. Я буду у вас в Гонконге летом.

И – все.

И рухнуло все в одно мгновение.

Растворилось в один момент. Оборвалось. Стою, как оплеванный.

Какой еще Ли? Какая еще Джин Хо? О чем она вообще? Нахрюкалась, мымра старая, и лепит теперь сама не знает чего.

И сразу смокинг под мышками стал давить. И в горле тесно так стало из-за этой бабочки.

Да ну-у-у, думаю. Что это еще за фокусы...

Пойду тогда и я домой. К своим накрахмаленным полотенцам и скользкой простыне. И еще у меня там в ванной дюжина разных кремов и целый эскадрон шампуней. Вывью всю эту ерундовину себе на голову, залезу в ванну и буду сидеть. Отмокать.

И пошел себе. И даже Деми Мур не стал искать. Ну их всех. Что они за люди такие – несолидные? Алкашня.

КОШКАР

Считается, «баран» – оскорбительное слово. Обзывательство. Говорят – «тупой, как баран», «упертый, как баран», «вылупился как баран...»

В современном молодежном сленге прижилось слово – «овца». По смыслу – то же самое, но уже по отношению к женскому полу.

У нас, у казахов, с баранами и овцами также мало приятных ассоциаций. «Семіздікті қой ғана көтеред». Так говорят, когда имеют в виду лишний жирок. Примерный перевод: «Жирдяйство к лицу только барану».

Есть и подоплека: «сытый голодного не разумеет». Это про нынешних мажоров, чьи мозги заплыли бараньим жиром.

Про покладистость и чрезмерную скромность говорят: «Қойдай жуас». То есть – безмолвный, бессловесный, в смысле – бесхарактерный. Мямля. «Мякиш для беззубых» (М. Горький).

Словом, все, что связано с бараном, непритягательно и мало-симпатично. Между тем есть у меня в записке одна история, которая будет особенно близка тем, у кого в прошлом аульное детство. Считайте, что история эта – голос в защиту тех самых безмолвных, бесхарактерных и излишне покладистых.

Ну, во-первых, надо признать, бараны – народ дисциплинированный. По одному не ходят. Кучкуются. Пасутся строго в коллективе. Стадо баранов – мечта правителя.

Главная составляющая стада – кротость. Безропотность. В толпе легче затеряться. Даже если ты и подашь голос, тебя не услышат.

Баран-одиночка – нонсенс.

И еще. Никто не знает, сколько живет баран. Потому что бараны от старости не умирают.

Вот собаки, скажем, живут в среднем двенадцать-пятнадцать лет. Лошади – двадцать пять. Ну, тридцать максимум. Слон может протянуть пятьдесят. Иногда – шестьдесят... А сколько живет баран – неизвестно. Даже сами казахи не знают. Ибо судьба его изначально определена. Ни один баран не умер еще своей смертью. Так что много разных несправедливостей связано с ним – с несчастным бараном.

Между тем кочевники, как никто другой, должны быть благодарны именно ему – барану. Поскольку именно он – баран – взял на себя главную нагрузку, связанную с выживанием в голой степи. И сколько уже веков обеспечивает это самое выживание...

Поэтому состояние человека считали не в собаках и не в кошках. Считали в баранах. Говорили: «Қойың болмаса, байлықта ойың болмасын» – «Не стоит думать о богатстве, если у тебя нет овец». До сих пор баран – твердая валюта в проведении торговых операций. И не только в провинции.

Естественно, за долгие годы совместного сосуществования мы многое узнали друг о друге.

Например, мы, люди, различаем баранов не только по возрастам и породам.

Вот, например, новорожденный баран – козы, шестимесячный баран – тоқты, годовалый баран – ісек қой, двухлетний баран – құнан қой, трехлетний баран – дөнен қой, кастрированный баран – азбан, племенной баран – қошқар...

Все это я говорю без балдежа. Правда, с легкой иронией, но без фиги в кармане.

Так вот – вернемся к нашим баранам.

Я – о Кошкаре. О моем славном старом дружбане детства, которого я уже точно не забуду никогда.

Окот у овец обычно происходит в феврале-марте. К этому времени в аулах готовят небольшие загородки в сараях. Утепляют их, потому что новорожденные ягнята могут замерзнуть в общем стойле.

Кто-то мастерит ясли-сад дома. У печки. Вот и у нас, помнится, отец загодя сколачивал из тонких штакетин невысокий загончик с мягкой подстилкой и складывал новорожденных туда. Довольно скоро в садик набивался шумливый и беспокойный табор. Днем их относили к мамкам на завтраки-обеда, а на ночь оставляли дома.

Однажды наша самая старая и заслуженная овца принесла двойню. Первый ягненок родился мертвым, а второго она почему-то отказалась кормить. Так и бродила безутешно по сараю, помешавшись от горя. А тот тыкался в мамку, жалобно просил. Бесполезно. Мамаша нагнется к нему, принюхается и дальше круги наматывать. Видимо, что-то у ней там в материнском сердце оборвалось...

Короче, ягненок был обречен. И тогда я забрал его себе. В буквальном смысле – заменил ему мать.

Первым делом я сделал что-то вроде детской смеси: смешал манку с молоком и натянул на бутылку соску. Ягненок не сразу сообразил, что к чему, но голод не тетка. Постепенно привык. А потом и вовсе втянулся. Увидит бутылку – бежит!

Теперь распорядок дня у меня кардинально изменился. Теперь у меня все строилось по графику.

Рано утром в шесть я вставал, готовил смесь и кормил ягненка. Потом завтракал сам и уходил в школу. В первый класс. В школе я неожиданно для себя открыл, что все мои думы занимает ягненок. Я беспокоился: что он там делает? Что ест, как спит и вообще – не забодал ли его кто-нибудь из воинственных соседей?

Из школы я со всех ног бежал домой.

Наступал обед. После обеда – небольшая прогулка по дому. Потом – тихий час. Он любил, когда я чесал его за ухом. Так он легче засыпал.

Ну и вечером, как положено, ужин. После ужина – игры. После игр – сон.

Естественно, через какое-то время между нами образовалась, можно сказать, родственная, если не сказать – кровная – связь.

Ягненку нужно было имя. Не жить же ему безымянным. Долго думать на эту тему не пришлось, и ягненка я назвал Кошкаром. То есть – буквально. Чего мудрствовать?

Кошкар рос довольномышленным малым. Имя свое он запом-

нил и легко отзывался. Как круглой сироте ему делались послабления. Только ему было позволено покидать загончик, и он мог гулять по дому. Я помню, как цокали его копытца в дальних комнатах, где он исследовал закоулки. Любопытный был, скажу я вам. Вечно чего-то выискивал, исследовал. Потом приходил и ложился у ног, пока я делал домашние задания. Так и засыпал. Теплый. Кучерявый. И шерсть на нем была белая, как только что выпавший снег. И мягкая. Глаза черные, цыганские. Вместо носа – пуговица. Одним словом, мультфильм. Живая игрушка.

Наступила весна. Скот весь собрали в колхозное стадо и погнали в горы. Кошкар я оставил при себе. Все равно мать от него отказалась. Так он и остался жить у нас в доме.

Время мы с ним не теряли. Я взялся за его образование. Ну, в каком смысле – образование? Я стал делать из него собаку.

Довольно быстро он освоил команду – «лежать!». Еще пару месяцев мы потратили на «сидеть», «апорт» и «голос». По команде он и ложился, и садился, и палку приносил, и голос подавал.

Тяжело нам дался «Фас!».

Кусать он, естественно, не мог, а бодать еще не умел. Путем долгих и напряженных тренировок Кошкар, наконец, допер, чего от него хотят.

Вначале бодал меня. Потом – того, на кого покажу. Выглядело забавно.

Услышав команду «Фас!», Кошкар замирал, как-то странно клонил голову набок, потом делал несколько шагов назад и с разбегу тыкался безрогим лбом.

Ростом он был чуть выше моих колен. Поэтому поначалу всех это умиляло. Через какое-то время, когда Кошкар набрал вес, эта милая забава перестала быть веселой. Но об этом позже.

А пока Кошкар жил дома, пасся в саду, ходил за мной по пятам, как преданный пес, и вполне себе рос в атмосфере всеобщего приятия.

Когда Кошкар вступил в возраст токты – тинейджер, по-нашему, – он стал ходить со мной на колонку за водой. Иной раз сопровождал в поселковый магазин. Пока я покупал хлеб, он оставался ждать у входа.

Еще через какое-то время он стал завсегдатаем наших мальчишеских посиделок. Устраивался где-нибудь рядышком и молча слушал нашу болтовню.

Пристрастился ходить на футбол. Мы рубились, а он пощипывал травку. Благо поляна футбольная была у самого подножия гор. А там травы разной пахучей... Немеряно. Пасись – не хочу.

Все к нему давно привыкли и ничего особенного в этом не видели. Ну, Кошкар и Кошкар.

Кстати, чуть не забыл.

Дома Кошкар вел себя совсем по-собачьи. Например, не пускал никого чужих во двор. Соседи, привыкшие по-аульному без спроса вваливаться в дом, быстро усвоили новые правила и после нескольких «нежданчиков» от Кошкара предпочитали стучаться в ворота. Или звать хозяев из-за забора.

И все равно случались казусы.

Помнится, заглянул к нам как-то чабан. Ильяс-ага. Он всегда так делал. Спускался раз в месяц с гор и ходил по дворам, собирая плату за скот. Зашел и к нам. А мы с пацанами сидели на крыше соседского сарая. Ели урюк.

И вот – смотрим. Заходит к нам во двор Ильяс-ага. Степennyй такой, невозмутимый аксакал. Фронтвик. В пыльных сапогах, с плеткой в руке. В выцветшей на солнце шляпе. Он еще слегка прихрамывал после ранения.

Коня он привязал к забору и без спросу вошел во двор. И кричит:

– Каримжан! Каримжан!

Папку моего, значит, зовет.

Кошкар, давно уже приучивший всех к новым порядкам, поначалу даже опешил от такой наглости. Привстал и принял выжидающую позу. Мы затаили дыхание. Смотрим – что дальше будет.

Ильяс-ага, ни сном ни духом, подошел к окну и легонечко так постучал. Кошкар не спеша приблизился к прищельцу и предупредительно потерся о ногу. Старику бы насторожиться. Но с другой стороны – что для чабана баран? Он взял да и оттолкнул Кошкара. Да еще и стегнул плеткой – отстань, мол, опупел, что ли?!

Это было ошибкой. Непростительной ошибкой. Особенно плетка. Не надо было плеткой... Но чего уж теперь. Ильяс-ага отвернулся от Кошкара и, ничего не подозревая, направился к двери.

Кошкар, вконец обалдевший от такого хамства, отошел на максимально допустимое количество шагов назад, прищелься и на полном ходу, со всей своей бараньей дури, долбанул старого фронтвика аккурат чуть пониже спины. А надо сказать, пару дней назад мы выстелили во дворе свежий асфальт...

Как он летел, бедолага, этот Ильяс-ага! Сколько он пропахал носом по свежевыстеленному асфальту! Мы потом считали – одиннадцать шагов!

Сказать, что он не ожидал, – значит, ничего не сказать. Он не мог даже мысли такой допустить!

Что-о-о?! Баран?! Чабана?! Фронтовика?!

В общем, шляпа полетела в одну сторону, плетка – в другую. Сам Ильяс-ага – ласточкой по асфальту.

С перепугу он перешел вдруг на русский! Видимо, в самом дальнем углу его чабанского мозга мысль отказывалась верить, что казахский баран может поднять руку, то есть – рога, на казахского же чабана. Так мог поступить только невоспитанный баран. Баран, который не чтит устоев. Не уважает традиции.

Короче, Ильяс-ага заорал дурным голосом и задрогал ногами:

– Дуракпысын?! Ей, дуракпысын?!

А Кошкар не обращал внимания. Он выцеливал и все наскакивал, норовя достать в лоб.

На шум и крики сбежались соседи.

Впрочем, вмешиваться никто не торопился. Все уже прошли подобное. Лишь давали советы, оставаясь за забором.

– Ляг и замри! – предлагал Каиржан. – Притворись мертвым!

– Беги в сарай! – кричали другие.

– Залезь на лестницу!

– Ползи в сад!

Неизвестно, чем бы все закончилось, не подай я команды с крыши соседского сарая:

– Кошкар! Фу!

Кошкар замер, как вкопанный, потом нехотя отошел в сторонку и лег. Довольный. Отомщенный. Величавый. Я им гордился.

Чабан, для которого законы мира в одно мгновение претерпели кардинальные изменения, бросился вон.

Вот такое вот приключилось.

Между тем время шло. Я переходил из класса в класс. Кошкар тоже рос. Мужал. Матерел. Весил он уже неприличные для барана шестьдесят с лишним кг. Ходил вразвалку. Вышагивал, как боцман по палубе. Стал ленив, задумчив. Потерял интерес к долгим прогулкам. Даже на футбол перестал ходить. Все больше оставался дома. Валялся в саду и жевал свою бесконечную жвачку. Так он окончательно превратился «в агашку» с тяжелой поступью, с рогами в три винта и со взглядом исподлобья. Играть с ним уже никто не пытался. Шутить – тем более.

Но мы по-прежнему оставались с ним «своими пацанами». Бывало, я выносил в сад корпешки, и мы любили поваляться на них вдвоем. В тени яблонь и слив.

Я читал книжки. Вслух. Он лежал рядом. Так и засыпали.

И вот приехал из армии брат. Отслужил.

Как и положено, должны были закатить той. Меня почему-то

отправили в город. К родне. На пару дней. А когда я приехал, то Кошкара не нашел.

– В стадо отдали, – буркнул отец.

Я удивился. Кошкар никогда не ходил в стаде. Он бы не смог. Он вообще не понимал, как можно ходить в стаде? Да и зачем его отдавать? Скоро зима.

А через пару дней я наткнулся на шкуру. Она висела в сарае. Я подошел ближе и потрогал ее.

Эти завитки я бы узнал наощупь и с закрытыми глазами...

Так я впервые в жизни столкнулся со смертью...

Помнится, долго еще сидел в сарае. Под сохнувшей шкурой. И никто в окружающем меня мире не слышал и не видел моих слез.

А кто бы меня понял? Кто бы услышал? Кто бы пожалел? Подумаешь – баран. Обыкновенный баран. На то он и баран.

А я вам вот что скажу: бараны, они, знаете ли, бывают разные. Впрочем, как и люди...

Диляра Тасбулатова

Из цикла «Театр»

ТАБЛИЦА УМНОЖЕНИЯ

Как-то раз ехала я поздно из театра. Маршруток уже не было. Заказала такси. Тут ко мне подошла миловидная девушка, предложив скинуться: у нас дома рядом. Девушка оказалась разговорчивой.

– Я с танцев еду, – сказала она. – Силовая обучающая дискотека, с шести до двенадцати.

Таксист сказал:

– А вы тоже – с танцев?

– Я – с лечебной физкультуры, – сказала я. – Для пожилых.

Девушка засмеялась и говорит:

– Так у нас тоже семидесятилетние танцуют. Ну, или шестидесятилетние. Правда, в прошлый раз один такой меня уронил. Теперь вот, может, тоже на лечебную физкультуру отправят.

– Это он специально, – сказала я. – Казачок-то посланный.

– Да что вы? – наивно удивилась девушка.

– Точно, – сказала я. – Это он клиентуру набирает на лечебную.

Таксист повернулся ко мне:

– Так вас тоже, что ли, уронили?

– Меня еще в детстве, – рапортовала я. – С тех пор я все время падаю и соображаю туго.

Таксист посмотрел на меня с жалостью. Потом, помявшись, говорит:

– Но вы же дожили до солидных лет?

– С трудом, – сказала я. – Таблицу умножения, правда, выучила. Тут девушка вдруг говорит:

– А я вот как раз таблицу не могу осилить. Но зато у меня верчение хорошее. Все хвалят.

– Это что такое? – спросил нерусский таксист.

– Это когда вертятся, – охотно пояснила девушка. – Вокруг своей оси.

– Осы? Своей? – переспросил таксист.

– А вокруг чьей же? – сказала я. – Вокруг чужой опасно.

Девушка засмеялась.

Было заметно, что они с таксистом думают, что мои реплики –

результат сильного падения в детстве, этажа так с третьего примерно. Правда, оба они были добродушны: относились ко мне с жалостью. Мне хотелось еще потроллить, но тут мы приехали. Девушка даже помогла мне выйти из такси и лучезарно – так, как с идиотами обычно, чтобы поддержать их, – улыбнулась на прощание.

ТУМБОЧКА

Собравшись в театр, решила-таки взять такси – хотя бы до метро: боялась опоздать. Таксист спросил, куда я так спешу.

– В театр, – сказала я.

Таксист-киргиз сказал:

– Вы там работаете? Уборщицей?

– Вахтером. Ночная смена.

Таксист говорит:

– В первый раз вижу вахтера, который на такси ездит.

– А я – заслуженный вахтер Российской Федерации.

– Это как?

– А вот так. После 30 лет работы вахтером иногда выпускают даже на сцену.

– И кого вы там играете? – спросил он наивно.

– Тумбочку, – сказала я серьезно. – Там в одном спектакле есть такая тумбочка, которая вдруг встает и уходит – так задумано. И если артист, который ее уже 30 лет играет, в запой уходит, то я его заменяю.

Таксист покачал головой:

– В Москве такие люди интересные. Вы вот тумбочку играете, а вчера я возил одного дядьку, который жаловался, что ему подсунули большую проститутку, – она все время кашляла.

ЛЮБИТЬ ПО-РУССКИ

На спектакле Коляда-театра мне достались только приставные места. Гляжу: ближе к середине места не заняты, а спектакль вот-вот начнется. Ну, я встала и посматриваю с вождением на эти места. Какая-то толстая дама говорит:

– Нечего смотреть. Все равно не пушу.

– А если никто не придет?

– Вы что, первый раз в театре?

– Да! – сказала я, сделав наивно-восторженное лицо. – Зато я была уже два раза в кино, – рапортовала я радостно.

– И что смотрели? – спросила дама с иронией.

– Не помню. Я названий не запоминаю. Какой-то «Удар».

– Солнечный? – спросила толстая дама (она была правда боль-

шая, больше даже меня, и через нее я точно не протиснулась бы на свободное место).

– Апо.. Апо.. Апоплексический вроде, так сказали мне друзья.

– Такого фильма нет, – сказала дама.

– Есть! А второй фильм назывался «Православные ублюдки».

Дама посмотрела на меня, как на сумасшедшую:

– И такого фильма нет.

– Может, я названия не так запоминаю – я читаю не очень хорошо по-русски, – сказала я. – Может, эти фильмы назывались «Любить по-русски»? Один и два?

– Такие фильмы есть, – важно произнесла дама. – А где вы их видели?

– На Канском кинофестивале.

Дама как бы незаметно покрутила пальцем у виска.

– В городе Канске, – уточнила я.

Тут с другого ряда наша общая с этой дамой знакомая начала хихикать. И говорит этой даме:

– Она кинокритик.

Дама говорит иронически:

– А я думала – писатель.

Наша общая знакомая говорит:

– И писатель тоже.

– И мисс Талды-Курган, – сказала я. – 1980-го года.

Толстая дама покрутила пальцем у виска и громко сказала нашей общей знакомой:

– А вы видели Доронину в роли Мэгги?

Я сказала:

– Я видела. Доронина. Мужа этой...как ее... Наоми Кэмпбелл которая.

Толстая дама сказала мне:

– Не вмешивайтесь в культурные разговоры.

– Хорошо, больше не буду, – кротко сказала я, занимая свободное место.

Тут раздался третий звонок и спектакль начался.

«МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Пока я была в театре, к маме заходила Бабыра (Баба Ира).

– А где Дилия? – спросила Бабыра.

– В театр пошла, – сказала мама.

– Да что ты? – почему-то изумилась Бабыра.

– Она каждый день теперь туда ходит, – сказала мама.

– Да что ты? – опять изумилась Бабыра.

– А что тут удивительного? – спросила мама.

– Я в театре была раза два в жизни, – сказала Бабыра. – И больше никогда не пойду.

– А что так? – спросила мама.

– Лет пятьдесят тому назад, еще по молодости, смотрела «Горе от ума». Так там Чацкому было лет семьдесят, и он был страшно толстый. И гундосил...

– «Карету мне, карету»?

– А вот это он прокричал, да так страшно, что я испугалась, – сказала Бабыра.

– Ну а во второй раз что смотрела? – спросила мама.

– Какую-то производственную пьесу. Про партсобрание. Прямо на сцене. А я как раз пришла с партсобрания и опять попала. Это был ужас. Но пришлось сидеть до конца: билеты-то распространяли насильно. Все начальство было. А Дилиа на что пошла?

– Она мечтает на «Мертвые души».

– Какой ужас, – сказала Бабыра. – В школе (Бабыра была когда-то учительницей младших классов) меня хотели заставить изображать Коробочку. Но я не согласилась. Отказалась наотрез. И Коробочку изображала учительница географии: она текст забыла, про пятки где, и сказала Чичикову: «Давайте я вам почешу». А потом говорит: «Покойник любил, чтобы его чесали». А потом говорит: «Покойники любят, когда их чешут». Ну, дети и испугались. И из района вместо грамоты выговор пришел. А я вот знала, что так и будет, потому и отказалась. А географичка плакала. В общем, я театр не люблю.

ГАЗЕТА

Бабыра опять заходила, пока меня не было. Спросила маму, где я работаю. Мама сказала, что в еврейской газете.

Бабыра поперхнулась.

– И не боится?

– Чего именно?

– Ну... – Бабыра замялась.

Мама поняла и говорит:

– Ну, она же уже не младенец, кровь ее никому не нужна.

Бабыра смутилась и, тем не менее, сказала:

– Все равно подозрительно... Зачем они ее туда взяли?

– Для опытов, – сказала мама. – Над читателями.

– Это как?

– А так! – сказала мама. – Если читатель не смеется, то он не еврей. И его выгоняют из евреев. А смеется – все в порядке.

Бабыра опять поперхнулась:

- Как может казах веселить еврея?
- Пятикнижие толковать, – сказала мама.
- Бабыра бочком, бочком и домой засобиралась.

МИР ВО ВСЕМ МИРЕ

После просмотра на фестивале в Минске русской картины «Страна Оз» с места поднялась пожилая женщина, с виду интеллигентная (там почти нет хамов, в Белоруссии, – люди очень сдержанные), и сказала:

– Товарищи! Что же вы нам такое показываете? Неужели в России все такие хамы и хулиганы?

Я сказала с места:

– Я – очевидец. Все.

Женщина не растерялась:

– Но вы же не такая?

– Но стремлюсь к этому!

Все засмеялись, а женщина мне сказала:

– Стремиться нужно к хорошему! Это и к режиссеру фильма относится! Почему он не стремится к хорошему?

– Он стремится, но у него не получается, – сказала я.

– А у Рязанова получалось! – торжествующе сказала женщина.

Рядом со мной сидел один сумасшедший дед – между прочим, преподаватель культурологии.

– Молчать! – грубо прикрикнул на меня дед.

Потом встал и громко выкрикнул режиссеру фильма Сигареву, который стоял на сцене:

– Стыдно, молодой человек! Россия борется за мир во всем мире...

– Да так, что скоро камня на камне не останется, – пробурчала я.

– И пусть не останется! – крикнул дед. – Вы своими фильмами только мешаете борьбе России за мир во всем мире!

Тут зал стал кататься от смеха. Дед пересел от меня на другое кресло и сказал сурово:

– Я был о вас лучшего мнения! А еще кинокритик с Москвы... Безобразие.

СТАЛИН В НОЯБРЕ

Как-то раз подарила я свою книжку директрисе кафе одного.

Она спросила:

– Рецепты?

– В своем роде.

– В каком?

– Как троллить.

– Это готовить, значит?

– В своем роде. Готовить к троллингу.

Я тогда сделала неплохой заказ – много чего съела, и она тактично промолчала. Подумала, наверно, что вот, еще одна ненормальная.

Сегодня она меня увидела и радостно так говорит:

– Почитала. Смеялась. Делайте здесь свои концерты.

Это, кстати, то самое кафе, где интеллигентный гардеробщик читает литературоведческие труды. Но сегодня был другой гардеробщик: сталинист. Сталинист, правда, незлой. Он спросил:

– А что за концерты?

– Отрывки из пьесы о Сталине. «Сталин в ноябре» называется. По типу «Ленин в октябре».

– А почему Сталин – в ноябре, если Ленин – в октябре? – спросил гардеробщик.

– Станный вопрос: у них же вахтенный метод был. Как у вас с вашим напарником.

– А! – сказал гардеробщик совершенно спокойно, не улыбнувшись и не удивившись.

Зато грузчик (о нем я тоже писала в другой байке про это кафе) пришел в восторг.

– Здорово! – закричал грузчик. – Приду послушать! Ха-ха-ха. Сталин в ноябре!

Гардеробщик посмотрел на него недоуменно и вдруг говорит:

– Скоро же декабрь – может тогда «Сталин в декабре»?

Грузчик чуть не умер со смеху.

А я сказала:

– Дельное предложение! Подумаю. Спасибо вам.

«МОСКВА, КРЕМЛЬ. ПРОЕКТ»

Ходила как-то на почту отсылать свои книги – одну даже в Австралию послала. Работница почты сказала:

– А что у вас там? Выньте из пакета! Точно книги?

– Точно, – говорю, – книги.

– Художественные? – спросила она строго.

Я вздохнула:

– Отчасти.

– Не порнография?

– Отчасти, – опять сказала я.

– Как это – «отчасти»? Ну-ка покажите!

Я вынула из пакета одну книгу.

Работница почты стала рассматривать обложку.

– А что такое – слово на букву «Б»? (Моя первая книжка называется «Мама, Колян и слово на букву ‘Б’».)

– А то вы не знаете! – вдруг сказал мужчина в драповом пальто, стоявший за мной в очереди.

– Братство, – сказала я замогильным голосом. – Там имеется в виду – Братство.

– Кольца? – спросил мужчина.

– Какого кольца? – осведомилась работница почты.

– Есть еще Свобода и Равенство, – сказала я.

Мужчина в драповом пальто осклабился:

– И блядство. Несвобода, неравенство и как результат – полнейшее блядство.

– Какие странные посылки и письма люди шлют, – сказала работница почты, симпатичная молодая женщина. – Один дед долго тут писал, прямо на почте, со всеми громко советуясь, матерное письмо Собянину, другое – Фиделю Кастро...

– Матерное? – спросил мужчина.

– Да нет.

– Жаловался на Собянина? – спросила я.

– Ну, не знаю даже. Он не сказал, что за письмо: я только видела адрес: Куба, Фиделю Кастро.

– Отослали? – спросил мужчина в драповом пальто.

– Не-а. Он индекс не знал – а без индекса мы письма не принимаем.

Мужчина в драповом пальто покрутил пальцем у виска.

– Ну, хорошо, – сказала работница мужчине, – а у вас что?

Тот замялся. Работница подмигнула мне – и точно: на конверте было написано: «Москва, Кремль. Проект». Она наклонилась ко мне и тихо прошептала:

– В последнее время такие письма участились. Обычно весной и осенью многие пишут или в Кремль, или Фиделю Кастро.

Стихи репрессированных поэтов Казахстана

Шакарим Кудайбердыев
(1858–1931)

Поэт, прозаик, переводчик, философ, историк, музыкант. Духовный восприимчивик и ученик Абая. В молодости занимался общественной деятельностью, работал в местной администрации. В сорокалетнем возрасте увлекся мыслителями Востока, самостоятельно овладел арабским, персидским, турецким и русским языками. В 1903 г. он был принят в члены Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества. В период первой русской революции участвовал в национально-освободительном движении «Алаш». Установление Советской власти в Казахстане, голод 1920-х и 1930-х годов, репрессии 1928 года оказали большое влияние на мировоззрение поэта. При жизни Кудайбердыева были напечатаны его книга «Зеркало казахов», поэмы «Калкаман-Мамыр» и «Енлик-Кебек»; отдельные стихи и публицистика были опубликованы в 1913–1924 гг. в журналах «Абай», «Айкан», «Шолпан» и др. Уже после гибели поэта его поэтические переводы «Дубровского» и «Метели» А. Пушкина были опубликованы в журнале «Эдебиет майданы» (1936). 2 октября 1931 года Кудайбердыев был осужден и расстрелян. Несмотря на то, что 29 декабря 1958 года Шакарим Кудайбердыев был реабилитирован «за отсутствием состава преступления», запрет на творчество поэта как «буржуазного националиста» продолжался. Пересмотра официального отношения к творчеству Шакарима Кудайбердыева требовала казахская интеллигенция. Только после 1986 года стало возможным возвращение наследия поэта казахскому народу.

ПРИХОДИТ ЛЕТО

Вот и тяготы зимы уступили лету.
В нежном мареве холмы, степь близка к расцвету.
Нет ни ложки снега, ни кусочка льда, –
Мир, что вырвался из тьмы, – воспевать поэту.
Тяга к росту у детей, жаждут порезвиться,
Тканью пестрой ширь степей, жизнь в ней будет длиться.
И в ауле старики греются на солнце,
Речи о былом легки, и казан, на три ноги
чуть привстав, дымится.

Стригунки, бычки, ягнята летним днем окрепнут.
Им лужайка маловата, буйство трав на пепле.
Хоть Всевышний дал отчасти, но не долгодолго счастья век,
А степное это счастье не постигнет человек.

ТОЛСТОСУМЫ. СИЛЬНЫЕ МИРА СЕГО

Толстосумы миром правят, молвят, что в делах верны,
И друг друга в мире славят, утверждают, что честны.
Понял я, быть может поздно, – нас куда они ведут,
Эти умыслы и козни, что не каждому видны.
Расскажу о них, послушай, может быть, и ты поймешь,
Беспринципные их души ты в любом краю найдешь.
Распознать в степи нетрудно толстосума-главаря.
Он всемогущ, чист наружно, но видна в поступках ложь.
Всех купил своим богатством, думает, что мир – его,
Словно управляет царством, не жалея никого.
Если ты перечить станешь, голову снесет тебе
Иль тебе силки расставит, не оставив ничего.
Иль тайком натравит свору кровожадную собак.
Может быть, спасет в час ссоры жизнь твою животный страх,
И безвольно на колени с возгласом: «Прости, таксыр*!»
Рухнешь, став рабом и тенью, свой же приближая крах.
Будешь близок с ним – возвысит и тебя он до небес,
Приобщит тебя к корысти, и в тебе родится бес,
Бес господства над народом... Но останешься рабом –
Внешне вроде благороден, но во лжи погрязший весь.
Ты мечты его лелеешь – если преданно глядишь.
Перед ним от страха млеешь, ночи напролет не спишь.
В безграничной его воле – миловать или казнить,
Рабскую под гнетом долю ты в краю родном влачишь.
Ты приказы исполняешь, предаешь своих друзей,
Волею его караешь, сеешь страх среди людей.
Исполнительным орудием стал в руках владыки ты,
За него готов встать грудью, ты – звено его цепи.
Победив ценой любовью ненавистного врага,
Он пожертвует тобою в нужный час исподтишка.
Обронив слезу пустую над судьбою злой твоей,
Он забудет подчистую о тебе наверняка.
Себялюбец, знать не хочет, чем обязан миру он,
Он себя в пророки прочит, в кознях дьявольских силен,
И возносится все выше, о Всевышнем позабыв,
И Всевышнего не слышит, жаждой власти оглушен.

Кто виновен в этой жизни, только ли ему судить?
По одним справляет тризну и других готов забыть.
Собеседник с чистым сердцем, рассуди своим умом,
Может ли единоверцем зваться он в краю родном?
И за ним, быть может, правда, и за ним, быть может, путь?
Может быть, он чью-то волю исполнял, и в этом суть?
Может быть, свою же долю проклинал, когда вершил?
Может, мысли о народе и его терзали грудь?
Может быть, несправедлива память о его делах?
Может, кто-то молчаливо переборет этот страх?
Собеседник мой, подумай обо всем, что говорю,
Показал я толстосума, да простит меня Аллах.
Толстосум уверен в жизни, утверждает: «Я – есть Бог!»
Не потерпит укоризны он от тех, к кому жесток.
И хотя Всевышний терпит толстосума-главаря,
Знаю, после его смерти будет счет предъявлен в срок.
О, Аллах, прости нас, смертных, за крамольные стихи,
Может быть, и мысли эти пострашнее, чем грехи,
Милости твоей нам хватит на земную нашу жизнь,
Разве толстосум оплатит те грехи, что велики?
Вы не слушайте, джигиты, речи толстосума, он
Со своею сворой-свитой в небесах приговорен.
Только лишь Всевышний знает душу каждого из нас,
Ибо Он лишь утверждает жизни праведный закон.

* Таксыр – господин (араб.)

Мыржакып Дулатов
(1885–1935)

Казахский поэт, писатель, один из лидеров партии «Алаш-Орда» и национально-освободительного движения Казахстана. Автор первого казахского романа «Бакытсыз Жамал» – «Несчастливая Жамал» – и известного стихотворения «Проснись, казах!». Был репрессирован. Находился в заключении в Бутырской тюрьме, а затем отбывал срок на Соловках, где был знаком с Д. С. Лихачевым и священником Павлом Флоренским. Скончался в Центральном лазарете Сосновецкого лагеря 5 октября 1935 года.

НОСТАЛЬГИЯ

Душа моя, скажи, куда зовешь, скажи?
В скитаньях пользы нет, их лживы миражи.
И молвлю я тебе – пора остановиться,
Но вечен день и ночь, потайный зов души.

Игривая, полна огнем ты беспокойства,
Покоя не найдешь, покой иного свойства.
И недруги не прочь злорадствовать во всем,
Где ветреность души, судьбы моей устройство.

Душа моя, прошу, не будь смешной, не надо.
Боль сердца моего не для людского взгляда.
И молвила она с печалью и тоской:
«Простор Сары-Арки, лишь в нем моя отрада.

Привольные долины желаю я объять.
Едиль, Жаик, с Нурую Есиля благодать.
Я поднимаюсь выше, я странствую в горах,
Урала и Алтая, Тянь-Шаня дух познать.

Хотела бы увидеть, как вольный сын-казах,
Приветствуя свободу, встает на стременах.
Но я не знаю, волен иль подневолен он,
Поведай мне об этом – на радость или страх.

Иль властвуют другие, чужие нам, в степи?
Мне истину поведай, ты не молчи, не спи.
По-прежнему ли вместе – хан, бий, батыр, джигит?
Из них, я верю, каждый – звено одной цепи.

Где времена, когда вы все тяжбы барымты*
Из века в век решали, не уходя в кусты?
Суд праведный, суд божий, где правда верх берет,
Все это в прошлом, в прошлом, а не наоборот...»

Душа моя рыдала, душа шептала мне:
«Ты в городе с чужими, на чьей ты стороне?!»
Смирился я, ответил: «О вольная душа,
Взлетай, пари мечтою над степью в вышине!»

* Норма обычного, «естественного», права у тюркских народов – как то: возвращение силой угнанного скота, отобранного имущества и пр. Допускалось, когда возможность мирного решения проблемы исчерпана.

Перевод – Б. Кананьянов

Ахмет Байтурсынов
(1873–1938)

Блестящий литературовед, тюрколог, переводчик. Один из лидеров партии «Алаш Орда». Реформировал казахский алфавит на основе арабской графики. Первый редактор газеты «Казах» (Оренбург, 1913 год). В 1929 году подвергся репрессиям и был выслан в Архангельскую область. По ходатайству жены Максима Горького, Е. Пешиковой, работавшей в комиссии Красного Креста, А. Байтурсынов был освобожден. В октябре 1937 года вновь арестован. 8 декабря по приговору «тройки» расстрелян.

* * *

Мне ли бояться смерти в грядущем?..
Ей нечего взять, кроме брэнного тела.
И я не исчезну, бессмертнóу душу
К потомкам влечет мое кровное дело.

Я верю в святое свое назначенье,
Я будущим жил, и был этим храним.
Пусть ныне не понят своим поколеньем,
В грядущее верю всем сердцем своим.

Перевод – Б. Канапьянов

Магжан Жумабаев
(1893–1938)

Писатель, публицист, педагог, один из основателей новой казахской литературы. Окончил Омскую учительскую семинарию в 1916 году. Впоследствии стал крупнейшим тюркологом, историком, лингвистом, педагогом в духе русской классической школы, автором учебников по казахскому языку и литературе. В 1917 году в Оренбурге принимает участие в создании партии «Алаш» и правительства «Алаш-Орда» на обоих Общеказахских съездах. В 1922 году приглашен преподавать в Казахско-кыргызском институте просвещения в Ташкенте. Активно сотрудничает в газетах и журналах («Акжол», «Сана», «Шолпан» и др.), активно пишет и публикуется. Выпускает второй сборник стихов и поэм в Ташкенте и издает в Оренбурге фундаментальный научный труд «Педагогика». В 1923 году по приглашению наркома просвещения РСФСР А. Луначарского преподает восточные языки в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Одновременно в 1923–26 гг. учится в Московском литературно-художественном институте; переводит на казахский Лермонтова, Кольцова, Бальмонта, Мережковского, Вс. Иванова, Мамина-Сибиряка, Горького, Блока, а также стихи и поэмы Гёте, Гейне и др.

В 1927 году возвращается в Казахстан, работает учителем. Был инициатором создания литературного объединения казахских писателей «Алка» («Коллегия»), позднее на основе его идей был создан Союз писателей Казахстана. Магжан Жумабаев был арестован как «алашординец, пантюрист и японский шпион» и осужден на 10 лет. Срок отбывал в Карелии и в Архангельской области (СЛОН). В 1936 году, благодаря заступничеству М. Горького и Е. Пешковой, он был досрочно освобожден из Свирского лагеря политзаключенных. 30 декабря 1937 года был снова арестован в Алма-Ате и расстрелян 19 марта 1938 года. 8 июля 1960 года Магжан Жумабаев посмертно реабилитирован.

НАСТРОЕНЬЕ

Не в ладах я с настроеньем,
Вспыхнув, гаснет в тот же час
И с моим разумным мненьем
Не согласно всякий раз.
Как младенец прихотливый,
Все повелевает мной.
Настроенья бес строптивый
Не проходит стороной.

И – моей любви объятья
Манят на исходе дня.
Шелест скинутого платья,
И – в слезах купаюсь я.
Сердце, чувствами пылая,
Волею самих небес
Увлечет, увы, не зная,
Что опять вселился бес.
Без стыда он крутит вертел...
Остается у меня
После ночи только пепел,
Только пепел без огня.

СОН

Днем солнца не вижу, а ночью – луны.
По эту я сторону мертвой стены.
А кто на свободе, тот счастлив, быть может,
Не знаю – какие приходят к ним сны.
Сказать о тюрьме? – Даже мысли мои
Прикованы к краю железной скамьи,
И силы могучие в них убывают...
Да, скрасит лишь сон эти черные дни.

ЛУЧ

Долгою была разлука,
Вот и встретились они
И поведали друг другу,
Как в былые жили дни.
Пережитые печали
Привели под этот кров.
И глаза их засияли,
И все меньше, меньше слов.
Губы в жажде раскрывались,
И тела сплетались их
И в единый мир сливались,
Что был создан для двоих.
Ветерок ли бился ранний
Взмахом легкого крыла? –
Но от близости дыханий
Их растаяли тела.
Как безжалостная память
Выдаст тайну дней былых,

Так невидимое пламя
Лица пожирало их.
И сгореть, и кануть в бездну –
Только бы всегда вдвоем...
Но сверкнуло, словно перстнем,
Солнце яростным лучом.
Сон исчез, что враг в тумане,
Затерялся среди круч.
И она еще в обмане,
В опьянительном дурмане,
Сожалеет, что все канет,
Что всему виною луч.
А в тюрьме в одной из камер
Рады этому лучу.
По стене скользнул и замер.
И за ним следят глазами,
Словно он сродни ключу.

Перевод – Б. Кананьянов

К 100-ЛЕТИЮ С. С. МАКСИМОВА

Сергей Максимов

Рассказы 1950–1960-х годов

«Новый Журнал» продолжает публикацию последних рассказов известного писателя Русского Зарубежья Сергея Сергеевича Максимова (1916–1917).*

Рассказы «Аферист» (НРС, 31 января 1960), «Агрономия» (НРС, 11 декабря 1960) и «Жена пилота» (НРС, 26 февраля 1961) были написаны, когда С. Максимов жил в Нью-Йорке. Действие рассказа «Аферист» происходит в Севжердорлаге, где Сергей Сергеевич до войны отбывал срок по 58-й статье: студента Литинститута арестовали по доносу товарища по ложному обвинению в покушении на Сталина. Он один из первых – след за Иваном Солоневичем и до Варлама Шаламова – стал писать и публиковать рассказы о ГУЛаге.

Несмотря на то, что юноше Сергею Пасхину (настоящая фамилия Максимова) пришлось сполна испить всю горькую чашу сталинских лагерей, в его рассказах нередко звучит смех, слышится ирония автора. Выстраивая свои «лагерные» рассказы на основе реальных событий и, зачастую, описывая судьбы реальных своих гулагских товарищей, как писатель Максимов сохраняет способность к остратению, отдавая дань природе художественного текста.

В рассказе «Аферист» Максимов предлагает нам заведомо литературную ситуацию: как бы сложилась судьба Остапа Бендера, любимого героя советского читателя, при сталинской диктатуре; как выживал бы он, оказавшись в ГУЛаге? Так возникает образ главного героя этого повествования – мошенника и авантюриста Африкана Адольфовича, очередного «дитя» лейтенанта Шмидта, «сына» Максима Горького и Розы Люксембург, «брата» тов. Тельмана, «шурина» Бухарина и лагерного «возлюбленного» сестры Тухачевского. И ведь действительно, где, как не в ГУЛаге, должен был бы оказаться «товарищ Бендер», доживи он на родине до 1930-х? И ведь действительно три сестры советского командарма в реальной жизни были посажены, одна из них провела в лагерях

* Начало см. НЖ, №№ 279–280, 2015. № 282, 2016. О С. Максимове см.: НЖ, №№ 254–257, 2009.

около 20 лет, да и место отсидки реальной Елизаветы Николаевны указано писателем точно...

Жизнь, перенасыщенная трагедией, оказалась богаче художественного вымысла об этом страшном времени и щедро одарила своими сюжетами писателя, выжившего в молохе репрессий и войны.

И еще. Жизнь его не выстроилась, не нашел он гармонии и лада в ней, но сохранил и передал нам особенную, светлую, какую-то ностальгическую тональность – «задушевность», как сказали бы в его родном Чернопенье, что на Волге, – его женских образов и описаний природы. Свой потерянный рай Сергей Максимов восстанавливал в прозе, не в жизни.

От редакции

АФЕРИСТ

1

Начало сентября. Темный, холодный вечер. На небе – ни звездочки, ни луны, ни просвета. Шумит, поет свою неугомонную, надоедливую песню тайга. Где-то за рекой тоскливо лает песец.

В бараке у нас сумрачно, скучно, неудобно. На грубом, наспех сколоченном из неоструганных досок столе тускло горит десятилитровая керосиновая лампа. В углах, меж коек, под столом прячутся дегтярно-черные тени. Еще рано, и никто из нас не спит: кто – читает, кто – играет в шахматы, кто – просто болтает.

Мы – заключенные. Однако находимся мы на привилегированном положении, ибо все мы – «придурки», то есть люди, не занимающиеся в лагере физическим трудом. Среди нас – инженеры, техники, пластовики, бухгалтеры, счетоводы, нормировщики... Все мы – политические заключенные, и только телефонист Васька-Чугунок – жулик.

Васька-Чугунок сидит за столом с бритвой и вырезает из украденного сурового полотна длинные, ровные прямоугольники – делает портянки. Режет полотно и вполголоса напевает:

Вознесенный спуск крутой,
Там жулье снует толпой...
Их «малина» – дом тридцать четыре.
«Фраеров» в том доме нет –
Там жулик жулику сосед,
Все живут – по тридцать душ в квартире...

Васька-Чугунок делает паузу, что-то обдумывает сосредоточенно и снова принимается за песню:

Там нет дня и нет там суток, –
Лишь ботинки проституток
Отбивают скушные часы...

И вдруг, оборвав песню, сообщает:

– А мне, братцы, сидеть осталось пять лет и три месяца...

– А за что тебе срок дали? – лениво осведомился нормировщик Борода.

– Тещу зарезал... – спокойно отвечает Чугунок.

– Э-эх, скучно... – потягиваясь, сказал плановик Егорыч – сухой, желтый человек с бородкой клинышком. – Хоть бы Африкан Адольфович пришел, что ли...

– Придет... – уверенно сказал Чугунок.

И в самом деле, минут через пять пришел наш общий любимец Африкан Адольфович Цеткин.

– Африкан Адольфович! – обрадовались мы. – Вот хорошо, что Вы зашли, а то – скука смертная...

Есть люди, кто с первой встречи, с первого взгляда сразу располагают к себе. К таким людям принадлежал и Африкан Адольфович Цеткин. Увидев его, поговорив с ним, – нельзя было не полюбить его.

Когда он вошел, все засуетились, наперебой предлагая ему угощение, кто что мог. Я бросил книгу, вскочил с койки и предложил Африкану Адольфовичу что-то совершенно невероятное – кружку какао (накануне я получил от матери из Москвы посылку). Африкан Адольфович великодушно согласился выпить какао, и я быстро поставил на железную печку котелок с водой.

Над моей койкой висели на расправилке новехонькие синие брюки – тоже присланные из Москвы матерью, Бог знает зачем. Увидев брюки, Африкан Адольфович вежливо спросил:

– Можно посмотреть?

– Пожалуйста! – охотно согласился я и, сорвав со стены брюки, передал их Африкану Адольфовичу.

– Отличнейший материал... – сказал Африкан Адольфович, щупая брюки. – Диагональ... В тайге это своего рода уникам... В таких брюках неплохо пройти по Тверской. Посылка?

– Да, посылка.

Африкан Адольфович приложил брюки к правому боку и деловито взглянул вниз.

– Скажите на милость: и мне впору! – удивился он. – Впрочем, мы с Вами приблизительно одной комплекции.

И, подумав, добавил:

– Смотрите – не украли бы. Кладите их под матрац, молодой человек... Партию в шахматы?

– С удовольствием, Африкан Адольфович.

И мы сели за шахматы.

2

Африкан Адольфович Цеткин был крупный аферист.

Никто из нас не знал его настоящей фамилии, как не знали, впрочем, и следственные органы. У него был добрый десяток фамилий и при проверке, когда вызывали его, то называли все, и перечисление их занимало пять-шесть минут.

Африкану Адольфовичу было лет под сорок. Он был среднего возраста, широкоплеч – но в меру, строен, с приятными, мягкими, какими-то плавными манерами. Ходил тоже плавно, ровно и как-то особенно красиво и достойно держа голову. Улыбаясь, показывал два ряда белых, крепких зубов, никогда, видимо, не знавших цынки. Руки у него тоже были белые, чистые, с длинными тонкими пальцами, как у пианиста. На безымянном пальце левой висело массивное золотое кольцо. Глаза были карие, большие, по-детски открытые и доверчивые. Он носил изящное пенсне и, часто снимая его, любил протирать стекла.

Один Бог знает, зачем Африкан Адольфович носил это пенсне, ибо стекла пенсне были самыми обыкновенными стеклами. Дело в том, что и это пенсне, и белье, породистые руки его да и весь изящный облик Африкана Адольфовича были, по существу, бутафорией, обманом, – как, впрочем, и вся запутанная жизнь его.

Был он необыкновенно силен и отлично боксировал, что, правда, случалось очень редко, так как по натуре Африкан Адольфович был чрезвычайно мягким и добрым человеком. В случае же надобности Африкан Адольфович снимал бутафорское пенсне, плавным и неторопливым движением клал его в жилетный карманчик и пускал в ход железные кулаки; и – горе тому, кто натыкался на них... Случалось это только тогда, когда Африкан Адольфович лицом к лицу сталкивался с откровенной и наглой несправедливостью или воровством.

– Писателя Короленко называли «совестью России», – говорил плановик Егорыч. – Африкана же Адольфовича мы смело можем окрестить «совестью Ухтпечлага»... Правда, метод воздействия на общество писателя Короленко резко отличается от метода нашего милейшего Африкана Адольфовича. Писатель Короленко прибегал к помощи пера, Африкан же Адольфович – к помощи своих кулаков. Что эффективнее – не знаю...

Однако справедливый и добрый по натуре Африкан Адольфович не совсем справедливо, как нам казалось, относился к своей сожи-

тельнице Тоньке-Чижику, или, как ее почтительно называл сам Африкан Адольфович, – к Антонине Евгеньевне. Тонька-Чижики была московская проститутка, резиденцией которой был фешенебельный ресторан «Националь». Это была маленькая, стройная, красивая девочка, души не чаявшая в Африкане Адольфовиче. Но Африкан Адольфович ее частенько поколачивал, однако очень легко, – так, для острастки: надает ей легких пощечин – и все. Причина же столь странного обращения с Антониной Евгеньевной нам была неизвестна.

– Африкан Адольфович прав: по-другому с бабами нельзя... – говорил по этому поводу Васька-Чугунок.

Срок Африкана Адольфовича был 10 лет, из которых он отсидел только год и три месяца. Сгоряча дали ему было расстрел, но потом заменили на десять лет.

– Это пустяки – десять лет... – скромно и с налетом некоторого пренебреженья говорил Африкан Адольфович. – Если бы все мои сроки, к которым в разное время я был приговорен, сложить, то понадобилось бы лет сто пятьдесят, чтобы их отсидеть. К счастью, существует «зеленый прокурор»*, которому всегда можно пожаловаться...

И в самом деле, Африкан Адольфович очень часто жаловался гуманному «зеленому прокурору». Как правило, он года-двух не сидел ни в одной тюрьме, ни в одном лагере.

Последнее «дело» Африкана Адольфовича Цеткина было, в сущности, очень несложное. На какое-то время он стал племянником Клары Цеткин, что подтверждалось, конечно, соответствующими документами. Пользуясь славным именем своей знаменитой тетушки, Африкан Адольфович без особых затруднений поступил на службу в «Партиздат» в качестве главного бухгалтера. Спустя полгода племянник знаменитой революционерки хапнул полмиллиона рублей и благополучно исчез...

Агенты угрозыска обнаружили Африкана Адольфовича лишь через 24 месяца в Самарканде, где племянник Клары Цеткин занимал должность художественного руководителя в Театре имени тов. Баумана под фамилией Войцеховский-Щепкин. К этому времени от полумиллиона рублей остались рожки да ножки.

Рассказывая об этой своей последней операции, Африкан Адольфович совсем не сокрушался итогом ее – арестом, с последующим приговором к высшей мере наказания.

– Неудачи неизбежны... – пожимал он плечами. – Это – закономерно. Если графически изобразить жизнь человека, то получится ломаная линия с острыми углами – взлеты и падения...

* «Зеленый прокурор» – побег из мест заключения в летнее время. (жарг.)

В лагере Африкан Адольфович ничего, в сущности, не делал, да и трудно, невероятно было представить себе Африкана Адольфовича за какой-либо работой. По рапортчикам заключенный Цеткин числился не то художником при культурно-воспитательной части, не то техническим советником главного прораба. Как бы то ни было, но жил Африкан Адольфович, по-лагерному, очень комфортабельно: он получал лучший паек и занимал отдельную кабинку при клубе. Несмотря на десятилетний срок, у него было право на бесконвойное хождение.

За сожительство с женщиной полагалось жестокое наказание: два-три месяца заключения в изоляторе. О том, что Африкан Адольфович живет с Тонькой-Чижигом, знали все, – вплоть до вольнонаемного начальника лагпункта. Но для Африкана Адольфовича, видимо, делалось исключение: на его сожительство с Тонькой-Чижигом начальство смотрело сквозь пальцы, и даже потакало этой связи. И когда Африкан Адольфович «подносил» Тоньке, начальство бранило не его, а Тоньку.

Побитая Тонька-Чижик бежала сперва к начальнику лагпункта Сулимову.

– Опять побил, Алим Иваныч... – сообщала она начальнику.

Начальник лагпункта страдал тяжелейшими запоями, и когда Тонька приходила жаловаться на своего возлюбленного, Сулимов был или пьян, или страдал с похмелья.

– Побил? – равнодушно переспрашивал он.

– Побил.

– Значит – за дело!.. Африкан Адольфович мухи не обидит без причины. Сама виновата. Ты, это самое... того... не подвернула ненароком какому-нибудь вохровцу?

– Ей-Богу – никому не подворачивала! – божилась Тонька-Чижик.

– Ну, ступай... Ежели побил тебя Цеткин – значит, так надо.

От начальника Тонька бежала к нам.

– Забьет он меня когда-нибудь до смерти... – сокрушенно сообщала она, всхлипывая.

– Да будет Вам! – утешали мы ее, – и откуда у Вас такие мысли, Антонина Евгеньевна?

– Да потому что у него вся порода – мокрушники... Дед его только и делал, что на дуэлях дрался и людей заваливал... Достукался до того, что самого завалили...

Мы знали, на что намекает Тонька-Чижик. Было время, когда Африкан Адольфович выдавал себя за праправнука Лермонтова. И кормился этим года три-четыре. И когда Африкан Адольфович рассказывал нам про этот период своей жизни, чувствовалось, что он отчасти как бы гордился тем, что был потомком великого поэта.

Мы, как могли, успокаивали бедную девочку, намекая на то, что Африкан Адольфович находится в далеком и сомнительном родстве со своим хулиганистым предком и что при таком отдаленном родстве вряд ли скажется наследственность.

Всех нас чрезвычайно занимал один вопрос: когда и как Африкан Адольфович пожалуется, наконец, своему «зеленому прокурору». А то, что Африкан Адольфович убежит из лагеря, – в этом мы ни секунды не сомневались. Когда же разговор заходил о побегах вообще, Африкан Адольфович небрежно замечал:

– Только стоеросовые дураки бегут из лагеря нахрапом, тайгой, с мешочком за спиной. И гибель таких дураков неизбежна, ибо тысячеверстная тайга, с ее непроходимыми болотами, комарами и отсутствием деревень – самый крепкий охранник... Бежать надо не иначе как в машине начальника лагеря, то есть – с комфортом.

При всем нашем уважении к незаурядному уму Африкана Адольфовича и его поистине гениальным способностям к разного рода сложным комбинациям мы, однако, сильно сомневались, что можно убежать из лагеря в машине начальника лагеря – майора государственной безопасности товарища Шемены.

Мы горячо спорили по этому поводу, спорили до поздней ночи, заключали пари...

Африкан же Адольфович молчал и очень редко вспоминал о замечательном, гуманнейшем «зеленом прокуроре»...

3

Африкан Адольфович, прихлебывая горячее какао, шутя выиграл у меня подряд две партии в шахматы. Он прекрасно знал теорию шахматной игры, на воле он числился кандидатом в мастера и мог играть «вслепую» сразу на пятнадцати-двадцати досках.

...За бараком, за проволокой, все шумела, все пела свою надоедливую песню тайга. Дул северный ветер и гнул могучие ели и лиственницы. И вой этого ветра, и скрип деревьев нагоняли на душу смертельную тоску.

Заключенные знают защиту от этой тоски. Защита эта единственная – смех. Нигде никогда люди так много не шутят и не смеются, как в концлагере. Это звучит парадоксально, но это так. Смех – это лекарство, психологическая защита заключенных. Защита от того, чтобы не сойти с ума...

Инженер-путеец Игнатов, мрачно и сосредоточенно наблюдавший за нашей игрой в шахматы, вдруг повеселел и беспечно спросил:

– Африкан Адольфович, а не приходилось Вам выдавать себя за великого пролетарского писателя Максима Горького?

– Нет, не приходилось... – серьезно и спокойно ответил Африкан Адольфович. – Глупо и рискованно. Да и бесполезно. И грим чрезвычайно сложный: усы, сутулость, волжский акцент... А главное – рост! Ведь Алексей Максимович выше меня на целую голову!..

Африкан Адольфович снял изящное пенсне, поиграл им и задумчиво добавил:

– А вот сыном Горького – Максимом Алексеевичем – я однажды был. Мы с ним одного роста, очки и так далее... И, помнится, на сыне великого пролетарского писателя я кое-что заработал: тысяч шестьдесят-семьдесят. Поступления, помнится, варьировались и зависели от степени глупости должностных лиц и, отчасти, моего настроения...

– А как насчет Менделеева? – осведомился плановик Егорыч. – Не были-с?

– Нет, потомком Менделеева я тоже никогда не был. Запомните, многоуважаемый Иван Егорович, с моей сложной и многогранной профессией надо быть очень осторожным и играть только наверняка, ва-банк... Самое выгодное – это выдавать себя за родственника крупного политического деятеля или за родственника видного писателя, летчика, художника, артиста и т. д.

– Значит ученые не котируются на рынке крупных афер? – осведомился инженер Игнатов.

– Абсолютно не котируются... – охотно ответил Африкан Адольфович. – И понятно – почему. Наши должностные лица их просто не знают, ибо люди они, в подавляющем большинстве, – примитивные. И, зная это, я никогда не работал под родственника академика Павлова или, скажем, под родственника Циолковского...

– Ну, а под Туполева Вы могли работать? – не унимался плановик Егорыч. – Туполева знает вся страна!..

Африкан Адольфович пожал плечами.

– Милейший Иван Егорович, Вы никогда не поймете всей тонкости моей профессии. Повторяю: выдавать себя за родственника крупного ученого или известного инженера – невыгодно. Что же выгодно? Вот был я однажды братом знаменитого партизана Ковтюха. Это было и удачно, и выгодно. Жаль, что моего известного братца шлепнули в тридцать седьмом. Очень удачно прошла моя операция, когда я был шурином Бухарина, и совсем великолепно обернулось дельце в бытность мою деверем летчика Валерия Чкалова, впервые, как известно, пересекшего Северный полюс... А вот на родстве с академиком Капицей я кое-что потерял: получил десять лет, но, конечно, через год бежал. Но все-таки жалко потерянный год...

Африкан Адольфович свободно говорил на трех иностранных

языках, и это навело меня на мысль, что Африкан Адольфович уж конечно использовал эти свои знания в какой-либо комбинации.

– Африкан Адольфович, – невинно спросил я, – а иностранцем Вы не были?

– Был. Но – не очень удачно. В тридцать втором году я был сводным братом небезызвестного товарища Тельмана. Кое-что заработал. Служил в Коминтерне. Но почему-то меня скоро разоблачили... Был некоторое время сыном Розы Люксембург. Был французом – другом Айседоры Дункан. Товарищ Луначарский был тогда наркомпросом и время от времени подкидывал мне кое-какие деньжонки...

– А где Вы, Африкан Адольфович, «липу» раздобыли? – осведомился Васька-Чугунок.

– «Липу» я изготавливаю сам, дорогой Вася. Изготовить «липу» – для меня развлечение и удовольствие. Я делаю паспорта, воинские билеты, трудовые книжки, характеристики и т. д.

– Сделайте мне справочку, что я – вольнонаемный работник... – попросил Васька-Чугунок.

– А зачем? – спросил Цеткин. – Ведь все равно толком убежать не сумеешь...

Все мы, как всегда, с удовольствием слушали мудрые изречения Африкана Адольфовича. И слушая его, понимали и знали, что во всем том, о чем говорит Африкан Адольфович, нет ни крупицы лжи.

– Африкан Адольфович! – кричал Васька-Чугунок. – А когда же Вы до «зеленого прокурора» подадитесь?

– Скоро, милый друг...

Прощаясь, Африкан Адольфович отвел меня в сторону и с чувством большой неловкости сказал:

– Послушайте... мне очень неудобно говорить об этом, но я надеюсь, что Вы – порядочный человек. То, что я Вам сейчас скажу, не должна знать Антонина Евгеньевна. Дело в том, что на лагпункте Ропча у меня есть одна... одна возлюбленная. Милый, культурный человек. Зовут ее Елизавета Петровна Тухачевская. Родная сестра, между прочим, Тухачевского. Срок у нее – двадцать пять лет. Женщина она молодая, тонкая, со вкусом... Завтра у них на лагпункте танцы, и мы условились с Елизаветой Петровной встретиться. Но мне бы хотелось одеться получше. Не одолжите ли Вы мне на один вечер Ваши замечательные новые брюки?

– Ах, сделайте одолжение! – радостно вскричал я и торопливо передал Африкану Адольфовичу мои новые брюки, с полным сознанием того, что я делаю доброе дело.

Как-то так получилось, что из тайны Африкана Адольфовича ничего не вышло: через несколько минут весь наш технический барак

знал, что Африкан Адольфович идет завтра потанцевать на лагпункт Ропча. Откровенно завидуя ему, мы, однако, наперебой предлагали ему все, что у нас было из вещей.

Тучный и солидный инженер Игнатов, порывшись в своих вещах, вдруг спросил:

– Африкан Адольфович, не нужен ли Вам галстук? Я вот сейчас обнаружил, что каким-то чудом у меня сохранился отличнейший галстук... Из Москвы, между прочим... Быть может, он Вам пригодится?..

– Пожалуйста, сделай любезность...

Особенно суетился жулик Васька-Чугунок. Он перерыл все свои вещи и предложил Африкану Адольфовичу добротное демисезонное пальто. Африкан Адольфович взял пальто и, стыдливо опустив глаза, сказал:

– Я вас очень прошу, дорогие друзья, – ничего не говорить Антонине Евгеньевне... Вы понимаете?

– Да что Вы, Африкан Адольфович! – вскричали мы хором. – Как можно!..

...Прошел день, другой, третий... Африкан Адольфович исчез... На лагпункте забили тревогу. Было ясно: Африкан Адольфович сбежал.

– Па-адался Африкан Адольфович до «зеленого прокурора»!.. – ликовал Васька-Чугунок. – Я знал, что если он рванет – так рванет...

Нам же без Африкана Адольфовича стало невыносимо скучно...

4

...В конце ноября, через три месяца после того, как Африкан Адольфович сбежал, меня вдруг вызвали к особоуполномоченному старшему лейтенанту государственной безопасности Муромцеву. Особоуполномоченный временно занимал домик главного прораба и, когда я вошел, старший лейтенант задумчиво расхаживал из угла в угол. Муромцев был очень молодой человек, моего приблизительно возраста.

– Садитесь... – вежливо предложил он.

Я сел.

– Чем могу служить?

– Сейчас узнаете... Вы гражданина Цеткина, Африкана Адольфовича, знали?

– Очень хорошо.

– Так вот: тут есть письмоцо от Африкана Адольфовича, в котором он вспоминает и о Вас... Читайте! – и старший лейтенант Муромцев протянул мне распечатанный конверт.

Письмо было адресовано Тоньке-Чижику.

«Дорогая Тонечка! – прочел я. – Мне очень жаль, что я так невежливо покинул тебя. Что поделаешь – так сложились обстоятельства, и прошу тебя великодушно извинить меня. Ты знаешь, милая девочка, что я не люблю подолгу сидеть в лагере, – мне это просто скучно. Именно от этой скуки я и ‘нарезал винта’ из лагеря.

Обо мне не волнуйся и не беспокойся – я живу очень хорошо. Думай теперь о себе. Я живу временно в Ялте (на днях уеду). Сейчас лежу на золотистом песочке пляжа, рядом – бутылка добротного кахетинского и корзиночка с фруктами. Я тебе выслал посылку с кое-какими вещичками и с продовольствием. Все – лучшего качества.

Да! Пожалуйста, не забудь! Передай моим друзьям из технического барака самый нежный привет. И скажи, что все их вещи, которые мне пришлось временно занять у них, я им выслал назад. Не забудь поблагодарить их. Посылка выслана на имя...»

Тут шло мое имя. Я поднял голову и взглянул на особоуполномоченного. Наблюдая за мной, он улыбался.

– Ясно?

– Вполне... – уныло ответил я.

Старший лейтенант молча прошелся по комнате.

– Это, кажется, первый удачный побег из нашего лагеря... – сообщил он.

Старший лейтенант Муромцев производил впечатление доброго и умного человека. Я осмелел и спросил:

– Гражданин старший лейтенант, скажите, пожалуйста, каким образом бежал заключенный Цеткин?

– Очень просто... – охотно ответил особоуполномоченный. – Просто и – невероятно. Одетый с иголки – с вашей помощью, между прочим, – он вышел на тракт Чибью – Усть-Вымь, остановил легковую машину, в которой ехал главный инженер строительства и, выдавая себя за вольнонаемного работника, попросил его подвезти до Княж-Погоста. Там он сел на пароход – и был таков... Вы что ему дали из одежды? Брюки?

Запираться было глупо, и я покорно ответил:

– Да, брюки...

– Ну, вот... значит, Вы содействовали побегу крупнейшего афериста, и мне придется привлечь Вас к ответственности... Получите небольшой довесок к Вашему основному сроку.

– Сколько? – уныло спросил я.

– Год или два... Это уж не мое дело, а дело суда.

...Штрафной изолятор помещался у нас в землянке, и когда конвоир втолкнул меня в землянку, я сперва как бы ослеп – ничего не мог

разглядеть. Заметил лишь, что на земляном полу, у левой стены, лежат какие-то люди.

– Ну, а Вы на чем погорели? – раздался знакомый голос. Это был голос инженера Игнатова.

– На брюках...

– А я – на галстук.

– Я пальто ему дал... – сказал Васька-Чугунок. – Подвел нас всех под монастырь товарищ Цеткин...

Слово «Цеткин» Васька-Чугунок несколько видоизменил, калеча лишь одну букву, – получалась непристойность.

– Все мы, братцы, схватим по довеску за содействие в побеге Африкана Адольфовича... – шумел Васька-Чугунок. – Но – радоваться надо! Все-таки один из нас – на свободе!

Васька-Чугунок подошел к «параше» и через плечо громко и весело запел:

Цеткин родом был семит,
Но по-русски говорит
Лучше, чем какой-нибудь оратор...

Васька-Чугунок был, видимо, поэт...

АГРОНОМША

...Летчика, капитана Семена Кузьминского, сбили два «мессершмитта». Капитан выбросился из горящего самолета на парашюте и опустился на лесную поляну, утонув, как в перине, в пышных сугробах снега. Земля, на которую опустился летчик, хоть и была испокон веков русская, теперь, однако, была занята чужими, пришельцами, и до линии фронта было далеко.

Обрезая ножом постромки парашюта, капитан сокрушенно вздыхал:

– Э-эх, высоко взял!.. Успел бы и под ними пройти... Успел бы уйти и на бреющий...

От сознания, что он только что посмотрел в лицо смерти, голова его кружилась, мысли путались, и мелко, нервно дрожали руки.

Были ранние сумерки, на меркнувшем потемневшем небе одна за другой вспыхивали звезды. Молчаливо стоял лес – угрюмый, высокий лес, в густых зарослях подлеска из невысоких осин. На неподвижных, широких лапах елей лежали пудовые пласты свежесвыпавшего снега. На северо-востоке где-то далеко полыхало над лесом багровое зарево: это горел упавший самолет капитана.

Взглянув на зарево, летчик опять вздохнул и сбил рукавицей набившийся за шиворот снег.

– Ах ты, пропасть какая!..

И подумал о том, что, наверно, начали его поиски, а быть может, начали уже и лес прочищать. И еще с тоской подумал о том, что даже если он не попадет в плен, – которого он боялся пуще самого рискованного воздушного боя, – то все равно ему еще предстоит тяжкий, почти стокилометровый путь до фронта.

Он быстро, как мог, скомкал парашют, забросал его снегом, взглянул на звезды, сверился по компасу и тронулся в путь, утопая в снегу по колено. Идти было трудно и из-за глубокого снега, и из-за того, что мешал движениям тяжелый меховой комбинезон. И вскоре летчику стало так жарко, что он снял с головы пилотский шлем и дернул на груди «молнию» комбинезона.

Рябой, курносый, чуть рыжеватый, с лихими светлыми глазами, невысокий, крепкий, как из бетона, всегда веселый и отчаянно храбрый, капитан Кузьминский был отличным летчиком-истребителем и любимцем всей эскадрильи. Уже к концу первого года войны за ним числилось пять сбитых немецких машин. Правда, два раза сбивали и его. И оба раза он оставался живым. Теперь сбили в третий раз.

...Место оказалось таким глухим, что, пожалуй, поблизости и немцев-то тут не было. Капитан вышел на проселок.

– У-ух! У-ух! – печально и жутко заухал где-то в лесу филин.

Как беда не приходит одна, так и со счастьем: уж если повезет человеку, то уж повезет методично – раз за разом.

Сперва капитан Кузьминский благополучно выбросился из горящего самолета и остался жив. Потом поднялась поземка, за нею – метель, которая начисто замела следы капитана. Потом он вышел к лесному селу и, раскинув, зашел в избу победнее. И – опять ему повезло. В избе оказалась одна лишь старуха. У старухи было три сына на фронте, и, поохав и повздыхав над попавшим в беду фронтовиком, сердобольная старушка за меховой комбинезон, за меховые пимы и плитку шоколада снабдила летчика гражданской одеждой, оставшейся после сыновей: черной замусоленной гимнастеркой, старенькими валенками, ватным бушлатом третьего срока да холщовыми штанами. А когда капитан Кузьминский расстался с последним, самым ценным – с пачкой махорки, то и шлем его пошел в обмен на шапку-ушанку – тоже замусоленную и драную. Впрочем, у него еще осталась чуть начатая пачка дешевых папирос.

«Вот чертова баба! – мысленно ругался он, – готова начисто меня обобрать!»

Старуха же меж тем вертела в руках комбинезон и озабоченно дула на мех.

– Вот ребятам меховых вещиц накрою... У меня внучата тут живут... у дочери...

– Ты вот что, мамаша, – сказал капитан Кузьминский, озабоченно поглядывая на дверь, – обожди кроить недельку-другую. Оно так лучше будет... А то ненароком кто увидит на твоих внучатах эдакие полярные костюмчики – начнет выпрашивать, что да как... Обожди. Это тебе мой добрый совет.

Оставаться в селе было, однако, опасно, хоть немцев поблизости не было. Расспросив старушку, капитан выбрал пока что лесную деревеньку, самую отдаленную и самую глухую, верстах двадцати от села. Наскоро перекусив, чем Бог послал, – картошкой с луком, – и слегка передохнув, он еще затемно опять тронулся в путь.

Шел он все утро и весь день с короткими передышками. Шел вдоль еле заметного проселка, прямо по лесным сугробам. И когда добрался наконец, то от усталости еле передвигал свинцом налитые ноги и шатался, как пьяный.

И опять капитану Кузьминскому повезло...

2

...Она стояла, прислонившись к русской печи и закинув за спину белые, полные круглые руки. Из-под легкой серой косынки, повязанной со лба к затылку, выбивались колечки черных волос. Крепкая, сдобная вся какая-то, белая, с легким румянцем на гладкой коже щек, она напоминала большой, хорошо пропеченный ситник. Полузакрытые глаза ее смотрели в угол, где под скрипучим, ржавым рукомойником плескался и шумно фыркал капитан Кузьминский.

В кухне было жарко натоплено, но из горницы, из-под неплотно прикрытой двери, тянуло холодом. На столе горела керосиновая лампа, свет ее янтарем разливался по гладко оструганным бревнам сруба. Под столом, под табуретками – густые, липкие тени.

За окнами с глухо закрытыми ставнями было тихо, и тонувшая в синих сугробах деревня, молчаливая и грустная, напоминала кладбище.

– Прохожий, а вы кто такой будете-то? – тихо спросила она. Голос у нее был низкий, грудной, с каким-то мягким, приятным оттенком. И – удивительно вязался с ее сдобным, мощным телом.

Утираясь суровым полотенцем, он уклончиво ответил:

– Я?... Я – беженец.

– Так... – неопределенно и все так же тихо сказала она.

Повеселевший было капитан насторожился. «Эх, не выдала

бы!» – с тоской подумал он. И чтобы переменить разговор, спросил ее в свою очередь:

– А позвольте и вас спросить о том же: кто вы, так сказать, будете?

– Агрономша, – просто ответила женщина. – Катериной зовут... Муж мой в совхозе агрономом работал, да за месяц до войны заболел и в два дня помер...

Тут она впервые открыла полузакрытые глаза – большие, темно-карие, почти черные, удивительно неподвижные, с какой-то странной, влажной поволокой, какая бывает у телят. И вдруг спохватилась:

– Что ж это я? Небось, голодный? Садитесь, я мигом соберу...

И, шаркая по полу войлочными чувяками и покачивая серой юбкой, как-то легко и свободно спадавшей с крутых, широких бедер, она подошла к шестку и загремела заслонкой печи. Капитан Кузьминский сел на табуретку возле стола и печально подпер рукой рыжеватую голову. Все тело его ломило, словно его избили палками. Нестерпимо клонило ко сну.

Между тем, тыча в воздух круглыми, в ямочках, локтями, агрономша привычно орудовала ухватом. Выдвинув на шесток большой чугунок со щами и не поворачиваясь, она опять позвала:

– Прохожий...

– Что?

– А куда ж это вы пробираетесь?

– Я? А к тетке... – недовольно, с откровенной досадой, ответил он. «Кажется, упечет она меня. Надо поскорее отсюда подаваться.»

Она повернулась, сдернула с головы косынку, тряхнула колечками смоляных волос и чуть усмехнулась яркими, сочными губами крупного рта. На складках голубой блузки ее поигрывал свет от лампы.

– К какой тетке? – прищурилась она.

Капитан Кузьминский заерзал на табурете. «Провокаторша», – решил он и сверкнул лихими, светлыми глазами:

– К самой обыкновенной тетке. В Житомир. К моей троюродной тетке...

– Таких не бывает.

– А у меня бывает! – совсем озлился капитан. – Прилипчивая вы, извините, как патока.

И неприметно ощупал в кармане штанов теплую рукоять кольта. «Кажется, достукаешься ты у меня, чертова агрономша!»

Помолчали. Она налила большую миску постных горячих щей и поставила перед помрачневшим капитаном. Черные глаза ее неподвижно застыли на его лице, тускло поблескивая влажной, как у телка, поволокой.

– А что она там делает, тетка-то ваша?

Капитан ошалело взглянул на нее и уже откровенно поверх штанов хапнул тяжелый кольт.

– Ничего она там не делает! – почти крикнул он в лицо агрономше, и в светлых глазах его мелькнули красноватые огоньки. – Свиней пасет да каменным углем спекулирует! Да еще – детскими колясками, черт бы побрал эту войну!..

Она молча вытерла передником деревянную ложку и положила перед капитаном. Прижав к груди каравай хлеба, ловко, одним круговым взмахом ножа, отрезала горбушку и примирительно сказала:

– Вы не сердитесь... Просто помираю я здесь со скуки да от тоски. Вот и хочется поговорить с хорошим человеком...

«Сумасшедшая», – вынес окончательный приговор капитан Кузьминский; у него как-то разом отлегло от сердца, но злоба стихала медленно. «Нашла тему для разговора с хорошим человеком, дура!» – возмущался он. Однако с жадностью набросился на постные щи. А когда на столе появилась литровая бутылка с зеленым самогоном, заткнутая чистой тряпочкой, он совсем подобрел:

– Ай да хозяйюшка! Ай да молодец! Вот к тетке в Житомир приду – обязательно расскажу про вас.

Она же как-то жалко и грустно улыбнулась, глубоко и тяжело вздохнула и налила полный чайный стакан.

– Выпейте, пожалуйста.

И, снова вздохнув, налила и себе – тоже полный стакан. Капитан выпил, закашлялся. Самогон был такой крепкий, что летчик едва перевел дух. Закусил луком с солью. Глянул повеселевшими глазами на агрономшу и с жадностью принялся за щи.

– Отличный первач, – похвалил он. – Сами изволите гнать?

– Нет, старостиха гонит.

И выпила. Выпила стакан самогона так спокойно и неторопливо, как пьют воду. Не закусывая, вытерла передником яркие, сочные губы и огорченно сообщила:

– Не больно крепкая.

Капитан Кузьминский, все еще не очухавшийся от удара крепчайшего, словно керосин, первача, ошалело посмотрел на хозяйку и уныло подумал: «Н-да, такой под горячую руку не попадайся».

Мало-помалу оживились, и беседа потекла уже по душам. Выяснилось, что немцев поблизости нет. В деревне был только один полицейский-парнишка. Это еще пуще успокоило капитана. Исподволь расспросил он и о нужных ему путях-дорогах.

– Женаты? – вдруг в упор спросила агрономша.

– Нет, – вздохнул он и потупился. – Была у меня зазнобушка, да

еще в самом начале войны, когда уж я на фронте был, спуталась с другим...

Заметив, что разговор этот ему неприятен, она поспешно перешла на другую тему: стала рассказывать что-то о себе. Такой чуткости от странной агрономши он не ожидал и несказанно удивился. Вообще, слушая ее, он никак не мог понять: то ли она умна, то ли глупа, то ли дурочкой прикидывается. Первоначальное предположение – что агрономша просто помешанная, – теперь он начисто отвергал.

Съев полчугуна щей и полкаравая хлеба, капитан Кузьминский закурил и почувствовал полное блаженство. Рябое лицо его покраснелось, лоб вспотел, движения стали вялыми и как бы тоже блаженными. Он сидел, чуть склоняясь над столом, в белой исподней рубашке с засученными до локтей рукавами и чувствовал, как вместе с теплом и хмелем все сильнее и сильнее разливается по телу смертельная усталость.

– Все бы ничего, скушно больно... – говорила меж тем агрономша, по-прежнему смотря на капитана своими неподвижными, странными глазами.

– А что? – сонно бормотал он.

– Пустая деревня, – вздохнула она и слегка притушила ресницами влажный блеск глаз. – Одни старики да подростки...

Он невольно насторожился, поднял голову, и сонливость его как рукой сняло.

– Старики да подростки... – тихо повторила она.

И ему показалось, что обычная легкая влага в ее глазах стала как будто бы обильнее. Она опустила голову и задумалась. И глядя на нее, на ее полную, грузно вздымающуюся грудь, туго обтянутую голубой блузкой, капитан впервые с момента катастрофы забыл и про горящий самолет, и про тяжкий путь, который он проделал, и про не менее тяжкие испытания, которые ожидали его впереди, и даже про то, что на каждом шагу ждут его или плен, или смерть, – про все это он как-то сразу забыл. Качнувшись, он встал и шагнул было к женщине, но как раз и она тоже порывисто поднялась и как-то буднично предложила, чуть растерянно улыбаясь:

– А не лечь ли нам спать?

Сказала, и своей плавной скользящей походкой пошла в горницу. У дверей обернулась.

– Я вам постелю здесь, на кухне. В горнице страсть как холодно... Прямо-таки лютая стужа.

В самом деле – из открытой двери сразу же ворвался в кухню холод.

Когда она вернулась, таща под мышкой, как перышко, сенный

тюфяк, капитан уже успел отчасти очухаться. Он вышел в сени, из сеней – на крыльцо.

Ночь была темная, холодная, с ветром. За околицей шумел лес. Кругом – ни огонька, ни признака жизни. Все было спокойно. Однако капитан достал револьвер и внимательно осмотрел его.

...Агрономша постелила ему на полу. Но почему-то не у глухой стены, а под окнами, в полуметре от кушетки, на которой спала сама. И при случае – протяни капитан руку, то рука его коснулась бы изголовья кушетки.

«Ай да агрономша! – восхищенно подумал он. – Вот тебе и дурочка, вот тебе и помешанная! Да сам товарищ Маркс у нее ума подзанять может.»

– Хозяюшка, – сказал он. – Вы уж разбудите меня до свету.

– Что так рано? – осведомилась она.

– Так... надо.

Неподвижные глаза ее снова уставились на капитана, и в них сверкнули искорки еле приметного смеха. «Не бойся, – как бы говорили они, – не проспишь. Какой уж там сон!»

Она ушла в горницу, а капитан быстро разделся, лег и блаженно потянулся. Лениво закинул за голову руку, попробовал – и точно, рука достала изголовья кушетки. Однако назад откинуть руку было почему-то трудно, и он так и оставил ее закинутой за голову. Тут он вдруг увидел атакующих его «мессершмиттов», и дал по ним длинную очередь из пулемета. Один из вражеских самолетов сразу же удивительно покорно загорелся и упал. Тогда он дал очередь по другому самолету. И этот покорно загорелся и упал. «Здорово, – ликовал капитан Кузьминский. – Однако, черт возьми, как же это? Ведь они меня сбили, а не я их!.. А-а, что тут разбираться, кто кого сбил, – некогда!»

Капитан Кузьминский продолжал благополучно лететь...

3

Ночью ему казалось, что кто-то раза три-четыре проходил мимо него и все задевал его за ноги. Надо было бы подняться и ахнуть из пистолета, но все некогда было – надо было лететь...

Проснулся же он оттого, что кто-то довольно основательно тряс его за плечо.

– А? Что? – взметнулся он и разом сел, очумело оглядываясь.

Над ним склонилась агрономша, уже одетая. От бессонной ночи лицо ее побледнело и даже как будто бы слегка осунулось. Брови были нахмурены, а в неподвижных глазах – откровенная боль вперемежку со злобой.

– Вставай, вставай! – говорила она, и в голосе ее слышны были

слезы. – Вставай, а то, небось, заждалась тебя тетка-то в Житомире!.. Вставай, не то соседи могут зайти.

Словно шилом уколотый, вскочил капитан. На дворе уже не синел, а вовсю белел рассвет. На столе дымились в миске разогретые вчерашние щи. Капитан стал поспешно одеваться. А она прислонилась к печи и скрестила на груди руки.

– Из плена, что ль, бежал? – насмешливо спросила она. – Что-то вещичек при тебе не видно. К теткам с подарками ходют... Да и пушку свою не забудь – вон она!

Он глянул – и обомлел. Колыт, сунутый им вечером под сенную подушку, лежал на полу – должно быть, выскользнул ночью. Сверкнув глазами, он схватил револьвер и сунул его в карман.

– Где дорога в лес? – отчаянно спросил он.

– Поешь сперва, – уже примирительно сказала она. – Да вот мешочек этот не забудьте. Это я вам на дорогу кой-что из съестного припасла.

Через две-три минуты, кое-как похлебав щей, капитан вышел во двор и полез через плетень, чтобы огородами добраться до леса.

– Прохожий...

Она стояла в накинутой на плечи шубейке возле высокой березы, что росла у самой стены дома, и грустно, чуть исподлобья, смотрела прямо в глаза ему.

– Уж вы не сердчайте на меня, коли что не так сказала али не так сделала... – тихо сказала она.

Он ничего не ответил, опустил виновато глаза и безнадежно махнул рукой. И одним рывком перепрыгнул через плетень. А очутившись по ту сторону плетня, увидел, как вдоль стены овина, осторожно ступая, кралась тощая черная кошка.

– А-а, проклятая!

Капитан нагнулся, зачерпнул в пригоршни снега, злобно скатал его в крепкий снежок и со всей силы запустил в кошку.

Кошка подпрыгнула и шарахнулась в сторону.

ЖЕНА ПИЛОТА

В основу этого рассказа положена история летчика-испытателя Аркадия Чапаева и его жены. Аркадий Чапаев был сыном известного участника Гражданской войны Василия Чапаева.

Сергей Максимов

Он никогда не говорил жене того часа, когда он оторвется от земли. Так уж повелось у них с первого дня женитьбы. Правда, он не

говорил ей времени старта только тогда, когда предстояло испытание нового самолета.

Вначале она сердилась, умоляла, плакала, пускалась на просто-душную хитрость – старалась нежностью и лаской вырвать у него признание, – ничего не помогало.

– Да зачем тебе это знать? – спрашивал он.

– Так... – уклончиво отвечала она. – Ничего особенного. Просто в эту минуту я крепко подумаю о тебе.

– Может, Богу еще помолишься? – смеялся он.

– А это уж мое дело, – хмурясь, отвечала она, – может, и помолюсь.

– Послушай, Ольга, – уже серьезно говорил он. – Право, я и сам не знаю точного времени старта. Бывают всякого рода задержки. А если ты думаешь, что сможешь отыскать меня в небе своими милыми смородинками, то – напрасно так думаешь: над аэродромом мы никаких испытаний не делаем.

– А помнишь – Рябчиков? Почему он упал на аэродром?

– Рябчиков разбился при посадке.

– Лжешь! – горячо протестовала она. – Лжешь, лжешь и лжешь!

Он разбился, делая петлю. Мне Никитин рассказывал...

Так было в начале. Потом она изменила тактику. И стало еще хуже. Они жили вблизи аэродрома, в маленьком домике с небольшим садом, и как только он уходил на аэродром для испытания нового самолета, она наскоро прибирала стол, комнаты, выходила в сад и садилась на зеленую скамейку возле кустов сирени. И часами не отрывала от неба глаз, следя за полетами серебряных птиц.

– Ольга, – сурово говорил он, – бросила бы ты это бессмысленное занятие. Право, нелепо. И времени трата, и нервам трепка...

– А ты скажи мне час, минуту и секунду, когда твой дурацкий «ста-арт!»...

– Нет.

У него были, видимо, какие-то свои соображения на этот счет. Но странно: самый факт предстоящего испытания нового самолета он никогда не скрывал от жены, хотя это и легко было сделать.

...В это утро было особенно хорошо. Над Москвой занималась заря, и розовые отблески ее весело сверкали на золотистой луковичке колокольни Ивана Великого. На голубом небе – ни облачка, ни перышка.

За завтраком он шутил, забавлялся с проснувшейся в неурочный час двухлетней дочуркой Леночкой, и как-то само собой получилось, что помрачневшая было Ольга развеселилась.

Уложив дочь в кроватку, он стал собираться на аэродром. Как всегда, крепко обнял жену, поцеловал.

– В четыре буду дома.

И добавил, хитро прищурясь:

– Знаешь, мне сегодня приснилось, что я ел пельмени...

Она рассмеялась.

– Хорошо. Сделаю. Но – при одном условии...

– А именно?

– При условии, что ты, как приземлишься, – сейчас же позвонишь...

Он молча кивнул головой.

Этот будничный разговор подействовал на Ольгу как-то странно. Она вдруг успокоилась и даже как будто бы чему-то обрадовалась. И тут же мысленно дала себе слово, что она не только не будет сидеть на скамейке в саду, но и на небо ни разу не поглядит.

На улице раздался автомобильный гудок. Они вышли на крыльцо. Он еще раз поцеловал ее, привычно, обеими руками надел форменную фуражку, сдвинул ее, по обыкновению, чуть набок – отчего сразу же с другой стороны выбились на ухо завитушки белесых кудрей, – и неторопливо пошел к поджидавшей его машине.

Ее же все не покидала странная, беспричинная радость, вдруг охватившая ее. Она стояла на крыльце, держась обнаженной до локтя рукой за деревянный столбик, подпиравший крышу крылечка. И радость эта проскальзывала во всем ее существо: и в тихой улыбке, и во вздернутом тонком носе, и в больших, черных, как смородина, глазах, и даже, казалось, что и от ее простенькой серой юбки и белой, чистой блузки веет этой радостью.

Когда машина скрылась из вида, она вернулась в дом, убрала со стола, вымыла посуду, подмела пол и поймала себя на том, что даже что-то напевает. Потом подошла к кровати дочери. Маленькая Леночка тихо, беззвучно опять спала, чуть полуоткрыв розовые губки и уткнувшись носиком в подушку.

Мать наклонилась над нею, легко, чуть касаясь губами, поцеловала в льняные волосенки, и вспомнила то, что – она это знала – никогда не забудет.

2

Это было в Крыму, в Ялте, три года назад. В Ялту она приехала, чтобы навестить старшую сестру.

Однажды жарким полднем она возвращалась с пляжа и зашла на набережной в ресторан «Крым». В самый ресторан она, однако, не вошла, а присела за маленький столик на открытой веранде.

Немилосердно палило солнце, море было гладкое и ослепительно синее, и казалось, что оно тяжело вздыхает, устав от жары.

Дул легкий ветерок, насквозь пропитанный соленой свежестью моря.

На веранде, кроме Ольги, никого больше не было. Однако едва Ольга села за столик, как на веранду поднялась шумная компания: два молодых военных летчика и две черненькие девушки, очень похожие одна на другую, по-видимому – сестры. Один из летчиков был в чине майора, другой – в чине капитана.

Капитан что-то рассказывал, а спутники его покатывались со смеху. Рассказывал так, как полагается рассказывать смешные вещи, – с серьезным лицом. Но видно было, как смеются его живые светло-серые глаза.

– Андрей! Ну перестань же, Андрей! – сквозь смех упрашивала его одна из девушек, с полотенцем на плече.

Уселись они недалеко от Ольги – всего через два-три столика. Официант, лениво направлявшийся к Ольге, круто повернул и мелкими шажками подбежал к столу летчиков и их подруг. Они заказали обед. Официант метнулся в ресторан и быстро вернулся с графинчиком водки, с закуской и с бутылкой вина. Мужчины выпили по рюмке водки, девушки пригубили бокалы с вином.

Меж тем разбитной официант принес и поставил посреди стола большой, тяжелый судок с супом. Девушка – та самая, что упрашивала капитана не смешить ее, – приподняла крышку судка и с любопытством заглянула внутрь. И – вскрикнула, захлопывая крышку.

– Нинка! Ты что?

– Посмотрите сами...

Капитан тоже заглянул в судок, неторопливо встал и кратко приказал:

– А ну-ка, отойдите все от стола.

Он нагнулся и одним рывком опрокинул стол. Гулко стукнул о пол железный судок, мгновенно образовав вокруг себя дымящуюся лужу, со звоном посыпались рюмки, тарелки, грохнулся графин с водкой и вдребезги разлетелся на куски.

Как из-под земли вырос заведующий рестораном – маленький толстяк в очках, белой рубашке и в сандалиях.

– Что такое?

– Ничего особенного, – спокойно пожал плечами капитан. – Просто небольшой таракан.

Пришел милиционер – высокий, тощий как костыль, с вислыми плечами. Старенькая гимнастерка его взмокла на спине от пота. И на длинном, хрящеватом его носу тоже висела капелька пота. Пришел и предложил виновнику происшествия капитану немедленно пойти с ним в милицию для составления акта. Заодно пригласил

в милицию и всех присутствующих – спутников капитана, официанта и Ольгу.

– Придется, гражданочка, и вам проследовать.

– Я пришла сюда пообедать, а не таскаться по милициям, – сухо сказала Ольга. – Оставьте меня в покое.

– Ничего не поделаешь. Вы свидетель посторонний, так сказать, объективный...

Капитан подошел к Ольге.

– Мне так неловко, что из-за меня вас беспокоят... – начал было он.

– Все это меня не касается.

– Вставайте, гражданочка, и пойдем, – настаивал милиционер.

Капитан нагнулся к Ольге и тихо сказал:

– Все равно вы этого дурака не переубедите. Не пойдете – он вызовет целый взвод таких же болванов, как и он... Идемте прогуляемся, – уже отчасти просительно сказал он, – а потом все вместе пообедаем. Только пообедаем там, где не кормят тараканами. Хорошо? А?

Она посмотрела в его живые, смеющиеся глаза, едва приметно улыбнулась и так же тихо сказала:

– Хорошо.

Так началось знакомство.

А затем – словно в каком-то вихре все завертелось, закружилось. И вихрь этот смел и унес куда-то двух черненьких девушек. Ольга смутно помнит тяжкие рыдания одной из них, ее заплаканное, растерянное лицо. Но хорошо, отчетливо помнит, что ей совсем не жалко было девушку...

Через месяц они поженились.

3

Она поправила одеяльце на спящей дочери и пошла поливать грядки.

Как хорошо, как упоительно хорошо было это утро! На траве, на листьях, на цветах еще лежали крупные бусинки росы и в них сверкали и дрожали радужные блики солнца. Над цветами гудели пчелы, и тонко посвистывали синицы в кустах малины и крыжовника.

И чувство радости, даже счастья, не покидало ее ни на секунду. И глухой рокот самолетов над аэродромом уже не волновал и не страшил ее, как волновал и страшил прежде, когда мужа не было дома.

Поливая грядки, она думала о том, что, когда проснется дочь, она посадит ее в колясочку и они пойдут в магазин.

Потом ей захотелось клубники. Она нарвала целую горсть полузрелых ягод, уселась на ступеньках крылечка и стала есть. Ягоды были в песке, песок похрустывал на зубах, и это ей нравилось. Мечты

ее неслись, как на крыльях. Она уже видела своего второго ребенка, третьего. Это были мальчики. Хорошенькие, забавные мальчуганы с такими же серыми глазами, как у отца. Андрей уже больше не летает – и это была ее главная мечта. Он так же, как полковник Кичмарев, сидит в уютном кабинете. И руководит испытаниями новых самолетов.

Над садом низко пролетел самолет.

И тут она сделала непростительную ошибку. Она вскинула голову и взглянула на самолет. И следила сморозинными глазами до тех пор, пока он не скрылся за тополями и кленами парка.

И тогда, как прежде, в ушах ее тонко, тихо зазвенело отвратительное, ненавистное слово-выкрик:

– Старт!

И еще раз – громче:

– Старт!

Она побледнела, выронила из рук ягоды и отвернулась. Хмуро, исподлобья, взглянула на кусты крыжовника. Но кусты под легким ветерком слегка покачивались и как бы отсчитывали:

– Один... два... три... четыре... пять... Старт!

И тогда беспричинную радость сменил безотчетный страх. Она беспомощно оглянулась, порывисто встала со ступенек крыльца, быстро, почти бегом, подошла к сирени и, чтобы как-нибудь отвлечься, заглушить страх и убежать от слуховых галлюцинаций, принялась ломать веточки давно увядшей сирени, в кровь царапая голые руки.

Но, собирая букет, она поняла, что уже не в силах отделаться от тех мыслей, которые одолевали ее... Сегодня у мужа самые сложные и тяжелые испытания: бочка, петля, штопор...

Дрожащими руками она перебирала увядшие кисти сирени и машинально считала их:

– Один... два... три... четыре... пять... Старт!

Словно что-то мерзкое, отвратительное... Она испуганно бросила сирень на скамейку и пошла было к дому, но все, все вокруг разом закричало ей вслед:

– Старт!.. Старт!.. Старт!..

Тогда она зажала уши руками и пустилась бегом. Вбежав в дом, она плотно прикрыла за собою дверь и бессильно прислонилась спиной к двери, закинув голову и крепко зажмутив глаза. И беззвучно, но сильно заплакала, вздрагивая плечами и грудью.

Около получаса она лежала на диване. Лежала на спине, неподвижно глядя в одну точку. Светлые полосы на ее плечах – следы слез – постепенно высохли, глаза ожили, и, мало-помалу, она успокоилась.

Устало поднялась, автоматически, по-женски, взглянула в зеркало, привычным движением поправила волосы и включила радио – включила очень тихо, чтобы не разбудить дочь.

Передавали утренний концерт. Пела Русланова – русскую народную песню:

Потеряла я коле-е-чко,
Потеряла я любо-о-вь...

– тихо неслоь из репродуктора,

Как по этому коле-е-чку
Буду-у плакать день и ночь.

В десять часов раздался резкий телефонный звонок. Ольга была на кухне. «Это он, он! Слава Богу!» – мелькнуло у нее, и, вся сияя от радости и счастья, она стремглав метнулась в столовую. Но когда она была всего в двух шагах от телефона и уже протягивала руку к трубке, то вдруг, на миг, на какое-нибудь мгновение, в каком-то странном, ослепительно-ярком свете, она увидела, как медленно падает на пол перевернутый стол и как вдребезги разбивается посуда.

– Андрей!..

* * *

Молодой рыжеватый полковник с изуродованным подбородком, одетый в новенькую щегольскую форму, тихо сказал, пряча взгляд чуть раскосых глаз:

– Понимаете... он не вышел из штопора.

В дверях она обернулась. Черные глаза ее были сухи и мертвы.

– Не могу ли я получить что-либо из его вещей... на память?

– Ах, да! – спохватился полковник.

Он суетливо открыл ящик письменного стола и протянул ей вечное перо и ручные часы. Она сразу узнала и перо, и часы. Стекло на часах было все сплошь в мелких, белых трещинках.

Но – странно – часы шли.

В кабинете было так тихо, что она, рассматривая часы, отчетливо слышала их мерное постукивание.

И ей показалось, что она слышит стук его сердца.

*Публикация – Андрей Любимов,
Джорданвилль*

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Е. В. княжна Вера Константиновна Романова

После войны

Кн. Вера Константиновна Романова (1906–2001) была младшей дочерью Великого князя Константина Константиновича и Великой княгини Елизаветы Маврикиевны, правнучкой императора Николая I. Вера Константиновна – последний ребенок в многодетной семье Великого князя; ее крестной матерью была императрица Александра Федоровна. В 1918 году она вместе с матерью, братом Георгием и племянниками Всеволодом и Екатериной уехали из России в Швецию, затем в Бельгию, а после – в Германию. Там Вера Константиновна училась, занималась парусным спортом. В 1927 году умерла мать, Вера осталась жить в Альтенбурге у родственников. В 1930-е годы участвовала в жизни русской эмиграции в Берлине. С 1936 года возглавляла берлинское Свято-Князь-Владимирское братство. В конце войны она ушла на запад, спасаясь от наступающей Красной армии. В 1945–1951 гг. была переводчицей в английском отделении Красного Креста. В Гамбурге она занималась делами Церкви, как представитель Красного Креста работала переводчицей в госпиталях, в лагерях для перемещенных лиц – ди-пи. В 1951 переехала в США. Жила в Нью-Йорке, а также на Толстовской ферме. Работала в русских благотворительных организациях: Толстовском фонде, Обществе помощи русским детям за рубежом, Попечительстве о нуждах Русской Православной Церкви за границей; поддерживала постоянные контакты с русскими воинскими организациями (Общество галлиполийцев, Русский общевойсковой союз (РОВС) и др.). Как почетная председательница Общества бывших кадет российских кадетских корпусов за границей представляла на общекадетских съездах в США, Канаде, Венесуэле и Франции; была автором журналов «Кадетская переключка» (Нью-Йорк) и «Военная быль» (Париж). Последние годы жизни провела в доме престарелых на Толстовской ферме, где и скончалась в 2001 году. Похоронена на кладбище Успенского женского Новодивеевского монастыря в Нануэт, шт. Нью-Йорк.

Воспоминания печатаются по тексту журнала «Кадетская переключка», № 18, 1977 год, по современной орфографии.

Война кончилась. Германия капитулировала. Страна, разрушенная и побежденная, разделенная на три зоны, переживала жуткое время. Полный хаос, неопределенность, неуверенность в будущем.

Иностранные рабочие репатриировались. Бедные «остарбайтеры». Что их ждало? Говорили, что они попадали за проволоку где-то в Силезии и домой не возвращались, – или же, как «изменники», осуждались на каторгу в концлагеря.

Американцы в Альтенбурге вели себя прилично. Удивлялись, что не все немцы – «наци». Городским головой Альтенбурга был назначен старый социалист, занимавший этот пост до прихода к власти Гитлера. Я знала его племянницу, что в дальнейшем оказалось весьма полезным.

Местные военные власти потребовали сдачу оружия и фотографических аппаратов. Мою кавказскую шашку с кинжалом, подарок принца Вельдемара Прусского (его отец, принц Генрих, был братом Императора Вильгельма, а мать – сестра Императрицы Александры Феодоровны), я сдала в музей замка Альтенбурга, вместе с кортиком, принадлежавшим офицеру знаменитого крейсера «Варяг». Фотокамеры понесла к указанному месту. Там лежала целая пирамида аппаратов и стоял часовой. Сказала ему: «Я немка, сдавать ли и мне?» Он ответил: «Гоу ахед» (т. е. «следуйте дальше», или «валяйте»), а сам отвернулся. Я все же положила в эту кучу, из которой легко можно было взять себе аппарат фирмы «Лейка», вместо моего «Роллейфлекса»... Несколько дней спустя меня навестили два американца; один из них был пастором, на его стальном шлеме был крест. Им я рассказала про сдачу фотоаппаратов, что оказалось противозаконно. Скоро после этого мои квартиранты сказали мне, что эти американцы приходили, но им было сказано, что я отдыхаю, и я их больше не видела. По-видимому, они хотели вернуть мне мою любимую камеру, чудный «Реллейфлекс»! Прятать что-либо, да еще в замке, я не рисковала, боясь репрессий.

Пошла я как-то к «остам», в лагерь Хазаг¹, где была переводчицей, работала в почтовом отделении и на самом заводе во время войны. Со мной была молодая фольксдейч из Словении, жившая у меня после смерти камеристки моей матери. На столах стояли банки со всевозможными консервами, полупустыми. Нас угощали, но разговор не клеился. Дали два мешка провизии. У выхода из лагеря нас остановил француз, хотел отнять мешки. Я на него грозно посмотрела, и он оставил меня в покое, но нас отвели к начальнику, французскому лейтенанту с югославянской фамилией. Выручило знание французского языка, и нас отпустили. По пути домой зашли в гостиницу с надписью «оф лимите». Я не знала, что это значит, а главный, знакомый мне, лакей (sic) не объяснил. Разговаривала с американским солдатом – поляком. Наконец, он мне объявил, что я слишком много понимаю из разговоров его сослуживцев, и просил уйти. Я

ждала подругу, ушедшую с одним из мешков, и рада была ее возвращению. Солдат был неприятен в некотором отношении.

Познакомилась я с очень симпатичной русской парой: оба были дантистами и хотели открыть зубоврачебный кабинет, или же просто набирали инструменты. Пошли в склад. Немец не хотел дать хорошее сверло. Спрятать его в карман я не решалась, но, в конце концов, так и сделала, когда заведующий вышел. В другой раз эти же милые люди принесли мне головку голландского сыра; мне не удалось получить такой сыр, стоя в очереди: его больше не осталось под самый конец очереди.

Я приняла к себе в квартиру семью Волковых, беженцев из Польши: родители, дочь и трое детей. Дочь пошла работать в польский лагерь, в казармах. Старики очень волновались, что к нам скоро придут Советы. Я пошла к американскому майору, начальнику гарнизона. Маленький, с черными усиками офицер вышел ко мне часов в 9 утра, застегивая манжеты защитной рубашки. На мой вопрос, придут ли в Альтенбург советские войска, ответил, что это военный секрет, и даже если бы он знал, то мне бы не сказал.

При встрече на улице с бывшей сослуживицей иностранного лагеря завода «Хазэг», на ее вопрос, что я, конечно, буду переводчицей, когда придут русские, — я ответила, что, мол, меня уже здесь тогда не будет!

У меня в Америке были родственники. Среди них — князь и княгиня Чавчавадзе. Княгиня — моя троюродная сестра по отцу: дочь Великого князя Георгия Михайловича; по матери — двоюродная племянница, дочь Великой княгини Марии Георгиевны, мать которой, королева Еллинов, Ольга Константиновна, была родной сестрой моего отца. Я все молилась: «Господи, если Павлик здесь, пришли его ко мне!» И вот стою я раз в кухне и чем-то занимаюсь; приходит соседка и говорит, что ко мне приехал родственник: и вот Павлик Чавчавадзе² стоит передо мной! Он был майором американского Красного Креста и занимался военнопленными и «Ди-Пи». Сказала ему про свои волнения. «Хотел бы я знать, что бы Советы с тобой сделали, если бы они тебя видели, по-моему — ничего...» Все же сказал, что попробует сделать, что сможет. Он был в районе другой армии, чем я, а американские армии друг с другом не сообщались, как будто это чужие страны. Просил не уходить, и эту фразу я упустила из виду. Когда пришел мой двоюродный брат (немец), он тоже не слышал этого совета, или же Павлик его не повторил. Через полчаса после отъезда Чавчавадзе пришла племянница городского головы, с которой я сговорила, что ее дядя предупредит меня в случае советской опасности. Городской голова просил передать, что следует быть наготове.

Двоюродный брат мой, принц Фридрих-Эрнст Саксен-Альтенбургский³, решил времени не терять. Он размышлял, что мне грозит большая опасность, чем его матери в британской зоне, и решил идти не на северо-запад, к матери, а на юг, в Баварию, где у него были знакомые около Бамберга. Было 9 часов вечера, 6-го июня 1945 г.; решили идти вдвоем. Взяв с собой мешок со сменой белья, Евангелием, молитвенником и двумя образами, вышли. На окраине города, на возвышенном месте, оглянулись: все пропало, начиная сначала; свободны, как птицы и даже прыгали от удовольствия!.. Пошли в соседний городок, Шмелн, в 14-ти километрах от Альтенбурга. Там жила наша общая учительница. Частично бежали под гору и переход проделали в 2 часа. При входе в Шмелн завывали сирены – вечерняя заря – когда надо было быть в домах и не выходить на улицу. К учительнице дошли благополучно. Собираясь в поход, я не нашла целые носки, а лишь порванные. Надела 2 пары чулок, надо было бы надеть 3-4. Башмаки всегда натирали пятки, а нужна была солидная обувь для такого перехода. Уже в Шмелне я чувствовала, что протираю правую пятку. Брат попросил у учительницы пластырь, – у него оказалась та же беда. Я не решилась тоже попросить, зная, что такой товар на вес золота. Так и шла, все больше протирая ногу. Шли мы всего около 240 километров. Ночевали у добрых людей. Вторую ночь тоже у знакомых брата. Спали на полу в зале, или большой комнате. Погода стояла сухая и жаркая. В общем, идти было весело. Проходили лесистую Тюрингию, которую брат Фритц знал хорошо. На родине второй жены Императора Вильгельма, Императрицы Германии, в Рейсс-Грейц-Шлейц, нас в замок не приняли, не зная, кто мы. Вся Германия была в пути, с запада на восток, с востока на запад, с севера на юг и с юга на север. Все куда-то стремились: кто домой, а кто бежал от коммунистов или из разрушенного бомбами запада. Несколько раз проезжал американский джип, кажется, красно-крестный. Остановила его и попросила перевязочный материал для сильно протертой пятки. Дали.

Проходили также бывшее княжество Рейсс младшей линии. Все мужские члены этой семьи (и старшей, и младшей линии), носят имя Генрих с соответствующим номером, и многие селения имеют названия, исходящие от этого имени. Мы шли в Хайнрихсдорф. Там жил бывший владетельный князь с семьей и родственниками. По дороге встретили крестьян, предложивших нас накормить, ибо у них были запасы. Мы скромно отказались, ответив, что идем к родственникам, которые нам, наверно, что-нибудь дадут. Пришли под вечер к старичкам – принцу и принцессе цур Липпе, беженцам из Дрездена. Они как раз обедали и предложили нам обоим тарелку яичницы, от которой

стало еще голоднее. Старички жаловались, что ничего не вывезли из Дрездена, «только 17 сундуков»...

Зная, что главная опасность миновала и мы уже на границе Баварии, от реакции и усталости мне стало дурно. Принцессе, видя, что мне нехорошо, тоже стало плохо, а муж, понятно, больше заботился о ней, чем обо мне. Пришел очень симпатичный доктор, выдававший себя за украинца, со своей ассистенткой; говорили на чисто русском языке. Врач осмотрел, сказал, что ноги требуют по крайней мере три дня отдыха, или больше. Дали маленькую банку консервов и кусок мыла. Нас поместили недалеко от цур Липпе, у мясника. В комнате, к счастью, были 2 кровати. Еду мне приносили, кажется, от мясника. Старички пришли проведать бывшего служащего, стояли у моих окон, но не зашли. Навестила же меня некая принцесса Рейсс, мне знакомая; пришла, хромая от артрита, с палкой и собачкой, а жила далеко... Там, в Хайнрихсдорфе, находился главный лесничий, фон дер Габеленц, родственник однофамильцев, наших друзей в Альтенбурге. Мать жены была канадка, и поэтому там в доме бывали офицеры американского штаба. Стол был обильный. Я старалась не показывать голода. Брат Фритц, сидевший напротив меня, грозно посмотрел на меня и прошипел: «Фрисс нихт зо»! (не жри так)... Канадка, несмотря на просьбу и предупреждение, рассказала американцам про меня. Они ответили, что большевики уже не те и даже если у меня и погибли три брата, то времена изменились. Пришлось покинуть сей дом и устроиться иначе. Меня там перевязал американский санитар и заметил, что «это не от короткого марша». Ответила, что не слишком большой. – Мы же примерно прошли полпути.

На следующее утро нас отвезли на автомобиле до места, где вчера еще стоял американский пост. Теперь там стояла телега, и нам сказали, что пост – дальше. Мы же были без пропусков и дальше своего уезда не имели права куда-либо уходить. Шел дождь. В лесу, по мягкой хвое, хорошо шлось босиком, и ноги не болели. Спустились к речке. Пересекли ее у мельницы, где нас превкусно накормили клецками. По дороге спросили беженцев из Рейнланда, где баварская граница. «А вон здесь»... Я перекрестилась. Мы шли в соседний городок, где нам заказали комнату в гостинице при мясной. Не пошли туда из-за постов и направились в город Кронах: это старинная крепость, орудия которой были так поставлены, что не образовывали мертвого угла, и крепость была неприступная. Там мы где-то ночевали.

Не доходя Кронаха, надо было пересечь речку по проложенным деревьям; мы просто на них сели: чудно – и ног не надо! По шоссе шмыгала взад и вперед санитарная машина, оказавшаяся примитив-

ным автобусом, в котором мы и доехали до города. В больнице мне перевязали ногу, и мы неожиданно встретили знакомых. Дальше мы шли, приближаясь к Бамбергу. Встретили литовский «трек» в несколько телег. Нас взяли, но на ходу я от слабости и усталости не могла вскочить на воз, который все же на минутку остановился, и я села. Какое счастье! Недалеко от Бамберга мы снова пошли пешком, боясь каждого американца, как будто они на нас обращали внимание, ведь таких, как мы, были тысячи и тысячи. Спросили немецкого полицейского, где можно переночевать. Он назвал своих знакомых во дворе собора – бывшая резиденция местного епископа: средневековая красота, дома, обшитые деревянными балками. Позвонили. «Что это он нам все посылает людей, у нас места нет!» – был ответ, и дверь захлопнулась. Нас принял к себе милый старичок-сапожник, не имевший права работать, будучи притянут в нацистскую партию. Нацистам не давали права работать, то есть мелким; крупные обыкновенно устраивались, и с квартирами, и т. д. Мы попали в комнату с кроватью без матраца, с видом прямо на дивный собор романского стиля. Я от усталости и волнения не могла заснуть. Светила полная луна. Каждые четверть часа старинные часы отбивали время, а утром затрезвонили к мессе. Что это – сказка или действительность? Утром осмотрели собор. Знаменитая статуя «бамбергского всадника»⁴, которую я так люблю, была еще заколочена досками от бомб. На ней изображен император Максимилиан.

...Должна вернуться немного назад. Примерно за день до прихода в Бамберг мы попали в деревню Штапельфельд, недалеко от башни «Альтенбург», и решили, что если нас спросят часовые, говорить, что идем оттуда. (Мы были в таком виде, что нам вряд ли бы поверили...) Кажется, тут-то нас и остановил американский пост. Что мы ему объясняли, уже не помню. Он велел нам на следующее утро явиться к местному коменданту – чего мы не сделали. Идя дальше по местечку, набрали на чистенькие деревянные бараки с цветами перед ними. Послышалась русская речь! Говорю брату: «Знаешь, лучше туда не идти, кто знает, кто и какие они, да возможны и ‘жители’ (насекомые)». Устроились ночевать у сердобольных штапельфельдцев...

В Бамберге нам советовали выйти на шоссе и ждать грузовика, перевозившего молоко. Он брал путешественников. Ждали недолго и поехали. Нас оказалось человек 6. Среди них – солдат по фамилии Вебер, возвращавшийся из плена. Узнав, что мы едем в Поммерсфельден, просил передать своим родственникам, что он жив-здоров и направляется домой где-то недалеко от Поммерсфельда. Его близкие, наверно, нас примут, услышав, что он благополучен. Так и случилось.

Сторож огромного дворца нас не принял, не пускал незнакомых и честно исполнял свои обязанности. Этот дворец – копия Версаля, кажется, на одно окно больше, и принадлежит графам Шенборн-Визентхайт. Мы отправились к Веберам. Действительно, узнав о возвращении шурина, приняли нас очень радушно, накормили и устроили на ночь. В одной комнате с огромной кроватью. В умывальнике воды не было – он только для видимости. Прилично нас накормили; хозяйка спросила мужа: «Ну, старик, а мы что будем есть?» и принялись за яйца, от которых мы, стесняясь, отказались, у меня же слюнки текли...

Графиня Шенборн-Визентхайт оказалась в Визентхайте, куда мы и направились на следующий день. По дороге еще ночевали в 8-ми или 9-ти километрах от этой деревни. В гостинице меня тайком накормили без продовольственных карточек, которых мы, странники, не имели. Дали мне номер для ночевки, конечно, с несвежим бельем. Брат пошел в Визентхайт на разведку. На следующий день я отправилась туда же, отчасти на телеге, на которой было неудобно сидеть, отчасти хромая пешком. Примерно на полпути меня встретил посланный графиней автомобиль. Мы ее лично не знали – у брата Фритца там был знакомый пианист. Приняли нас очень радушно и чудно устроили. Даже дали мне выкупаться. Загорела я, как орех, и была худа, как щепка. Ноги заживали 6 недель. Шли мы 12 дней.

Впоследствии я узнала, что князь Чавчавадзе приехал с грузовиком и джипом в субботу, 8-го июня 1945 г. Зато он взял мои драгоценности и отвез их к родственникам. Он не имел права сказать, что до прихода советчиков оставалось еще три недели... Также заезжал за мной принц Луи-Фердинанд Прусский с женой, княгиней Кирой Кирилловной: они тоже бежали от красных. Я им этого никогда не забуду!

В уютном замке был лазарет. Ежедневно приезжали американцы, играли с детьми, живущими в замке. Нас чуть не вернули в Альтенбург, но влияние графини спасло от такой участи.

Залечив ноги, мы с братом отправились развезжать по всей южной Германии, на всякий случай навещая родственников и знакомых, если снова нагрянет война. В воздухе пахло порохом. Навестили, между прочим, и Вольфсгартен, который так любила Императрица Александра Феодоровна, моя крестная мать. В Мюнхене пошли к знакомым по Альтенбургу, имевшим дом на той же Мауэркирхерштрассе, где находился «Дом Милосердного Самарянина» и русская школа о. А. Киселева⁵. За мной зашел о. Георгий Граббе⁶ и устроил меня в Синоде на Донауштрассе.

Побывали мы и во французской зоне, и в Швебиш-Гмюнд, откуда навестили о. Адриана Рымаренко⁷ (архиепископа Андрея Рокланд-

ского). В конце концов, на поезде, в пустых угольных вагонах, прибыли в Гамбург, надеясь оттуда перебраться в Англию. В Гамбурге у меня были знакомые. Почему-то они отправили меня в город (жили в предместье), а брата устроили у себя, а не наоборот. Электропоезд шел только до предместья Альтона. Завыли сирены вечерней зари. Куда ткнуться? Спросила английского Томми, разгуливающего со своей «фрейлайн». Советовал пойти в бункер, превращенный в ночлежку. Переполненный. В женских отделениях воздух стоял отчаянный. Нашла пустую койку у мужчин, но из матраца вылезало что-то острое, и я ушла в другое место. Следующую ночь провела там, где меня устроили знакомые, и это оказалось домом терпимости. Совсем хорошо! Такую подробность я узнала позже... На следующий день друзья устроили меня в хорошем пансионе в центре города. В отличной комнате, даже с балконом. Правда, не кормили, давали лишь утренний кофе, – и не топили.

В Гамбург мы приехали 5-го января 1946 г. Я требовала у брата прибыть туда к русскому Рождеству. По случаю праздника о. Нафанаил (теперь епископ Венский)⁸ устроил прием. Я сидела между ним и представительницей УННРа⁹ на Гамбург, милейшей мисс Помфрей, англичанкой. Напротив меня сел профессор Илья Ильич Слатин¹⁰, пианист. Недалеко оказался Николай Николаевич Герард¹¹, которого я знала по Берлину. Я спросила мисс Помфрей, можно ли устроиться переводчицей у нее в УННРе, в английском Красном Кресте, или у флота. Она ответила, что переводчиков больше, чем достаточно. Герард за меня заступился. Я была вызвана мисс Помфрей. Я пошла с двоюродным братом, что было ошибкой, он же немец. Извинились за грязные руки – мыла нет. На прощанье мисс Помфрей дала мне кусок мыла, розового «Лайфбой». К 15-му января меня вызвали в Британский Красный Крест на испытание. Отвозили больных туберкулезом по соседству с Гамбургом. Шоферская кабина санитарной машины открытая, а на дворе 15 градусов мороза!

Меня приняли, и я почти 4 года работала для отделения 139, заботившегося о больных ди-пи. Мои прямые начальницы – 2 барышни, с которыми я отлично ладила. Сперва с ними, потом самостоятельно я навещала больных всех наций в больницах Гамбурга, включая дом для умалишенных. В первый день работы в больнице, в 11 часов, за чайной переменной, мы познакомились. Меня спрашивали о родстве с Государем и спросили, что с ним стало.

Как-то раз я встретила в больнице молодую пару, чей сынок был болен. Расспрашивали, дочь ли я Царя: нет, говорю, троюродная сестра. Они расплакались и целовали руки... В другой раз, когда я работала в медицинском ди-пи Центре, пришла наниматься сестрой

хохлушка, приблизительно тех же лет 30-ти, как и пара из-под Петрограда. Это было в 1950 году, и в журналах встречались снимки событий первой половины нашего столетия. Была фотография Государя, убиравшего снег в царскосельском парке, после революции. Показываю этот снимок пришедшей; она тупо на него посмотрела, сказав: «Романов; Вы, кажется, тоже Романова?» «Случайно, да», — ответила я...

Мы раздавали одежду ди-пи, пациентам. Пришла женщина. Получив что-то, спросила, как подписать расписку: по-русски, украински, или по-английски? «Как хотите», — сказали ей. Она поставила крестик! В конторе ИРО¹² повторила то же самое. Мы целую неделю смеялись над этим случаем, как хитрая бабенка нас высмеяла!!!

Появился у меня неожиданно в пансионе бывший измайловец, Иван Иванович Павский¹³, и еще один типичный ди-пи. Павский еще в Петербурге, будучи молодым офицером, увлекался парусным спортом и был членом Петербургского Императорского речного яхтклуба. Теперь у него зародилась мысль найти яхту или небольшое судно, уйти на нем в Америку и там, в южных морях, заняться каботажным плаванием. Я согласилась на его план, ибо с детства любила все морское; атавизм: дед мой, Великий князь Константин Николаевич, был генерал-адмиралом Российского Императорского Флота, стоявшего тогда на 3-4-ом месте в мире. После долгих поисков нашлось, поднятое из воды, затопленное бомбами сторожевое судно речной полиции. «Вассершутцполицей 26» превратился в «Сейнт Джордж» 35 м длины, 5 м ширины и 6 м осадки. Началась перестройка при помощи жителей русского православного лагеря Фишбек¹⁴, под Гамбургом. Вынули машину, купили подержанный полудизель Болиндер. Перегородку оставили, для большей прочности. Принцесса Ирина Прусская¹⁵ тоже советовала оставить перегородку. Я вспомнила участь немецкого легкого крейсера «Визбаден»: после Ютландского боя он еще дня три не тонул, хотя был совершенно разбит — благодаря водонепроницаемым перегородкам. Кстати, на нем погиб известный немецкий морской писатель Горх Фок (Иоганн Кинау)¹⁶.

В итоге из нашей затеи, конечно, ничего не вышло, и «Святой Георгий» (названный в память брата, умершего в 1938 г. в Нью-Йорке¹⁷) был продан на слом. Не жалею ни денег, ни проданных семейных драгоценностей. Слишком было интересно и увлекательно, да и многим ди-пи помогло.

После расформирования Британского Красного Креста я некоторое время работала в медицинском центре ди-пи и в аптеке, которую в конце концов ликвидировали, и нужно было все упаковывать. Последние 18 месяцев устроилась «ресепшионист» в главном бри-

танском центре, где у меня были друзья, английские офицеры. Время снова стало ненадежным, и мне советовали покинуть Германию. Записалась в Канаду и США, и визы пришли почти одновременно. Решилась на Соединенные Штаты. Хотя главный немецкий агент, работавший для англичан, обещал ускорить получение необходимого полицейского аттестата о «добром поведении», дело длилось все 6 недель. Это потому, что запрашивали советчиков в Берлине, или, короче говоря, сообщали «союзникам» о движении беженцев из восточных зон! Американский консул, которому я объяснила задержку, делал вид, что ничего не знает, и сказал, что в будущем станет требовать свидетельство только от Гамбурга, и явно врал.

Начались хлопоты и приготовления к эмиграции. Наконец, все было налажено... В поезде в Бремен меня спросил сидевший против меня русский, не в родстве ли я с Романовым, который пишет в «Посеве». (У меня на шее висел щит с фамилией): «Нет, – говорю, – и это не его настоящая фамилия».

В лагере Грон¹⁸ встретила чету Влесковых¹⁹, знакомую по Берлину, и еще кое-кого. Архимандрит Гермоген²⁰ очень помогал. Это тот самый, который впоследствии перешел к Советам. Начальник транспорта, английский майор Хайд, большой роялист, тоже много помогал. Я столовалась у англичан, не в общей столовой. Думали-гадали, как мне попасть на самолет, а не в переполненный транспорт, да еще в декабре. В конце концов решили, что качка вредна для моих близоруких глаз. Вылетела вместе с Влесковыми (их сын священник о. Глеб) и моими однофамильцами. Искала свою фамилию на списке пассажиров аэроплана: вижу, Романовы, Стефан и Анна. ??? Когда взвешивали багаж, спросила их, не в родстве ли мы: они ответили – «Немного ближе, чем от Адама, но все-таки в родстве».

Вылетели 10-го декабря 1951 г. В Шаноне, Ирландии, ночевали, ждали бурю. Чистенькие бараки, не горячая вода, а кипяток. Г-жа Влескова и я обнялись и прыгали от удовольствия. Сам Влесков – офицер Ингерманландского гусарского полка. 10-го декабря его полковой праздник, в день иконы Знамения Божией Матери. Справили его, насладившись шоколадом и свежим ананасом, подарком журналистки в Гроне. В моей каюте нас было четверо: Влесковы, поляк, немного за мной ухаживающий, и я. Жена поляка ревновала и осталась у себя, где ей, по-видимому, стало скучно, и она пришла к нам. Мы весело провели вечер.

На следующий день полетели через Исландию и Гренландию и 12-го декабря прибыли в Нью-Йорк. На Пенсильванском вокзале меня встретил мой племянник, князь Теймураз Багратион-Мухранский²¹: припрыгивая от радости на одной ноге, сказал: «Вы приехали

как «ди-пи де люкс», и это так и было. Мне помогли так устроиться в Гамбурге, и я имела на то право как беженка из восточной зоны Германии, хотя была там до 1939 г.

В Гроне встретила полковника Шатилова, Бориса Николаевича²² и семью Гудим-Левкович²³. Они ждали парохода.

Вот, вкратце, мой сказ о жизни после войны. Свет не без добрых людей. Всегда и везде мне помогают, и я снова и снова повторяю: слава Богу за все!

Вера

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идет о лагере военнопленных при заводе «Хазэг» в Лейпциге; завод производил фауст-патроны и гранаты.
2. Князь Чавчавадзе Павел Александрович (1899–1971), был женат на княжне Императорской крови Нине Георгиевне (1901–1974), дочери Великого князя Георгия Михайловича (расстрелянного большевиками в Петропавловской крепости в 1919 г.) от брака с Великой княгиней Марией Георгиевной (урожденной принцессой Греческой и Датской). В эмиграции с 1920-х (Англия, США). В США П. А. Чавчавадзе занимался литературной деятельностью; был автором пяти книг и переводчиком на английский.
3. Фридрих Эрнст Карл Август Альберт (1905–1985) – сын Эрнста Саксен-Альтенбургского (Ernst Bernhard Georg Johann Karl Friedrich Peter Albert von Sachsen-Altenburg; 1871–1955), последнего герцога Саксен-Альтенбургского. После Второй мировой войны отец отказался переехать в британскую зону оккупации и принял гражданство ГДР, став там единственным германским принцем. Эрнсту было предоставлено право пожизненного проживания в родовом замке.
4. Речь идет о скульптуре в Бамбергском кафедральном соборе Святых Петра и Георгия (один из семи имперских соборов Германии). Всадник – одно из самых известных скульптурных произведений немецкого Средневековья. Создан в 1235 году. Всадник, по одной из версий, представляет собой изображение венгерского короля Иштвана I Святого, при котором в Венгрии было введено христианство. Считался воплощением немецкого духа и обобщенным образом национального героя в нацистской Германии.
5. В августе 1945 г. священник о. Александр Киселев получил от квартирной комиссии города Мюнхена полуразрушенный дом для создания там «Дом Милосердного Самарянина», учреждения, которое посвятило себя работе с детьми и молодежью русской эмиграции. В Доме о. Александр Киселев создал гимназию и помог созданию отряда русских скаутов-разведчиков. Александр Николаевич Киселев (1909–2001) – православный священник РПЦЗ, протопресвитер. Оормлял членов РОА. Был духовником юного Алексея Ридигера, будущего Патриарха Московского Алексия II.

6. Епископ Григорий (Георгий Граббе) (1902–1995) – иерарх РПЦЗ, епископ Вашингтонский и Флоридский. Автор ряда работ церковно-канонического и исторического характера; непримиримый критик коммунистического режима в СССР и Московской Патриархии. В эмиграции с 1920 года. С августа 1931 года – управляющий канцелярией Архиерейского Синода РПЦЗ в Сремских Карловцах. В 1951 году, вместе с митрополитом Анастасием (Грибановским) переехал в Нью-Йорк. С 1967 года состоял консультантом при Архиерейском Синоде РПЦЗ и заведующим отделом внешних сношений. В 1979 году пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. В 1986 году был отстранен от всех занимаемых должностей и уволен «за штат» с определением места проживания в Лесненском женском монастыре во Франции. Осуждал попытки сближения с Московским Патриархатом.

7. Архиепископ Андрей (Рымаренко) (1893–1978) – епископ РПЦЗ, архиепископ Роклендский, викарий Нью-Йоркской епархии.

8. Архиепископ Нафанаил (Львов) (1906–1986,) – епископ РПЦЗ, архиепископ Венский и Австрийский. После революции вместе с матерью и младшими братьями выехал в эмиграцию в Китай. В 1922 году окончил Харбинское русское реальное училище. В 1923–1929 был рабочим на КВЖД. В 1928–1931 гг. изучал богословие в Свято-Владимирском институте. В 1929 году был пострижен в монашество. Был редактором «Православного голоса». В 1935–1936 гг. миссионерствовал в Керале (Индия). В 1936 возведен в сан архимандрита. Перед Второй мировой войной переехал в Словакию, где был помощником настоятеля монастыря преп. Иова Почаевского; работал в Типографском братстве. Эмигрировал на Запад при приближении советских войск в 1944 году. В 1945 году – настоятель Воскресенского собора в Берлине. Архимандрит Нафанаил предотвратил передачу СССР из английской оккупационной зоны около 600 человек, находившихся в лагере под Гамбургом. С 1951 года – епископ Престопа и Гааги, жил в Англии. С 1952 года – администратор приходов РПЦЗ в Северной Африке, в 1966–1980 гг. – настоятель монастыря преп. Иова Почаевского. С 1976 года – епископ Венский и Австрийский. В 1981 году возведен в сан архиепископа.

9. The United Nations Relief and Rehabilitation Administration (UNRRA) – администрация помощи и восстановления Объединенных Наций. Создана в 1943 году для оказания помощи в районах, освобожденных от стран «Оси». 52 страны-участницы внесли средства в размере 2% от своего национального дохода в 1943 году, около 4 млрд долларов было потрачено на снабжение продовольствием и медикаментами, восстановление коммунальных услуг, сельского хозяйства и промышленности Европы. При содействии ЮНРРА около 7 миллионов ди-пи вернулось на родину, где они проживали до войны; были созданы лагеря для перемещенных лиц (около 1 миллиона беженцев). Более половины всех средств поступило от США.

10. Слатин Илья Ильич (1888–?), пианист, дирижер, хоровик, композитор,

педагог. Сын известного харьковского музыкального деятеля, основателя консерватории в Харькове. В 1912–1918 гг. – дирижер оперного и оркестрового отделений Московской консерватории В 1920 г. эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Был одним из первых оперных дирижеров в Белграде (1921–1923 гг.). Основатель инструментального трио «Слатин», руководитель хора «Глинка», один из основателей Русского музыкального общества в Белграде (1932 г.). Преподаватель пения в Русско-сербской гимназии (1929–1931 гг.). Был дирижером оркестра Белградского радио. Перед войной покинул Югославию. Написал «Краткий учебник элементарной теории музыки для средних учебных заведений применительно к Программе общеобразовательных учебных заведений в виде вопросов и ответов» (Белград, 1931 г.).(Арсеньев А. Биографски именик руских емиграната // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова / Приредили: М. Сибиновић, М. Межински, А. Арсеньев. Главни и одговорни уредник М. Сибиновић. Т. 1–2 (Филолошки факултет у Београду, Катедра за славистику и Центр за научни рад). – Београд, 1994.)

11. Герард Николай Николаевич (1899–1963, Гамбург) – дворянин, корнет, сын действительного тайного советника Герарда Н. Н. (1838–1929), члена Государственного совета. Учащийся Александровского лицея (4-й класс). В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Во ВСЮР и Русской Армии с весны 1919; доброволец в эскадроне Кавалергардского полка. Был ранен. В эмиграции в Германии (к 1929 в Берлине). Штабс-ротмистр. // Волков С. В. Офицеры Росс. гв. – М., 2002.

12. The International Refugee Organization (IRO). Организация создана 20 апреля 1946 в связи с возникновением после Второй мировой войны большой волны беженцев. За 14 месяцев до нее работала Preparatory Commission. В 1952 была заменена организацией United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR).

13. Павский Иван Иванович. Выпускник Пажеского корпуса. Капитан Л.-гв. Измайловского полка, служил в Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского похода в 3-й роте Офицерского (Марковского) полка. Во ВСЮР с сентября 1919 года, командир роты Л.-гв. Измайловского полка в 3-м сводном батальоне 1-й гвардейской пехотной дивизии, сентябрь – октябрь 1919-го командир батальона Л.-гв. Измайловского полка. Полковник. В эмиграции в Югославии, до 1926. Воспитатель и преподаватель Донского кадетского корпуса, затем таксист в Белграде; в 1935 – член правления Союза Первопоходников. Во время 2-й Мировой войны в РОА, член НТС. После 1945 – в Германии. Умер в середине 1970-х во Франкфурте.

14. Фишбек (Fischbeck) – коммуна в Германии, в земле Саксония-Анхальт. Входит в состав района Штендаль.

15. Ирена Гессен-Дармштадтская (Irene von Hessen-Darmstadt) (1866–1953), дочь Людвига IV, великого герцога Гессенского и принцессы Алисы

Великобританской, сестры российской императрицы Александры Федоровны.

16. Горх Фок (Gorch Fock), наст. Имя Иоганн Вильгельм Кинау (Johann Wilhelm Kinau) (1880–1916), немецкий писатель-маринист.

17. Романов Георгий Константинович (1903–1938) – князь Императорской крови, сын Великого князя Константина Константиновича и Великой княгини Елизаветы Маврикиевны, правнук императора Николая I.

18. Имеется в виду Гронау (Gronau), Вестфалия, английская зона, город, где располагался лагерь для ди-пи.

19. Судя по всему, речь идет о Влескове Владимире Николаевиче (1892.06.23.– 1971.09.13/12.09) – штабс-ротмистр, командир эскадрона 10-го гусарского полка. Тяжело ранен и взят в плен в феврале 1918 по пути в Добровольческую армию, содержался в тюрьме в Умани, позже освобожден. В русской Западной армии в 1-м конном и гусарском гр. Келлера полку. С 1919 года – в Германии, член отдела РОВС в Германии. Затем в эмиграции в США. Член Общества ветеранов. Умер в Сан-Франциско (*Волков С. В. Офицеры арм. кав. – М., 2002*)

20. Архимандрит Гермоген (Кивачук (?–1988) Служил священником в юрисдикции Польской Православной Церкви. С 1940-го – в РПЦЗ. Помощник настоятеля Воскресенского кафедрального собора в Берлине (1942–1945). Личный секретарь митр. Серафима (Ляде). Обслуживал также лагерь советских военнопленных под Берлином (1942). Полевой священник гвардейского маршевого батальона РОА под Псковом (май – август 1943). На какое-то время присоединился к Московскому Патриархату (1943). Вернулся в Берлин в 1944 году, служил в православных храмах в юрисдикции РПЦЗ. После войны служил в приходах РПЦЗ в лагерях ди-пи в Германии. В 1955 г. упомянут как архимандрит, настоятель церковной общины в эмиграционном лагере ди-пи в г. Бремен-Лезум (Германия) в юрисдикции РПЦЗ. Перешел в юрисдикцию зарубежной Польской епархии Константинопольского Патриархата (1959). Служил в Лондоне. Возведен в сан архимандрита. В последние годы жил на покое в Риме, время от времени служил в Св.-Николаевском приходе РПЦЗ. Скончался в Риме.

21. Багратион-Мухранский Теймураз Константинович (1912–1992, Нью-Йорк) – князь, директор Толстовского фонда, общественный деятель Русского Зарубежья.

22. Шатилов Борис Николаевич (1891–1972) – полковник лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, герой Первой мировой войны, участник Белого движения на Юге России. Эвакуирован из Крыма. В Галлиполи был в составе отдельной гвардейской батареи, осенью 1925 года – в составе Гвардейского отряда в Болгарии. Служил чертежником в болгарском министерстве земледелия, был преподавателем математики и секретарем дирекции в Лицее В. П. Кузминой в Софии. Состоял действительным членом Общества офице-

ров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и членом Общества офицеров-артиллеристов. В годы Второй мировой войны служил в Русском корпусе. С 26 октября 1944 года был командиром роты ПАК Сводного полка (в чине гауптмана). После войны в дипийском лагере Келлерберг. После 1948 года переехал в США. Состоял членом Союза Георгиевских кавалеров, членом местного отдела Общества галлиполийцев, председателем Общества михайловцев-артиллеристов, а также вице-председателем Союза чинов Русского корпуса и Фонда Святого благоверного князя Александра Невского.

23. Гудимы-Левковичи (польск. Lewkowicz) – старинный русский дворянский род. По тексту трудно идентифицировать, кого именно встретила кн. Вера. В эмиграции наибольшую известность сыскал Гудим-Левкович, Павел Павлович (1873–1953), генерал-майор, военный агент в Греции; после революции он эмигрировал во Францию (где и похоронен) и, кажется, не мог встретиться с кн. Верой в Германии. Известны также Гудим-Левковичи в Латвии. Гудим-Левкович Владимир Георгиевич (ум. После 1947), штабс-капитан лейб-гв. Измайловского полка, галлиполиец, эмигрант в Югославии, мог вместе с потоком белоэмигрантов и членами Русского корпуса оказаться в Германии. (Волков С. В. Офицеры Российской гвардии. – М., 2002). Однако кн. Вера могла иметь в виду и других Гудим-Левковичей, по женской линии, – скажем, Можайскую Мелитину Алексеевну, урожденную Гудим-Левкович, скончавшуюся в 1947 году в Намюре, Бельгия. Или – семью Йордана Алексея Борисовича, из Югославии, мать которого, Кира Анатольевна (сконч. в 1929), была также урожденной Гудим-Левкович, фрейлиной императрицы Александры Федоровны Романовой.

Публикация, комментарий – М. Адамович

Борис Сергиевский

Автобиография

Борис Васильевич Сергиевский – известный русский летчик-испытатель, участник Первой мировой и Гражданской войн, позднее занимавший видное место в общественном движении белой русской эмиграции в США. Родился он в 1888 году в семье инженера Василия Сергиевского и смолянки Екатерины Томашевской. По окончании Политехнического института работал инженером в Киеве, был призван и принял участие в Великой войне. С 1916 года – в авиации, позднее – командир истребительного авиаотряда. В Гражданскую воевал в армии ген. Юденича. Награжден орденами св. Анны IV, III, II ст., св. Георгия IV ст. Из Эстонии выехал в эмиграцию в Польшу, затем жил в Англии, в 1923 году с семьей переехал в США. Здесь Сергиевский становится одним из общепризнанных лидеров белой антикоммунистической эмиграции. Он был одним из организаторов и участником Толстовского фонда, создателем и руководителем Российского политического комитета, бессменным командиром Русского гарнизона № 297 американских ветеранов иностранных войск им. Бриг. ген. Дж. Турчина. Участвовал в создании Свято-Серафимовского фонда, возглавлял Союз Георгиевских кавалеров. Борис Васильевич играл также заметную роль в общественной жизни США. Похоронен в Woodlawn Cemetery в Бронксе, г. Нью-Йорк.

Мы предлагаем вашему вниманию автобиографию Б. В. Сергиевского, написанную им в 1959 году по просьбе его друга полковника С. Н. Роснянского. Документ хранится в личном архиве историка Ю. Сандулова. Текст печатается по рукописному оригиналу, по современной орфографии с сохранением особенностей капитализации некоторых слов в оригинале, характерных для Б. В. Сергиевского. Ценность публикуемого документа состоит еще и в том, что окончательно снимается вопрос о настоящем месте рождения Сергиевского – это город Гатчина (а не Царское Село, как до сих пор ошибочно утверждают некоторые справочники).

2 апреля 1959 года [на полях в верхнем углу красным карандашом:
В. Медиш¹]

Дорогой Сергей Николаевич²,

Сообщаю Вам краткие биографические сведения, могущие представить какой-либо интерес.

Родился в г. Гатчина 20 фев. 1888 г. Окончил Реальное училище св. Павла в г. Одессе [в] 1906 г.

Киевский Политехникум по инженерно-строительному отделению.

В 1911 г. поступил вольноопределяющимся 1-го разряда в 129 пех. Бессарабский полк. По выдержанию офицерского экзамена при округе произведен в 1-й офицерский чин 6 дек. 1912 г.

Обучался полетам у С. И. Уточкина и совершил 1-й самостоятельный полет 16 марта 1912 г.

С объявлением мобилизации в июле 1914 г. переведен в 125 пех. Курский полк, с коим выступил в поход и с 22 авг. 1914 г. командовал ротой, а затем командой разведчиков до марта 1916 г., когда был переведен в авиацию.

В бытность в 125 пех. Курском полку был ранен 3 раза и получил все боевые награды, доступные обер-офицеру, включая орден Св. Георгия.

В Авиации служил в 25 корпусе Ав[иационного] отряда, а затем командовал 2 отрядом истребителей.

После революции уехал в Англию и был принят в Royal Air Force в чине Капитана. По окончании войны на Западном фронте вернулся в Россию и командовал Авиаци. отрядом С.-Зап. Армии ген. Юденича. После ликвидации С. З. Армии был назначен ген. Врангелем командующим Авиацией 3-ей Армии, действовавшей под командой ген. Б. Д. Пермикина³ в Проскуровском районе.

По окончании гражданской войны уехал в С[оединенные] Ш[таты], где стал работать как Авиационный инженер и Пилот-испытатель (test-Pilot) в компании Сикорского⁴.

За период работы пилотом-испытателем установил 18 мировых рекордов в Авиации. Рекорды скорости, высоты и грузоподъемности для амфибий и летающих лодок.

2 из этих рекордов еще не побиты до сего времени.

В 1933 году летал в Африку с экспедицией Martin Johnson⁵. 2 ½ года летал в Южной Америке для Andian National Corp., Subsidiary of Standard Oil Co.

Во 2 мировую войну служил в Американской армии в Office of Strategic Services, а затем в Штабе 9-й воздушной армии на Европейском фронте.

В 1947 г. совершил полет на собственном аэроплане с пассажирами из N. Y. в Европу (Англия и Франция) и обратно. Это был первый полет Амфибии через океан.

В настоящее время занимаюсь полетами с пассажирами в места, доступные лишь Амфибиям и летающим лодкам, – Charter Service.

Состою командиром гарнизона 297, Army & Navy Union, U.S.A.,

членом British officers' club of Philadelphia, членом Explorers Club, Wings Club, Quiet Birdman Club и Metropolitan Opera Club.

Шлю Вам приветы.

Душевно Вам преданный

Борис Сергиевский

1. Медиш Вадим Маркович (1924, Минск, – 2011, Вашингтон), вторая волна эмиграции; специалист по международным отношениям, экономист. В США с 1949 г. Изучал историю в аспирантуре Джорджтаунского ун-та, международные отношения – в Американском ун-те (Вашингтон). Магистр (1961), докторская степень – в 1963 г. 8 лет служил в армии США и контрразведке в Корее и Японии; аналитик разведанных (1950–1960). Преподавал в ун-тах Дж. Вашингтона и в Американском (1960–1963). Автор учебников и многочисленных статей о России. Работал в области международной торговли между США, Кореей и Японией, в области связей с общественностью. Вице-президент компании Shatalin and Associates по вопросам торговли между США и Россией (1990–1996). Согласно его воле был создан благотворительный фонд Vadim Medish Memorial Fund для американских студентов, изучающих русский язык.

2. Б. В. Сергиевский написал автобиографию по просьбе Сергея Николаевича Роснянского (18.09.1886 – 13.10.1976), с которым его связывала многолетняя дружба. С. Н. Роснянский был начальником Северо-Американского отдела Русского Обще-Воинского Союза, полковником Генерального штаба. Автор книг: «О Российском воинстве, защищавшем Русь-Россию» (1969), «Русско-Японская война» (1954), «10-й гусарский Ингермандланский полк» (1954), также Роснянский был редактором книг «Ледяной поход. 1918–1953», «Незабываемое прошлое славной Южной школы. 1865–1965», «Первые начавшие» (1958). (Прим. Ю. Сандулова)

3. Так в оригинале. Пермикин Борис Сергеевич (1890–1971), штабс-ротмистр Императорской армии, ген.-майор Северо-Западной армии (1919), ген-лейтенант, командующий 3-й Русской армией ген. Врангеля в Польше (1920).

4. В 1923 году известный авиаконструктор, эмигрант Игорь Сикорский основал авиационную фирму «Sikorsky Aero Engineering Corporation», в которую охотно принимал на работу русских эмигрантов, тем самым помогая им интегрироваться в американскую жизнь.

5. Мартин Джонсон (1884–1937) и его жена Оза (1894–1953) – известные американские кинематографисты-путешественники. Фильмы: «Среди канибалов Южных морей» (1918), «Приключения в джунглях» (1921), «Конгорилла» (1932). В 1932 году Мартин и Оза приобрели два самолета («летающие лодки») Сикорского: S-38 «Osa's Ark» и S-39 «Spirit of Africa» и продолжили исследования недоступных уголков Африки. В 1937 году самолет, на котором Джонсоны летели из Солт-Лейк-Сити в Лос-Анджелес, потерпел катастрофу; Мартин скончался от травм. Оза продолжила выступать с лекциями; в 1939 году подписала контракт с киностудией «Twentieth Century Fox» на натурные съемки в Африке для фильма «Стенли и Ливингстон», а в 1940 году опубликовала автобиографическую книгу «Я вышла замуж за Приключение», позже экранизированную.

СПИСОК ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЩЕСТВ,

с которыми была связана деятельность Б. В. Сергеевского

1. В течение 22 лет – председатель Союза Георгиевских Кавалеров в Нью-Йорке. Под его председательством прошло юбилейное собрание Георгиевских Кавалеров по случаю 200-летия основания ордена Св. Георгия. На таком же собрании в Париже он присутствовал как почетный гость.
2. Генерал для поручений при начальнике Русского Обще-Воинского Союза.
3. Командир Гарнизона № 297 армии и флота США в Нью-Йорке.
4. Приказом Донского атамана проф. Федорова зачислен в казачье сословие Всевеликого Войска Донского за «высокопатриотическую деятельность и отзывчивость к донскому казачеству».
5. Почетный член Союза участников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода.
6. Почетный член Общества галлиполийцев.
7. Почетный член Объединения офицеров Императорской конницы и конной артиллерии.
8. Председатель Правления Св.-Серафимовского фонда в Нью-Йорке; староста прихода храма Св. Серафима. За содействие в переходе храма в юрисдикцию Русской Православной Церкви за границей митрополит Филарет послал ему благодарственное письмо.
9. Почетный попечитель Национальной организации юных русских разведчиков в США.
10. Председатель Союза русских военных инвалидов в Нью-Йорке.
11. Почетный член-попечитель Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов.
12. Почетный член Российского Имперского союза в США.
13. Вице-председатель Представительства русских эмигрантов в изгнании.
14. Председатель Русского эмигрантского издательского фонда (до смерти).
15. Один из пяти основателей и неизменный вице-председатель Толстовского фонда.
16. Один из основателей Русского Православного фонда, бессменный председатель и активный член фонда.
17. Бессменный председатель Общества бывших русских летчиков в США и почетный председатель всех Объединений русских летчиков в Зарубежье.
18. Председатель (с 1953 до 1967 гг.) антикоммунистического Российского политического комитета.
19. Первый вице-председатель Американско-русского союза помощи русским эмигрантам, созданного и возглавляемого кн. С. С. Белосельским-Белозерским. Союз содержал несколько русских старческих домов в Глен Кове и Дом Свободной России в Нью-Йорке.

Публикация – Ю. Сандулов

Подготовка текста, комментарий – Ю. Сандулов, М. Адамович

Список организаций – К. Г. Белоусов

Письмо В. П. Камкина М. М. Карповичу

Эмигрантам третьей волны еще посчастливилось застать Русский книжный магазин Виктора Камкина. Эта книжная сокровищница была отголоском некогда мощной структуры печатно-книжного дела Зарубежной России, основанного и развитого русскими эмигрантами во всех странах рассеяния в межвоенный период.

Камкин Виктор Петрович (1902–1974) был известным издателем русской литературы в эмиграции. Во время Гражданской войны он сражался в Белой армии на Дальнем Востоке. С 1923 г. – в эмиграции в Китае (Харбин). В 1928 г. Виктор Петрович получил диплом юриста и открыл свое первое дело; он становится совладельцем библиотеки и книжного издательства «В. П. Камкин и А. П. Малык». В 1936 г. – управляющий издательским отделом типографии «Слово». В 1942–1946 гг. Камкин был помощником управляющего типографией и издательством «Чили Пресс». Перед вступлением отрядов Мао Цзедуна в Шанхай в 1949 году В. П. Камкин был выбран председателем Русского эмигрантского общества по выезду из Китая на Филиппины. С 1952 года он живет в США в Вашингтоне, где организывает свое книжное дело «Victor Kamkin Bookstore». Это начинание было очень успешным, разрослось и стало процветать. К началу 1970-х гг. книготорговая корпорация Victor Kamkin, Inc. становится одним из самых известных русских книжных предприятий в мире (12 млн книг на вашингтонских складах; издано около 70 авторов). Главный офис Камкина был в Вашингтоне, отделы – в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Филадельфии, Хартфорде, Чикаго и Детройте. Основанное Камкиным книгодело было продолжено его вдовой, Е. А. Камкиной; затем внуком Игорем Калагеорги, и продолжалось до начала 2000-х.

Публикуемое ниже письмо находится в частном архиве Ю. А. Сандулова. Печатается по современной орфографии.

Юрий Сандулов

Victor Kamkin, Inc.

1403 Harvard Street, N. W. Washington D.C.

Tel. North 7-0690

BOOKSTORE LENDING LIBRARY ARTICLES OF INTEREST

30 апреля 1953 года

Профессору М. М. Карповичу¹, г. Нью-Йорк

Глубокоуважаемый г-н профессор,

На днях я имел беседу с доктором Евгением Константиновичем

Савич[ем]², во время которой доктор затронул вопрос о распространении русских книг и журналов в настоящее время. Он, между прочим, указал на некоторые трудности, которые возникают в конторе журнала «Новый Журнал» по распространению этого журнала в других странах, а в особенности в странах с низкой валютой.

Доктор Е. К. Савич просил меня написать Вам мои соображения и краткий план той работы, который бы помог улучшить распространение как редактируемого Вами журнала и, может быть, в будущем помог бы создать тот Центральный Распределительный книжный центр в Соед[иненных] Штатах, создание которого требует сама жизнь.

Мои соображения основаны на двадцатилетней практической деятельности по торговле русскими книгами и по изданию книг русских авторов в то время, когда я проживал в Китае. Не получая ни от кого материальной поддержки, начав работать своими собственными руками, мне удалось выпустить больше ста книг разных авторов, как европейских, так и дальневосточных. Благодаря книгоиздательству, мне удалось создать довольно большой книжный магазин и публичную библиотеку. Тираж моих книг был от 750 до 1000 экз. Книги свои я печатал в собственной типографии.

К сожалению, я не знаю многих деталей постановки дела в конторе Вашего журнала и можно ли будет без особенного ущерба перестроить налаженный порядок.

Многие мои соображения уже известны, но я должен затронуть их, дабы нарисовать полную картину, как я ее представляю, как издательской деятельности на русском языке, так и самого органа распространения изданных книг и журналов.

Для того, чтобы успешно заниматься и развивать издательскую деятельность книг и журналов на русском языке необходимо:

1. Иметь собственную типографию,
2. Книжный склад,
3. Книжный магазин и
4. Библиотеку.

Прежде чем приступить к разъяснению этих пунктов, я хочу подчеркнуть, что русская книгоиздательская деятельность имеет некоторые особенности и требует именно русского подхода и подхода очень деликатного, культурного, так как имеет дело с покупателем русским, особенным, который во многом отличается от покупателя иностранца; и подходить к этому деликатному делу, извините, скажем, с точки зрения американского продавца книг, [–] дело, обреченное на гибель.

1. Иметь собственную типографию необходимо, т. к., печатая в чужой типографии, издатель работает, распространяя свои журналы

и книги, на хозяина типографии. Типография, как Вам известно, получает с каждого заказа не меньше 100 процентов прибыли. При таком положении и учитывая очень ограниченный рынок, издатель в лучшем случае сведет концы с концами, а прибыль получит через несколько лет и то при условии, если он все время будет продолжать заниматься своей деятельностью, т. е. все время печатать и распространять новые книги, за которыми будут медленно следовать и ранее напечатанные.

Имея собственную типографию, можно заниматься так называемой издательской деятельностью на половинных началах с каждым отдельным автором. Некоторые авторы, как это бывало в Китае, и, как мне известно, имеются и здесь, согласны уплатить половину типографских расходов, т. е. половину той суммы, которую считает коммерческая типография, и получить половину тиража на руки. При этом положении издатель [получает] от автора сумму, которая покрывает его действительные расходы и в виде прибыли получает половину тиража.

Некоторые русские авторы предпочитают издавать книги на свои собственные средства и передавать отпечатанные книги для распространения, за известный процент, тому лицу, которое или печатало их книги, или в ту организацию, которая имеет налаженный аппарат по распространению книг.

Приблизительную смету я мог бы составить, т. к. типографское дело я знаю прекрасно. Я имел собственную типографию и много лет управлял самой большой типографией в Тяньцзине «Чили пресс», где были американские машины и работало 60 человек рабочих в две смены.

2. Книжный склад. Необходимо создать Центральный книжный склад зарубежных русских книг. Деятельность этого склада шла бы по двум направлениям: А. Распространение книг собственного издания в той стране, в которой находится издательство, т. е. в С[оединенных] Штатах, и распространение этих книг за границей и – В. Распространение в С[оединенных] Штатах книг зарубежных издательств, полученных из-за границы в порядке обмена. Обмен-брутто за брутто при пересылке книг за счет издательства.

Как я понимаю теперешнее положение русского книжного рынка, единственная разумная мера к его оздоровлению – это обменная торговля с другими странами.

В настоящий момент американские русские издатели занимаются благотворительностью в пользу зарубежных книжных торговцев, как за свой счет, так и за счет американского покупателя.

Мы вели в Китае обмен таким образом: я, скажем, издавал книгу

в 200 страниц, ставил нарезную цену этой книги в 2 ам. доллара. В Европе выходила книга в 300-400 стр., нарезная цена которой была 4 ам. доллара. За сто посланных книг моего издательства я получал 50 книг европейского издательства. По какой цене, считая на франки или марки, продавались мои книги, я не интересовался. Европейские издатели и книжные торговцы лучше меня знали свой рынок и покупательную способность жителей. Европейские издатели, со своей стороны, не интересовались, по какой цене на китайские даяны я продаю их книгу. Делал же я следующее: получив книгу за 4 долл. и зная, что за такую цену я ее никому не продам, я снижал ее до 8 долл, и переводил эту цифру на китайские даяны. Я не спрашивал дополнительной курсовой скидки, т. к. это все равно ни к чему бы не привело. Нарезная цена несколько не отражала действительную стоимость изданной мною книги. Книга, которую мы считали для Европы в 8 долл, продавалась у нас за 11.50 даянами, т. е. за 30 центов американскими.

В настоящее время некоторые крупные издатели дают очень большую курсовую скидку для заграничного рынка и может случиться, что (говорю к примеру) какой-нибудь книжный торговец начнет получать книги из Франции гораздо дешевле, чем он мог бы купить их здесь в Соед. Штатах, даже имея 40 проц. скидки. С точки зрения книжного торговца получается немного странное положение.

Я получаю 40 проц. скидки, т. е. книга в 8 долл. дает мне заработок в 80 центов, т. е. я зарабатываю 75 процентов. В Японии, скажем, тот же самый книжный торговец имеет 40 проц. скидки, т. е. 80 центов и дополнительную курсовую скидку в 50 процентов, и т[аким] обр[азом] продает книгу за 1.40 при себестоимости ее в 60 центов, зарабатывая не 75 процентов, а 130. Где же логика? Такое положение существует и в Японии, и в Бразилии, и во Франции, т. е. везде, кроме Америки.

Эта ненормальность относится не только к продавцам книг, но и к покупателям. Европейский русский читатель имеет возможность получить книгу, изданную в Америке, за гроши, американский же покупатель поставлен европейскими ценами на книгу в чрезвычайно невыгодное положение. Он не может иметь те же самые преимущества, что имеет его европейский коллега. Купить книгу европейского издания на русском языке в Америке — это роскошь, в Европе же купить книгу американского издания — это вполне доступная вещь.

При таком ненормальном положении издательства в таких странах, как Франция, Аргентина, Бразилия и в др. странах, будут процветать и обогащаться за счет американского издателя и потребителя.

Совершенно неверное мнение, что русский покупатель в Америке миллионер.

Как показал мой, хотя и непродолжительный, опыт с открытием магазина в гор. Вашингтоне, русскую книгу покупают ТОЛЬКО ДИ-ПИ, которые работают или уборщиками, полотерами, простыми рабочими, а никак не те, кто служит на правительственной службе. Эти покупатели жалуются на очень высокие и недоступные для них цены местных издательств.

На днях я получил письмо из Бразилии следующего содержания:

«Получил Ваше письмо с предложением об обмене книгами. Это нас интересует. Интересует больше, чем покупка книг в США, т. к. с долларом творится что-то непостижимое: при официальном курсе 18,85 крузейро за доллар, на черной бирже и в банке по свободному курсу доллар стоит сейчас 48 крузейро. Ввиду этого покупка книг в США отпадает по той простой причине, что по теперешней цене их никто не будет покупать, ибо за стоимость, скажем, 2-х долларовой книги, т. е. за 96 крузейро, тут можно купить около 80 кило сахара и проч.»

Однако этот же самый торговец предлагает мне книги, изданные в Бразилии, по 3.50, в то время как та же самая книга стоит на месте 1.85. Таких примеров можно привести очень много.

Теперь, что же делать с полученными книгами в обмен? Задача книжного склада — организовать распространение полученных в обмен книг в Америке, т. е. продавать эти книги всем книжным магазинам, библиотекам, университетам и др. учреждениям, делая им ТУ ЖЕ СКИДКУ, которую они могли бы получить, выписывая эти книги непосредственно от издательств в других странах. У покупателей и у книжников сохраняется время, заботы о пересылке денег и проч. Главное же, в Америке всегда будет иметься достаточный запас наличных книг зарубежных издательств. Благодаря обмену значительно увеличивается количество распространяемых экземпляров.

Задача европейских и др. издательств распространять наши только издания и не вмешиваться в американские дела. По какой цене эти издатели будут продавать наши издания, какую скидку будут делать магазинам, нас не должно интересовать.

В Америке нет Центрального Книжного склада Русских Зарубежных издательств, отсутствие такой организации сильно ощущается книжниками. Из тех же стран, где нет русских издательств, например, из Палестины, можно получать книги на еврейском языке, которые всегда найдут здесь покупателей. Из Японии можно выписывать труды японских профессоров на английском языке, которые, при наличии деловых связей здесь, можно тоже всегда распространить.

3. Книжный магазин — как подсобное предприятие книжного склада. Продажа книг, находящихся на складе, в розницу.

4. Библиотека книжных новинок – главная цель – дать возможность прочитать книгу тем лицам, которые не имеют материальной возможности ее купить. Это источник всегда свежих денег. Такая библиотека должна обслуживать лиц, живущих вне города и в других штатах.

Если когда-либо могла бы быть создана такая организация на чисто коммерческих началах, но ни в коем случае по казенному образцу, то этим могло бы быть достигнуто следующее:

1. Умерен бы был пыл книжных спекулянтов, т. к. теперь существует не книжная торговля в том смысле, в котором ее нужно понимать, а книжная спекуляция. Спекулянт, зная, что покупатель не может непосредственно снестись с издателем, назначает ту цену, которая ему заблагорассудится. Объяснение этому дают очень простое – я купил книгу, она моя собственность, и я продаю по той цене, по какой хочу.

2. Облегчило бы положение книжных торговцев, которые имели бы дело с одним центром, а не выписывали бы книги от многих лиц.

3. Помогло бы мелким книгоиздателям успешнее продавать свои издания.

4. Сделало бы более доступной книгу европейских издательств, совершенно не нарушая интересов европейских издателей.

Все мои предположения и соображения носят краткий характер, и я не хочу злоупотреблять Вашим временем, утруждая Вас технической стороной дела.

Я с удовольствием поделился бы с Вами более подробно своими мыслями при личном свидании, если бы к тому представилась возможность.

С совершенным к Вам уважением,

Глубокоуважающий Вас

В. Камкин (Подпись)

1. Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – русско-американский историк, один из основателей американской русистики; видный общественный и политический деятель русской эмиграции в США. В США с 1917 года, сначала в качестве секретаря посла Временного правительства Б. А. Бахметева, затем, после закрытия посольства в 1924 году, – в качестве эмигранта. В 1927 г. был приглашен преподавать русскую историю и литературу в Гарвардский университет. М. М. Карпович был многолетним редактором и гл. редактором «Нового Журнала», фактически сформировав современный формат этого издания. Он также был одним из основателей и соредакторов журнала *The Russian Review*.

2. Савич Евгений Константинович (1903–1959) – врач (хирург), лейтенант

армии США, научный работник, библиофил. В эмиграции с 1917 г. – в Японии, с 1922 г. в – США. Окончил французский колледж в Йокогаме (1919), затем окончил медицинский факультет университета, затем университет в Чикаго. Доктор медицины (1935). Автор многочисленных научных трудов. Собирал книги по истории и искусству. В 1956 г. в журнале «Возрождение» (№ 52, 53) опубликовал автобиографические документальные воспоминания «Медицина в Америке. Путь русского ученого».

Публикация, комментарий – Ю. Сандулов

**СЕРГЕЙ ГОЛЛЕРБАХ
НЬЮ-ЙОРКСКИЙ БЛОКНОТ**

*Мемуары. – Нью-Йорк: The New Review Publishing, 2013. 244 с., илл.
На русском. \$ 25.00*

Книга эссеистики Сергея Голлербаха, академика американской Национальной Академии дизайна, посвящена послевоенному Нью-Йорку. Как обживали «лучшую Америку» и «город греха» Displaced Persons, Второй мировой войной «перемещенные лица»?.. Книга богато проиллюстрирована графикой Голлербаха, «летописца в красках» города Большого Яблока.

**SERGE HOLLERBACH
NEW YORK ON MY MIND:
*Memoirs of a Displaced Person***

New York: The New Review Publishing, 2015. 160 pp., ill. In English. \$ 25.95

During WWII, as a Russian teenager, Serge Hollerbach was sent to a work camp in Nazi Germany; after the war, he refused to return to the USSR. He immigrated to the U.S., where he went from being a worker at a tie-making factory to an academic and national award laureate. The book is a distinctive story of the post-war and long-forgotten New York. His stories portray a brilliant sense of style, with the subtle humor of a real New Yorker. Hollerbach is a true artist of the City, both in painting and in word. There are many illustrations – the artist's drawings created during the last 65 years.

**SERGE HOLLERBACH
FROM A PERSONAL POINT OF VIEW**

New York: The New Review Publishing, 2016. 112 pp., ill. In English. \$ 15.00

Short Essay Collection about Art, Culture, Philosophy, and Society.

THE NEW REVIEW PUBLISHING:

The New Review, Inc.

611 Broadway, suite 902 New York, New York 10012

newreview@msn.com 212-353-1478

Владимир Хазан

«Общение в высоком плане...»

Письма Софии Прегель к М. С. и М. О. Цетлиным

Вклад четы Цетлиных, меценатов, общественно-культурных деятелей, издателей и редакторов – поэта, переводчика, беллетриста и литературного критика Михаила Осиповича (псевд. Амари; 1882–1945) и Марии Самойловны (урожд. Тумаркиной; в 1-м браке Авксентьевой; 1882–1976) – в социально-политическую и культурную жизнь как «России-1» (метропольной), так и «России-2» (эмигрантской), поистине безмерен. И хотя связанных с ними архивных и исследовательских материалов опубликовано в последние годы уже немало, *data vitae* обоих давно нуждается в пространном монографическом описании¹.

Известная эмигрантская поэтесса, прозаик, общественный деятель, редактор-издатель, благотворитель София Юльевна (Юделева) Прегель (1897–1972) состояла в родстве с Цетлиными через своего брата, Бориса Юльевича (Юделеви́ча) Прегеля (1893–1976), женатого вторым браком на Александре Николаевне (урожд. Авксентьевой; 1907–1984), дочери Марии Самойловны от известного революционера и общественно-политического деятеля Н. Д. Авксентьева. Поэтому, помимо сугубо формальных отношений, между поэтессой Софией Прегель и Михаилом Цетлиным, одним из ведущих литературных критиков эмиграции, возглавлявшим к тому же отдел поэзии в авторитетных «Современных записках», существовали и отношения неформальные – дружеские и семейно-родственные. Вместе с тем едва ли только этим объясняется тот факт, что Михаил Осипович явился рецензентом всех трех поэтических сборников Прегель, изданных в Париже до Второй мировой войны: «Разговор с памятью» (1935)², «Солнечный произвол» (1937)³ и «Полдень» (1939)⁴. Нужно полагать, что поэзия Прегель привлекала его и своим содержанием, и своим мастерством, а сам автор – энергичным общественным темпераментом и трудовым рвением, отразившимися, помимо прочего, в нижепубликуемых письмах.

Следует сказать, что эти письма проливают свет на малоизвестный эпизод из жизни Прегель – ее роль и участие в подготовке серии

«Русские поэты», в которой перед Второй мировой войной увидел свет ряд поэтических сборников, включая ее собственную книгу стихов «Полдень», упомянутую выше. Сама эта серия была основана И. И. Фондаминским в рамках издательства «Современные записки» в содружестве с «Домом книги», и, помимо «Полдня», в ней увидели свет еще девять выпусков:

Вып. 1 (1938) – «Наедине» В. Смоленского (62 с.);

Вып. 2 (1938) – «Сияния» З. Гиппиус (47 с.);

Вып. 3 (1938) – «На ветру» Ю. Терапиано (46 с.);

Вып. 4 (1938) – «В венке из воска» Б. Поплавского (62 с.);

Вып. 5 (1939) – «На западе» Г. Адамовича (62 с.);

Вып. 6 (1939) – «Жалоба и торжество» А. Гингера (48 с.);

Вып. 7 (1939) – «Кровь на снегу: Поэма о декабристах» Амари (М. Цетлина) (60 с.);

Вып. 8 (1939) – «Полдень» С. Прегель (94 с.);

Вып. 9 (1939) – «Человек: поэма» Вяч. Иванова (116 с.);

Вып. 10 (1939) – «Окна на север» И. Кнорринг (58 с.).

Письма Софии Юльевны Цетлину в известном смысле конкретизируют то место, которое она занимала в этом предприятии. Одновременно становятся более ясными некоторые стороны задуманного и осуществляемого И. И. Фондаминским издания, главной финансовой опорой которого должна была служить проводимая предварительно подписочная кампания – метод в условиях эмигрантского книжного рынка достаточно распространенный, когда успех дела, и немалый, зависел от общественного авторитета «агентов», бравшихся обеспечивать такую подписку. Прегель, по существу, и оказалась одним из таких «агентов».

Ее письма адресованы Цетлину в Англию, куда он, будучи одним из совладельцев фирмы «Wyssozky Tea Company»⁵, офис которой находился в Лондоне, порой надолго отлучался из Парижа (в октябре 1938 его сменил на этом посту Б. Ю. Прегель⁶). Одно из ее писем Михаилу Осиповичу (№ 5, от 26 июля 1944) написано уже в США, куда обе фамилии – Цетлины и Прегели – перебрались, спасаясь от гитлеровской оккупации Франции.

Как известно, по приезде в Америку Цетлин в содружестве с М. А. Алдановым основал в 1942 г. «Новый Журнал», и почти одновременно с ним, там же, в Нью-Йорке, свет увидел другой журнал – «Новоселье», плод организаторских и редакторско-издательских усилий Прегель, которая так же, как и Цетлины, перед угрозой оккупации немцами Франции перебралась в США.

Война, поставившая под угрозу существование гуманистических ценностей и жизни человечества вообще, была воспринята Софией

Юльевой не как абстрактное, а как вполне конкретное зло: фашизм бросал вызов достоинству ее единичного человеческого «я», унижал нравственно и психологически, возмущал как личность. Необходимо было найти какое-то действенное противостояние этому всемогущему варварству, несущему смерть и разрушение, и замысел «Новоселья», по существу, явился выражением протестующего сознания и воли Прегель и ее окружения, мыслившего и чувствовавшего в точности, как она. Решающим импульсом мировоззренческой схватки Прегель с нацизмом как идеей и политической силой стало нападение Германии на Советский Союз. Она решает вложить силы и средства в периодическое издание, способное объединить вокруг себя антифашистские, либерально-демократические творческие силы, не только русскоязычные, но имевшие международный статус, влияние и известность. В результате возникло, пользуясь определением Н. Е. Андреева, «живое, беспокойное, ищущее ‘Новоселье’, детище Софии Прегель»⁷.

В письме к Н. В. Кодрянской от 15 декабря 1941 г. автор этого детища, подчеркивая переживаемый ею творческий энтузиазм, писала: «Я теперь испытываю настоящий подъем. Хочется быть активной. Так надоело обывательское хождение ‘мимо жизни’. Нью-Йорк ничуть не изменился. Первое условие победы: не падать духом, продолжать свое маленькое дело, как будто бы земля ‘не задрожала’ еще»⁸.

С момента своего возникновения журнал «Новоселье» внятно ориентировался не только на антифашистскую идеологию, но и на патриотические российские ценности, и это провело решительную грань между Прегель и той частью эмиграции, которая, отличаясь не меньшим, нежели она, либерализмом, в отношении к Советскому Союзу занимала куда более жесткие и непримиримые позиции. Так, например, в письме к Н. Н. Евреинову от 17 августа 1945 г. Прегель писала о произошедшем между ней, с одной стороны, и В. М. Зензиновым и Б. И. Николаевским – с другой, идеологическом разладе: «Что касается Зензинова, Николаевского, то я с ними не встречаюсь. Сами понимаете почему. ‘Новоселье’ заняло позицию, которая им не по душе. А мне их – буквально отвратна. Странно, бывшие ‘аристократы’ стали патриотами, а ‘бывшие’ социалисты оскандалились...»⁹

Далеко не все, однако, были готовы, подобно Прегель, индугировать большевистское зло из-за того, что на него обрушилось другое зло – нацистское. Показательной в этом смысле является известная история с В. Набоковым, к которому Прегель обратилась по старой памяти, как к давнишнему, еще по берлинским временам, знакомому и просила прислать стихи для журнала. В. Набоков, осведомленный о политическом направлении «Новоселья» и, кстати сказать, в феврале 1945 г. порвавший отношения с М. Слонимом из-за просоветских

взглядов последнего, отвечал стихотворным экспромтом, ясно дававшим понять, что его позиция касательно «barbarous regime»¹⁰ идет вразрез с «патриотическим трепетом», который являлся священным для «новоселов»¹¹:

Каким бы полотном батальным ни являлась
советская сусальнейшая Русь,
какой бы жалостью душа ни наполнялась,
не поклонюсь, не примирюсь

со всею мерзостью, жестокостью и скукой
немного рабства – нет, о нет,
еще я духом жив, еще не сыт разлукой,
увольте, я еще поэт¹².

Нет нужды объяснять, что подобный текст, резко оппозиционный тем «символам веры», которые исповедовало «Новоселье», никак не годился для этого журнала¹³.

Через три дня после того, как стихи были отосланы Прегель, в письме от 5 апреля 1943 г. к своему приятелю, американскому писателю и литературному критику Э. Уилсону (владевшему русским языком), Набоков, приведя их английский перевод, сообщал: «Вот стихотворение, которое я послал редактору ‘Novoselye’ в ответ на оптимистическую просьбу дать им что-то свое»¹⁴.

К сожалению, крайне любопытная ситуация почти одновременного учреждения в Нью-Йорке в одном и том же 1942 г. двух русских журналов, почти никак не представленная в архивных собраниях обеих сторон, остается «за кадром» и в данных письмах. Насколько позволяют судить сохранившиеся свидетельства, вроде бы никаких особенных трений между редакторами-издателями «Нового Журнала» и «Новоселья» не происходило, чего, однако, нельзя сказать о вольно или невольно сравнивающей их между собой читательской аудитории. Так, скажем, А. А. Гольденвейзер, особого пиетета к прегелевскому предприятию, как видно, не испытывавший, в письме к Е. А. Фальковскому от 30 декабря 1944 г. писал об издающихся в США «хорошем» «Новом Журнале» и «плохом» «Новоселье»¹⁵.

Отметим, между прочим, в качестве «примиряющей» демонстрации некой, что ли, принадлежности обоих журналов родственным кланам, тот факт, что оформление обложек того и другого принадлежало А. Н. Прегель. (Для «Нового Журнала» позднее новую обложку сделал М. Добужинский.)

Другая часть включенных в данную публикацию писем Софии

Юльевны адресована М. С. Цетлиной – человеку с крайне непростым характером, привыкшей в условиях неизменного жизненного достатка и исполнения малейших прихотей и желаний повелевать и властно распоряжаться. Недаром снайперски прицельная на глаз и слово В. Н. Бунина окрестила ее «матушкой-барыней»¹⁶. О том, как складывались отношения Цетлиной и Прегель после породнения, почти ничего не известно. Крайне скупа документальная информация, касающаяся их связей в Нью-Йорке, где они оказались в годы Второй мировой войны. В 1948 г. Прегель вернулась из приютившей ее Америки в Париж, и возникшее между ней и Цетлиной, говоря цветавским стихом, «расстояние: версты, мили» потребовало письменной коммуникации.

Как можно думать, одной из главных причин достаточно ровных отношений с Марией Самойловной была предельная «политкорректность» Прегель, старавшейся ничем не подорвать «имидж» «матушки-барыни» и, в то же время, сохранить известную дистанцию, необходимую для собственной независимости и свободы. Если вернуться в американские годы, к «Новоселью», то эта свобода должна была закрепить приверженность Софии Юльевны раз и навсегда выработанной политической линии журнала – для Цетлиной, конечно, неприемлемой. Наиболее известным инцидентом, в буквальном смысле потрясшим эмиграцию и имевшим серьезные последствия как для отдельных вовлеченных в него участников, так и для русской зарубежной литературы в целом, было открытое письмо Марии Самойловны Буниным, ближайшим в прошлые годы друзьям (от 20 декабря 1947), в котором она объявляла о разрыве с ними каких-либо отношений. Причиной послужил выход обоих из Союза писателей и журналистов в Париже в знак солидарности с теми, кто был из него исключен как взявшие советские паспорта (В. Н. Бунина вышла из Союза 22 ноября, Бунин – 11 декабря 1947). В качестве ответного шага на это письмо И. А. Бунин прекратил свое сотрудничество в «Новом Журнале»; его сторону принял М. А. Алданов, один из основателей журнала. На основе этого конфликта, приобретшего звучный и широкий публичный резонанс и горячо обсуждавшегося эмигрантскими кругами по обе стороны океана, произошли резкие размежевания и расколы между теми, кто по-разному к нему отнесся и соответственно по-разному солидаризировался с одной или другой позицией. В результате произошел разрыв не только Бунина–Алданова с Цетлиной, но и Ивана Алексеевича с Б. К. Зайцевым, чья дружба насчитывала несколько десятилетий. Данный инцидент уже подробно описывался¹⁷, многократно, по разным поводам реферировался и поэтому не нуждается в дополнительном изложении. Интереснее обратить внимание на другое.

Реагируя на указанное письмо Цетлиной Бунину, остроироничная Тэффи писала Ивану Алексеевичу 8 января 1948 г.:

«Меня страшно возмутила Марья Самойловна. Папская булла. Предала анафеме. А ведь сама усижена коммунистками, как зеркало мухами: Шура, Ангелина, сам толстопузый Прегель ‘отдает должное советским достижениям.’

Пишу бессвязно, но уж очень меня возмутила ее выходка. Эдакая дура наглая»¹⁸.

Комментируя это место из письма Тэффи, его публикаторы совершенно справедливо отмечают прокоммунистический настрой дочери М. О. и М. С. Цетлиных Ангелины (см. о ней прим. 4 к письму № 10 от 16 апреля 1956)¹⁹. К этому, однако, следует добавить не названную, но, как видно, подразумеваемую автором письма Прегель (в чьем журнале, кстати сказать, Тэффи несколько раз публиковалась), а также то, что и Борис Юльевич, и, вероятно, Александра Николаевна в той или иной степени разделяли советофильский дух «Новоселья» и «отдавали должное советским достижениям».

Если говорить о Борисе Юльевиче, то своего пика эти настроения достигли в годы войны. Перебравшись из Франции в США, Б. Ю. Прегель стал одной из ключевых фигур в Eldorado Gold Mines Ltd. – крупнейшей американско-канадской компании по поиску и разработке урановых месторождений, добыче, обработке и продаже урановой руды. В ноябре 1940 г. он подписал с этой компанией контракт и стал ее главным торговым агентом. Созданная им торгово-промышленная фирма International Uranium Mining Company, которую он и возглавил (их с Софией Юльевной младший брат Александр занял в ней должность вице-президента), со временем оказалась поставщиком очищенного урана для Манхэттенского проекта по созданию американской атомной бомбы²⁰. В политических кругах, отвечавших за разработку атомного оружия, Прегель получил прозвище «the uranium king»²¹.

В 1943 г. Борис Юльевич продал партию урана (1000 pounds – чуть более 450 кг) Советскому Союзу. И хотя действовал он вполне легально, с ведома американского правительства и лично президента Ф. Рузвельта, в 1949–1950 гг., в эпоху маккартизма и начинавшейся «холодной войны», к нему были предъявлены серьезные претензии со стороны соответствующих государственных ведомств и служб безопасности. Разумеется, данная торговая сделка не имела и не могла иметь решающего значения в развитии советской атомной программы, однако сам по себе данный факт в новом политическом контексте приобрел весьма небезобидный смысл. Результатом этого

стало судебное разбирательство и слушание дела в комиссии американского Конгресса²². В итоге проведенного расследования было однозначно доказано, что Прегель не совершал никаких противоправных действий, тем более не приходилось говорить о государственной измене: все подозрения в пособничестве Советскому Союзу, если таковые и могли возникнуть, с него были сняты. И все-таки более чем сомнительно, чтобы на эту торговую сделку пошел бы убежденный антикоммунист, человек, который, помимо чисто коммерческой выгоды, не отдавал бы «должное советским достижениям».

В этом контексте между традиционным дружеским кругом Цетлиной – эсеровскими деятелями-эмигрантами, непримиримыми оппонентами большевиков, и членами ее семьи должны были ощущаться известные разногласия, которые, без сомнения, и ощущались, чему можно отыскать немало подтверждений. Так, скажем, находившаяся в это время в США Прегель, сообщая А. В. Бахраху (письмо от 28 декабря 1951), что она вместе с братом и невесткой приглашена на Новый год «к Марии Самойловне, в ее загородную резиденцию», с облегчением замечала, что там «не будет ни ‘политкаторжан’, ни друзей ее детства. И то хлеб!»²³. И, описывая в письме к нему же (от 2 января 1952), как прошло праздничное застолье у Цетлиной, она особо подчеркивала, что «политические друзья М[арии] С[амойловны] блистали отсутствием, так что говорили о предметах, всем одинаково милым»²⁴.

Нет решительно никаких оснований, а главное – доказательных данных, утверждать, будто бы политические симпатии и антипатии каким-то образом влияли на семейные связи и отношения цетлинского и прегельского домов. Тем более что противоречия, если таковые в самом деле имели место, по-видимому, сглаживались и выравнивались благодаря искусству межчеловеческой дипломатии, а также постепенному, но неуклонному отступлению «новосельского» редактора от тех категорических «патриотических» императивов, которых она держалась в период войны и в первые годы после нее. Существенно важной в этом отношении была широко известная общественная активность обеих женщин – их склонность заниматься чужими делами, отдавая им и время, и нервы, и душевные силы, а нередко и собственные средства (см. фразу Прегель из письма № 16, от 18 февраля 1959: «Вы спрашиваете относительно 15.000 т[ысячах] фр[анков] Б. К. Зайцева. – Сейчас же по получении Вашего письма Соломон Георгиевич дал мне эти деньги, и я немедленно отнесла их С. А. Водову»). Крайне показательно, что и София Юльевна, и Мария Самойловна оказались вовлечены в судьбу Мити – Дмитрия Петровича Сазонова (1921–2008), сына близкой приятельницы

Прегель Юлии Леонидовны Сазоновой (Сазоновой-Слонимской; урожд. Слонимской; 1884–1957), писательницы, историка литературы и театра, литературного, театрального, балетного и музыкального критика, специалиста в области кукольного театра, актрисы, танцовщицы, режиссера и переводчицы²⁵, и живописца-«мирискусника» Николая Дмитриевича Миллиоти (Миллиоти; 1874–1962). Ю. Л. Сазонова рассталась со своим официальным супругом, актером и режиссером Петром Павловичем Сазоновым (1883–1969) после того, как в 1920 г. эмигрировала из России, а тот остался в Советской России. По воле собственного равнодушия и сердобольного характера Прегель стала свидетельницей, а в определенном смысле и участницей, сложных жизненных ситуаций, связанных с отношениями матери и сына, а позднее, перед смертью самой Ю. Л. Сазоновой, – драмы, произошедшей между ней и Н. Д. Миллиоти. Образ несчастного, не совсем душевно здорового Мити появляется в ниже публикуемых письмах Прегель, которая, изо всех сил желая ему помочь, в то же время была бессильна сделать что-либо для этого способного, но выбитого из нормального существования человека (см. ее письма №№ 15, 16 и 17, соответственно, от 11 и 18 февраля и 24 декабря 1959 г.).

Наконец, и это главное: хорошие отношения Прегель и Цетлиной возникали по естественной прихоти родственного чувства, природу которого София Юльевна довольно удачно как-то сформулировала в письме к брату Борису (от 15 февраля 1949): «...с близкими хотелось бы всегда иметь общение в высоком плане...»

«Общение в высоком плане» Прегель с Цетлиной проявлялось, в частности, в постоянных книжных подарках последней: в 50-е гг. она неизменно присылала из Нью-Йорка книги, выходившие в Издательстве им. Чехова. Для Софии Юльевны, привыкшей быть в курсе самых свежих литературных новинок, эти книжные сувениры были не просто знаком внимания, но поддерживали высокий ранг ее общественно-литературного реноме: не так много творческих деятелей в тогдашнем Париже могли похвастаться тем, что имели доступ почти ко всей книжной продукции, выходившей под маркой «чеховского» издательства, и, что было в особенности ценно, – держали бы ее «под рукой», в домашней библиотеке.

Тем не менее, как отмечала Прегель в одном из своих писем к уже упоминавшемуся А. В. Бахраху (от 4 февраля 1952), ее дружеские отношения с Цетлиной были достаточно хрупкими и непрочными: «Ниточка может каждую секунду порваться. Это почище игры в фанты...»²⁶

Наряду с сугубо семейно-родственными контактами Цетлиной и Прегель, нельзя не отметить участие последней в издаваемом

Марией Самойловной журнале «Опыты»²⁷, на страницах которого София Юльевна как поэтесса появилась, правда, лишь однажды: в 5-й книжке за 1955 г. (сс. 8, 9) были напечатаны два ее стихотворения: «Азбука счастья» («В равнодушии и бесстрастье...») и «Париж» («Нет, он праздничный, не всегдашний...»). Кроме того, «Опыты» дважды отзывались рецензиями на ее поэтические сборники – обе они принадлежали Ю. Терапиано: на «Берега» (1954, № 3, сс. 197-198) и «Встречу» (1958, № 9, сс. 95-97).

Возможно, не стоит делать далеко идущих выводов из некоторых действий Цетлиной по отношению к сестре своего зятя, о чем мы узнаем из переписки третьих лиц. Так, например, в письме Ю. Иваску, тогдашнему редактору «Опытов», Г. Адамович 20 октября 1959 г. сообщал:

«Марию Сам[ойловну] я видел несколько раз. Она сообщила мне («по секрету»), что вскоре должна получить ‘немножко денег’ и намерена издавать журнал – если ‘Опыты’ прекратятся. Узнав, что Рейзини склонен их взять, она заявила, что могла бы войти с ним в компанию, ‘в какой форме он захочет’. Свой журнал она хотела бы сделать не совсем таким, какими были ‘Опыты’: шире, в расчете на менее изысканных читателей. Возник (в разговоре) вопрос о редакторстве: она предложила мне разделить его с Вами. Я решительно отказался и, зная, что о редакторстве мечтает С. Ю. Прегель, – к тому же ее родственница, – выдвинул ее. На это М[ария] С[амойловна] ответила, что ‘Юрию Павловичу Прегель не подходит’, и вообще скисла»²⁸.

Доподлинно неизвестно, по какой именно причине «скисла» Мария Самойловна, и все-таки сама по себе семантика эпизода не может не быть принята во внимание при построении достоверной истории отношений двух столь известных общественных фигур. Одновременно с этим необходимо дальнейшее кропотливое накопление материала для расширения имеющейся в наличии нынешней фактологической базы. Этому, в сущности, и служит настоящая публикация.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в семейном архиве Цетлиных–Прегелей; исключение составляют два письма – № 1, от 11 февраля 1954 г. и № 13, от 18 февраля 1959 г.: они оказались среди бумаг Н. Л. Слонимского – как приложение к его письму брату, Александру Леонидовичу, от 29 апреля 1959 г. (РГАЛИ. Ф. 2281, оп. 1, е.х. 207, л. 15-17 об.). Приносим искреннюю признательность Ю. Гаухман (Чикаго) за предоставленную возможность познакомиться с этими письмами и разрешение их опубликовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. За неимением такового см. некоторые первоначальные опыты их биографического портретирования: *Т. Л. Никольская*. Ст. «Амари». Русские писатели, 1800–1917 / Биографический словарь. Т. 1. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1989, с. 57; *Ангелина Цетлин-Доминик*. Из воспоминаний / Евреи в культуре Русского Зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 1: 1919–1939 гг. // Сост. Михаил Пархомовский. – Иерусалим, 1992, сс. 288–309 (впервые: «Новый Журнал», 1991, № 184/185); *V.W. Zetlin*. Memoirs of My Father M. Zetlin / Творчество диаспоры и «Новый Журнал» // Под ред. М. Адамович и В. Крейда. – N.Y.: The New Review, 2003, сс. 58, 59; *А. Войскун*. О коллекции Марии и Михаила Цетлиных в Музее русского искусства (Рамат-Ган, Израиль) / Зарубежная Россия 1917–1939. Кн. 2. – СПб.: Лики России, 2003, сс. 487–492; *Н. Винокур*. «Всю нежность не тебе ли я несу...»: Альбом Марии Самойловны Цетлиной / «Наше наследие», 2004, № 72, сс. 39–405; *О. Демидова*. Дом Цетлиных как локус русско-еврейской культуры в эмиграции / Русско-еврейская культура // Под ред. О. В. Будницкого <et al.> – М.: РОССПЭН, 2006, сс. 390–405; ее же: «Ей Серебряный век обязан существованием» (К биографии М. С. Цетлиной) / *Jews and Slavs*. Vol. 17: The Russian Word in the Land of Israel, the Jewish Word in Russia // Ed. by Vladimir Khazan and Wolf Moskovich. – Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem; Center for Slavic Languages and Literatures, 2006, pp. 205–213; *Владимир Хазан*. Два сюжета на тему «Русская литература Серебряного века и Запад» / *L'Âge d'argent dans la culture russe*. – Lyon: Université Jean-Moulin; Centre d'Études Slaves André Lirondelle, 2007, pp. 175–184 (Modernités russes 7); его же: «Он был поэтом не только в своих стихах, но и в жизни» (материалы к портрету Михаила Цетлина / Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сборник статей и материалов // Под ред. Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. – М.: Новое литературное обозрение, 2010, сс. 66–103; его же: О потомках российского «чайного короля» и еврейских деньгах: Документальное повествование / Лехаим (Москва), 2010, №№ 10–12; М. О. Цетлин (Амари). Целное чувство: Собрание стихотворений // Общ. ред., сост., подг. текста и коммент. В. Хазана. – М.: Водолей, 2011 и др.
2. «Современные записки», 1935, № 58.
3. «Современные записки», 1937, № 67.
4. «Современные записки», 1940, № 70.
5. Более подробно об этой стороне его жизни и деятельности см.: *Владимир Хазан*. О потомках российского «чайного короля» и еврейских деньгах: Документальное повествование / Лехаим (Москва), 2010, №№ 10–12; *Леонид Лифлянд, Владимир Хазан*. Тот самый Высоцкий / Евреи в России: Неизвестное об известном. – М.: Достоинство, 2012, сс. 159–167; *Владимир Хазан*. Из повести об одном еврейском семействе / Евреи: другая история // Сост., отв. ред. Г. С. Зеленина. – М.: РОССПЭН, 2013, сс. 307–355.

6. *Андрей Рогачевский*. Как это делалось в туманном Альбионе: русские евреи в Британии и их торговые империи / Евреи: другая история // Сост., отв. ред. Г. С. Зеленина. – М.: РОССПЭН, 2013, с. 372.
7. *Ник. Андреев*. Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом (Опыт постановки темы) / Русская литература в эмиграции // Под ред. Н. П. Полторацкого. – Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1972, с. 29.
8. Leeds Russian Archive, Brotherton Library (University of Leeds). MS. 1408.
9. РГАЛИ. Ф. 982, оп. 1, ед. хр. 239. При этом В. М. Зензинов, следует заметить, явился одним из авторов «Новоселья»: в первых двух книжках были опубликованы его воспоминания о годах молодости, а в № 7 за 1942 г. (сентябрь-октябрь) – о встречах с Л. Н. Толстым.
10. Определение, которым В. Набоков охарактеризовал советский строй в комментарии к пушкинскому «Евгению Онегину», см.: Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin: in four volumes. Vol. 1 / Transl. from Russian with Commentary by Vladimir Nabokov. – Princeton University Press, 1964, p. 79.
11. О чем, не называя имен, шла речь в его выступлении на авторском вечере 7 мая 1949 г., на котором читались эти стихи, см.: *Владимир Набоков*. Стихи и комментарии: Заметки [для авторского вечера 7 мая 1949 года] / Вступ. ст., публ., коммент. Г. Б. Глушанок // «Наше наследие», 2000, № 55, сс. 86, 89.
12. Письмо В. Набокова от 2 апреля 1943 г. с этими стихами, адресованное Прегель, см.: Из архива Софии Юльевны Прегель / Публ. и вступ. заметка Юлии Гаухман в: «Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе». Т. IV: 1939–1960 гг. // Сост. и изд. М. Пархомовский. – Иерусалим, 1995, с. 281. Без имени автора стихотворение было опубликовано в нью-йорском «Социалистическом вестнике» (1944, № 37).
13. Об истории его допечатного бытования, публикации и читательско-критической рецепции см. работу Г. Б. Глушанок, упомянутую в прим. 11; а также: *В. В. Набоков*. Стихотворения / Подг. текста, сост., вступ. ст. и прим. М. Э. Маликовой. – СПб.: Академический проект, 2002, с. 569-571 («Новая Библиотека поэта»).
14. *В. Набоков, Э. Уилсон*. «Дорогой Пончик. Дорогой Володя»: Переписка. 1940–1971. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013, с. 142.
15. *Алла Зейде*. Без Империи. Тексты и Контексты жизни русского еврея Алексея Александровича Гольденвейзера. Алексей Гольденвейзер. Дневники и письма разных лет. – *Ab Imperio*, 2005, № 3, с. 391; А. А. Гольденвейзер и Набоковы (По материалам архива А. А. Гольденвейзера) / Публ., вступ. ст. и коммент. Г. Б. Глушанок / Русские евреи в Америке // Ред.-сост. Э. Зальцберг. – Иерусалим–Торонто–СПб. 2007, вып. 2, с. 121.
16. В письме к Н. В. Кодрянской от 17 февраля 1948 г. (НИОР РГБ. Ф. 503, п. 3, ед. хр. 11, л. 2).
17. *А. Н. Дубовиков*. Выход Бунина из парижского Союза писателей /

Литературное наследство. Т. 84, в 2-х книгах: *Иван Бунин*, кн. 2. – М.: Наука, 1973, сс. 398–497; Конфликт М. С. Цетлиной с И. А. Буниным и М. А. Алдановым: (По материалам архива М. С. Цетлиной) / Публ., вступ. заметка и коммент. Михаила Пархомовского // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. IV: 1939–1960 гг. // Сост. и изд. М. Пархомовский. – Иерусалим, 1995, сс. 310–325.

18. Переписка Тэффи с И. А. и В. Н. Буниными 1939–1948 / Публ. Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер // Диаспора: Новые материалы. Вып. 2. – СПб.: Феникс, 2001, с. 549; В. Н. Бунина перенесла это письмо в свой дневник (запись от 10 января 1948), см.: Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3-х томах. Т. 3 / Под ред. Милицы Грин. – Frankfurt am Main: Посев, 1982, сс. 186–187.

19. Переписка Тэффи с И. А. и В. Н. Буниными 1939–1948. С. 550.

20. Более подробно см.: *R. Rhodes. The Making of the Atomic Bomb.* – N.Y.: Simon&Schuster, 1986.

21. Там же. С. 140.

22. См. об этом, например: 1943 Uranium Sale to Russia Charged. – *The New York Times*, 1950, № 33604, January 25, p. 11; Mining. – *Time: The Weekly Newsmagazine*, 1950, March 13, pp. 31–32.

23. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Columbia University, New York). Ms. Coll. Alexander Bacherac. Box 8.

24. Там же.

25. Ю. Л. Сазонова была одним из плодотворнейших авторов «Новоселья».

26. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Columbia University, New York). Ms. Coll. Alexander Bacherac. Box 8.

27. «Опыты» – литературный журнал (Нью-Йорк, 1953–1958; ред. – Р. Н. Гринберг, В. Пастухов (№№ 1–3), Ю. Иваск (№№ 4–9); всего вышло 9 книжек), см. о нем: Литературоведческий журнал, 2003, № 17; *Н. Богомолов. Опыты преодоления изгойства*. (эл. ресурс: http://imwerden.de/pdf/bogomolov_opyty.pdf).

28. Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н. А. Богомоллова / Диаспора: Новые материалы. Вып. 5. – СПб.: Феникс, 2003, сс. 530–531.

Письма Софии Прегель к М. О. и М. С. Цетлиным

1

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНУ¹

19.2./19/38

Дорогой Михаил Осипович!

Поэты, кот[орых] Илья Исидорович [Фондаминский]² собрал у себя, чтобы разъяснить им их право и обязанности, против ожидания вели себя образцово.

Даже присяжные скандалисты, вроде [Г.] Иванова³, Кельберина⁴ и т. д., проявили официальный восторг, а главное, благовоспитанность.

Позавчера у меня было собрание «en petit comité»⁵.

Илья Исид[орович Фондаминский], Шерман⁶ и я заседали и ломали головы, как бы заполнить побольше подписчиков.

Несмотря на то, что поэты пока ведут себя примерно, мы, памятуя прошлое, до конца на них не рассчитываем и возлагаем большие надежды на прозаических подписчиков – 25 франковых. – Ведь будет выпущено 20 экземпляров каждой книги на особой бумаге и с авторской надписью.

Но для этого дела нам нужны подписчики. Мы с Ильей Исид[оровичем] и Шерманом нашли уже около 10-ти.

На меня возложена миссия попросить Вас непременно достать хоть 2-х подписчиков в Лондоне.

Это нетрудно, и библиофилам даже приятно будет за какие-нибудь 25 фр[анков] иметь хорошо изданную книгу стихов.

Если бы я не написала об этом – все равно Вы получили бы по этому поводу письмо от Ильи Исидоровича.

Простите, дорогой Михаил Осипович, что занимаю Вас такой скучной материей.

Сергей Ник[олаевич Брейнер]⁷ и я шлем Вам горячий привет. Надеюсь скоро увидимся!

Искренно преданная Вам

S. Freyner

P. S. У меня накопилось много стихов, но боюсь их послать⁸. Они залеживаются в архиве и вянут, как цветы.

У Вас еще 3 «хороших» стихотв[орения] моих в запасе. Если мои

стихи могут наверняка пойти в след[ующем] номере [«Совр[емен-ных] Зап[исок»], пришлось еще парочку, чтобы легче было выбирать⁹.

1. Написано на почтовой бумаге с указанным адресом: 19 rue Marbeau, XVIe (Passy 05-38).

2. Илья Исидорович Фондаминский (Бунаков) (1880–1942), общественно-политический деятель, публицист, редактор, издатель, меценат.

3. Георгий Владимирович Иванов (1894–1958), поэт, прозаик, литературный критик, мемуарист. О непростых отношениях между Прегель и Ивановым см.: «Вы делаете прекрасное дело» (Письма С. Прегель к Р. Чеквер) / Публ., вступ. ст. и прим. Владимира Хазана // Русские евреи в Америке. Кн. 10 // Ред.-сост. Эрнст Зальцберг. – Торонто – СПб., 2015. (По указателю).

4. Лазарь Израилевич Кельберин (1907–1975), поэт, литературный критик, пианист.

5. en petit comité – маленький комитет; тесный круг (*фр.*).

6. Савелий Григорьевич Шерман (псевд. С. Савельев; 1894–1948), публицист, литературный критик, общественный деятель. Познакомился с Прегель в Берлине. Позднее, в Париже, куда они оба перебрались, оказался, как и она, близок к И. И. Фондаминскому и созданному им объединению «Круг». Один из членов, наряду с Прегель, т. н. «маленького комитета» – ближайших сподвижников И. И. Фондаминского по оказанию помощи культурным деятелям эмиграции и изданию серии сборников «Русские поэты».

7. Сергей (Шарль) Николаевич Брейнер (Charles N. Breuner; 1885–1971), инженер, предприниматель (издатель); 2-й муж Прегель. Выступал в «Новоселье» с политико-аналитическими статьями: «Внешняя политика Советской России» (1944, № 12/13, июль-авг., сс. 103–120), «Испания и аргентинская угроза» (1945, № 17/18, февр.-март, сс. 58–66), «Япония и мировая политика» (1945, № 22/23, нояб.-дек., сс. 91–103). После развода с Прегель жил в Нью-Йорке, занимался издательским бизнесом.

8. Имеются в виду стихи для журнала «Современные записки».

9. В ближайшей по времени к этому письму 66-й книжке «Современных записок» за 1938 г. (вышла в середине мая) было напечатано одно стихотворение Прегель: «Метались лошади сонные» (сс. 185, 186); ее стихи продолжали появляться в журнале и далее: в 68-й книжке за 1939 г. (первая половина марта) помещены три стихотворения: «Беспомощного воробья слабее...», «От чужих отгороженное...» и «Под вечер звезды всё ближе...» (с. 189–191) и, наконец, в последней, 70-й, книжке журнала за 1940 г. (апрель) – стихотворение «Луны голубые, огоньки фонарные...» (с. 125). Имея в виду 68-ю книжку журнала, Цетлин писал В. В. Рудневу из Лондона 26 ноября 1938 г.: «У меня есть – София Прегель (в этой книжке надо будет дать не меньше 2-х ее стихотворений, по-моему)». (См.: Внутриредакционная переписка / Публ. и прим. М. Шрубы // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива

редакции. Т. 1 // Под ред. Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. – М.: Новое литературное обозрение, 2011, с. 879.

2

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНУ

*[1939, не позднее 24 марта]*¹

Дорогой Михаил Осипович!

Как видите, наше издательство процветает. На книгу Адамовича получила даже заказ из Швейцарии. Правда, это первый и единственный отклик на все наши объявления².

Жаль, что так давно Вас не было в Париже. Из-за событий, правда, жизнь не налаживается, но кой-какое движение воды заметно.

«Объединение» регулярно устраивает вечера³. Недавно по материальным соображениям притянули к выступлению 2-х поэтесс из кружка «казаков-литераторов»⁴. Это был номер, достойный пера дореволюционной Тэффи.

Н[иколай] Н[иколаевич Евреинов] гордится успехами Русского театра. Евреинов отлично поставил «Недоросля». Так что все добродетельные персонажи ожили...⁵

Настроение у всех неважное. Даже профессиональные оптимисты «смизерняли»⁶ и слиняли. Ну ничего, как-нибудь все образуется.

С[ергей] Н[иколаевич] и я желаем Вам от души всего-всего доброго.

С горячим приветом

Ваша

С. Прегель

1. Датируется по содержанию.

2. См. об этом во вступительной статье.

3. Имеется в виду Объединение русских поэтов и писателей в Париже.

4. Судя по всему, подразумевается вечер прозы и стихов, устроенный Объединением поэтов и писателей 24 марта 1939 г., в котором приняли участие два члена Кружка казаков-литераторов – его секретарь, поэтесса и художница Евгения В. Жерве (Жерве-Номикосова) и княгиня Ирина Михайловна Полякова (Кантакузен-Полякова); на этом вечере свои стихи читала также и Прегель (См.: Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940: Франция, т. 3 / Под общ. ред. Л. А. Мнухина. – Paris: YMCA-Press; М.: ЭКСМО, 1996, с. 549).

5. В некрологе Прегель А. Кашина-Евреинова, вдова Н. Н. Евреинова, писала о том, что в 1938–1939 гг. София Юльевна уговорила его поставить в

Русском театре (100 rue Richelieu) фонвизинского «Недоросля», «имевшего неожиданно для всех огромный успех у русской публики Парижа» (*Анна Кашина-Евреинова*. Моя добрая Соня (Воспоминания о Софье Юльевне Прегель). – «Русская мысль», 1972, № 2913, 21 сент., с. 7). Сам режиссер упоминает Прегель как одну из тех, кто поддержал идею создания Театра русской драмы и, возможно, оказал этой инициативе необходимую финансовую помощь: «В 1936 году артисты А. Н. Богданов, С. Бартнев, Н. В. Петрункин и К. Г. Константинов, учитывая опыт прежних лет и судьбу антреприз, имевших место в Париже, нашли поддержку своему проекту нового ‘Русского театра’ у Ильи Ис. Бунакова (Фондаминского), В. М. Зензинова, у поэтессы С. Ю. Прегель (Брейнер) и основали сообща театр, продержавшийся крепко в зале ‘Журналь’ почти 4 сезона подряд» (*Н. Евреинов*. Памятник мимолетному (Из истории эмигрантского театра в Париже). – Париж, 1953, с. 36).

7. Одно из излюбленных словечек Прегель: плохо выглядеть, от польск. *mizernie* – плохо. См., например, в ее письме к Р. С. Чеквер от 12 августа 1954 г. в связи с А. С. Гингером: «Алек[сандр] Самсонович выглядит неважно, у него высокое давление. Видела его перед отъездом на остров и нашла, что он, как говорят поляки, ‘смизернял’» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Columbia University). Ms. Coll. R. Chekver. Box 2) или к В. Н. Буниной от 13 сентября 1956 г.: «Я как-то ‘смизерняла’, чувствую себя неважно» (Leeds Russian Archive, Brotherton Library (University of Leeds). MS. 1067).

3

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНУ

19.6.[19]39

Дорогой Михаил Осипович!

Как видите, бедный Ходасевич не выдержал-таки напора болезни и бедности. Он был на исследовании в больнице, где условия ужасны (во всех отношениях), затем его перевели в клинику – там он и скончался¹.

Похороны были тяжелые. У всех на душе было скверно, тягостно также протекал длиннейший католический обряд². Насколько у евреев все проще и серьезнее.

В общем, по выходе с кладбища мучительно захотелось *жить*, разговаривать, двигаться. Все гурьбой пошли в соседнее бистро...

Книга моя выходит на днях³. Как только она будет у меня на руках, pošлю Вам ее⁴.

Точных сведений о Тэффи у меня не имеется⁵. Головина⁶ уехала

в Швейцарию, а слухи о богатой невесте Смоленского⁷, кажется, сильно преувеличены.

С[ергей] Н[иколаевич] чувствует себя очень плохо. Вероятно, недели через 2 поедет куда-нибудь на воды. Еще неизвестно куда – ждем окончательного решения врачей.

С[ергей] Н[иколаевич] и я от души делаем Вам всего-всего наилучшего –

Искренно Ваша

С. Брейнер

1. В. Ф. Ходасевича не стало за пять дней до этого письма, 14 июня. Прегель, хорошо его знавшая и высоко почитавшая, принадлежит мемуарный очерк «О В. Ходасевиче» («Новое русское слово», 1941, № 10333, 25 мая, с. 8).

2. Рожденный в семье поляка и крещенной еврейки и получивший католическое религиозное воспитание, В. Ф. Ходасевич был похоронен по католическому обряду.

3. Имеется в виду упоминавшийся во вступительной статье сборник стихов «Полдень».

4. Как было сказано выше, Цетлин откликнулся на «Полдень» положительной рецензией.

5. Вероятно, Цетлин интересовался здоровьем Тэффи, которая в это время тяжело болела. См. ее письма к В. Н. Буниной от марта-августа 1939 г., где мотив болезни составляет главный фон описаний: Переписка Тэффи с И. А. и В. Н. Буниными 1920–1939 / Публ. Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер; Вступ. ст. Эдит Хейбер / Диаспора: Новые материалы. Вып. 1. – Париж – СПб.: Athenaeum – Феникс, 2001, сс. 413–421.

6. Алла Сергеевна Головина (урожд. баронесса Штейгер, во 2-м браке де Пелиши; 1909–1987), поэтесса, прозаик.

7. Владимир Алексеевич Смоленский (1901–1961), поэт. В связи с ним и Прегель с Цетлиной широко расцитирован рассказ В. Яновского, долженствующий подчеркнуть сердобольные характеры Софии Юльевны и Марии Самойловны: «Вот у Смоленского ‘закрывают’ газ, он идет к Софье Прегель или Цетлин за деньгами. Я спрашивал этих дам: ‘Почему вы это делаете? Ведь Смоленский, когда пьян, бросается *жидом* даже в вашем присутствии...’ Мне отвечали: ‘Как же без газа! У него дети, их надо кормить’» (В. С. Яновский. Поля Елисейские: Книга памяти / Предисл. Н. Г. Мельникова; коммент. О. А. Коростелева, Н. Г. Мельникова. – М.: Астрель, 2012, с 152). В Архиве Русского Зарубежья Дома-музея М. Цветаевой (Москва) хранится экземпляр сборника Прегель «Разговор с памятью», преподнесенный Смоленскому со следующей дарственной надписью: «Дорогому Владимиру Алексеевичу Смоленскому на добрую память. С. Прегель. Париж 13.5.35».

4

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ¹

[Не ранее 14 июня 1939]²

Дорогая Мария Самойловна!

Сейчас озабочена судьбой вдовы Ходасевича³.

Г. И. Шик⁴ обещала собрать для нее небольшую сумму. Ее хоть временно надо было бы поддержать.

Через пару месяцев она сумеет начать работать. Пока это измученный морально и физически изничтоженный человек!..

У нас за это время было немало переживаний.

Папа⁵ болел и теперь еще не совсем поправился⁶ – колибациллез⁷, сам по себе не опасный, измучил его вконец. Надеюсь, до приезда детей он хоть немного поправится. Он только и живет мыслью об их приезде!⁸

С[ергей] Н[иколаевич] сейчас должен серьезно полечиться.

Клара⁹, слава тебе Господи, не дома. Она живет под Парижем на даче, в русском пансионе.

Надеемся скоро увидеть Вас в Париже.

С[ергей] Н[иколаевич] и я крепко Вас целуем.

Любящая Вас

С. Брейнер

1. Возможно, письмо адресовано М. С. Цетлиной в Лондон, куда она отправилась навестить мужа, или в Виши, где она нередко проводила летнее время.

2. Датируется по содержанию, см. прим. 1 к предыд. письму.

3. Вдова В. Ф. Ходасевича – Ольга Борисовна Марголина-Ходасевич (урожд. Марголина; 1899 (по другим сведениям 1890) – после 14 сентября 1942; погибла в Аушвице).

4. Глафира Исааковна Шик (1885–1959), общественная деятельница, член Комитета помощи нуждающимся евреям России (с 1933); жена И. Я. Шика, предпринимателя (владелец меховой фирмы), общественного деятеля и благотворителя, дальняя родственница М. С. Цетлиной.

5. Юлий (Юдель) Владимирович (Вульфович) Прегель (?–1939), купец второй гильдии; отец Прегель.

6. Ю. В. Прегеля не стало 13 октября 1939 г.

7. Колибациллез (colibacillosis) – острое инфекционное заболевание.

8. Под «детьми» здесь имеются в виду Б. Ю. Прегель и его жена Александра Николаевна, проводившие летний отпуск вне Парижа.

9. Клара Юльевна (Юделевна) Прегель (в замуж. Каган; 1902–1969), сестра

Прегель. Seriously заболела еще в юности, позднее – болезнью Паркинсона; в зрелые годы стала предметом неустанных забот Софии Юльевны. В 50-е гг., практически парализованная, она поселилась в Каннах.

5

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНУ¹

26 июля 1944 г.

Дорогой Михаил Осипович,
мама² просит меня сказать Вам, как она тронута Вашим вниманием.

Болезнь подточила ее силы. И жара на нас совсем плохо повлияла.

Ее огорчает мысль, что она не могла сама Вам написать и поблагодарить за подарок.

Я все время провожу у мамы³. В Нью-Йорке полное затишье.

От души делаю Вам отдохнуть и поправиться.

Искренно Ваша

S. Breynner

Сердечный привет Марии Самойловне

1. Написано на почтовой бумаге, имеющей следующую «шапку»:

Charles N. Breynner, M.S., E.E.I.E.G.

330 West 72nd Street New York

2. Роза (Рухля) Иосифовна Прегель (урожд. Глазер; 1872–1944), пианистка и певица, мать Софии Юльевны.

3. Через короткий срок, очевидно в августе, Р. И. Прегель скончалась.

6

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ

18 апреля 1954 г.

Дорогая Мария Самойловна,

получила позавчера «Укрощение искусства» и в один присест прочла эту интереснейшую, хоть и весьма несправедливую и не всегда точную книгу¹. Самое интересное в ней – спорность утверждений!.. Не говорю уже о преклонении Е[лагина] перед МХТ. Станиславский – большой режиссер, но отнюдь не «великий старец»². Был Л. Н. Толстой, другого *великого старца* у нас не было... Гольденвейзера³ Е[лагин] терпеть не может (это по ассоциации с Толстым...⁴), etc.

Сведения об Ал. Толстом не отличаются точностью⁵. Но, повторяю, книга оказалась, против ожидания, *очень* интересной. А как мало хорошего и ценного выпускает Чех[овское] из[дательст]во.

Страшно благодарна Вам, дорогая Мария Самойловна, за внимание и подарок. Ваше внимание мне бесконечно приятно и ценно.

С[оломон] Г[еоргиевич Равницкий]⁶ шлет Вам привет. А я Вас крепко целую и желаю Вам всего-всего самого лучшего.

Ваша С[офия] П[регель]

Р. С. Исаак Вениаминович [Кодрянский]⁷ много мне о Вас рассказывал⁸. Это Ваш большой поклонник.

1. Речь идет о книге воспоминаний Ю. Б. Елагина «Укрощение искусств» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952). Воспоминания Елагина действительно не свободны от целого ряда фактических неточностей: так, смерть М. Булгакова он датирует 1938 г. (с. 128) – против аутентичного 1940 г.; Ю. Олеша оказывается в компании писателей (И. Бабель, Б. Ясенский, Н. Эрдман и мн. др.), которые были «арестованы и исчезли» (с. 140). Н. Эрдман, нужно заметить, хотя и был репрессирован, но выжил и умер в 1970 г. То же и в другом месте: после съемок фильма «Строгий юноша», поставленного по его сценарию, «Юрий Олеша был сослан в концлагерь» (с. 187); известный театральный деятель, руководитель Центрального детского театра Н. И. Сац, вопреки фактам, становится женой маршала М. Н. Тухачевского (с. 215). Мужем Н. И. Сац был нарком внутренней торговли СССР И. Я. Вейцер, расстрелянный в 1938 г., а она сама арестована как «член семьи изменника родины» и пять лет провела в лагерях.

2. Выражения «великий старец» по отношению к Станиславскому в книге нет; у Елагина сказано: «Станиславский был мудр, обаятелен и глубок» (с. 28).

3. Пианист, композитор и музыкальный педагог, народный артист СССР (1946) Александр Борисович Гольденвейзер (1875–1961) рисуется в книге как «человек хитрый, непорядочный, нелюбимый студентами (Московской консерватории. – В. Х.), но хороший музыкант и отличный администратор», и далее автор, несколько заостряя и преувеличивая политический конформизм старого музыканта, постулавшего на советскую службу, пишет о том, что он оказался «единственным, который принял активное участие на стороне правительства в предварительном совещании, предшествовавшем опубликованию декрета о музыке» (постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере 'Великая дружба' В. Мурадели» от 10 февраля 1948 г.) – том самом совещании в ЦК компартии, на котором Жданов «сравнил творчество Прокофьева, Шостаковича, Хачатурьяна (sic), Мясковского и других с 'музыкальной душегубкой или бормашиной зубного врача <...>» (с. 261, 276, см. также сс. 428–429).

4. А. Б. Гольденвейзер многократно бывал у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, играл ему и оставил о нем воспоминания: *А. Б. Гольденвейзер*. Вблизи Толстого: записи за пятнадцать лет. Тт. I-II. – М.: Кооперативное изд-во, 1922; см. также: *Н. Н. Гусев, А. Б. Гольденвейзер*. Лев Толстой и музыка. – М.: Музгиз, 1953.

5. Прегель наверняка имеет в виду то, что автор «Укрощения искусств» ошибочно связывает единой родственной линией троицу Толстых – Льва Николаевича, Алексея Константиновича и Алексея Николаевича – и даже пишет, что «Алексей Толстой старший (т. е. Алексей Константинович. – *В. Х.*) был братом деда Алексея Толстого младшего (т. е. Алексея Николаевича. – *В. Х.*)» (с. 140).

6. Соломон Георгиевич Равницкий (1892–1970), адвокат; племянник известного еврейского писателя, журналиста, редактора и издателя И. Х. Равницкого; третий муж Прегель (с апреля 1949). В ряде изданий (см., например: *Российское Зарубежье во Франции 1919–2000: Биографический словарь в 3-х томах / Под общ. ред. Л. Мнухина (et al.). – М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010, т. 2, с. 564*) С. Г. Равницкий дается с вариантом Ровницкий, что является ошибочным.

7. Исаак Вениаминович Кодрянский (в США: Jacques Codray; 1894–1980), врач, предприниматель; муж близкой приятельницы Прегель, детской писательницы, переводчицы, литературоведа, мемуариста, актрисы, мецената Натальи Владимировны Кодрянской (урожд. Гернгросс; 1901–1983).

8. И. В. Кодрянский, который часто прилетал из США в Европу по делам, находился в это время в Париже. См. также прим. 3 к след. письму

7

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ

27 августа 1954 г.

Дорогая Мария Самойловна,

Ваше внимание бесконечно трогательно, и я к нему очень и очень чувствительна. Книгу Ходасевича хотелось иметь¹ (как обидно, что его недооценили...)

Книгу [Б.] Зайцева успела бегло просмотреть². Много в последнее время думаю о судьбе Чехова. Почти все рассказы его прочла Ремизову вслух – это дало мне возможность лишний раз себя проверить.

Наташа Кодрянская с мужем в Vichy³. Жалуются на ноги. Вернутся они числа третьего [сентября]. Мария Григорьевна [Маги]⁴ приезжает 1-го сентября. Одним словом, жизнь продолжается...

Я лично в восторге от холодного лета – оно дало возможность наслаждаться пустынным августовским Парижем.

Еще раз благодарю за внимание и крепко Вас целую.

Ваша

СП[регель]

Соломон Георгиевич шлет привет.

1. Речь идет о книге В. Ходасевича «Литературные статьи и воспоминания» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954).

2. Имеется в виду книга Б. Зайцева «Чехов: литературная биография» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954).

3. В 1940 г. Кодрянские (см. прим. 7 к предыд. письму), которые жили в Париже, подобно Цетлиным и Прегелям бежали из оккупированной Франции в США. Несмотря на полученное ими американское гражданство, после Второй мировой войны они достаточно часто приезжали во Францию и подолгу задерживалась там, приобретя в 50-е гг. небольшую двухкомнатную квартиру на rue Paul Doumer и дом под Парижем (городок Elancourt), где оба и умерли.

4. Мария Григорьевна Магидович (Маги – *фр.* Magui) (урожд. Ставицкая; 1895–1979), общественный деятель; вице-председатель Очага для евреев-беженцев; жена предпринимателя, благотворителя, масонского деятеля Бориса (Бернара) Петровича (Пейсаховича) Магидовича (Маги; 1892–1952).

8

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ

25 сентября 1954 г.

Дорогой друг, милая и родная Мария Самойловна,

чемодан получила в четверг dans l'après – midi¹. Заехала за ним в испанское общежитие, где живет г[оспо]жа Vilar². Снеслась с А. П. Струве³, и в пятницу он заберет книги. Написала Вере Алексеевне Зайцевой⁴. Передам ей вещи в понед[ельник] или во вторник.

Получила также книгу Ходасевича, за кот[орую] приношу мою самую искреннюю и сердечную благодарность⁵. Многие статьи помню по «Возрождению» и тем не менее с огромным удовольствием перечитываю.

Книгу Аминадо только просмотрела⁶ и то, что он пишет о Мережковском, пропустила – —

Кодрянские уже подумывают о возвращении в Нью-Йорк – пора. Пока у них много хлопот и забот.

Шлю Вам мои горячие новогодние поздравления и пожелания⁷ и еще раз благодарю за всё.

Всегда Ваша

СП[регель]

Соломон Георгиевич шлет Вам привет и новогодние поздравления.

1. dans l'après – midi – в полдень (*фр.*).

2. Неустановленное лицо.

3. Алексей Петрович Струве (1899–1976), библиограф, антиквар, деятель культуры; сын видного политического и общественного деятеля П. Б. Струве, брат историка литературы, литературного критика, поэта, редактора Г. П. Струве.

4. Вера Алексеевна Зайцева (урожд. Орешникова; в 1-м замуж. – Смирнова; 1878–1965), жена (с 1912) писателя Б. К. Зайцева; дочь хранителя Императорского Российского исторического музея А. В. Орешникова.

5. См. прим. 1 к предыд. письму.

6. Речь идет о мемуарной книге Дон-Аминадо «Поезд на третьем пути» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954).

7. Имеется в виду еврейский Новый год («рош ха-шана»), празднующийся осенью.

9

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ

19 декабря 1955 г.

Дорогая Мария Самойловна,
получила чек и Мандельштама, за кот[орого] Вас от души благодарю¹. Целый день читала, не могла оторваться!

Должна сказать однако, что Чех[овское] из[дательст]во плохо *подает* стихи. Они убили таким способом Ахматову². Ведь в стихах многое зависит от *présentation*...

Тут Вас все ждут!

Видела Зайцевых (на юбилее Даманской³) и нашла, что Вера Алексеевна [Зайцева], как всегда, держится молодцом. Но боюсь, что она делает над собой слишком большое усилие. Дух силен, а тело немощно, и ей необходимо жить *потихоньку*...⁴

Если хотите, pošлю Вам для «Опытов» адреса, которые, может быть, пригодятся⁵.

Обнимаю и крепко целую Вас, моя дорогая, и еще раз благодарю за чудесное внимание.

Желаю к Новому году много-много радостей.

Всегда Ваша

СП[регель]

С[оломон] Г[еоргиевич] шлет привет и поздравляет с Н[овым] Г[одом].

1. Имеется в виду кн.: *Осип Мандельштам. Собрание сочинений* / Под ред. и со вступ. статьями Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. — Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955.

2. Прегель ведет речь о кн.: *А. А. Ахматова. Избранные стихотворения*. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. Об этом издании см. в ее письмах А. Бахраху, в частности, от 10 апреля 1952 г. (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Columbia University). Ms. Coll. Alexander Bacherac. Box 8): «Изданы стихи бедно, такой бумаги здесь раньше не водилось...»

3. 3 декабря прозаик, переводчица, литературный критик, драматург, мемуарист, один из авторов журнала «Новоселье» Августа Филипповна Даманская (урожд. Вейсман; 1875/1877?–1959), с явным несоответствием фактическому году рождения, праздновала свой 70-летний юбилей (в биографической справке, приложенной к ее роману «Миранда», выпущенному Издательством им. Чехова, она, по-видимому с ее собственных слов, также была омоложена: в качестве года рождения указан 1885, см.: *А. Даманская. Миранда*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953, с. 245). В связи с этим юбилеем Г. Адамович обращался к Прегель с просьбой (письмо от 7 ноября 1955) внести за него на подарок А. Даманской 1000 франков, которые он планировал вернуть по приезде в Париж (Письма Георгия Адамовича / Публ. и прим. В. Крейда, «Новый Журнал», 1994, № 194, с. 278).

Следует заметить, что Даманская несколько раз откликнулась положительными рецензиями на сборники стихов Прегель: «Разговор с памятью» («Сегодня», 1935, № 184, 6 июля, с. 8; подп. А. Д[аман]ская); «Солнечный произвол» («Сегодня», 1937, № 180, 4 июля, с. 12; подп. А. Д[аман]ская); «Берега» («Русские новости», 1953, № 433, 27 нояб., с. 4; подп. А[рсений] М[ерич]); ей также принадлежит благожелательная рецензия на журнал «Новоселье», который редактировала и издавала Прегель («Советский патриот», 1945, № 35, 22 июня, с. 3). О доверии, которое Даманская испытывала к Прегель, свидетельствует тот факт, что именно ей она завещала после смерти свой литературный архив. Последние годы жизни Даманская провела в старческом Доме Земгора в Cormeilles-en-Parisis, где и скончалась; похоронена 30 января на местном кладбище. См. ее некролог: *А. В. А. Ф. Даманская*. — «Русская мысль», 1959, № 1326, 5 февр., с. 5. В письме к Н. В. Кодрянской от 5 февраля 1959 г. Прегель сообщала (Leeds Russian Archive, Brotherton Library (University of Leeds). MS. 1408): «Здесь непрерывная цепь болезней, смертей: 28-го янв[аря 1959] утром меня вызвали к Даманской, она была уже без сознания — от ‘деталей’ я Вас избавляю... 30-го мы ее похоронили. Кроме администрации Дома [престарелых], были только Гржебины, я и директор больницы Ротшильда — Дам[анская] в письме, оставленном ею зав[едующей] Домом,

попросила о смерти ее дать знать *после* похорон... А вчера мне привезли весь ее литературный архив. Она мне *все оставила* (с соответствующими указаниями...) Можете себе представить, дорогая, как это тяжело!»

Три письма Прегель к Даманской (от 20 и 24 декабря 1956 и 20 сентября 1957) сохранились в архивном собрании последней (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Columbia University). Ms. Coll. Augusta Damanskaia. Box 1).

4. В 1957 г. с не отличавшейся крепким здоровьем Верой Алексеевной случился удар, и она в течение нескольких лет, до смерти, была парализована и прикована к кровати.

5. О том, что Цетлина являлась издательницей журнала «Опыты», см. во вступительной статье.

10

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ

16 апреля 1956 г.

Дорогая Мария Самойловна,
приехала 11-го [апреля]¹ и нашла здесь 2 книги проф[ессора] Шавельского². Уже бегло их просмотрела и нахожу, что материал чрезвычайно интересный. Иногда шокирует «асемитизм», приближающийся к антисемитизму, но всё покрывают несомненные достоинства книги. Для будущего историка это клад!

От души благодарю Вас, дорогая, за подарок и внимание.

Пользуюсь случаем, чтоб сказать, как мила Натали, какое это чудесное существо. Ее ямочки неповторимы. А серьезность – потрясает. И вместе с тем, она весела, жизнерадостна, полна всяких выдумок и «trouvailles»...³ Все более и более становится похожей на Михаила Осиповича. Это не только внешнее сходство, во всем облике есть нечто *общее*.

Катя похоронена и снова стала очаровательной... Alain, как всегда, мил и приветлив, настоящий джентльмен⁴.

От Шурочки [Прегель] Вы, наверное, знаете, что я 2 недели пробыла в Каннах. Грустно было оставлять Кларочку, ей очень не хватает *своих*.

Обнимаю Вас и крепко целую.

Соломон Георгиевич шлет Вам привет.

Ваша

СП[регель]

1. Прегель ездила к больной сестре в Канны (см. прим. 9 к п. № 4).

2. Имеются в виду двухтомные «Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота» Г. И. Шавельского (Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954).
3. *trouvailles* – находки, открытия (*фр.*).
4. У дочери М. О. и М. С. Цетлиных Ангелины Михайловны Цетлиной-Доминик (1917–1996) было трое детей: две девочки – Katie (1948), Natalie (1950) – от второго брака с Jean-François Dominique, и от первого, с Paul Krivitzky, – сын Alain (1940), в будущем – доктор-эндокринолог, профессор медицины.

11

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ

28 мая 1956 г.

Дорогая Мария Самойловна,
получила только что Ваше письмо. Не беспокойтесь, все будет в порядке!

Книги доставят по назначению («Русская мысль»), а чемодан с остальными вещами будет мирно ждать Вашего приезда.

В последний раз видела Зайцевых на панихиде по С. П. Ремизовой¹. Нашла, что выглядят оба, несмотря на все недомогания, хорошо. Ремизов даже поправился. Он умеет побеждать физические недуги. Довольно редкое качество!

Впрочем, скоро Вы всех увидите и сами будете судить о переменах. Заранее радуюсь встрече с Вами и крепко Вас целую.

Всегда Ваша

СП[регель]

P. S. Соломон Георгиевич шлет Вам привет.

P. P. S. После получения чемодана – напишу.

1. Панихида по ученому-палеологу Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло (1876–1943), жене А. М. Ремизова, проходила 19 мая. В этот день Прегель сообщала Н. В. Кодрянской: «Сегодня панихида по Серафиме Павловне» (Leeds Russian Archive, Brotherton Library (University of Leeds). MS. 1408).

12

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ

6 июня 1956 г.

Дорогая Мария Самойловна,
вчера Гингер привез чемодан из Гарша¹, где живет г[оспо]жа Гартман...²

Уже написала Б. К. Зайцеву; он пришлет «редакционного мальчика» за книгами. Часть книг мне удалось распространить³.

Получили уже:

- 1) Гингер⁴
- 2) Присманова⁵
- 3) Смоленский⁶

послала сегодня:

- 4) Кантору⁷
- 5) Маковскому⁸
- 6) Ремизову передам лично, как обещала.

Остальные получают свои книги в «Русской мысли». Свой экземпляр, за кот[орый] приношу сердечную благодарность, еще не успела прочесть. – Пока могу сказать только, что *оформление* превосходное.

Вещи все снова аккуратно сложила и заперла на ключ. Если захотите, могу еще до Вашего приезда доставить чемодан на 15 rue Raynouard⁹.

Радуюсь предстоящей встрече и крепко Вас целую.

Ваша

СП[регель]

С[оломон] Г[еоргиевич] шлет искренний привет.

1. Гарш (Garches) – городок примерно в 15 км западнее Парижа.

2. Ольга Аркадьевна Гартман (урожд. Шумахер; 1885–1979), певица, жена композитора Фомы (Томаса) Александровича Гартмана (1885–1956). Родилась в Санкт-Петербурге, в семье высокопоставленного чиновника. Вместе с мужем увлеклась эзотерическими учениями и стала одной из учениц, а впоследствии секретарем философа-мистика Г. И. Гурджиева. В соавторстве с мужем написала книгу «Наша жизнь с мистером Гурджиевым».

3. Очевидно, речь идет о книге переводов «Португальских сонетов» Э. Б. Браунинг, выполненных М. О. Цетлиным (в соавторстве с И. Астровым) и изданной стараниями М. С. Цетлиной (Нью-Йорк: Experiments, 1956); предисловие к книге написал Г. Адамович.

4. Александр Самсонович Гингер (1897–1965), поэт, прозаик, эссеист, издательский корректор; один из ближайших друзей Прегель; об их дружеских отношениях см. в кн.: *А. С. Гингер. Стихотворительное одержанье: Стихи, проза, статьи, письма: в 2-х томах / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана.* – М.: Водолей, 2013 (по указателю; переписка: Т. 2, сс. 257–268).

5. Анна Семеновна Присманова (собств. Присман; 1892–1960), поэтесса, прозаик; жена А. С. Гингера.

6. См. прим. 7 к п. № 3, от 19 июня 1939 г.

7. Михаил Львович Кантор (1884–1970), поэт, литературный критик, редактор.

8. Сергей Константинович Маковский (1877–1962), поэт, литературный и художественный критик, редактор, издатель, мемуарист; печатался в журнале Прегель «Новоселье»; являлся одним из руководителей парижского издательства «Рифма», которое после смерти в 1957 г. его основательницы и первого директора Р. С. Чеквер (см. о ней прим. 1 к след. письму) возглавила Прегель.

9. Адрес пансиона, в котором Мария Самойловна обычно останавливалась, приезжая из Нью-Йорка в Париж (16^е). Это был пансион, хорошо знакомый ей издавна: в 1927 г. семья Цетлиных некоторое время квартировала в нем, ожидая завершения ремонта в своей новой квартире на 59 rue Nicolo, куда они переехали из старой на 118 rue de la Faisanderie, приобретенной еще в дореволюционные времена. См. в письме М. О. Цетлина к Г. П. Струве от 29 января 1927 г. (10 писем М. О. Цетлина к Г. П. Струве / Публ., прим. Владимира Хазана. – «Новый Журнал», 2012, № 267, с. 169): «Мой адрес: 14 bis rue Raynouard, 5-й этаж, налево. Телеф[он] Auteuil 15-10».

13

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ

10 июля 1957 г.

Дорогая Мария Самойловна,
бесконечно тронута была Вашим вниманием. О книге, кот[орую] Вы мне прислали, слышала много хорошего.

«Опыты» Р. С. Чеквер еще не передала мне¹; видела ее в тот день, когда она ожидала прибытия багажа. Мне *показали* книжку «Опытов», но прочесть удалось только статью Варшавского, кот[орая] мне очень по душе².

Вчера встретила у Шурочки с Alain'ом³. Он совсем взрослый, но «шармирует» по-прежнему. В нем столько такта, сердечной вежливости. Одним словом, он обаятелен.

Можете себе представить, дорогая Мария Самойловна, как я радуюсь приезду Шурочки и Бореньки, – для меня это настоящий праздник!

Еще раз благодарю Вас за внимание, кот[орое] для меня очень ценно, и крепко целую.

Ваша

СП[регель]

Р. С. Соломон Георгиевич шлет привет.

Р. Р. S. А книга Гу[д]зенко⁴ пропала. «Невероятно, но факт!»

1. Речь идет о 8-й книжке «Опытов» за 1957 г., которую приехавшая из Нью-Йорка в Париж поэтесса, издательница, меценат Рахиль Самуиловна

(Самойловна) Чеквер (псевд. Ирина Яссен; 1893–1957) должна была передать Прегель, однако, судя по всему (см. след. письмо), так и не передала.

2. Имеется в виду статья В. Варшавского «К разговорам о Дудинцеве» (сс. 100–104).

3. См. прим. 4 к п. № 10, от 16 апреля 1956 г.

4. Семен Петрович Гудзенко (1922–1953), советский поэт.

14

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ

27 декабря 1957 г.

Дорогая Мария Самойловна,
поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю много-много счастья и «нахеса» (что такое «нахес» – узнаете у Шурочки!!)¹.

Спасибо большое за «Опыты»². Хороший номер. Жаль только, что мало беллетристики³. Читатель хочет иметь материал для чтения.

Часто разговариваю по телефону с Сергеем Акимовичем [Водовым]⁴. Видаемся редко, т. к. и он, и я заверчены...

Хочу на праздники пойти к Зайцевым. Вера Алексеевна так чудесно себя держит, так мужественно, что выходишь от них с чувством невыразимого умиления... Их взаимная любовь согревает душу.

А в общем, за последние месяцы было слишком много тяжелого. С трудом приходила в себя.

Обнимаю Вас, мой дорогой друг, и еще раз желаю всего-всего самого лучшего.

Целую

Ваша

СП[регель]

1. Нахес – удовольствие, радость (*идиш, ашкеназит*). Прегель не без известного подтекста отсылает Цетлину, которая к еврейским языкам (идишу, ивриту) испытывала устойчивое предубеждение, к дочери, превосходно владевшей библейским ивритом, см. об этом: *Владимир Хазан*. Художница Александра Николаевна Прегель говорит и пишет на иврите / Еврейский книгоноша (Иерусалим–Москва), 2002, № 1, сс. 52–55.

2. См. прим. 1 к предыд. письму.

3. Беллетристика в 8-й книжке была представлена отрывком А. Ремизова «Истины» (из романа «Плачущая канава») (сс. 6–20) и рассказом В. Варшавского «Рассеянность (Из записок художника)» (сс. 26–35).

4. Сергей Акимович Водов (1898–1968), журналист, редактор (один из основателей газеты «Русская мысль», с 1954 до конца жизни – ее редактор).

Уроженец Одессы, учился в одесской, затем в петербургской гимназии. Участник Гражданской войны, служил в Осваге. В 1920 г. эмигрировал и через Константинополь добрался до Праги, где учился на юридическом факультете Пражского университета. Один из учредителей Русского национального студенческого объединения, см.: «Студенческие годы», 1923, № 1. Член редколлегии журнала «Студенческие годы» (1923–1925). В 1925 г. переехал в Париж, сотрудничал в «Последних новостях». В 1926 г. – генеральный секретарь правления Общества по изучению проблем Лиги Наций. Его памяти посвящена страница «Русской мысли» (1968, № 2689, 11 июня, с. 3), среди авторов: Б. Зайцев, Г. Адамович, П. Ковалевский, К. Померанцев; см. также «Памяти С. А. Водова» Ю. Терапиано и «Сергей Акимович Водов» И. Одоевцевой («Русская мысль», 1968, № 2690, 17 июня, с. 7), «Памяти С. А. Водова» Н. Алимова (Русская мысль, 1968, № 2691, 22 июня, с. 7) и др. В архиве Прегель сохранилась его записка, написанная на обороте визитной карточки:

Serge VODOFF

Rédacteur en chef du journal «La Pensée Russe»

91 rue du Faubourg St. Denis Paris XXe

Taitbout 83-16 –

«15 XI Шлю дружеский привет милой Софье Юльевне.

Скучаем без Вас. Когда возвращаетесь?

Искренне Вам преданный

С. Водов»

(University of Illinois Archives. Sophie Pregel and Vadim Rudnev Papers. Ms. 15/35/56 (Urbana-Champaign, Illinois). Box 1).

15

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ

11 февраля 1959 г.

Дорогая Мария Самойловна,

есть ли какая-нибудь возможность сообщить Николаю Леонидовичу Слонимскому¹, что Митя просто погибает здесь – ждет со дня на день, что его выбросят на улицу, т. к. он должен за комнату в отеле?!² Он сказал Леонидову³, что питается чаем и сухим хлебом... Леонидов немедленно позвонил мне. Я ему объяснила, что пыталась уговорить Митю вернуться в С[оединенные] Ш[таты] и что теперь он меня избегает... Помочь ему не могу. Никакие уговоры на душевнобольных не действуют. У них своя «логика»! Общение с Митей невозможно. В общем, положение трагическое. Слонимский должен был бы вмешаться. Митю необходимо репатриировать, это единственный слабый шанс на спасение...

Здесь многие спрашивают – выйдут ли «Опыты»⁴.

Б. К. Зайцев собирается устроить свой Вечер. Надеюсь, он ему кой-что принесет⁵. Б[орис] К[онстантинович Зайцев] показал мне свой перевод «Божественной Комедии». Именно *показал*, а не читал его...⁶

Крепко Вас целую, мой дорогой друг.

Часто вспоминаю наши встречи!..

Ваша

С. П[регель]

С[оломон] Г[еоргиевич Равницкий] шлет сердечный привет.

1. Николай Леонидович Слонимский (1894–1995), дирижер, композитор, музыковед, лексикограф, мемуарист; брат Ю. Л. Сазоновой-Слонимской.

2. Об участии Прегель и Цетлиной в судьбе сына Ю. Л. Сазоновой и Н. Д. Миллиоти Мити (Дмитрия Петровича) упоминалось во вступительной статье.

3. Леонид Давидович Леонидов (1885–1983), импресарио, театральный деятель, мемуарист.

4. «Опыты» прекратили свое существование в 1958 г. на 9-й книжке.

5. Творческий вечер Б. К. Зайцева состоялся 12 апреля 1959 г., см.: Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1940–1975: Франция. № 2 (6) / Под общ. ред. Л. А. Мнухина. – Paris: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2000, с. 341.

6. Зайцевский перевод «Божественной комедии» увидел свет в парижском издательстве «YMCA-Press» в 1961 г.

16

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ

18 февраля 1959 г.

Дорогая Мария Самойловна,

вряд ли удастся *уговорить* Митю. Мы потратили немало времени на уговоры!.. Тут нужно принять другие меры (затрудняюсь сказать, какие...). Нельзя забывать, что имеем дело с больным.

Если б Николай Леонидович [Слонимский] согласился послать деньги Леонидову, он мог бы выдавать Мите маленькие суммы на жизнь.

Постараюсь помочь в подыскании человека, кот[орый] мог бы взять на себя заботу о Мите. (Увы, это задача почти неразрешимая.) Деньги нужно послать не мне и не Лифарю¹, а *Леонидову*! Меня Митя избегает, т. к. говорила с ним об отъезде. К тому же, я слишком погрязла в черных несчастьях, не хватает сил...

Вы спрашиваете относительно 15.000 т[ысячах] фр[анков]

Б.К. Зайцева. – Сейчас же по получении Вашего письма Соломон Георгиевич дал мне эти деньги, и я немедленно отнесла их С. А. Водову.

Обнимаю и крепко целую Вас, мой дорогой друг.

Всегда Ваша

С. П[регель]

С[оломон] Г[еоргиевич] сердечно кланяется.

1. В 1955 г. Ю. Л. Сазонова получила предложение от братьев Лифарь – танцовщика Сергея Михайловича (1906–1982) и его импресарио и секретаря Леонида Михайловича (1905–1986) – написать книгу о балетном искусстве старшего (о ком уже писала в прошлом: часть ее книги «*La Vie de la danse*», Paris, 1937, посвящена С. Лифарю) и, дав на это согласие, приехала из Нью-Йорка в Париж. Книгу о С. Лифаре она завершила летом 1957 г., за полгода до своей смерти, однако издать не успела. Книга вышла в 1960 г. с указанием имен двух авторов – Сазоновой и Жана Лорана (*Jean Laurent, Julie Sazonova. Serge Lifar, rénovateur du ballet français.* – Paris: Buchet-Chastel, 1960), см. об этом: Переписка Юлии Сазоновой (Слонимской) с Романом Якобсоном (1958–1955) / Вступ. заметка, подг. текста и прим. Кита Триббла // Русские евреи в Америке. Кн. 5 // Ред.-сост. Эрнст Зальцберг. – Иерусалим–Торонто–СПб., 2011, с. 131.

17

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ

24 декабря 1959

Дорогой друг,

Поздравляю Вас с Н[овым] Г[одом] обоих стилей и от всей души желаю Вам полного благополучия. Много-много радости в наступающем году!!

За это время всего один раз была у Зайцевых, нахожу, что Вера Алексеевна [Зайцева] как-то начинает сдавать. А может быть, тому виной простуда и желудочное недомогание...

Вы уже знаете, что Митя приехал, но говорят, что вид у него жалкий, общипанный... Но помочь ему, увы, нельзя. Поэты всё еще собираются на rue de Vaugirard – Корвин-Пиотровский всегда с глубоким чувством Вас вспоминает – в его лице Вы имеете друга и поклонника¹.

9-го января его Вечер. Он прочтет свои поэмы и стихи о России. А вступительное слово скажет Адамович, который, кстати, уже в Париже².

Обнимаю и крепко Вас целую.

Ваша

СП[регель]

Сол[омон] Георг[иевич] поздравляет Вас с Н[овым] г[одом] – он удивляется, что не имеет ответа на письмо.

1. Поэт и прозаик Владимир Львович Корвин-Пиотровский (собств. Пиотровский; 1891–1966) был одним из близких друзей Прегель и довольно активным автором «Новоселья».

2. Вечер В. Л. Корвина-Пиотровского проходил в зале Российского музыкального общества (за границей), по адресу: 26 avenue de New York (Paris 16^e); вступительное слово сказал Г. Адамович, Корвин-Пиотровский прочитал поэмы «Поражение», «Ночная прогулка», «Возвращение», «Стихи о России» и др. См. об этом вечере: К. Померанцев. На вечерах поэтов. «Скупость и мастерство» Вл. Корвин-Пиотровского. / «Русская мысль». 1960, № 1476, 21 янв., с. 6.

18

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ

S. Ravnicki

«La Lignière»

Gland (Vaud)

près Nyon

Suisse¹

18 августа 1960 г.

Дорогой друг,

Шлю Вам сердечный привет из клиники-санатории, где меня морят голодом. Не страдаю, т[ак] к[ак] диета рациональная... Лечит очень хороший врач, персидский еврей, добрый и чувствительный человек (very human) –

К сожалению, по замечательному парку можно гулять только в промежутке между двумя грозами.

По приезду в Париж пошлю Сергею Петровичу «Встречу»². Передайте ему, пожалуйста, привет и благодарность за милое гостеприимство.

Кларочка [Каган-Прегель] и я крепко Вас целуем.

Ваша С. Пр[егель]

1. Письмо отправлено из швейцарской клиники-санатория «La Lignière», где Прегель проходила курс лечения.

2. Неустановленное лицо; речь идет о сборнике стихов Прегель «Встреча».

19

ПРЕГЕЛЬ – ЦЕТЛИНОЙ¹*30 августа 1960 г.*

Дорогая Мария Самойловна,

5 сентября покидаю «La Lignière». Мое поведение – в смысле диеты – было образцовым. Кажется, добилась хороших результатов.

Много времени провожу с Кларочкой, стараюсь ее развлечь.

Огорчает, что Вы так остро ощущаете *пустоту*². Это ничем не оправдано. Я не говорю уже о Шурочке, Вале³, Б[орисе] Ю[льевиче], – но у Вас есть друзья, которым Вы очень нужны и дороги. *Как Ваши друг* я протестую самым энергичным образом!..

Итак, до скорого!

Крепко Вас целую

Ваша

СП[регель]

Кларочка Вас обнимает. Сегодня мы сделали большую прогулку...

-
1. Написано на открытке с фотоизображением Park de Bourg de Rive в Nyon.
 2. Остро переживаемые Цетлиной настроения тоски, пустоты и одиночества были хорошо известны в ее окружении, см., например, фразу из письма В. С. Варшавского Ю. П. Иваску (декабрь 1958): «Марья Самойловна – женщина, которая боится одиночества» (Из архива редактора «Опытов» / Публ. и подг. текста А. Н. Богословского, коммент. О. А. Коростелева // «Литературоведческий журнал», 2003, № 17, с. 219).
 3. Валентин (Валентин-Вольф) Михайлович Цетлин (1912–2007), американский психоаналитик; сын М. О. и М. С. Цетлиных.

Публикация, подготовка текста, примечания – В. Хазан

ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА. ИСТОРИЯ

Евгений Шраговиц

Парадокс

Загадка двух стихотворений Пастернака

1. СВЕЧИ «ЗИМНЕЙ НОЧИ»

Стихотворение Пастернака «Зимняя ночь» («Мело, мело по всей земле...») принадлежит к числу наиболее известных и любимых читателями стихов. Казалось, что поэт должен был бы гордиться этим успехом. Однако Д. Быков в биографической книге о Пастернаке приводит свидетельство поэта А. Вознесенского, который был близок к Борису Леонидовичу в последние годы его жизни: «Пастернак недолюбливал чересчур ‘альбомную’ ‘Зимнюю ночь’ (‘Свеча горела’) и ее поклонниц, – но расцветал, когда при нем хвалили ‘Свидание’»¹. В нашей статье мы попытаемся объяснить как причины успеха «Зимней ночи» у читателей, так и некоторые причины скептического отношения к стихотворению его автора.

История стихотворения «Зимняя ночь», происхождения его главных образов, сама по себе весьма увлекательна. В примечаниях к книге Бориса Пастернака «Стихотворения и поэмы»² указано, что стихотворение «Зимняя ночь» впервые появилось в печати в 1948 году в сборнике Пастернака «Избранное», а потом в альманахе «День поэзии» в 1956 году. Автор этих строк в середине 50-х студентом читал эти стихи в издании малоформатных тоненьких книжечек «Библиотеки ‘Огонька’». Стихотворение распространилось в СССР как самостоятельное произведение намного раньше, чем как часть романа «Доктор Живаго». И если попросить современного любителя стихов Пастернака припомнить какую-либо строку поэта, то, скорее всего, вам назовут строчку-рефрен из «Зимней ночи»: «Свеча горела на столе, свеча горела». В анонимном предисловии к одной из первых публикаций романа за границей (1959 год)³ образ свечи из этого стихотворения выбран критиком для объяснения самой концепции романа: «...он (Пастернак. – *Е. Ш.*) указал на эту полузабытую свечу Человечности и Любви, Веры и Правды, как на единственный свет в единственном окне, но надежный путеводный огонек спасения».

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.

Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол,
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

27 декабря 1946 года в доме М. К. Баранович Пастернак читал друзьям начало романа, над которым он стал работать предыдущей зимой. На память об этом вечере Пастернак подарил хозяйке дома только что вышедшую книжку своих переводов («Грузинские поэты». — М., 1946), в которую были вклеены страницы с тремя первыми стихо-

творениями из будущей тетради Юрия Живаго: «Гамлет», «Бабье лето», «Зимняя ночь», – соответственно датированные февралем, сентябрем и декабрем 1946 года. По свидетельству Л. Чуковской, в апреле 1947 года Пастернак читал друзьям главу «Елка у Свентицких». В ней впервые появился образ горящей свечи. С начала 1946 года до весны 1947 года роман носил название «Мальчики и девочки». Это заглавие – отсылка к стихотворению Блока «Вербочки» («Мальчики да девочки / Свечечки да вербочки / Понесли домой»). О глубокой связи замысла романа с поэзией Блока Пастернак в марте 1947 года написал своей корреспондентке: «Я пишу сейчас большой роман в прозе о человеке, который составляет некоторую равнодействующую между Блоком и мной». Название «Доктор Живаго» роман приобрел лишь весной 1948 года – возможно, то был отклик Пастернака на публикацию в 1947 году романа Томаса Манна под названием «Доктор Фаустус».

В главе «Елка у Свентицких» студент Юрий Живаго на Святках едет в санях со своей будущей женой Тоней по Москве на елку. Он видит «обледенелые деревья» и «заиндевелые окна домов». Такая картина возникает после обильного влажного снегопада с последующим сильным похолоданием после метели. А в сознании Юрия, как и многих других современников Блока, образ метели ассоциирован именно с Блоком. Вот каким видел Блока его современник Ф. К. Сологуб в стихотворении «Стихия Александра Блока», датированном 1913 годом (примерно то же время, когда Живаго ехал на елку): «Стихия Александра Блока – / Метель, взвивающая снег. / Как жуток зыбкий санный бег / В стихии Александра Блока.» Метель в стихах Сологуба о Блоке не случайна, это отражение господствующей темы блоковского мироощущения и его творчества. Так и санки, в которых едет Юра Живаго, напоминают о том же. Продолжая размышлять о Блоке и глядя по сторонам, Живаго подумал, что «Блок – это явление Рождества во всех областях русской жизни» и что вместо статьи, которую он обещал написать для студенческого журнала, «надо написать русское поклонение волхвов». Свое намерение герой романа реализовал – среди «Стихотворений Юрия Живаго» есть «Рождественская звезда» (17-я часть романа), сочиненное Пастернаком почти одновременно с «Зимней ночью».

Конечно, нельзя утверждать, что использование мотива метели намеренно намекает на связь произведения с поэзией или личностью Блока. Этот мотив традиционен в классической русской литературе. Начиная от «Бесов» Пушкина, метель фигурирует в сотнях стихотворений; это привычные образы у А. Белого и С. Есенина, да и у самого Пастернака – начиная с 1913 года. Скажем, в поэме «Спекторский» (1924–1930): «Мело, мело. Метель костры лизала...» «Зимняя ночь»

также начинается с описания метели: «*Мело, мело* по всей земле / Во все пределы...» (Курсив мой. – *Е. Ш.*), – и можно утверждать, что первая строчка – автоцитата. Словосочетание «во все пределы» тоже бытует в русской поэзии давно и встречается, в частности, у Пушкина в «Когда владыка ассирийский...», а позже – у Брюсова в «Моисее», да и у других поэтов.

Можно было бы ожидать, что после размышлений о поэзии Блока Юре Живаго придет в голову образ из блоковского же ряда, – и действительно, стихотворение про горящую свечу начинается с картины метели («мело, мело ...») – образа родственного, но придуманного Пастернаком. Однако процесс создания стихотворения в романе начинается не с образа метели-хаоса, а с образа горящей свечи, символа любви и надежды. Заметим, что этот образ с той же эмоциональной окраской был использован до Пастернака. Тон в большой мере задавался стихотворением «Ночь» А. С. Пушкина:

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя...

Одно из возможных объяснений того, почему само стихотворение в результате все-таки начинается с образа хаоса – «мело, мело...», а не с жизнеутверждающего образа горящей свечи, связано с хронологией событий уже романа. Согласно замыслу автора, стихотворение «Зимняя ночь» было закончено героем примерно через десять лет после поездки на елку и отражало состояние духа Живаго, к тому времени вкушившего все ужасы хаоса, о которых романтически настроенный студент только читал у Блока. Так строчка, которая первой пришла в голову юному Юрию, позднее стала лишь рефреном из прошлого.

Столкновение пушкинских и блоковских мотивов в «Зимней ночи» принципиально важно. Вспомним, как в романе зарождается «Зимняя ночь»: глядя по сторонам из саней, Юра обращает внимание на то, что через «протаявшую скважину в ледяном наросте» одного из окон виден огонь свечи, и про себя произносит: «Свеча горела на столе, свеча горела...» Юра не знает, что в комнате со свечой Лара, впоследствии сыгравшая такую большую роль в его жизни, объ-

ясняется со своим будущим мужем Пашей. Это совпадение – одно из проявлений Судьбы, чей голос слышен во многих сценах романа.

Лара «любила разговаривать в полумраке», и Паша, выполняя ее просьбу, поставил на подоконник «новую», а значит и длинную, свечу в подсвечнике. Положение свечи на подоконнике не случайно: пламя растопило лед на оконном стекле и «на уровне свечи стал протаивать черный глазок». Из-за того, что Юра смотрел на окно из саней – снизу вверх, а «глазок», по определению, – небольшое отверстие, Живаго и увидел только «огонь свечи», а не ее саму. Ему показалось, что свеча стоит на столе, а не на подоконнике. Естественно задаться вопросом: зачем автору романа понадобилась «ошибка» Юры – стол вместо подоконника? Можно лишь предположить, что здесь проявилось желание отделить автора романа от его героя. Читатели постепенно осознают символическую роль образа горящей свечи, на которую указывает им автор, знающий, «что случится на его – героя – веку», – пока герой лишь фиксирует этот образ, смысла которого он еще не понимает.

Образ «горящей свечи», центральный для стихотворения, возникает и в других значимых сценах романа. Так, во время второго переезда Живаго в Варыкино, Лара обращается к нему, засидевшемуся за письменным столом: «А ты всё горишь и теплишься, свечечка моя яркая!», и позднее, после отъезда Лары, забредший в Варыкино Стрельников (Антипов) предлагает Живаго проговорить с ним ночь «при горящих свечах». А Живаго на его вопрос о сохранности свечей отвечает: «Свечи целы». Этот обмен репликами напоминает разговор Лары и Антипова в московской комнате и может служить символическим указанием на то, что еще не все кончено, что свечу жизни еще можно снова зажечь. Потом, во время последней поездки в Москву, где Лара приходит на старую квартиру своего мужа Антипова и застаёт мертвого Живаго, о Рождественском вечере 1911-го она «ничего не могла припомнить, кроме свечки, горевшей на подоконнике, и протаявшего около нее кружка в ледяной коре стекла».

Сближение мировоззренческих и эстетических позиций автора романа и его героя становится очевидным после рассуждений о природе искусства в главе «Опять в Варыкине», которые и объясняют возникновение оптимистических образов, таких, как горящая свеча в романе: «Искусство, в том числе и трагическое, есть рассказ о счастье существования».

Надо заметить, что детали в романе Пастернака прописаны предельно четко, несмотря на общую лирическую мягкую гамму повествования. Сын художника, Пастернак в романе предельно точен, в частности, в описании световых эффектов, связанных с тем или иным положением светильника. Например, в 21-й главе 2-й части романа

«Девочка из другого круга» в сцене попытки самоубийства матери Лары, когда судьба впервые сталкивает Лару с Юрой, автор романа пишет: «Лампа стояла в алькове на скамейке. Этот угол был резко озарен снизу, словно светом театральной лампы». В «Зимней ночи» Пастернак избегает натурализма при описании эротической сцены, используя приемы театра теней. В стихотворении утверждение, что свеча горит на столе, существенно влияет на описание картины происходящего в комнате. Тени на потолке действительно появляются только тогда, когда источник света находится ниже объекта, отбрасывающего тень, — так возникает в комнате еще одна «свеча» — «ночник». «Скрещенья» в виде теней на потолке возможно различить, если речь идет о ложе, а светильник стоит или на полу или на низкой подставке. О том, что имеется в виду именно ложе, говорит и строка: «и падали два башмачка со стуком на пол». Таким образом, в стихотворении эротическая сцена описывается опосредованно, увидеть ее можно лишь с «ночником».

Интересно, что окна в описании поездки Живаго в санях в романе и окна в стихотворении описаны по-разному. В первом случае никакой метели нет, окна «заиндевелые» — покой. В стихотворении же, созданном Живаго через десять лет, в деревне, — за окнами мороз и метель, и «метель лепила на стекле кружки и стрелы». Так маленькой реальной деталью Пастернак воссоздает атмосферу, в которой происходят исторические события. Метель забивает снегом раму окна и двери и в стихотворении «Сочельник», датированном 1914 годом и связанном с детскими впечатлениями поэта: «Все в крестиках белых, как в Варфоломееву / Ночь — окна и двери. Метель-заговорщица! / Оклеивай окна и двери оклеивай, / Там детство рождественской елью топорщится». Отголоски этого фрагмента видны как в романе «Доктор Живаго», так и в стихотворении «Зимняя ночь». Образ «белых крестиков» из «Сочельника», возможно, стал предтечей «двух крыл, вздымаемых крестообразно» — и «скрещенья рук и ног» в виде теней на потолке в «Зимней ночи».

Если искать в русской поэзии произведение с образностью и экспозицией, близкой к «Зимней ночи», мы должны обратиться к ранней поэме Лермонтова «Сашка». Лермонтову к тому времени (1835–1836) уже было известно пушкинское стихотворение «Ночь» (опубликовано в 1826). И в романе Пастернака, и в поэме Лермонтова герой страстно любит молодую женщину, которая выросла сиротой, характер которой — «не пуританский»; и в стихотворении, и в поэме описывается свидание в комнате, освещенной свечами, за окнами которой — пурга. Совпадают и тени на стенах и потолке, и некоторые интимные подробности — ножки, башмачки...

У Лермонтова:

Свеча горела трепетным огнем
И часто, вспыхнув, луч ее мгновенный
Вдруг обливал и потолок и стены...

.....
Пред нагоревшей сальною свечой
Красавицы, раздумавшись, сидели,
И заставлял их вздрагивать порой.
Унылый свист играющей метели.

И еще: «Лишь в окнах изредка являлась свечка...» Эротическое описание у Лермонтова гораздо прямолинейнее, чем у Пастернака.

Он руку протянул, – его рука
Попала в стену; протянул другую –
Ощупал тихо кончик башмачка.
Схватил потом и ножку, но какую?!

Есть у Лермонтова и описание замерзшего окна: «И на стекле в узоры ледяные / Кидает искры, блески огневые...» И еще про окна: «Замерзших окон стекла серебрятся». В других эпизодах той же поэмы Лермонтова встречаются и «платье», и – многократно – «тени», и «ангелы», и «синеватая мгла» – образы, присутствующие в «Зимней ночи».

Стоит остановиться и на второстепенных образах стихотворения Пастернака. Они становятся понятны читателю, только когда ясна роль основных. Главные образы стихотворения представлены в первой строфе и проходят через весь его текст. Но вот «второй ряд»:

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

В стихах Пастернака слово «хлопья» появлялось, начиная с 1913 года, во множестве стихотворений. «Хлопья» были привычным образом и для З. Гиппиус, В. Брюсова, К. Бальмонта, А. Белого, а Д. Мережковский в 1886 году написал стихотворение «В сумерки» со строками, очень похожими на пастернаковский текст: «И в стекла ударили хлопья снега, / Подобно стае белых мотыльков».

Слово «скрещенье», употребленное в четвертой строфе у

Пастернака, впервые появилось в его романе «Спекторский», а примерно в то же время словом «скрещенье» Булгаков и Мандельштам обозначали в своем творчестве пересечение дорог и улиц. Пастернак же прибегнул к нему в ином контексте, причем такое словоупотребление должно было напомнить читателю и о *кресте* как религиозном высоком символе.

Остановимся также на образах из пятой строфы:

И падали два башмачка
Со стуком на пол,
И воск слезами с ночника
На платье капал.

«Башмачки», мы помним, в эротической сцене фигурировали в пермонтовской поэме «Сашка». Слово «башмачки» встречается в русской поэзии часто: у Жуковского, позже у Бальмонта, Северянина, Цветаевой, Ахматовой, да и других поэтов Серебряного века. «Ночник» в этом контексте очень напоминает пушкинскую свечу: «Близ ложа моего печальная свеча / Горит...» Третья и четвертая строчки пятой строфы тонко оттеняют обстоятельства встречи: воск попадает со свечи на платье, если у свечи нет подсвечника или она второпях поставлена криво... В сексуальном ключе можно интерпретировать и сам образ: «капли воска, падающие на платье». У Случевского в «Загробных песнях» есть такие строчки: «Воск свечи оплывает. / Видишь, каплет, он флёр на тебе запятнает». Вообще, «воск» упомянут в сотнях русских стихов.

В следующей строфе возникает образ «снежной мглы седой и белой». «Снежная мгла» возникла еще у Блока в стихотворении «Снежная вязь», а «белая мгла» – у него же в стихотворении «Ночью пыльной легла...» «Седая мгла» встречалась в произведениях Баратынского, Бунина, Анненского... Пастернак словно соединил эпитеты, появившиеся у Блока и Баратынского, и «мгла» у него стала «седой и белой».

Обратим внимание на первую строчку седьмой строфы: «на свечку дуло из угла». Это может быть и деталью из опыта героев «Доктора Живаго». Начало романа Юрия и Лары прошло в покинутой квартире поврежденного обстрелом дома в Юрятине, где обитала Лара. Там «везде были щели» – и могло дуть из углов, однако действие происходило весной и летом. Потом они были вместе уже зимой, в Варыкино, опять же – в покинутом доме, отапливалась только одна его часть. Вот там действительно *дуло* из необитаемой части дома. Об этом и мог писать Живаго в своем стихотворении. Хотя дан-

ное сообщение – еще и метафора, отражающая отношение внешнего мира к любви героев «Доктора Живаго».

Живаго читал Ларе «Зимнюю ночь». Седьмая строфа продолжается так: «И жар соблазна / Вздыхал, как ангел, два крыла / Крестообразно». В «Трилистнике соблазна» И. Анненского есть похожий образ: «Как губы, полные соблазна и отрав, / Как алых бабочек развернутые крылья». В седьмую строфу включено уже второе в стихотворении производное от слова «крест». Скорее всего, это христианское освящение происходящего как угодного Всевышнему. Последняя строфа стихотворения почти не отличается от первой, но вместо обстоятельства места («по всей земле, во все пределы») в ней присутствуют обстоятельства времени («весь месяц в феврале», «и то и дело»).

«И то и дело» – прозаизм. «То и дело» – устоявшееся словосочетание; оно встречалось и у Гоголя, и у Тургенева, и у Гончарова, и у Чехова, и у Набокова, и у Пильняка, и в прозаической части романа «Доктор Живаго» самого Пастернака, который старался демократизировать и свой поэтический язык.

Стихотворение заканчивается рефреном – четырехкратным повторением «Свеча горела на столе / Свеча горела». Ю. Лотман, обобщая характеристики поэтических произведений, заметил, что «универсальным структурным принципом поэтического произведения является принцип возвращения», – который и использовал Б. Пастернак.

Про эвфоническую сторону этого стихотворения трудно сказать что-нибудь новое: все знают о чередовании 2-стопных и 4-стопных ямбических строк, перекрестной женской и мужской рифме, аллитерациях на сонорные согласные [м] и [л] и о присутствии рефрена. К этому можно добавить, что ямб, как и хорей, предполагает наибольшую частоту ударных гласных в строке заданного размера, при этом в тексте стихотворения доминируют открытые гласные, придающие певучесть тексту. Чередования 4-х и 2-стопных строк устраняют монотонность и помогают при переходе от одного образа к другому, особенно в тех строках, в которых нет рефрена: ритм все равно сохраняется. При такой структуре стихотворение звучит как кант и действует гипнотически, а основным каналом воздействия становится музыка слова. Построенное на мелодии и повторах, в частности в виде рефрена, стихотворение вводит слушателя в состояние, близкое к трансу.

Подытоживая, отметим еще раз многочисленные образные связи пастернаковского стихотворения с поэзией Золотого и Серебряного века и существование в нем двух образных рядов. К первому ряду

принадлежат метель, снежные хлопья, замерзшее окно, рисунки на стекле – то есть атрибуты зимы за окном дома; этот образный ряд ассоциируется с темными и враждебными человеку силами. К другому ряду принадлежат свечи, тени и эротические ассоциации, – эти образы из второго ряда отражают суть человеческого существования. Первый ряд образов можно условно назвать «блоковским», второй – «пушкинским». По одному элементу из каждого ряда представлено в первой строфе (вселенская вьюга и горящая свеча) – это экспозиция. Представлены оба начала, участвующие в конфликте (в прозе описание их борьбы заняло бы страницы). Во второй строфе представлены образы только первого ряда, но в метафорической форме, соединяющей их между собой. Два образных ряда снова встречаются в противостоянии в третьей строфе, где метель и рисунки на стекле – образы из первого ряда, а рефрен принадлежит второму образному ряду, и повторяемость рефрена утверждает его центральность в произведении. В четвертой и пятой строфе представлены образы только из второго – жизнеутверждающего – ряда, соединенные ассоциациями. В шестой строфе вновь тема из первого ряда сталкивается с темой в рефрене как антитеза, и, казалось бы, тема хаоса побеждает, поскольку образ «и все терялось в снежной мгле» говорит о тотальной потере, но строфа завершается оптимистическим рефреном. В седьмой строфе господствуют образы второго ряда, где слово «крестообразно» намекает на религиозную поддержку человеческому началу, на его непобедимость, и в восьмой строфе снова сталкиваются образы из двух рядов. Обобщающее «и то и дело» говорит о непобедимости человеческого начала. Таким образом, чисто лирическое, на первый взгляд, стихотворение выходит за рамки описания отношений между любовниками и приобретает философскую глубину, что и стало квинтэссенцией романа.

2. ПРОСТОТА КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Прежде чем перейти к стихотворению «Свидание», с которым А. Вознесенский сравнивал «Зимнюю ночь», приведем отрывок из другого стихотворения Пастернака из цикла «Волны» (1931).

Есть в опыте больших поэтов
Черты естественности той,
Что невозможно, их изведав,
Не кончить полной немотой.

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,

Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Но мы пощажены не будем,
Когда ее не утаим.
Она всегда нужнее людям,
Но сложное понятней им.

Об этом стихотворении один из ведущих русских филологов Д. Лихачев написал: «Под сложностью Б. Л. Пастернак понимает всякую вторичность в поэзии: всякого рода ‘поэтизмы’, поэтические трафареты, привычные, ассоциирующиеся с поэтичностью темы, образы, избитые ходы стихотворного выражения. Эта ‘сложность’ не заставляет думать, вникать, воспринимать по-новому мир». Лихачев, говоря о Пастернаке, замечает, что «к простоте он стремился и от простоты убегал помимо своей воли – по воле эпохи. Только в конце жизни он достиг неслыханной простоты». В этом контексте «Зимняя ночь» Пастернака – произведение скорее сложное, чем простое.

История появления «Свидания» такова: в 1949 году О. В. Ивинская, последняя любовь поэта, была арестована и приговорена к пятилетнему тюремному заключению по обвинению в контрреволюционной деятельности. Таков был способ давления властей на Пастернака. А в том же 1949 году, когда Ивинская находилась в лагере, Пастернак написал стихотворение «Свидание», в котором лирический герой мечтал о встрече с возлюбленной. В «Свидании» нет изысканной образности «Зимней ночи»: свечей, теней, башмачков, крыльев, ангелов, соблазна, рисунков на стекле, сплетений... Образный ряд «Свидания» приземлен и прост, а стихотворение написано от первого лица. Вспомним в связи с этим, как в 9-й главе 14-й части романа Юрий Живаго предчувствует, «что час его расставания с Ларой близок», и им овладевает «желание выплакать эту тоску в таком выражении, чтобы заплакал всякий». Можно сказать, что «Свидание» вполне удовлетворяет этому желанию.

...Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему.

И в нем навек засело
Смиренье этих черт,
И оттого нет дела,
Что свет жестокосерд.

И оттого двоится
Вся эта ночь в снегу,
И провести границы
Меж нас я не могу.

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?

Если соотнести это стихотворение со всем корпусом текста «Доктора Живаго», может показаться, что в нем осуществилась мечта Юрия: «...ему хотелось средствами, простотою доходящими до лепета и граничащими с задушевностью колыбельной песни, выразить свое смешанное настроение любви и страха и тоски и мужества, чтобы оно вылилось как бы помимо слов, само собою». Строки из него: «Как будто бы железом, / Обмакнутым в сурьму, / Тебя вели нарезом / По сердцу моему» – по своей пронзительности не уступают самым сильным образам в русской любовной лирике, а Анна Ахматова назвала это стихотворение лучшим русским лирическим стихотворением XX века.

Однако не «Свидание», а «Зимняя ночь» стало самым популярным произведением Бориса Пастернака. Почему? Классическое литературоведение, как правило, не рассматривает вопрос о причинах успеха или неуспеха текста. Но чтобы как-то объяснить эти причины, воспользуемся точными науками и, в частности, обратимся к новым знаниям о работе человеческого мозга.

Анализируя текст стихотворения «Зимняя ночь», мы уже отметили, что многие образы из него встречались в произведениях предшественников Пастернака. При этом связи этого стихотворения с поэзией Золотого и Серебряного века не ограничивались произведениями Пушкина, Лермонтова и Блока; можно заметить близость по образности и к произведениям других символистов и акмеистов. Можно привести мнение Ю. Тынянова по поводу образных сходств в литературе: «Эмоциональный поэт ведь имеет право на банальность. Слова захватанные, именно потому что захватанные, потому что стали ежеминутными, необычайно сильно действуют. Отсюда – притягательная сила цыганщины. Отсюда – банальности Полонского, Анненского, Случевского, апухтинское завывание у Блока»⁴. Эмоциональная реакция читателя на стихотворение может быть усилена путем использования образов или уже хорошо известных читателю и имеющих установившуюся эмоциональную окраску, или напоминающих хорошо известные. Наблюдения Тынянова касаются читательской реакции на образы, заимствованные авторами из известных произве-

дений. В свою очередь, Ю. М. Лотман⁵ посвятил главу своей книги «Анализ поэтического текста» приему повторяемости в литературном произведении. По его мнению, «универсальным структурным принципом поэтического произведения является принцип возвращения», проявляющийся как на структурном, так и на других уровнях – вплоть до фонемного, что включает и образы внутри произведения. И Тынянов, и Лотман говорят о *повторяемости* как о принципе построения поэтического текста, но Лотман имеет в виду элементы, расположенные на малой дистанции друг от друга – внутри произведения, а Тынянов распространяет принцип на отношения между произведениями. Но как бы там ни было, многовековой опыт литературы показал, что повторяемость – эффективная техника воздействия на читателя.

Если же мы обратимся к современным исследованиям работы мозга, проделанным физиологами и психологами, то узнаем, что ими выявлены механизмы формирования оценки привлекательности, в том числе и произведений искусства. Эксперименты показывают, что вне зависимости от того, хотим мы этого или не хотим, процессы переработки информации в нашем мозгу подчинены определенным правилам, приводящим к предсказуемым в целом, но иногда и к совершенно неожиданным для нас результатам.

Механизмы формирования суждений и предпочтений в мозгу человека подробно описаны в книге Нобелевского лауреата Д. Канемана «Thinking, Fast and Slow»⁶. Она посвящена изучению работы мозга на базе данных современной психологии. Одним из результатов этих исследований стало понимание принципов работы интуиции и творческого начала, связанных с ассоциативной памятью. В одной из предыдущих публикаций⁷ мы уже применяли знания, почерпнутые в вышеупомянутой работе Канемана, – при исследовании проблемы двойников в поэзии. В этой статье коснемся другой проблемы: проблемы предпочтений с точки зрения работы головного мозга. Согласно Канеману, говоря тезисно, в мозгу человека совместно работают две системы – быстрая и медленная. Быстрая система, названная ученым Система-1, работает с большой скоростью и автоматически, не требуя от индивида осознанного контроля. Медленная система, Система-2, включается по запросу Системы-1, когда ситуация требует направленных умственных усилий. Работа Системы-2 сопряжена с вычислениями, принятием решений и концентрацией внимания. Система-1 без специальных усилий с нашей стороны генерирует впечатления и чувствования, которые являются базой для рассудочных решений Системы-2. Автоматически Система-1 способна представить неожиданно сложные идеи, но только Система-2 способна организовать эти идеи в логически стройную теорию.

Существуют обстоятельства, когда Система-2 берет контроль на себя, отменяя решения Системы-1. Система-1 работает, вызывая из ассоциативной памяти как врожденные реакции, так и навыки, обретенные в процессе накопления опыта. Мы рождены со способностями воспринимать мир, распознавать объекты, направлять свое внимание, избегать опасности. Другие же реакции становятся автоматическими в результате упражнений. Например, Система-1 научает запоминать связи между идеями. Так, мы автоматически отвечаем на вопрос, как называется столица Англии. Система-1 отвечает за такие навыки, как чтение, распознавание специальных черт в портрете или языке, что требует знания языка и определенного уровня культуры. Например, если кто-нибудь скажет: «мороз и солнце», русскоязычный читатель без усилия продолжит – «день чудесный». Все эти знания находятся в ассоциативной памяти и вызываются автоматически, почти мгновенно. С другой стороны, одна из многочисленных функций Системы-2 – осознание ею своей деятельности. Все эти функции заставляют индивида сосредоточить внимание на их исполнении. Как только внимание отключается, Система-2 перестает работать. Обе системы активны, когда мы бодрствуем; первая работает автоматически, вторая обычно уделяет внимание тем проблемам, которые требуют умственных усилий. Система-1 посылает информацию Системе-2 в виде впечатлений, интуитивных реакций, намерений и чувств, на основе которых Система-2 формирует теории, планы действий и систему верований. Когда все идет гладко, Система-2 не вмешивается в решения Системы-1 – и даже не знает о них; она берет на себя контроль в тяжелых ситуациях, и ей, говоря образно, принадлежит последнее слово.

Понимание того, как работает Система-1 и какие ошибки она склонна совершить в определенных обстоятельствах, важны как для тех, кто принимает решения, так и для тех, кто на них реагирует. При прочтении, скажем, двух слов начинается процесс ассоциативной активации: вызванная каждым словом идея активирует много других, и в мозгу начинается лавинообразный процесс, своеобразная проверка на совместимость элементов. Каждый элемент этого процесса соединен с другими, и каждый усиливает остальные. Слово активирует память, которая, в свою очередь, вызывает из памяти связанные со словом образы и эмоции. Выражение лица и защитные движения усиливают эмоцию, с которой они связаны, и она, в свою очередь, усиливает совместимую с ней идею. Все это происходит мгновенно и параллельно, образуя подпитывающую себя структуру из содержательной, эмоциональной и физической реакций, которая называется ассоциативно-совместимой. Ваш мозг будет искать пути соединения слов в разумную фабулу, оценит угрозу и подготовит для вас план

действий для наиболее вероятного сценария, который с такой фабулой связан, и создаст контекст для будущих событий. Все описанное не контролируется сознанием. Как говорят современные когнитивисты, «вы думаете всем своим телом, а не только мозгом». В процессе изучения этих проблем Канеман в своей книге заметил: «Мы знаем о себе гораздо меньше, чем мы думаем».

Экспериментальная психология установила, что после начального знакомства со словесным образом немедленно возникают изменяемые изменения в легкости извлечения из памяти родственных понятий. При этом активируются эмоции, связанные с этим образом. Например, оказывается, что после прочтения текста, в котором использована лексика, связанная с пожилым возрастом, ваши собственные реакции замедляются. То есть существует возможность повлиять на наши реакции загодя. Эти результаты ставят под сомнение наше убеждение о независимости наших суждений и выборов⁸.

Доказано, в частности, что все, что «упрощает работу ассоциативной машины», может исказить правильность суждений. Надежный способ заставить людей поверить в ложь заключается в частом повторении, в рефрене, поскольку чувство узнаваемости нелегко отличить от правильности. Диктаторы, насаждавшие авторитарные режимы, как и простые рыночные торговцы, всегда знали об этом. А психологи установили, что нет даже необходимости повторять ложное утверждение целиком, достаточно «процитировать» его часть.

Повторение создает в работе Системы-1 ощущение «легкости» и успокаивающее впечатление «знакомости». Эти врожденные качества восприятия и переработки информации влияют на решения, которые мы принимаем во всех сферах жизни, и на формирование предпочтений, возникающих как в процессе принятия решений, так и в оценке произведений искусства.

Теория предпочтений в настоящее время активно разрабатывается экспериментальной психологией. Предпочтения представляют собой один из фундаментальных источников стабильности и перемен в функционировании индивида и общества. Предпочтения влияют на такие важнейшие сферы жизни, как политика, экономика и культура. А ведь именно в этих областях человеческого существования ошибки при принятии решений могут иметь тяжелые последствия для всех.

Предпочтения формируются в результате разнообразных процессов. Некоторые объекты из-за присущих им свойств притягивают нас или отталкивают на рефлекторном уровне. Сладкое привлекает даже для младенца, а горькое вызывает негативную реакцию. Предпочтения могут быть запрограммированы воспитанием. Если ребенка вознаграждать за то, что он сидит на определенном месте в

колыбели, то это место будет для него предпочтительным. Среди множества путей, которые влияют на формирование предпочтений, существует один очень простой: формирование предпочтений путем простого повторяемого предъявления. Этот феномен был впервые описан в работах американского психолога R. Zajonc⁹ (1968), который назвал его «mere-repeated – exposure phenomenon», известный также под названием «mere exposure effect» (МЕЕ), в переводе «эффект простого показа» (Перевод мой. – *Е. III.*). Приведем описание одного широко известного эксперимента. В течение нескольких недель на первой странице в двух студенческих газетах штата Мичиган в невзрачных рамках появлялись объявления, состоящие из одного слова на турецком языке или – несуществующего слова, похожего на турецкое: *kadirga, saricik, biwonjni, nansoma, iktitaf*. Частота появления слов менялась: некоторые из них появлялись только однажды, другие же в двух, пяти и даже в 25 случаях. При этом те слова, которые в одной газете печатались наиболее часто, в другой возникали наиболее редко. Никаких объяснений читателям предложено не было, а на вопросы публикаторы отвечали стандартной фразой: «Клиент, поместивший эти объявления, пожелал остаться неизвестным». Когда серия экспериментов закончилась, исследователи разослали вопросники в университеты, спрашивая о впечатлении от каждого слова, «означает ли оно что-то хорошее или плохое». Результаты были замечательные: слова, которые были напечатаны наиболее часто, оценивались более положительно, чем те, которые появились один-два раза. Такие же результаты были получены и с другими объектами: китайскими иероглифами, лицами, фигурами случайной формы и т. д.

К настоящему времени появились сотни работ, так или иначе связанных с этим феноменом. В своей простейшей форме процесс формирования предпочтения состоит всего-навсего из повторяемого предъявления объекта органам чувств. При этом от наблюдателя не требуется никакой специальной подготовки, и он не получает никакой положительной или отрицательной информации от экспериментатора. Показ объекта может быть таким коротким, что обозреватель его и не зафиксирует. Более того, в экспериментах R. Zajonc самый сильный эффект был произведен при самой короткой экспозиции – наблюдатели даже не замечали появления объекта, процесс шел на подсознательном уровне. В результате экспериментов было установлено, что существует сильная корреляция между частотой появления слова и уровнем предпочтения, – при условии, что со словом не связаны негативные факторы. (Мы описываем ситуацию на заведомо упрощенном уровне.) По мнению R. Zajonc, МЕЕ-эффект автономен от сознания и возникает независимо от него. Этот эффект не зависит

также от культуры, индивидуальных черт и выбора предмета для эксперимента. Опыты продемонстрировали, что простое повторение встречи с объектом само по себе усиливает позитивное впечатление. Кроме того, было выявлено, что предпочтение распространяется не только на объект, но и на похожие объекты. R. Zajonc считал, что подсознательный уровень этого феномена связан с его ролью в эволюции.

Одним из предметов разногласий ученых остается определение роли памяти в этом процессе. Результаты новых исследований свидетельствуют, что память усиливает эффективность (МЕЕ). Считается, что существование информации в памяти, верной или неверной, но связанной с объектом, в любом случае усиливает МЕЕ.

«ЗИМНЯЯ НОЧЬ» VS «СВИДАНИЕ»

Вот и у читателя поэзии знакомые и повторяемые образы (например, «Свеча горела на столе, / Свеча горела») вызывают положительную реакцию сильнее, чем незнакомые образы. Обращает на себя внимание высокий уровень схожести образов «Зимней ночи» с образами из топоса в русской поэзии, а также повторяемость образов внутри самого стихотворения.

Обратимся теперь к строфическому и строчному уровню с точки зрения повторяемости слогов и слов. Например, в первой строфе всего 8 самостоятельных слов, 3 слова повторяются: «мело», «свеча» и «горела». Сам рефрен почти полностью состоит из двукратного повторения словосочетания «свеча горела». Во второй строфе нет рефрена, зато есть аллитерация: «*летом-летит-слетались*», которая присутствует и в первой строке третьей строфы: «метель *лепила*». «Лепила» в эвфоническом плане является продолжением линии «летом-летит-слетались», а «метель» — с «мело» в первой строке. Таким образом, в дополнение к перекрестной рифме в стихотворении существует целый пласт внутристрочных и межстрочных внутренних рифм, способствующих мелодичности и узнаванию. Все, что касается первых трех строф стихотворения, приложимо и к остальным.

Эффект узнавания объекта, связанного с положительной эмоцией, при повторной встрече укрепляет эмоцию — это происходит как на подсознательном, так и на сознательном уровнях. Как доказано вполне «материальными» экспериментами, узнавание образа — приятно. С этой точки зрения стихотворение «Зимняя ночь» представляет замечательную возможность для развития такого процесса в сознании читателя.

Но воздействие художественного произведения не ограничивается и не сводится к приятной эмоции, поскольку произведение еще и осмысливается на концептуальном уровне¹⁰. Семантически «Зимняя ночь» — произведение замечательное, поскольку традиционная образ-

ность «альбомного» масштаба использована в выходящем далеко за рамки чисто лирического стихотворении, что осознается современными читателями. А положительная оценка обеими Системами воспринимается нами как «истина».

Судя по оценке Пастернаком этого своего произведения, то, что привлекало массового читателя в стихотворении «Зимняя ночь», с точки зрения поэта было скорее недостатком, а не достоинством текста. Образный ряд в стихотворении принадлежал эстетике начала XX века, от которой Пастернак начал отходить еще в 30-е годы прошлого столетия. «Зимняя ночь» в его глазах была своеобразным «шагом назад». Пастернак назвал это стихотворение «чересчур альбомным» – таким образом отсылая к эпохе, когда салонные альбомы были в моде. В свою очередь, стихотворение «Свидание» уступило «Зимней ночи» по популярности среди массового читателя. И не в последнюю очередь потому уступило, что его образная система воплощала эстетические критерии позднего Пастернака и не отличалась от образности простой разговорной речи. Большинство образов в «Свидании» не воспринимаются в ряду поэтических достижений, а гениальная строфа «Как будто бы железом, / Обмакнутым в сурьму, / Тебя вели нарезом / По сердцу моему» не восторжествовала в коллективной памяти над узнаваемым «Свеча горела на столе, / Свеча горела»...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Быков Д. Борис Пастернак. – М.: Молодая гвардия. 2006. С. 687.
2. Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. – М. – Л. 1965. С. 692.
3. Есть основание утверждать, что предисловие, названное «Свеча человечности и правды», написано Б. Филипповым, видным литературоведом, составившим (вместе с Г. Струве) первое Собрание сочинений Пастернака для Издательства им. Чехова.
4. Тынянов Ю. Промежуток. Архаисты и новаторы / Репринт // Ardis Publishers. An Arbor. 1985. С. 546.
5. Лотман Ю. Анализ поэтического текста. Художественный повтор. – Ленинград: Просвещение. 1972. С. 39.
6. Kahneman D. Thinking Fast and Slow. – Farrar: Straus and Giroux. 2011.
7. Шраговиц Е. Работа мозга и поэтический текст. – «Новый мир». № 13. 2013. С. 140.
8. Pohl R. Cognitive Illusions. A Handbook on Fallacies and Biases in Thinking, Judgement and Memory. – New York, Psychology Press. 2004.
9. Zajonc R. Mere Exposure: A Gateway to the Subliminal. Current Directions. – Psychological Science. December 2001. Vol. 10, no. 6. Pp. 224-228.
10. Stafford T. and Grimes A. Memory Enhances the Mere Exposure Effect. – Psychology and Marketing, 7 vol. 29 (12): 995-1003 (December 2012).

Лев Бердников

«Волнует эхо здесь звучавших слов...»

Литературный салон Рашели Хин

Есть в русской культуре знакомые незнакомцы. Многим памятно стихотворение Максимилиана Александровича Волошина (1877–1932) с посвящением «Р. М. Хин»:

Я мысленно вхожу в ваш кабинет,
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера.
И бьется сердце, взятое в их плен.
Бодлера лик, нормандский ус Флобера,
Скептический Франс, святой Сатир – Верлен,
Кузнец – Бальзак, чеканщики – Гонкуры...
Их лица терпкие и четкие фигуры
Глядят со стен, и спит в сафьянах книг
Их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик...
Я верен им...

Едва ли у современного читателя волошинское посвящение вызовет какие-либо ассоциации. Между тем речь идет здесь о литературном салоне в свое время весьма известной русско-еврейской беллетристки и драматурга Рашели Мироновны Хин (1863–1928), месте паломничества просвещенной Москвы конца XIX – начала XX вв. И фамилия Хин говорящая: она восходит к «Kheune» (идиш) и образована от древнееврейского «Heun», что означает «очарование, симпатия». Вовсе не случайно критики называли талант Рашели Мироновны «симпатичным», а саму Хин «глубоко симпатичной писательницей»¹. Дочь ассимилированного еврейского фабриканта, получившая гуманитарное образование в Коллеж де Франс и Сорбонне, она в бытность за границей общалась с Виктором Гюго, Эмилем Золя, Анатолем Франсом, Полем Верленом, Эдмоном Гонкуром, Октавом Мирбо, а впоследствии переводила их произведения. Ученица Ивана Тургенева, Рашель, с ее ярким общественным темпераментом, светскостью, независимостью суждений, была приметной фигурой в кругу московской интеллигенции. Американский литературовед

Амелия Гейзер говорит о ее высоком литературном авторитете, сравнимом тогда разве что с такими корифеями как Владимир Соловьев, Леонид Андреев, Максим Горький. Хин печаталась в ведущих русских и русско-еврейских изданиях, ее пьесы шли на сцене Малого театра.

С легкой руки писателя Петра Боборыкина, Хин получила прозвище «маркиза де Рамбуйе». Современники и впрямь находили в ней сходство с Катрин де Вивон де Рамбуйе (1588–1665) – хозяйки отеля «Рамбуйе», «самого приятного уголка Парижа», где собирался весь литературный бомонд и составлялось мнение, которое «становилось общеобязательным»².

Впрочем, может статься, нашу героиню вдохновил и германский опыт, и прежде всего, – Золотого века берлинских салонов с такими его блистательными законодательницами, как, например, Рахель Левин (1771–1813). Как и Рашель Мироновна, Рахель была дочерью богатого еврея-торговца, еще в ранней молодости отринула иудаизм, а затем перешла в христианство. Она обладала «странным очарованием и гениальным умом»³, однако, в отличие от Хин, не сочинила ни одной книги. Зато, по словам Генриха Гейне, заключила контракт с эпохой, ибо черпала свои ощущения непосредственно из жизни и щедро отдавала их людям. Говорила быстро, решительно и афористично обо всем, что волновало умы в области искусства и литературы. Принц Луи Фердинанд, посещавший салон Рахели, называл ее своей духовной повитухой. В салоне ее бывали поэты Альберт фон Шамиссо и Гейне, посвятивший Рахель книгу «Возвращение домой», драматург Эвальд фон Клейст, братья Александр и Вильгельм фон Гумбольды. Как писал о Рахель один шведский дипломат, «...На ее еврейском диване в один вечер собирается больше ума, понимания и всплеск блестящего интеллекта, чем на трех наших собраниях»⁴.

Еще один замечательный салон в Берлине держала другая крепкая еврейка, Генриетта Герц (1764–1847), в совершенстве владевшая десятью европейскими языками и ивритом. Генриетта собрала вокруг себя молодежь, увлекавшуюся современной словесностью, прежде всего, поэзией «Бури и натиска» и творчеством И.-В. Гёте; выступала за эмансипацию женщин, восхваляя спартанок, которых воспитывали мужчины. На протяжении двадцати лет сей салон притягивал к себе интеллектуальную элиту и был нервом культурной жизни прусской столицы. Среди приметных его посетителей можно отметить Фридриха Шиллера, Жана Поля, Фридриха Шлегеля, писательницу Анну Луизу Жермену де Сталь, выдающегося оратора Оноре Габриеля Мирабо и др.

Важно то, что сама Рашель Хин говорила и о русской традиции,

а именно, о приметных женских салонах XIX века. Вот ее отзыв о княгине Зинаиде Александровне Волконской (1789–1862): «Литературные знаменитости и политические деятели окружали Зинаиду Александровну. Она была покровительницей талантов, а ее дом – храмом искусства. [Волконская] может считаться, по своему уму и образованию, представительницей женщин высшего круга прошлого столетия. Зинаида Александровна обладала основательными знаниями музыки, изучала драматическое искусство, знала латинский и греческий языки. Душевные качества княгини, ее красота привлекали массу поклонников. Поэты воспевали ее в своих произведениях»⁵.

Как отмечал литературовед и библиограф Семен Венгеров, некоторые произведения нашей писательницы «посвящены изображению русских интеллигентных кружков в России и за границей». А библиографический справочник «Галерея русских писателей» (М., 1901) уточнил: «В своих рассказах Хин сосредотачивает внимание на выяснении пустоты и фальши аристократической салонной культуры».

Действительно, в тексте Хин «Последняя страница. Отрывок» (Под гору. – М., 1900) графиня Прасковья Львовна Бежецкая с благоговением вспоминает о салоне, который некогда организовала. И на одно из его собраний эта великосветская дама пригласила карбонария Фердинанда Лассалья (причем исключительно «для форсу»), после чего ее мужу, сиятельному графу, пришлось оставить свой пост. Однако честолюбие Бежецкой было удовлетворено, и никаких уроков из прошлого она, похоже, не извлекла. Исполненная суеты и тщеславия, эта пустельга продолжает собирать у себя парижский бомонд: «У графини собирается общество. Ей почтительно кланяются, с банальным участием спрашивают о ее здоровье и затем к ней обращаются лишь мимоходом, словно она – докучная вещь, которую нельзя спихнуть с дороги».

И «беличье колесо кружковой жизни» русских эмигрантов в Париже видится писательнице в «однотонном сером колорите». Об этом свидетельствует ее очерк «Силуэты» («Русская мысль», 1886, № 8-9), где представлены люди, искаленные душевно, мятущиеся, – те, которые что-то устраивают, расстраивают, восторгаются, возмущаются, нянчатся с детьми, ходят за больными, приискивают квартиры для знакомых, участвуют в беспрерывно нарождающихся и скоропостижно умирающих обществах. Выведен здесь и виршеплет Грибков, у которого «вся душа полна собой»; о прочих поэтах он говорит, «скосив рот в сторону», похвастается знакомством с Виктором Гюго и пишет поэму «Самоубийцы». Пишет, надо думать, бездарно, но тема весьма и весьма злободневна: «Все погибшие. Некуда голову приклонить: ни вперед, ни назад... На всё разлита

печать безнадежности!» — восклицает героиня очерка, когда кончает с собой ее воздыхатель эмигрант Цвилинев...

Рашель Хин многожды присутствовала на всякого рода светских мероприятиях и за границей, и на родине. Но живого интереса они, как правило, у нее не вызывали. Вот как отозвалась она об одном из таковых: «Вчера до 4-х часов сидела у Д. Только в Москве можно так терять время. Сидят неподвижно за столом, пьют без конца кислое кавказское вино, закусывая сардинками, копченой колбасой и скверным сыром, говорят все зараз, дамы визжат и хохочут. Если б не актер Качалов, отлично рассказывавший очень глупые анекдоты, можно было бы заснуть от скуки. И это считается ‘политическим, литературным и артистическим салоном!’»

А вот ее впечатления о «поэзовечере» Игоря Северянина: «О нем столько говорят (среди претенциозной кучи его порнографических ‘поэз’ есть несколько талантливых стихов) — и мне любопытно было посмотреть и послушать этого нового кумира. Впечатление отвратительное. Это уныло-циническая ‘поэза’ кафешантана — и при этом совершенно русского... Ни искры остроумия и легкого веселья французских cabarets. Простоволосая, тоскливая ‘муза’ собственной ресторации под вывеской ‘на все наплевать’!.. Этот Игорь поет свои стихи каким-то гнусавым цыганским речитативом. Напев для всех ‘поэз’ один, меняется — смотря по размеру стиха — только темп этого гнусавого речитатива... Он несомненно талантлив, но вычурен и нахален бездельно... Гимназисты, гимназистки, студенты, курсистки, почтенные дамы и старики... и все это неистово аплодирует. Вопли: Браво! Бис! Ананасы в шампанском. Просим».

Безусловно, непререкаемым авторитетом был для нее Иван Тургенев. «Барин, человек сороковых годов, один из самых образованных людей своего времени, великолепно владевший четырьмя иностранными языками, редкостного личного обаяния, — писала она, — Иван Сергеевич был не только желанный гость у корифеев европейской мысли — он был свой в самых недоступных салонах — и у Ж. Занд, и у Флобера, и у Гонкуров.» По счастью, среди многочисленных столичных литературных салонов нашелся, наконец, один, доступный ее сердцу и уму. То были воскресные утренние журфиксы на квартире ее старшего друга Николая Ильича Стороженко (Оружейный пер., впоследствии Арбат, Малый Николо-Песковский пер.), ставшие в 1880–1900-е гг. центром не только для московской, но и всякой заезжей в Белокаменную русской интеллигенции.

Между прочим, именно у Стороженко состоялась встреча Хин и ее мужа, адвоката Онисима Гольдовского (1865–1922), с Львом Толстым. Последний «особенно ласков был с Онисимом Борисо-

вичем, которого он, по-видимому, принял за единомышленника». Хин вспоминает: «Онисим Борисович заиграл мою любимую сонату Шопена. Лев Николаевич прислушался, заметил: ‘Хорошо играет’, – спросил: ‘Артист?’ – и очень удивился, услышав, что это присяжный поверенный. Посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: ‘То-то я вижу, умники’. Мне стало очень смешно. Толстому так понравилась музыка Онисима Борисовича, что он прошел в залу, сел на стул около рояля и слушал, пока не кончилась пьеса. ‘Мне нравится, что у Вас не консерваторская игра’, – заметил Толстой. Достали ноты, и Онисим Борисович долго играл разные вещи Бетховена. Толстой, стоя, сам переворачивал листы, то одобрял, то говорил: ‘Это не стоит’. Расстался с нами Толстой очень ласково, сказал, что непременно хочет нас повидать... Это единственный человек в России, который может и смеет идти против течения. Его ‘непротивление злу’ очень своеобразный боевой крик. Настоящий бунтарь у нас, по правде сказать, только один Лев Николаевич. Вот когда он проповедует любовь – я ему не очень верю. Он у нас один-единственный. Пусть живет. Господи, пусть он живет и чудит, как хочет».

Многие гости журфиксов Стороженко станут потом завсегдатаями литературно-музыкального салона Хин, мысль о котором овладела Рашелью Мироновной, когда ей еще не было и тридцати лет. В ее дневнике от 1 февраля 1892 года есть запись о беседе с женой литературоведа Алексея Веселовского, Александрой Адольфовной, известной в свое время переводчицей: «Как-то я ей сказала, что хорошо бы устроить в Москве небольшое общество (терпеть не могу слово ‘кружок’), которое бы интересовалось литературой как таковой, без коммерческих соображений, – насколько то или иное произведение годится в данный момент для литературного рынка». На что та ее высмеяла, отговорившись, что таковое права на существование не имеет: серьезные писатели в нем не нуждаются, а следовательно, оно выродится в посиделки дилетантов, вроде Урусова, Танеева и Минцлова. «Что могла я ей возразить? – парировала Хин. – Что Урусов – блестящий оратор и глубокий знаток художественных произведений, что Минцлов – живая литературная энциклопедия, а Танеев, при всех своих чудачествах, – один из самых образованных в России людей.» Поясним: хотя названные деятели были маститыми адвокатами, прославившимися участием в громких политических процессах, все они обладали завидным гуманитарным кругозором.

И вот салон Рашели Хин открыт. Что же он собой представлял? Известно, что она принимала гостей по вторникам в своей московской квартире по адресу: Староконюшенный пер., д. 28. «Эти литературные вечера, дни и беседы – такое наслаждение!.. Всем приятно,

легко и свободно», — отметила она в своем дневнике. Интеллектуальную атмосферу ее салона и запечатлел Максимилиан Волошин, к которому наша героиня всегда относилась с нежностью, хотя и не принимала его «аффектацию», «ненатуральность», вычурный тон и манеру говорить, читать стихи, — одним словом, «декадентщину».

Волнует эхо здесь звучавших слов...
К вам приходил Владимир Соловьев,
И голова библейского пророка
(К ней шел бы крест, верблюжий мех у чресл)
Склонялась на обшивку этих кресл...
Творец людей, глашатай книг и вкусов,
Принесший вам Флобера, как Коран,
Сюда входил, садился на диван
И расточал огонь и блеск Урусов.
Как закрепить умолкнувшую речь?
Как дать словам движение, тембр, оттенки?
Мне памятна больного Стороженки
Седая голова меж низких плеч.
Всё, что теперь забыто иль в загоне, —
Весь тайный цвет Европы иль Москвы —
Вокруг себя объединяли вы:
Брандес и Банг, Танеев, Минцлов, Кони...
Раскройте вновь дневник... гляжу на ваш
Чеканный профиль с бронзовой медали —
Рука невольно ищет карандаш,
А мысль плывет в померкнувшие дали...
И в шелесте листаемых страниц,
В напеве слов, в изгибах интонаций
Мерцают отсветы бесед, событий, лиц...
Угасшие огни былых иллюминаций...

Этот художественный текст интересен, прежде всего, как ценный культурно-исторический документ. Остановимся же на главных действующих лицах — тех, кто одушевлял те «вторники» в Старо-конюшенном. Прежде всего это та, что объединяла вокруг себя «цвет Европы и Москвы», — сама Рашель Мироновна Хин. Как отметил князь Сергей Волконский, эта «женщина выдающегося ума» создала вокруг себя подлинную «колонию духовных интересов»⁶. Писатель Викентий Вересаев аттестовал Хин «высокой дамой с величественным лицом»⁷. Она тонко и умно вела беседу, вовлекая слушателей в живой разговор. При этом блистательно декламировала, более всего

стихи Фета, Майкова, Соловьева. Последний при этом восторгался ее «простотой при чтении стихов и большой выучкой».

Религиозный философ и поэт Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) был близким другом Рашели Мироновны. Она относилась к нему с большим пиететом. Вот что она писала о его внешности: «Полубог, полусатир, суровое проникновенное лицо аскета... Соловьеву под стать не брюки, не сюртук, не галстук, не серая шляпа, не котелок, а ряса монаха-астролога, плащ крестоносца, латы Дон Кихота, вериги схимника, плащ юродивого». Она говорила и о «сложной простоте этого бого-и-демоновидца», о том, что из всех человеческих существ Владимир Сергеевич есть «самое загадочное». И еще: «Я хочу верить в бессмертие души, потому что я видела и знала Вл[адимира] Серг[еевича]. Такая душа, как его душа, не может быть смертна. Он писал мне в альбом: 'Жизнь только подвиг, и правда живая светит бессмертьем в истлевших гробах'... На земле Вл[адимир] Серг[еевич] горел, как светильник перед лицом Божества, и мы видели его свет. Теперь пламя это для нас стало невидимо, но оно не угасло». Не исключено, что Соловьев, которого считают предтечей русского символизма, выступал у Хин и со своими стихами.

Бывал в салоне и князь Александр Иванович Урусов (1843–1900) – прославленный адвокат, непревзойденный оратор. Вот что говорила Хин о его выступлениях: «Тут была вся 'клавиатура'! Благородство тона, простота, сверкающее остроумие и легкий юмор, важность и тонкая ирония, строгость и благодущие». Зарекомендовал он себя и как эксперт в области истории русского и западноевропейского театра и теории драмы, тонкий исследователь французской литературы. Урусов был известен как первый знаток и популяризатор творчества Гюстава Флобера, причем сыграл роль в пропаганде флюберовского творчества не только в России, но и в самой Франции. Он пытался, елико возможно, насаждать культ Флобера, сам переводил его произведения и дарил друзьям свои фотографии с надписью «*Live Flaubert*» («Читайте Флобера»). При этом любил повторять, что «Госпожа Бовари» так же вечна, как и Библия. В течение многих лет князь собирал материалы, относящиеся к жизни и творчеству Флобера. Впоследствии собранная им коллекция была передана в парижскую библиотеку Карнавале и, частично, в Отдел рукописей Румянцевского музея. Урусов бесподобно читал тексты Флобера и Тургенева, а также стихи Шарля Бодлера, в том числе в собственном переводе.

Знаменитый шекспировед, одно время председатель Общества любителей российской словесности, Николай Ильич Стороженко (1836–1906) владел даром вносить в жизнь салона светлую поэтиче-

скую атмосферу, потому что поэзия была в нем самом. Превосходно читал стихи, которых знал такое великое множество, что нельзя было не изумляться его памяти. Впрочем, мог наизусть прочесть и рассказы Чехова, которого очень любил. По словам Хин, Стороженко был «светлой, утешительной личностью в жестокую пору нашего безвременья», «его скромность не столько поражала, сколько заражала других, создавая вокруг него особенное высокое настроение. Душа его была преисполнена ‘жаления к человеку, скорее всего отзывалась на сострадание’». Остроумный, находчивый, он обладал и чисто мало-российским, мягким и безобидным, юмором. Вероятно, и Шекспир приковывал ученого тем, что соединил в своем необъятном творчестве величие и ничтожество, радость и несчастье – все человеческое, земное, а не бесплотное. Для Хин Стороженко – «один их мирских печальников, благодаря которым и жива Россия».

Влияние Стороженко испытал на себе и датский литературовед, публицист, теоретик натурализма Георг Брандес (1842–1927). Этот «северный писатель» позаимствовал у русского ученого метод и жанр «внутренней биографии писателя», создав множество работ о великих, в том числе и «Уильям Шекспир» (Тт. 1-3. 1895–1896). Брандес был чрезвычайно популярен в России (достаточно сказать, что в 1914 году вышло 2-е издание его собрания сочинений в 20 томах!). Хин неоднократно встречалась с ним и в Финляндии, и в Москве, а также перевела его миниатюру «Россия», где есть такие слова: «В этом избытке природных сил, в этом неисчерпаемом источнике жизненной материи заключается, быть может, чарующая прелесть России и ее будущая, более ярко выраженная оригинальность. Неиссякаемый родник природы, бесконечное, наполняющее душу томящей печалью и надеждой непостижимое, полное неразгаданной тайной... материнское лоно, трепещущее под напором новой жизни, колыбель новых верований – Россия и Будущее». Брандес свободно владел французским и немецким языками, на которых выступал перед собравшимися.

Весьма известен в России был и другой датский писатель, деятель театра, директор театра в Берлине, эссеист Герман Йохим Банг (1857–1912). С Хин его сближало трепетное отношение к Тургеневу, которого и он считал своим литературным Учителем. Однако Банг искал оригинальности и писал «новым смутным образом», в чем критики видели приметы импрессионистического стиля. Нередкий гость в России, Банг не обошел вниманием и салон Рашели Хин.

Еще один посетитель салона – Владимир Иванович Танеев (1840–1921), оригинальный русский мыслитель, библиофил; он собрал богатейшую (20 тыс. томов!) библиотеку с бесценными рари-

татами. Особенно широко были в ней представлены издания детской литературы, что Хин (автору рассказов о подростках «Макарка» и «Феномен») особенно импонировало. Между прочим, Танеев любил показывать подаренный ему Карлом Марксом фотопортрет с надписью «преданному другу освобождения народа». И хотя в своих речах Владимир Иванович нередко скатывался до самого вульгарного материализма, слушать его всегда было интересно.

Рудольф Рудольфович Минцлов (1845–1904), как сказал о нем Онисим Гольдовский, «по своим способностям был теоретик, по образованию – энциклопедист, а в жизни – прямой, сердечный человек с широким политическим кругозором»⁸. Полиглот, обладатель уникального книжного собрания, Минцлов серьезно занимался историей, философией, гражданским правом, политэкономией и даже высшей математикой. Между прочим, в 1890-е годы в своей квартире на Басманной по субботам Минцлов собирал весь цвет Москвы, где гостями, среди других, были такие разные люди, как инженер-железнодорожник Иван Ададунов, публицист, редактор «Юридического вестника» и «Русской мысли» Виктор Гольцев, историк и социолог Николай Кареев, ну и наша Рашель Мироновна. Говорили преимущественно о политике. Попав в салон Хин, где на повестке дня стояли всё больше вопросы литературы, Минцлов не оплошал и сразу же включился в общий разговор.

А вот блистательный адвокат, «златоуст», как его называли, Анатолий Федорович Кони (1844–1927) был подлинным фейерверком салона Хин. «Сходились вместе, слушали музыку, читали стихи и прозу, иной раз танцевали. А то Анатолий Федорович вдруг затеет шарады. Юмор, находчивость, исключительное мастерство голоса и языка – от народной речи до тончайших лирических оттенков, от драматического диапазона до горбуновского гротеска, – поражали даже привычных слушателей, а новые смотрели во все глаза», – вспоминает она. При этом Кони не стал ни присяжным филологом, ни беллетристом, ни поэтом, но был человеком трибуны, кафедры, эстрады; в самых разнообразных областях человеческого ума вращался не как дилетант, а как мастер. Волшебная власть художественных образов, воплощенных в слове, приковала его к себе на всю жизнь. Вот почему он был чужой среди сановников и свой среди писателей и актеров. Его богатейший словарь, эта многогранная игра диалога – «из бездонных глубин, – из России. Он знал ее от курной избы до царских дворцов, от ‘калик переходящих’ до Андрея Белого и Максимилиана Волошина»⁹. «Самое сложное в искусстве – да и в жизни – простота, – говаривал Анатолий Федорович, – но хороша только та простота, которая дорогого стоит.»¹⁰ Кони великолепно читал стихи, особенно

Пушкина, перед которым благоговел, называя его величайшим гением России, ее оправданием перед миром. Любил читать произведения Тургенева, говоря, что Лукерья в «Живых мощах» – это кристалл народной красоты. Для Хин Кони навсегда остался «Учителем нравственного общежития».

Алексей Толстой в своем дневнике 2 марта 1913 года оставил такую запись: «Вечер у Гольдовской. Южин, Лопухин (полупаралитик). Сам Гольдовский с сигарой. Володя Л., Макс в смокинге и т. д, человек 50... Прогулка пешком от Гольдовского на Арбат. Разговор со Стороженко. Сломанный звонок. Узкие тротуары. Макс, вдруг заболтавший невнятную чепуху». Отметим, что под именем «Макс» подразумевается Максимилиан Волошин.

А вот как Хин отозвалась об Алексее Николаевиче Толстом (1883–1945), неперенном участнике ее «вторников»: «Большой, толстый, прекрасная голова, умное, совсем гладкое лицо, молодое, с каким-то детским, упрямо-лукавым выражением. Длинные волосы на косой пробор (могли бы быть покороче). Одет вообще с 'нынешней' претенциозностью – серый короткий жилет, отложной воротник а l'enfant (как у ребенка) с длиннейшими острыми концами, смокинг с круглой фалдой, который смешно топорщится на его необъятном заду... Он совсем прост, свободен, смеется, острит, горячится, путается в теоретических фиоритурах Макса, желает с 5-ю молодыми драматургами учиться, 'как надо писать пьесы', и т. д... Из всех звезд современного Парнаса Толстой произвел на меня самое приятное впечатление».

Со знаменитым актером, управляющим труппой Малого театра Александром Ивановичем Южиным (Сумбатовым) (1857–1927) Рашель Мироновну связывали не только дружеские, но и творческие отношения. Южин был буквально пленен «вкусом и изяществом письма» писательницы. Это благодаря его инициативе в Малом театре была поставлена драма Хин «Наследники» (1911), в которой сам он сыграл главную роль – престарелого еврея-миллионера Романа Волькенберга. Критики отмечали воссозданный Южиным «отличный внешний облик, национальный, без преувеличенности, живописно старый и отличный тон умиротворенной мудрости и охлажденных чувств, однако зажигающих и теперь еще иной раз в глазах яркий блеск... С полною четкостью проступали выразительность и простота, все элементы души этого старика с большою волею и большим умом»¹¹.

Весьма колоритной личностью был и другой завсегдатай салона – князь Алексей Александрович Лопухин (1864–1928). Одно время эстляндский губернатор, а в 1902–1905-х годах директор Департамента

полиции, он разоблачил провокатора Азефа, причем сделал это, движимый страхом, что государственные преступления пресловутого агента могут окончиться печально не только для многих сановников, но и для самого императора. Уличающие Азефа материалы Лопухин передал «Шерлоку Холмсу русской революции» Владимиру Бурцеву и эсерам. В январе 1909 г. сей полицмейстер был арестован и судим царским правительством «за разоблачение перед преступным сообществом» действий Азефа. Онисим Гольдовский был его адвокатом.

Под именем «Володя Л.», очевидно, скрывается актер Малого театра Владимир Федорович Лебедев (1871–1952), рассказчик уморительных сенок и анекдотов, продолжатель традиции знаменитого Ивана Горбунова. В своих монологах он давал зарисовки московского быта, чем немало забавлял окружающих.

К сожалению, мы не можем назвать всех 50-ти участников «вторников» Рашели Хин. Ограничимся лишь именами некоторых завсегдатаев.

Прежде всего, это актеры Малого театра¹². Пленительная, «чарующе женственная» Елена Константиновна Лешковская (1864–1925). По словам современников, примером своей жизни она утвердила свое величие в скромности, яркость в душевном богатстве и силу в громадной любви к искусству. В пьесе Хин «Поросль» (1905) Лешковская играла Ольгу Линевиц, а в пьесе «Наследники» (1911) – роль Варвары.

Евдокия Дмитриевна Турчанинова (1870–1963) была не только мастером художественного слова, но и блистательной исполнительницей народных песен и танцев. Выступали со своими номерами режиссер и драматический актер Александр Александрович Федотов (1863–1909), который, кроме прочих пьес, поставил и «Поросль» Хин, и неистощимый остроумец Василий Иванович Качалов (1875–1948), ведущий актер Художественного театра

Частыми гостями салона были «красавица, богачка, музыкантша»¹³ Надежда Митрофановна Мазурина (1861–1911), известная пианистка, вместе с Онисимом Гольдовским услаждавшая слух гостей игрой на фортепьяно, а также композитор, дирижер и музыкальный критик Борис Петрович Шенк (1870–1915). Но более всего завораживала аудиторию чудесная скрипка знаменитого виртуоза Леопольда Семеновича Ауэра (1845–1930), к которому Хин относилась, впрочем, весьма критично: «Великолепный музыкант, но еврей-плебей, и если у него отнять скрипку, он может быть отличным биржевым маклером, комиссионером, дельцом, адвокатом, доктором, чем угодно. У него очень красивые черные, огромные, выпуклые, как

яблоко, блестящие, точно политые маслом глаза. Эта 'поволока' исчезает, только когда он играет великолепные вещи – Бетховена, Баха. Тогда в них сверкают искры сурового огня... А так – горбатый, с жадными ноздрями, толстые животные губы, слишком белые зубы».

Помимо Максимилиана Волошина, с чтением стихов выступали перед собравшимися прославленный Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942), поэт, литератор, редактор журнала «Неделя» Василий Павлович Гайдебуров (1866–1910), поэт и переводчик Г. Гейне и армянской поэзии Юрий Алексеевич Веселовский (1872–1919) и две поэтессы: переводчица стихотворений Р.-М. Рильке Лидия Владимировна Лепешкина (Горбунова) и совсем юное дарование Мария Павловна Кювилье (1885–1985), в будущем – литературный секретарь и жена Романа Роллана. А Андрей Белый (1880–1934), помимо стихов, читал рассказы в жанре лирической ритмизированной прозы с характерными мистическими мотивами.

Из литературных критиков – завсегдатаев салона – можно назвать Константина Константиновича Арсеньева (1837–1919), к тому же крупного общественного и земского деятеля, адвоката, судебного оратора, автора книги «Критические этюды по русской литературе» (1888), председателя Литфонда, почетного академика Императорской Академии наук. А вот как отзывалась Хин о литераторе и театроведе Акиме Львовиче Волинском (1863–1929): «Этот enfant terrible российской критики производит наяву лучшее впечатление, чем на столбцах 'Северного вестника'. Сухое, желтое, аскетическое лицо, с прыгающими умными и совсем не аскетическими глазами. Несомненно, образованный человек, имеющий свои мысли. Если б не его 'верченый' стиль, он был бы совсем приемлем». Критик Виктор Александрович Гольцев (1850–1906) был известен как журналист и общественный деятель. Историки литературы братья Александр (1838–1906) и Алексей (1843–1918) Николаевичи Веселовские были почетными академиками Императорской Академии наук. Всемирную славунискал основатель сравнительно-исторической школы Александр Веселовский, чей труд «Историческая поэтика» и поныне считается классикой литературоведения. Что до Алексея Веселовского, то Хин характеризует его как человека «именинного типа» (внешне весьма представительного), но крайне несамостоятельного в своих суждениях: его «сделала жена», «у него нет ни одной оригинальной мысли, все банально и скучно».

Под сенью дружных муз собирались и известные писатели: почитавшийся живым классиком Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921), для которого выразительное чтение было «главной словесной склонностью»; Викентий Викентьевич Вересаев (1867–1945),

тогда автор нашумевших «Записок врача», выдержавших 11 изданий; сколь скептический, столь даровитый и яркий Леонид Николаевич Андреев (1871–1919), за глаза называвший удивительно точную и беспощадную в своих оценках Хин «ядовитейшая баба»¹⁴.

Примечательно, что в драме Хин «Поросль» (1905) упоминается салон некоей госпожи Сотниковой: «Какие-то мрачные субъекты в блузах... Пианистка, скрипач, певец... Читали приехавшие из Москвы молодые писатели... Это должно обозначать протест новых людей против дряблого культурного общества». Говоря о субъектах в рабочих блузах, можно указать на посетителя салона, драматурга народного толка Евтихия Павловича Карпова (1857–1927), печатавшегося в журналах «Артист» и «Русское богатство». Сочувствием тяжелой «бедняцкой доле» проникнуты все его драмы, самые известные из которых – «Рабочая слободка» (1907) и «Шахта Георгий» (1909). Этот радетель русского пролетариата устраивал для рабочих народные гуляния.

В черной, тонкого сукна блузе с полоской белого воротничка у шеи, являлся в Староконюшенный и «буревестник революции» Алексей Максимович Горький (1868–1936). По его поводу между Рашелью Мироновной и ее горничной Машей состоялся такой разговор:

«Горничная Маша: ‘Зачем только это он теперь, как мастеровой, в блузе ходит?’

– Привык, – сказала я, – ему в блузе удобней.

Маша повела носом: ‘Нет, это он из форсу, чтоб доказать господам: – смотрите, мол, какая я знаменитость. В чем желаю, в том к вам и прихожу. А господа по нем обмирают.’».

Хин вспоминала далее: «Он держался очень просто и скромно... Вероятно, он очень застенчив в душе, а может быть, застенчив из-за большого самолюбия. Лицо у него некрасивое, болезненной желтизны, немного угрюмое, сосредоточенное выражение внутрь... Чудесные голубые глаза и прелестная быстрая улыбка, детская и немножко грустная. Прекрасные каштановые волосы, откиннутые назад, высокий чистый лоб. Фигура тонкая, своеобразно грациозная, высокая. Говорит тихим голосом на ‘о’».

Непременной участницей «вторников» была популярнейшая в свое время писательница Анастасия Александровна Вербицкая (1861–1928). Ее тенденциозный роман «Ключи счастья» (1909) о сексуальной свободе женщин, экранизированный в 1913 году Владимиром Гардиным и Яковом Протазановым, стал самой кассовой лентой дореволюционного кинематографа, а общий тираж изданий романа составил 500 тысяч экземпляров! С Хин Вербицкую сближал интерес к проблемам феминизма и женской эмансипации

(они совместно печатались в «Сборнике на помощь учащимся женщинам» (1901)). Анастасия Александровна, в прошлом регент хора Елизаветинского института (ее вокальные способности высоко ценил сам Николай Рубинштейн!), иногда и солировала в салоне под аккомпанемент Онисима Гольдовского.

Салон открыл свои двери и для выдающихся гуманитариев. Здесь выступали антрополог, автор капитальных историко-биографических исследований Федор Владимирович Вешняков (1828–?); знаменитый педагог, дипломат, историк Владимир Петрович Потемкин (1874–1946); юрист, яркий общественный деятель Максим Максимович Ковалевский (1851–1916); известный правовед, философ, историк, публицист и педагог Борис Николаевич Чичерин (1828–1904); общественный деятель, кадет, журналист, член I Государственной думы Виктор Павлович Обнинский (1867–1916). Особенно дружна Хин была с семейством Ивана Ивановича Янжула (1846–1914), видного экономиста, статистика, педагога, деятеля народного образования, профессора Московского университета, академика (сохранился его портрет работы Владимира Маковского). Неоценима роль Янжула в создании общедоступной бесплатной московской Библиотеки-читальни им. И. С. Тургенева, для которой Хин пожертвовала экземпляр своей книги «Силуэты» (1894). Ивана Ивановича неизменно сопровождала супруга, Екатерина Николаевна, урожденная Вельяшева, по его словам, «не только добрый товарищ, но соавтор или ближайший сотрудник для всего, что [он]... написал, начиная с больших книг и кончая журнальными и газетными статьями»¹⁵, к тому же – историк педагогики.

Иногда на посиделках у Хин обсуждались разного рода психологические аномалии (подчас то были курьезные случаи из адвокатской практики), разобраться в которых без помощи специалистов было затруднительно. Об одном из таких случаев рассказывает Алексей Толстой: «Рассказ адвоката о польском магнате, который заставил жену писать вымышленный дневник и затем отравил. Письма к этому человеку любовницы. Нежные, пылкие, благоуханные. Одно письмо, полное ревности. 'Изменить жене подло, но любовнице недопустимо'. (Это очень важно, нужно подумать – изменить любовнице – третья измена). Его письма любовнице страстные, религиозные, тогда как на полях его писем он ставил циничные пометки. (Жена не была девушкой в день свадьбы. Это его потрясло и раздражило. Он заставил ее сознаться, и тут-то и началось диктование дневника, творчество, интуитивное восстановление предполагаемых событий. Кажется, он заставлял жену сходиться с дворней)». Неудивительно, что в числе завсегдатаев салона мы находим русского

психиатра, профессора Московского университета, а затем зав. кафедрой психиатрии Высших женских курсов Николая Николаевича Баженова (1857–1923) и доктора медицины, видного российского невропатолога Лазаря Моисеевича Минора (1855–1942).

Можно только поражаться необычайной интеллектуальной энергии Рашели Мироновны, ее организаторским способностям, умением создать вокруг себя высокую духовную атмосферу. Памятуя о ее «вторниках», живо представляешь дебаты о жгучих, вечных вопросах искусства и жизни, словно это в Староконюшенном переулке заключено самое средоточие умственных страстей Серебряного века. И пусть до нас дошло лишь «эхо здесь звучащих слов», литературный салон Рашели Хин и сегодня живо волнует нас своими сюжетами и имеет непреходящее культурное значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Грузенберг О. О.* Литература и жизнь // Восход, Кн. X., 1894, С. 44; «Русская мысль», Т. 15, № 5, 1894. С. 237.
2. *Булгаков М. А.* Собр. соч.: В 8 тт. Т. 6: Мольериана Михаила Булгакова. – М., 2002. Сс. 126-127.
3. *Поляков Л.* История антисемитизма. Эпоха знаний. – М. – Иерусалим, 2013. С. 107.
4. Цит по: *Шоткин Ю.* Салоны еврейских красавиц и умниц // www.forumdaily.com
5. *Хин Р. М.* Мария Николаевна Волконская // Жены декабристов. Сборник историко-бытовых статей. – М., 1906. С. 26.
6. *Волконский С. М.* Мои воспоминания. Т. 2: Родина. – М., 1992. С. 338.
7. *Вересаев В. В.* Невыдуманные рассказы. – М., 1968. С. 255.
8. *Гольдовский О. Б.* Князь А. И. Урусов как патрон // Князь Александр Иванович Урусов. Воспоминания о нем. – М., 1907. С. 247.
9. *Хин Р. М.* Памяти старого друга (Воспоминания об А. Ф. Кони) // www.lib.ru/MEMUARY/KONI_A_F/hin_gold.txt
10. Там же.
11. *Эфрос Н.* Малый театр. «Наследники» Р. М. Хин // Студия, № 3, 1911. С. 12.
12. *Кара-Мурза С. Г.* Малый театр. Очерки и впечатления. – М., 1924. С. 136.
13. *Самин Д. К.* 100 великих музыкантов. – М., 2002. С. 194.
14. *Вересаев В. В.* Указ. соч.
15. *Янжул И. И.* Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. – М., 2006. С. 113.

Марк Уральский

Лео Бирински – киносценарист и драматург

Очерк жизни

Для писателя, волею судьбы вынужденного жить за рубежом – там, где расцветает инородное национальное искусство, проблема бытования состоит не только в том, что делать, как приспособиться и прижиться, но и в своего рода духовном перерождении, в обретении нового видения, тематики, стилистики и, конечно же, своей аудитории. Здесь нет ни правил, ни рекомендаций – лишь только голые примеры отдельных человеческих судеб. Их много, но каждый значим особо, ибо, как известно, личности и судьбы неповторимы и неусреднимы. Вот такой уникальной в своей самости представляется судьба Лео Бирински – драматурга и киносценариста первой половины XX в., ныне прочно и несправедливо забытого¹.

В середине октября 1910 года в московском «Русском слове» была опубликована статья берлинского корреспондента этой газеты Ильи Троцкого² «Молох», в которой рассказывалось об успехе премьеры одноименной пьесы немецкого драматурга Лео Бирински в Вене и Берлине. При этом автор, выступая также в роли рецензента, критически отзывался о содержании пьесы, где, на его взгляд, хоть и дана «картина русской революции, русского подполья», но имеют место «...Нагромождение страхов и ужасов и очень маленькая идея». Даже не идея, а один лишь контур ее. Непосильную задачу взял на себя г. Биринский. Ему нельзя отказать в наблюдательности, в знании русского революционного подполья, но уж очень слаба его философия. Эффектами, вроде колокольного звона, револьверных выстрелов, грома, он покрывал недостаток истинного драматизма и действия. Это слишком бросалось в глаза. Да наконец, сама пьеса поразительно напоминала компиляцию из чириковских 'Евреев', горьковского 'На дне' и произведений Л. Андреева. На слишком невзыскательный вкус рассчитан 'Молох'. Остается лишь удивляться, чем восхищались венцы. Правда, берлинской публике тоже очень понравилась пьеса. Видеть с подмостков оборотную сторону революции, с кающимися провокаторами, тайными сходами и готовящимися покушениями, – для немца

интересно. И с этой стороны пьеса имеет успех. Но только эта внешняя сторона и нравится. О внутреннем же содержании пьесы все отзываются отрицательно»³. Далее Троцкий пишет, что «...Известный драматург Герман Бар посвятил этой пьесе длинное письмо в одном из местных театральных журналов⁴, восхищаясь ее глубиной и обещая ей успех». И заключает весьма спорно: «...Участь произведений, о которых заранее больше, чем следует, шумят, предопределена: они или проваливаются, или оказываются ниже посредственности».

По-видимому, пьеса не понравилась Илье Троцкому по причине своей «клюквенной» русскости. Ее автор, которому он не может «отказать в наблюдательности, в знании русского революционного подполья», тем не менее особенностей русского быта не чувствовал, актуальную ситуацию в России воспринимал как экзотику, а потому свою пьесу строил на наборе эффектов, а не «идее», т. е. в развлекательно-орнаментальном ключе. Такой подход к русской проблематике вполне устраивал западного зрителя, но неприятно раздражал рецензента, хорошо знавшего что к чему и почему.

Рассмотрение литературно-драматических достоинств пьесы «Молох», как и ее недостатков, не входит в задачу настоящего очерка. Отметим только, что отзыв Бара, который считался наиболее проницательным литературно-театральным критиком и выдающимся немецким культурологом первой трети XX столетия – от эпохи «натурализма» до «экспрессионизма», – многого стоил. Что же касается личности автора пьесы – Лео Бирински, драматурга, впоследствии плодовитого киносценариста, писавшего на немецком и английском языках, то она вполне заслуживает, чтобы быть выведенной из «тьмы былого».

Имя Лео Бирински для русского уха звучит явно по-родственному, но Илья Троцкий в своей статье-рецензии, впервые представляя русской публике зарубежного автора, не обращает ни малейшего внимания на происхождение своего персонажа. О причинах этого можно только гадать, но при сравнении их биографий тот факт, что Лев Биринский родился 8 июня 1884 года в местечке Лысянка Черкасской губернии, а Илья Троцкий пятью годами раньше – 10 июня 1879 года в г. Ромны тогдашней Полтавской губернии, сразу же бросается в глаза⁵. Представляется весьма вероятным, что они были лично знакомы, т. к. в 1906–1907 гг. И. М. Троцкий жил в Вене, сотрудничал во влиятельной газете «Ное Винер Тагблатт» («Neue Wiener Tagblatt»), а в 1923–1926 гг. оба литератора обретались в Берлине. Однако в обширном публицистическом и эпистолярном наследии И. М. Троцкого имя Лео Бирински нигде и никогда больше не встречается. *Mirum est autem vera!* Скорее всего, это связано с абсолютно противоположными поведенческими моделями и стратегиями интеграции

в западную культуру этих двух русских евреев. Илья Троцкий всегда подчеркивал свою кровную связь с русской культурой и русским еврейством; Лео Бирински, напротив, покинув Россию, обрубил все концы, связывающие его с родиной, никогда не акцентировал свое происхождение и реализовывал литературные амбиции исключительно в немецком и английском культурном ареале.

Сразу же заметим, что Лео Бирински в этом отношении – фигура уникальная. Как сценариста родом из России, но работавшего на западной сцене, его можно сравнить только с Осипом Дымовым (1878–1959). Однако если личность О. Дымова сегодня хорошо представлена в мемуарно-биографической литературе⁶, то с Лео Бирински ситуация выглядит с точностью до наоборот. Здесь можно говорить о фактическом отсутствии подробных и выверенных сведений, касающихся биографии и деятельности этого незаурядного человека, чье имя вошло в историю мирового кино⁷ и театра первой половины XX столетия⁸. Настоящая статья является попыткой привлечь внимание русскоязычных историков культуры к личности Лео Бирински⁹.

По всей видимости, информационный вакуум, образовавшийся со временем вокруг фигуры Лео Бирински, во многом является следствием его равнодушия к поддержанию своего публичности, скрытности как черты характера и склонности к мистификациям¹⁰. Из всех литературных источников¹¹, доступных автору этой статьи, явствует, что по отцу Лео носил фамилию Готесман (Gottesman), которую в 1906–1910 гг. сменил на девичью фамилию матери, урожденную Беринскую, или Биринскую (Birinski). Обе эти фамилии были распространены в западных губерниях Российской империи, однако Беринскими (от слова «бер» – медведь на идиш) чаще всего были евреи, тогда как Бирински – родовое имя польской шляхты¹².

В примерно шестилетнем возрасте Лео с семьей переехал с Черниговщины, родины его матери Карны, на Буковину, откуда происходил его отец Герш (Герман) Готесман, бывший коммивояжером. В Черновцах (Черновицах) – столице Буковины, тогда принадлежавшей Австро-Венгрии, где жил до начала XX в. Лео, евреи составляли более трети населения города. Австрийские власти в то время были заинтересованы в притоке еврейского населения в город, полагая, что евреи, говорившие на идиш, будут проводниками немецкой культуры. Особенно поощрялась ассимилированная немецкоязычная еврейская интеллигенция, представители которой могли без ограничений занимать любые государственные должности. Евреи играли важную роль в экономической жизни города, основывая промышленные предприятия и банки, выступали спонсорами культурных мероприятий: так, вклад евреев в постройку комплекса зданий резиденции буковинско-

го митрополита своеобразно отмечен на одном из зданий окантовкой из «звезд Давида» вокруг купола, увенчанного крестом¹³.

Из среды черновицких евреев вышло несколько всемирно известных литераторов¹⁴. К их числу, несомненно, можно отнести и Лео Бирински, который впоследствии не раз указывал Черновцы как место своего рождения. Впрочем, это делалось им, скорее всего, для того, чтобы как урожденному австрийцу беспрепятственно проживать в имперской столице Вене, а не быть интернированным как нежелательный иностранец в период Первой мировой войны¹⁵.

По-видимому, в 1904 г. – после окончания Лео черновицкой гимназии, семья Готесманов переселилась в Вену. Здесь Лео работал в книжном магазине, затем, покинув отчий кров, где-то чему-то учился и, вынырнув вновь в Вене в 1906 г., стал заниматься переводами и писать пьесы на немецком языке, которые пытался затем устроить в многочисленных венских театрах. Он быстро освоился в кругах венской богемы и сблизился с рядом видных представителей театрального мира, в том числе с Хуго Тимигом¹⁶ и Иозефом Кайнцем¹⁷. У последнего он подвизался в роли секретаря и ухаживал за ним во время его тяжелой болезни вплоть до смерти артиста в сентябре 1910 г. Время от времени Бирински наезжал в Берлин и Мюнхен, где, возможно пользуясь протекцией Тимига и Кайнца, завязал необходимые для его карьеры драматурга связи.

В 1910 году пришел успех – его трагедия «Молох» была поставлена 21 января на «Новой венской сцене», а затем сразу на нескольких германских сценах: в берлинском «Современном театре», кёльнском «Немецком театре», мюнхенском «Народном театре» и лейпцигском «Старом городском театре». Из венского периода до наших дней дошли пьесы «Маскарад» («Mummenschanz»), «Танец сумасшедших» («Narrentanz»), «Молох» («Der Moloch») и «Раскольников» («Raskolnikow») – по роману Достоевского «Преступление и наказание». Первые три из них были опубликованы – см. каталог Немецкой национальной библиотеки (Die Deutsche Nationalbibliothek)¹⁸, причем «Молох» и «Танец сумасшедших» – в Германии (Берлин, 1910, и Мюнхен, 1912) и лишь одна – «Маскарад» – в Вене в 1968 году, спустя много лет после кончины драматурга.

Вплоть до начала Первой мировой войны все вышеуказанные пьесы Лео Бирински регулярно ставятся на немецкой и австрийской сцене как на немецком, так и – в Австро-Венгрии – в переводе на славянские (чешский, словенский, хорватский, польский) и венгерский языки. Кроме того, пьеса «Танец сумасшедших» была поставлена в Копенгагене, Амстердаме и Париже, соответственно на датском, голландском и французском языках. Примечательно, что пьесы Лео

Бирински ставятся в восточноевропейских странах (Чехия, Венгрия, Македония, Словения, Сербия) и по сей день. Пьеса «Маскарад» была переведена с чешского и опубликована под названием «Хоровод масок» в театральном журнале-альманахе «Балтийские сезоны»¹⁹ и под этим же названием поставлена как дипломный спектакль в Ярославском государственном театральном институте 25 июня 2010 года (режиссер Олег Нагорничных).

Существует мнение, что Бирински в славянских странах Восточной Европы воспринимался как русский драматург, переведенный на немецкий. Например, на афише спектакля «Маскарад», поставленного пражским Национальным театром в 1912 г., было указано, что пьеса написана по-русски, а фамилия автора напечатана на русский манер «Биринский». Ошибочное отнесение Бирински к числу «русских драматургов еврейского происхождения»²⁰ сохранялось в чешском театроведении вплоть до конца XX века. В этом контексте отметим, что как немецкий драматург еврейского происхождения, родившийся в Российской империи, Лео Бирински фигурирует и в знаменитом семитомном справочнике Саломона Винингера²¹ «Биографии выдающихся евреев» (1927–1936 гг.)²², и в «Справочнике австрийских писательниц и писателей еврейского происхождения 18–20 веков»²³. Как это ни странно, несмотря на столь явный успех Лео Бирински-драматурга, его имя сегодня не значится ни в «Перечне австрийских литераторов» («Liste österreichische Autoren») ²⁴, ни в «Перечне немецкоязычных драматургов» («Liste deutschsprachiger Dramatiker») ²⁵.

Весной 1920 г. венские газеты публикуют сообщение, получившее широкую огласку, в том числе и за рубежом, что драматург якобы покончил с собой. На самом деле трагедия произошла с его младшим двоюродным братом, – однако, несмотря на опровержения, в ряде справочников первой трети XX в. Лео Бирински объявляется самоубийцей.

Годом позже Лео Бирински, по всей видимости, сделав вывод, что «из всех искусств <...> важнейшим является кино», переезжает на жительство в Берлин (апрель 1921 г.), бывший в то время центром европейской киноиндустрии. Живя в Берлине, Бирински полностью переключается на кинематографию, заявляя с этих пор себя, главным образом, как сценарист. Трудно объяснить, почему после столь успешного начала своей карьеры драматурга он решительно порвал со сценой. Ведь немецкий театр в 1920-е годы переживал период своего расцвета, а таким его выдающимся представителям, как, например, Макс Рейнгард²⁶ имя Бирински было несомненно хорошо знакомо. С другой стороны, «в начале 20-х годов немецкое кино зани-

мало ведущее место в мире»²⁷ – и здесь для молодого таланта открывалось огромное поле всякого рода возможностей. Можно предположить, что Бирински решил не разминаться по мелочам, а полностью реализовать свои честолюбивые замыслы в новой, перспективной области искусства.

Из множества художественных направлений, бытовавших в то время в немецком кино, наиболее значительным являлся экспрессионизм, утвердивший как самостоятельный жанр фильм ужасов (хоррор-фильм)²⁸. «На первый взгляд экспрессионизм, с его телеграфным стилем, взрывающимися короткими фразами, восклицаниями, определенно кажется упрощением выразительных средств, усложненных немцами. Но эта видимая определенность обманчива. Здесь – потребность усилить ‘метафорическое’ значение слов, доминирующее в экспрессионистской фразеологии. Жонглирование неопределенными выражениями. Случайные комбинации слов, складывающиеся в цепочки. Надуманные мистические аллегории, лишённые какой бы то ни было логики, полные намеков. Они сводятся к пустякам, стоит только нам попытаться их понять. Этот язык, перегруженный символами и метафорами, сознательно затуманивается, дабы только посвященные могли уяснить себе его подлинный смысл. Это земля, усеянная ловушками: чтобы пройти по ней, оставаясь целым и невредимым, нужно знать пароль»²⁹.

Лео Бирински внес свою лепту в историю немецкого кино-экспрессионизма не только как сценарист, но также как постановщик и продюсер. Вместе с Паулем Лени³⁰ – одним из отцов немецкого кино-экспрессионизма, он является создателем фильма ужасов «Кабинет восковых фигур» (1924 г.), который вошел в золотой фонд мирового кино. Этому фильму, по мнению многих историков кино³¹, суждено было встать в ряд выдающихся кинолент, причисляемых к направлению «хоррор». «Сюжет фильма ‘Кабинет восковых фигур’, придуманный Хенриком Галееном³² (по мотивам одноименного рассказа Густава Мейринка³³. – М. У.), можно изложить так: молодой поэт, которому поручено подготовить тексты к экспонатам, выставленным в ярмарочном балагане, встречается в своих сновидениях с приключениями и преступлениями Гарун аль-Рашида, <...> Ивана Грозного <...> и Джека-Потрошителя...» Сбежавшие из кабинета восковых фигур Иван Грозный или Джек-Потрошитель устанавливают на земле режим невероятной жестокости и пыток, описанных маркизом де Садом.³⁴

Подводя итог германского периода деятельности Лео Бирински, можно утверждать, что он вполне преуспел. За шесть лет своего пребывания в Берлине Бирински женился на пианистке Фелиции Ашкенази, написал пьесу «Святой черт» («Der heilige Teufel»), глав-

ным героем которой является Распутин, и целый ряд киносценариев. Пьесу, текст которой дошел до наших дней лишь в английском варианте, Бирински поставить не удалось, зато с реализацией сценариев у него проблем не возникало. В 1923–1927 гг. по сценариям Лео Бирински в общей сложности было поставлено 13 фильмов. Он работал с такими известными немецкими режиссерами, как Пауль Лени, Джой Май (Joe May; 1880–1954), Феликс Баш (Felix Basch; 1885–1944), Эвальд Дюпон (Ewald André Dupont; 1881–1956), Рихард Эйхберг (Richard Albert Eichberg; 1888–1952), а также с Дженао Ригелли (Gennaro Righelli; 1886–1949)³⁵, Фридрихом Фейером (Friedrich Feher; 1889–1950) и знаменитым Робертом Вине (Robert Wiene; 1873–1938)³⁶, создателем одного из первых шедевров немецкого киноэкспрессионизма – фильма «Кабинет доктора Калигари» (1920). «За открытиями немецких кинематографистов внимательно следили по другую сторону океана – в Голливуде <...>. Между немецкими кинокомпаниями, в особенности концерном UFA³⁷, и голливудскими студиями существовали дружеские связи, включавшие даже регулярные экспедиции американцев в Берлин – для обмена опытом. В свою очередь, многие немецкие режиссеры – Любич, Мурнау³⁸, Лени – уже в 20-е годы начали снимать фильмы в Америке»³⁹. Впоследствии большинство немецких режиссеров, с которыми сотрудничал Лео Бирински, уехали в США, где весьма преуспели на студиях Голливуда. Из них Пауль Лени первым совершил этот шаг и не исключено, что именно его успешная адаптация в Голливуде подвигла Лео Бирински к решению перебраться за океан. Сразу же после премьеры 2 мая 1927 года фильма «Мата Хари, красная танцовщица» («Mata Hari, die rote Tänzerin»), поставленного по его сценарию Фридрихом Фейером, – прошедшей, кстати говоря, с большим успехом⁴⁰, он отбыл в Америку.

В плане биографии его появление в Новом Свете, так же, как и вся официально задокументированная история пребывания в США, – это сплошная мистификация. Дать рациональное объяснение биографическим придумкам Лео Бирински не представляется возможным, их можно лишь перечислить как набор курьезов.

Так, при въезде в США 16 сентября 1927 года Лео Бирински предъявил властям никарагуанский паспорт, где местом его рождения значился некий город Блюфильдс. В графе «Цель визита» он указал, что прибыл посетить своего друга, некоего торговца русской пушниной, проживающего в Манхэттене. Виза, выданная эмиграционными властями США сроком на 6 месяцев, затем продлевалась ими в течение почти четверти века, вплоть до кончины Лео Бирински в 1951 г.

28 октября 1929 года таким же образом – с никарагуанскими пас-

портами и желанием повидать «друга, живущего в Манхэттене», – прибыла в США жена Бирински Фелиция со своей матерью. В США супруги Бирински свой брак не расторгли, хотя, по всей видимости, жили порознь.

Конкурентная борьба на киносценарном поле Голливуда была очень жесткой⁴¹, а для литератора-иностранца на первый план, естественно, выходила еще и языковая проблема. «Приход к власти в Германии национал-социалистической партии в 1933 году многократно ускорил процесс эмиграции художников и интеллектуалов, в результате чего к началу 40-х годов едва ли не весь цвет немецкой режиссуры (изрядную часть которой составляли выходцы из венской еврейской общины) оказался в США. Практически всем им удалось найти работу на голливудских студиях»⁴². Более того, современные историки кино акцентируют внимание именно на «еврействе» немецких кинорежиссеров-эмигрантов⁴³, которое, по их мнению, и задало «тон» в развитие «фильма-нуар»⁴⁴ как особого жанра в киноискусстве США 1940–1950-х гг. «Начиная с 1920 года, из Германии в Новый Свет переехали около 500 кинематографистов. В 1930 году профессия сценариста часто являлась в киноиндустрии единственно возможной и полезной для эмигрантов, поскольку американские киностудии уже имели укомплектованные на постоянной основе команды техников, операторов, режиссеров и актеров. С 1938 г. конкуренция в среде писателей-иммигрантов стала особенно сильной. <...> Все они, как правило, специализировались в каком-то одном жанре; были способны адаптироваться к новым условиям работы и требованиям и перенять специфику работы Голливуда, его жанровые установки и развивать их дальше. Некоторые из немецких эмигрантов приняли гражданство США»⁴⁵.

Несмотря ни на что, Лео Бирински сумел пристроиться на работу в Голливуде, – возможно, на первых порах опираясь на поддержку Пауля Лени. Начиная с 1929 г., судя по его реализованным киносценариям, он вполне процветал на «фабрике грез», хотя постоянного договора ни с одной из ее фирм-производителей у него никогда, видимо, не было. Надо отметить, что для полноценной литературной деятельности Лео Бирински, по всей видимости, владел английским достаточно свободно, поэтому в большинстве сценариев лично ему принадлежала сюжетная основа, сам же текст писался американскими соавторами – Уоллесом Смитом (Smith; 1888–1937), Германом Манкиевичем (Mankiewicz; 1897–1953) или Джеромом Кейди (Cady; 1903–1948).

Однако Лео Бирински выступал не только в амплуа сценариста. Он заявил себя в Голливуде также и в роли режиссера, поставив в

1936 г. фильм «Флирт» («Flirtation»). Сюжет картины был весьма незамысловатым. Деревенский парень Дадли со своим псом Корки приезжает в большой город, где влюбляется в певичку Нэнси. Собака начинает его ревновать и сбегает из дома. На одном из выступлений Нэнси пес появляется в зале и учиняет там всяческие безобразия. Нэнси уволена. В это же время в город приезжает ее мать, считающая, что ее дочь вполне обустроенная замужняя женщина. Нэнси просит Дадли выступить в роли мужа. Розыгрыш удастся, но молодые люди действительно влюбляются друг в друга, решают пожениться и переехать из города в родную деревню Дадли. Знаменитый композитор-песенник Хуго Ризенфельд⁴⁶ написал к фильму музыку, а из известных актеров в нем в последний раз снялась (в роли матери Нэнси) Кисси Фицджеральд – звезда немого кино 1910-х годов, прославившаяся своим характерным «подмигиванием»⁴⁷. Фильм, снятый на киностудии Salient Pictures Corp., большого успеха в прокате не имел, хотя его даже демонстрировали в Великобритании⁴⁸.

За время американской работы в Голливуде по сценариям, в которых участвовал Лео Бирински, было поставлено двенадцать кинофильмов. Некоторые из этих фильмов вошли в золотой фонд Голливуда. Среди них «Мата Хари» («Mata Hari») режиссера Джорджа Фицмориса⁴⁹ с Гретой Гарбо в главной роли (1931 г.) и «Песнь песней» («The Song of Songs») с Марлен Дитрих. Последний фильм является первой актерской работой Дитрих, выполненной уже не под руководством ее кинематографического «крестного отца» Джозефа фон Штернберга⁵⁰, а в содружестве с режиссером Рубеном Мамуляном⁵¹.

Восемь кинопроектов по сценариям Лео Бирински остались нереализованными. Среди сценариев так называемых «шпионских» фильмов следует отметить «Стамбульский поиск» («Stamboul Quest») знаменитого американского режиссера Сэма Вуда⁵², вышедший на экран в 1934 г., и его французский ремейк «Мадемуазель доктор», поставленный в 1938 г. Г. В. Пабстом⁵³ по немецкому варианту сценария, написанному полностью Лео Бирински.

Первой серьезной работой Лео Бирински в Голливуде является его сценарий, написанный совместно с Волтером Энтони (Walter Anthony; 1872–1945), для фильма «Любовь и дьявол», поставленным в 1929 г. будущей мировой знаменитостью Александром Корда⁵⁴. Последним известным фильмом Бирински была шпионская комедия «У леди есть планы» («The Lady Has Plans») режиссера Сиднея Лэнфилда⁵⁵, вышедшая на экран в 1942 г., в которой в главных ролях были заняты такие прославленные актеры Голливуда, как Полетта Годдар⁵⁶ и Рэй Милланд⁵⁷. На основе этого фильма был сделан цикл

театральных радиопостановок (Lux Radio Theatre) с одноименным названием, которые транслировались в апреле 1943 г. в сети CBS.

Однако в условиях мощного притока беженцев из нацистской Германии, среди которых было немало крупных литературных имен, имевших в своих творческих портфелях известные широкой публике книги и написанные на их основе сценарии, Лео Бирински начал быстро сдавать завоеванные им позиции. Неопределенность социального статуса, по-видимому, еще больше усугубляла его трудности. Тем не менее он продолжал свои мистификаторские игры. Так, например, единственный раз выехав в 1936 г. за пределы континентальных США – на Гавайи, Бирински по возвращении, заполняя в Лос-Анджелесе декларацию о намерении принять американское гражданство, почему-то указал, что он по происхождению русский (ранее писал – еврей) и, будучи никарагуанским гражданином, в свое время прибыл в США на автомобиле из Мексики (на самом деле – знаменитым пароходом «RMS Berengaria»⁵⁸). Четыре года спустя в анкете Федеральной переписи населения США⁵⁹ Бирински указал, что родился гражданином Никарагуа, три года учился в высшем учебном заведении, женат и работает сценаристом на киностудии. Абсолютно достоверным является лишь последнее указание.

Эпоха кинематографической деятельности Лео Бирински в Голливуде продолжалась до середины 1940-х гг., хотя в конце 1930-х гг. он, по всей видимости, уже перебрался на жительство в Нью-Йорк.

В 1930-х гг. Бирински пробует писать пьесы для театральных постановок. Одна из них – драма «Nowhere Bound» о депортированных из США беженцах, была поставлена на Бродвее (The Imperial Theatre) в 1935 г. (всего было сыграно 15 спектаклей), другая – «The Day Will Come», в которой ключевым моментом является встреча Гитлера с еврейским бродягой Агасфером (прототип Вечного жида) в заброшенной русской деревушке, шла в бродвейском The National Theatre около двух месяцев в 1944 г.⁶⁰ Есть свидетельства, что Лео Бирински, живя в Нью-Йорке, участвовал в качестве сопродюсера в постановках ряда бродвейских спектаклей. Вращаясь по преимуществу в среде немецких и австрийских евреев-иммигрантов, он никогда не писал для еврейской идишевской сцены, как это, например, с успехом делал Осип Дымов, тоже не владевший английским языком свободно. Если бывший российский подданный и популярный русский писатель Осип Дымов в Америке заявлял себя в первую очередь как «еврей», то его соотечественник и соплеменник Лео Бирински свое происхождение явно скрывал.

О последних семи годах жизни Бирински не сохранилось никакой информации. Единственный документ того времени – свидетель-

ство о смерти от 23 октября 1951 года – тоже пример своего рода мистификации, касающейся человека из мира кино. В нем указано, что на момент смерти Лео Бирински исполнилось 50 лет, тогда как на самом деле ему было 67 лет. Более достоверным является утверждение, основанное на некрологе в декабрьском номере немецкоязычной газеты «Aufbau»⁶¹, подписанном другом покойного Паулем Франклем⁶², что сценарист и драматург Лео Бирински, по происхождению русский еврей, приехавший в США в 1927 г., скончался в нищете от инсульта в Линкольн-госпитале (The Lincoln Hospital) ньюйоркского района Бронкс и был похоронен на городском кладбище для нищих и бездомных Поттерс-Филд (Potter's Field) на острове Харт (Hart Island) в братской могиле (plot 45, section 2, no. 14)⁶³. Этот некролог послужил основой для единственной биографической справочной статьи о киносценаристе Лео Бирински в Сводном справочнике некрологов, дат рождения и кончины работников кино⁶⁴. Фильмография Лео Бирински дана в IMDb⁶⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Уральский М.* Лео Бирински – драматург и киносценарист. В сб.: РЕВА (Русские евреи в Америке). Кн. 11. Ред.-сост. Э. Зальцберг. – Торонто – СПб.: Из-во «Гиперион». 2015. Сс. 245-262.
2. *Уральский М.* Илья Маркович Троцкий – публицист, общественный деятель, ходатай за русских литераторов в изгнании. В сб.: РЕВА. Кн. 9. Ред.-сост. Э. Зальцберг. – Торонто – СПб. 2014. Сс. 82-162.
3. *Троцкий Илья.* Молох. – «Русское слово», № 237, 15(28).10.1910. С. 5.
4. *Bahr Hermann* Der Moloch. Ein offener Brief an den Herausgeber // Die Schaubühne, Band 6, 20.10.1910. Ss. 1059-1061.
5. Города Ромны и Черкасы находятся на расстоянии около 200 км друг от друга.
6. О нем см.: *Дымов Осип.* Вспомнилось, захотелось рассказать... Из мемуарного и эпистолярного наследия. / Общая ред., вступ. статья и комментарии В. Хазана. В 2-х томах // Jerusalem: Hebrew University, 2011; *Обухова-Зелиньска И.* Забытые классики: случай О. Дымова (переписка О. Дымова и А. Руманова, 1902– 1914). В сб.: РЕВА. Кн.5. Ред.-сост. Э. Зальцберг // Иерусалим – Торонто – СПб. 2011. Сс.72-114.
7. См. например: Filmlexikon: <http://www.zweitausendeins.de/filmlexikon>
8. Информация о работах Лео Бирински в кино имеется на сайте Internet Movie Database (IMDb) – крупнейшей базе данных о кинематографе.
9. Чешский актер Душан Хюбл (Dušan Hüb) собрал всю доступную ему информацию о Лео Бирински на отдельном компакт-диске «Hledal jsem Birinského» («Я искал Биринского»): URL: <http://esence.mboxcz/html/Sources/Hledani.htm>; Hüb, Dušan Lev Birinskij – životopisný mumraj (Лев Биринский –

биографический маскарад // Praha: Amatérské divadlo Esence, 2004 (1. díl), 2008 (2. díl) a 2010 (Dodatky).

10. Theater (Deutschland). Liste der öffentlich getragenen Repertoiretheater Deutschlands, Leo Birinski, Deutsche Wanderbühne, Liste deutschsprachiger Theaterbühnen, Stadttheater Königsberg, Anachronistischer Zug, Dramaturgische Gesellschaft // Wikipedia-General Books, 2011: ISBN 978-1-158-85754-8

11. *Cook, Samantha*. Writers and Production Artists (International Dictionary of Films and Filmmakers. 2nd Edition) // St. James: St. James Press, 1993; URL: <http://www.imdb.com/name/nm0083532/>; http://www.beck-shop.de/Quelle_Wikipedia-Theater-Deutschland/productview.aspx?product=1331934; http://de.wikipedia.org/wiki/Leo_Birinski; <http://www.kinotv.com/page/bio.php?name-code=9426&q=6&l=en>; <http://www.difarchiv.deutsches-filminstitut.de/caligari2010/nov2010.html>; <http://de.academic.ru/dic.nsf/dewiki/2277092>; <http://de.inforapid.org/index.php?search=Leo Birinski>

12. «Фамилия Биринский в большинстве случаев имеет польское происхождение и формируется либо из самой Польши, либо из соседних с ней государств (Белоруссия, Украина). Подавляющее большинство представителей фамилии Биринский относились к польской шляхте»: URL: <http://www.onomastikon.ru/proishogdenie-familii-birinskiy.htm>

13. History of the Jews in the Bukowina. Vol. 1 and 2//Tel/Aviv: 1958 and 1962: URL: <http://www.jewishgen.org/Yizkor/Bukowinabook/bukowina>; *Кайндль Р.* Історія міста Чернівці// Чернівці: 2003; Черновцы: URL: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=14675&query>

14. Уроженцами Черновиц являются, например, такие выдающиеся немецкие писатели еврейского происхождения, как Роза Ауслендер (Ausländer, наст. имя Розалия Шерцер; 1901–1988) и Пауль Целан (Celan; наст. имя Пауль Анчель; 1920–1970). См.: *Уральский, Марк*. Предисловие к циклу переводов одного стихотворения Пауля Целана // «Крещатику», № 3 (61), 2013. Сс. 143–148.

15. Životopis. Leo Birinski (1884 –1951). Pokus o podrobnější encyklopedické heslo: URL: <http://esence.mbox.cz/html/Sources/Birinskij3 Source.htm>

16. Тимиг (Thimig), Хуго Август (1854–1944), видный немецкий и австрийский актер, режиссер и театральный деятель.

17. Кайнц (Kainz), Йозеф (1858–1910), один из крупнейших немецких и австрийских актеров на рубеже XIX–XX столетий.

18. URL: <https://portal.dnb.de/opac.htm?method=simpleSearch&query=leo+Birinski>

19. *Биринский, Лев*. Хоровод масок: трагикомедия в 4 д. Пер. с чеш. В. Каменской, О. Малевича // СПб.: Балтийские сезоны, № 10, 2004. Сс. 104–131.

20. См: URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Leo_Birinski

21. Винингер (Wininger), Саломон (1977–1968), еврейский лексикограф, родом из Черновиц. С 1951 г. жил в Израиле.

22. *Wininger, Salomon*. Große Jüdische National-Biographie, Band I //Cernăuți: 1927–1936.

23. Handbuch österreichischer Autorinnen und Autoren jüdischer Herkunft 18. bis 20. Jahrhundert. Österreichische Nationalbibliothek Wien. Vol. 1 // München: K. G. Saur, 2002. S. 449. В этом солидном справочнике драматург указан как: 3444, Gottesmann, Leo (Leo Birinski). При этом имеют место две ошибки: место рождения – «Черновцы / Буковина» (правильно – местечко Лысянка / Черкасская губерния) и дата смерти – «1920 г. / Вена» (правильно – 1951 г. / Нью-Йорк).
24. См: URL:http://de.wikipedia.org/wiki/Liste_österreichischer_Autoren
25. См: URL:http://de.wikipedia.org/wiki/Liste_deutschsprachiger_Dramatiker
26. Рейнхардт (Reinhardt), Макс (собственное имя – Максимилиан Гольдман; 1873–1943), австро-немецкий и американский режиссер, актер и театральный деятель, который с 1905 и до прихода к власти нацистов в 1933 возглавлял Немецкий театр в Берлине. С 1935 г. он был женат на Елене Тимиг (Thimig; 1889–1974), чей отец Хьюго Тимих состоял в дружеских отношениях с Лео Бирински. В США с 1937 г.
27. Садуль, Жорж. Всеобщая история кино. Том 4 (первый). Послевоенные годы в странах Европы 1919–1929 // М.: «Искусство», 1982; <http://www.litmir.net/br/?b=184696&p=115>
28. Комм Д. Е. Формулы страха: введение в историю и теорию фильма ужасов // СПб.: БХВ-Петербург, 2012.
29. Айснер Лотте. Демонический экран // М.: Rosebud Publishing, 2010. С. 16.
30. Лени (Leni) Пауль (1885–1929), немецкий художник-оформитель и режиссер еврейского происхождения, был основным постановщиком этого фильма. С 1926 г. он работал в Голливуде, где с успехом продолжил совершенствовать свой стиль, сняв четыре фильма ужасов. Скончался во время подготовки к работе над своим первым звуковым фильмом. Не исключено, что на решение Бирински перебраться на жительство в Америку повлияло, что в Голливуде уже вполне процветал Лени – его хороший знакомый и коллега.
31. Expressionist film – New Perspective. Ed. by Dietrich Scheunemann // N.Y: Camden House, 2003.
32. Галеен (Galeen, наст. Визенберг), Хенрик (1881–1949), немецкий кинематографист эпохи немого кино; работал как сценарист, режиссер, актер. С 1933 г. жил в Великобритании, с 1940 г. – в США, работал в Голливуде.
33. Мейринк (Meyrink, наст. Мейер), Густав (1868–1932), австрийский писатель-экспрессионист, драматург, переводчик и банкир. Всемирную славу ему принес роман «Голем», который стал одним из первых бестселлеров XX века.
34. Садуль Жорж: URL:<http://www.litmir.net/br/?b=184696&p=116>
35. Для неосуществленной постановки фильма Ригелли «Винниту» Лео Бирински написал сценарий на основе вестернов немецкого писателя Карла Мая (May; 1842–1912).
36. Weniger, Kay. Das große Personenlexikon des Films. 8 Bände//Berlin: Schwarzkopf & Schwarzkopf, 2001.
37. UFA – Universum Film AG, немецкая киностудия, основанная в 1910 г. в

районе Бабельсберг, Потсдам, на базе которой было основано одноименное акционерное общество.

38. Любич (Lubitsch), Эрнст (1892–1947), немецкий и американский кинорежиссер еврейского происхождения, актер, сценарист, продюсер. С 1922 работал в Голливуде. Обладатель именной звезды на голливудской «Аллее славы»; Мурнау (Murnau, наст. Плумпе), Фридрих Вильгельм (1888–1931), немецкий кинорежиссер эпохи немого кино, один из крупнейших мастеров киноэкспрессионизма. С 1926 г. работал в США. Погиб в автомобильной катастрофе.

39. *Комм Д. Е.* Указ. соч. С. 36.

40. Этот немой фильм, вошедший в историю мирового кино как один из первых шпионских триллеров, уже 16 июля 1927 года демонстрировался в США.

41. *Asper, Helmut G.* Hollywood-Hölle oder Paradies? Legende und Realität der Lebens – und Arbeitsbedingungen der Exilautoren in der amerikanischen Filmindustrie. In: *Exilforschung. Ein internationales Jahrbuch* Bd. 10 (1992). Ss. 187–199.

42. *Комм Д. Е.* Указ. соч. С. 36.

43. *Brook, Vincent.* Driven to Darkness: Jewish Emigre Directors and the Rise of Film Noir // New Brunswick: Rutgers University Press, 2009.

44. Фильм-нуар (film noir) – в сценарном плане отталкивался от американской школы «крутого детектива» (hard-boiled fiction), а в отношении кинематографии многие приемы были позаимствованы из арсенала немецкого экспрессионизма.

45. *Scholz, Juliane.* Deutsche Drehbuchautoren in Hollywood (1933–1945). URL: http://www.europa.clio-online.de/site /lang_de/ItemID_539/mid_11428/40208214/default.aspx

46. Ризенфельд (Riesenfeld, или «Dr. Hugo Riesenfeld»), Хьюго (1879–1939), американский композитор и дирижер, по происхождению австрийский еврей. С 1907 г. жил в США. Писал музыку главным образом к кинофильмам и для эстрады. Считается одним из основоположников киномузыки XX в.

47. Фицджеральд (Fitzgerald), Кисси (1873–1941), популярная англо-американская актриса, выступавшая в водевилях как певица и танцовщица. Хотя ее имя значится в титрах первого фильма, сделанного Томасом Эдисоном в 1896, она стала постоянно сниматься в кино с 1915 г.

48. AFI Catalog of Feature Films: URL: <http://www.afi.com/members/catalog/DetailView.aspx?s=1&Movie=5682>

49. Фицморис (Fitzmaurice), Джордж (1885–1940), американский продюсер и режиссер. Поставил более 80 фильмов.

50. Штернберг (Sternberg), Джозеф фон (1894–1969), знаменитый американский кинорежиссер, продюсер, сценарист и композитор, по происхождению австрийский еврей, открывший в 1930 г. и сделавший затем кинозвездой Марлен Дитрих. В 1930–1935 гг. он снял семь фильмов с ее участием, из которых звуковой фильм «Голубой ангел» («Der blaue Engel») – на киносту-

дии UFA, остальные – в Голливуде. Обладатель именной звезды на голливудской «Аллее славы».

51. Мамулян (Mamoulian), Рубен (1897–1987), американский кино- и театральный режиссер. Обладатель именной звезды на голливудской «Аллее славы».

52. Вуд (Wood), Сэм (Сэмюэль) Гросвенор (1883–1949), американский кино-режиссер и кинопродюсер. Обладатель именной звезды на голливудской «Аллее славы».

53. Пабст (Pabst), Георг Вильгельм (1885–1967), австрийский кинорежиссер, работавший в Германии, Франции и США.

54. Корда (Korda, наст. имя Шандор Ласло Келлнер), Александр, сэр (1893–1956), британский кинорежиссер и продюсер, по происхождению – венгерский еврей, влиятельный деятель британской киноиндустрии накануне Второй мировой войны. В 1914–1926 гг. снимал немые ленты в Вене, Берлине, Голливуде. Его левые убеждения и участие в революционной деятельности (при Венгерской советской республике он входил в правительство и осуществлял национализацию кинематографа) заставили его навсегда покинуть Венгрию. В 1927–1931 годах снимал фильмы в США, в 1932 г. переехал в Лондон, где основал киностудию London Films. В 1936 г. получил британское гражданство, в 1942 г. стал первым кинорежиссером, возведенным в рыцарство.

55. Лэнфилд (Lanfield), Сидней (1898–1972), американский кинорежиссер.

56. Годдар (Goddard; урожденная Марион Полин Леви), Полетт (1910–1990), американская актриса, номинантка на премию «Оскар» (1944 г.). Жена Чарльза Чаплина в 1936–1942 гг. и Эриха Марии Ремарка в 1958–1970 гг.

57. Милланд (Milland), Рэй (1905–1986), американский актер и режиссер, обладатель премии «Оскар» за лучшую мужскую роль в 1946 г. Обладатель двух именных звезд на голливудской «Аллее славы».

58. My Heritage: New York Passenger Lists, 1820–1957 Free Index: URL: <http://www.myheritage.com>

59. Ibid.

60. IMDb: Leo Birinski: URL: http://www.imdb.com/name/nm0083532/otherworks?ref_=nm_pdt_wrk_sm

61. Leo Birinski in: Aufbau//New York City: 7 Dezember 1951. S. 12.

62. Франкль (Frankl), Пауль (1885–1976), австрийский и американский писатель и сценарист еврейского происхождения. В США с 1942 г.

63. Municipal Archives, New York City.

64. Doyle, Billy H. The Ultimate Directory of Film Technicians: A Necrology of Dates and Place of Births and Deaths of More Than 9,000 Producers, Screenwriters, Composers, Cinematographers, Art Directors, Costume Designers, Choreographers, Executives, and Publicists//Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1999.

65. IMDb: Leo Birinski...

Брюль-Райнланд, ФРГ

Марина Адамович

«Не знал я вас, господа кадеты...»*

Александр Амфитеатров, известный до 1917-го своими антимо-нархическими выступлениями, в конце 1920-х годов, уже будучи в эмиграции, резко изменившей его взгляды на левые идеи и революционность как таковую, писал: «Не знал я вас, господа кадеты, честно признаюсь, и только теперь осознал всю глубину вашего подвижничества»¹. А что знаем мы, современный многомиллионный русскоговорящий читатель, о «господах кадетях» Белой Зарубежной России, вызвавших у Амфитеатрова, «русского Золя», такое признание? Собственно говоря, ничего не знаем; эта страница истории русской эмиграции мало кем прочитана, ее перелистнули – как и многие другие страницы непрочитанной летописи белой военной эмиграции.

Кадетские корпуса, полувоенные средние учебные заведения, берут свое начало еще во времена Анны Иоанновны, когда в 1731 году появляются в России «корпуса кадет шляхетских». Перед революцией 1917-го в России был 31 кадетский корпус; в каждом корпусе – по три роты. Первая рота, в которую входили старшие классы (6-й и 7-й), считалась строевой; она была вооружена винтовками, и в ней кадеты, юноши 16-17 лет, знакомились с основами военного дела. Численность такой роты составляла около 100 человек, т. е. во всех корпусах России в октябре 1917 года в строевых ротах юношей, умеющих стрелять, было примерно 3000 человек². Цифра для России минимальная. Тем не менее, как писал кадет Борис Павлов: «...Без них некоторые страницы истории Белой борьбы потеряли бы свою особенную красочность и героичность» (Статья «Кадеты в Белом движении», журнал «Кадетская переключка», № 16, 1976).

По воспоминаниям Бориса Павлова, 26 октября 1917 года (по ст. ст.), день московского восстания большевиков, застал его, кадета 3-й, младшей, роты, в училище. Детей – а это были именно дети лет деся-

*Данная статья сделана на основе доклада «The Penultimate Truth. A Historical Glance at the Association of Russian Cadets Outside of Russia», прочитанного на международной конференции славистов ASEES в Филадельфии в 2015 году на секции «Looking for Neverland: Russia Abroad as Utopia» в цикле «Russia Abroad as Utopia», организованном в рамках проекта НЖ «Русская эмиграция на культурных перекрестках XX столетия».

ти-двенадцати, — не распустили по домам, и это их расстроило. Вопреки приказу директора училища, ген. Свиницкого, старшие кадеты, то есть юноши 16-17 лет, во главе с офицером вице-фельдфебелем Слонимским, отправились на защиту Москвы. Против большевиков тогда выступили два московских училища юнкеров, старшие кадеты, московские студенты да молодые офицеры (по свидетельству автора, в основном офицерство заняло выжидательную позицию). Анатолий Марков в своей книге «Кадеты. Юнкера» пишет: «В первые дни большевизма, осенью и зимой 1917 года, все кадетские корпуса на Волге были разгромлены, а именно: Ярославский, Симбирский и Нижегородский. Красногвардейцы ловили кадет в городах и на станциях железных дорог, в вагонах, на пароходах, избивали их, калечили, выбрасывали на ходу поездов и окон и бросали в воду»³. В Ташкенте октябрьские дни были особенно кровавыми. Большевиками были вырезаны весь персонал корпуса и все кадеты, включая младший отряд⁴.

Кадеты и юнкера одними из первых откликнулись на призыв ген. М. Алексеева оказать вооруженное сопротивление большевикам. Так и была, собственно, создана Добровольческая армия. Первый сформированный Алексеевым батальон — Юнкерский — состоял из 2-х рот: юнкерской и кадетской. Уже 7 ноября (по ст. ст.) он принял первый бой; кадеты Одесского и Орловского корпусов в этом бою погибли все. Кадеты воевали на Дону, под Орлом, с Корниловым в Кубанском походе, на Волге у Каппеля и в Сибири у Колчака; на подступах к Петрограду у Юденича и на Перекопе у Врангеля... Команды наиболее прославившихся бронепоездов Добровольческой армии — «Слава офицера» и «Россия» — были, главным образом, составлены из кадет. Ген. А. В. Туркул (сыгравший свою роль во время Второй мировой войны) вспоминал о гибели двоюродного брата, Павлика Туркула, кадета Одесского корпуса: когда отряд ген. Дроздовского шел из Румынии на Дон к ген. Корнилову, Павлик бежал из дому и присоединился к дроздовцам; во 2-м Кубанском походе он был ранен, стал инвалидом, но остался в армии. В декабре 1919-го Павлик попал в плен к красным. Они его били, пытали, а потом еще живым спустили под лед... Не эта ли семейная трагедия, в том числе, уже тогда, в годы Гражданской, определила судьбу генерала Туркула и его основные решения в годы Второй мировой?.. Как-то у могилы погибших в бою кадет генерал Алексеев сказал: «Я вижу памятник, который Россия поставит этим детям: на голой скале разоренное орлиное гнездо и убитые орлята». Такого памятника в России нет. Позднее, уже в эмиграции, в Белой Церкви (Югославия) «в Крымском корпусе на Почетной мраморной доске (на мрамор денег не было, была рас-

крашенная под мрамор доска) были написаны имена 46-ти Георгиевских кавалеров, героев Гражданской войны, учившихся в этом корпусе»⁵.

Чтобы понять дальнейшую историю кадет – белых эмигрантов, – их идеи, идеологию, стратегию поведения, их социально-политическую активность, – нужно знать именно эти их детские годы, выпавшие на время большевистской революции. То были дети-сироты, у которых революция отобрала все: родных и близких, друзей, детство, родину, не просто привычную – но нормальную жизнь. Можно сказать, что зерно их антикоммунистической идеологии было посеяно в первый день большевистского переворота 1917 года.

Гражданская война подошла к концу, впереди кадет ждала эмиграция – или смерть на родине в волне «красного террора», или, позднее, в сталинских лагерях ГУЛага. Эмиграция кадетских корпусов шла организовано: через Крым и Турцию – в Югославию, Болгарию и через Сибирь и Дальний Восток, с острова Русский, – в Китай и Японию. Сопровождали кадет – подростков от десяти лет и старше – офицеры-наставники. Они заменили мальчикам семью, мать, отца, родину. Эти простые офицеры, также потерявшие семьи и отчизну, создали для воспитанников – чужих детей – дом с очагом, с теплом и чувством защищенности, столь необходимые ребенку. Они заложили в детские души чувство чести, солидарности, товарищества, братства. Все воспитанники кадетских корпусов в эмиграции при поддержке учителей-военных получили образование, встали на ноги, успешно интегрировались в общество и культуру принявших их стран Европы и обеих Америк. Ни на месяц – буквально, а не иносказательно, – не теряя друг друга из виду, помогая материально и морально, – и так до смерти. Ни один, без преувеличения, из воспитанников кадетских корпусов не был потерян и забыт товарищами. «В единении – сила» – гласило изречение, рекомендованное воспитанникам Первого Русского Вел. кн. Константина Константиновича кадетского корпуса (ПРВКККК, Белая Церковь, Югославия). Кадетское содружество представило миру и истории уникальный и успешный опыт существования этнического профессионального сообщества в эмиграции; сообщества, сумевшего сохранить себя как культурно-национальную структуру, при этом избежав сектантства, обычного для подобных союзов. Кадеты Зарубежной России – удачный пример открытого общества.

Исследователям которого повезло вдвойне. Во-первых, история эмиграции и формирования кадетского сообщества тщательно описана самими кадетами. Объяснение здесь на удивление простое: в корпусах существовало правило: каждый кадет должен был вести еже-

дневный подробный дневник-отчет. И эти записи – индивидуальные летописи – сохранились в личных архивах. Кадетская история не только зафиксирована – в отличие, к сожалению, от истории белой эмиграции в ее социально-этнически-культурном многообразии, – но она зафиксирована четко и последовательно, – и эти свидетельства практически лишены художественно-вольного описания тех лет. Эта безыскусность для современного исследователя ценна: здесь представлены факты, а не их интерпретация. Во-вторых, военная четкость и внутренняя дисциплина кадет оказала потомкам щедрую услугу тем, что архив Общества зарубежных кадет не только сохранен, но и структурирован, систематизирован, документы переплетены, артефакты разложены по коробкам, – словом, архив готов к изучению.

Объединение кадет российских кадетских корпусов за рубежом было создано в 1967 году на Первом съезде в Монреале выпускниками корпусов (Второй съезд состоялся в 1970 в Венесуэле). Кадетский архив состоит из 23 коробок и отдельных портретов руководителей корпусов. В архиве содержится: коробка с аудиокассетами (запись общих собраний и съездов); коробка с аудиозаписями более поздних встреч с российскими кадетами; фотоархив М. Селихова; коробка с подарками кадетских организаций; три коробки с архивом Г. Денисенко (переплетенная в отдельные папки документация съездов); коробка журнала «Кадетская перекличка»; видеокассеты 12-го съезда и выступления первоиерархов Русской Православной Церкви за рубежом; коробки с кассетами частного характера, личная переписка членов организации и аудиокассеты; коробка с письмами и документами съездов – непереpletенные; письма с документами кадетских балов; официальные письма 1964–69 и, отдельно, до 1972 года; письма с 1986 по 1993; переписка о подготовке съездов от 1-го до 14-го; коробка Бюллетеней Венесуэльской ассоциации. Финансовая документация организации отсутствует в архиве: по мнению кадет, как исключительно внутреннего информация, она не должна стать предметом изучения историков. До сего времени архив хранился у кн. В. К. Голицына, сына кадета К. В. Голицына, выпускника ПРВКККК (Сербия). Последние годы среди членов кадетского сообщества шел жаркий спор, куда передать архив на вечное хранение. Возможными адресами были Музей-библиотека русского монастыря в Джорданвилле, Бахметевский архив (Колумбийский университет, США) или Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына (Москва, Россия). Осенью 2015-го архив был перевезен в Москву. Ответ на вопрос, почему так сложно было выбрать адресата хранения, тоже лежит в истории кадетской организации.

История эта отчетливо запечатлена на страницах журнала

«Кадетская перекличка», издания Организации зарубежных кадет. На материалах журнала мы и остановим свое внимание.

В № 1, 1971, «От редакции» сказано: «С Божьей помощью первый номер журнала 'Кадетская перекличка' выходит в свет. Объединением Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов в Нью-Йорке осуществлено пожелание и постановление II Съезда. Орган связи создан. Дай Бог, чтобы он действительно связал всех зарубежных кадет, в рассеянии сущих. Понадеемся, что его голос призовет в наши ряды действительно всех... Вторая мировая война прекратила существование как последнего Корпуса, так и кадетских объединений, за исключением Бельгийского. В результате войны быв[шие] кадеты оказались разбросанными по всему миру, и вновь, как только жизнь мало-мальски налаживалась, возникали Объединения. Для будущей истории мы постараемся проследить истории отдельных Объединений с 20-х годов и до настоящего времени... По всему миру должен идти за ними их журнал – орган связи. Он должен призывать их, помогать им, если надо, не раствориться в окружившей их среде и не забыть, что они кадеты славных, исторических, зарубежных Кадетских корпусов; что, став кадетами, они стали членами самой элитной и многочисленной семьи в русской эмиграции. История Зарубежных Корпусов составит достойную и интереснейшую главу в 'Золотой книге' русской эмиграции».

В редакционной статье гл. редактор «Кадетской переклички», 14-й выпуск ПРВКККК, Павел Олферьев писал (№ 12): «Встречи только во имя традиций обратят нас в касту, которая будет не нужна внешнему миру. Мы не должны быть разделены ни по корпусам, ни по религиозным убеждениям, ни по политическим взглядам или по разности вкусов и понятий. Мы тогда рассыпаемся, как осколки разбитой вазы. И не только вопросы взаимной помощи, столь необходимой для нас уже в наши осенние годы, но даже и работа по нашей идеологии окажется нам не под силу... Поэтому задачи наши не ограничены рамками секты. Мы не являемся группой, борющейся за свои права, мы не хотим навязывать свою волю другим. Мы просто хотим быть вместе, чтобы дружно работать. Передать те ценности русской культуры, которые мы сами получили и пронесли через жизнь, творя эпоху нашего поколения. А Русская Культура именно ценна тем, что она общечеловечна. Она всегда стремилась к свободе, к самоутверждению, к творчеству и к преодолению одиночества. А в нас налицо: стремление к свободе, свободе своей воли, своих взглядов, которые мы не будем навязывать друг другу и, следовательно, стремление к самоутверждению. Это удерживает нас от посягательств на контроль, и контроль над философией каждого из нас. Стремление к творчеству

не позволяет нам эгоистично и, следовательно, злобно ненавидеть окружающее, а, оставаясь в нем, творить его. И, наконец, стремление к преодолению одиночества заставило нас обрести друг друга. 'Мы рассеяны, но не расторгнуты!'" Так было определено кредо организации – и журнала.

Журнал был основан в 1971 году решением 2-го Объединенного съезда российских кадет за рубежом. № 1 был отпечатан в количестве 500 экземпляров, потом тираж увеличили до 600 (№ 9 – 700). Продавали журнал по 2 доллара. Главными редакторами были П. В. Олферьев (1971–1978), Н. В. Козякин (1978–1992), А. Б. Йордан (1992–2002), И. Н. Андрушкевич (2002–2009). Давая в № 12 список сотрудников, первый гл. редактор журнала П. Олферьев называет 52 имени, из них 43 – кадеты. Но надо понимать, что по старой журнальной традиции «сотрудниками» называли постоянных авторов издания, а не штат редакции. Так, среди сотрудников «Кадетской переключки» были названы первоиерарх РПЦЗ Владыка Виталий и княжна Вера Константиновна Романова. Они действительно писали в журнал, а Вера Константиновна была еще и почетным председателем Организации зарубежных кадет – в память об отце, Великом кн. Константине Константиновиче Романове. Постоянными авторами КП были поэтесса Нонна Белавина, кадет-публицист проф. Павел Пагануцци (Университет Вермонта) и др. Последний номер журнала, № 80, вышел из печати в 2009 году (в электронном виде и по сей день силами кадета из Аргентины И. Андрушкевича⁶, журналиста и политолога, выходит «Кадетское письмо»).

«Переключка» стала голосом зарубежных кадет. Изучая страницы журнала, мы можем анализировать деятельность и стратегию самой организации и общекадетских съездов; идеологию и меняющиеся взгляды кадет на те или иные проблемы истории и современности. «Кадетская переключка» – это журнал, издаваемый профессиональным сообществом с внутренними информационными целями как основными. Формат издания – историко-публицистический «толстый» журнал, рассчитанный на узкую аудиторию.

Прежде всего, «Кадетская переключка» давала информацию об общекадетских съездах. Собственно говоря, издание и было задумано на одном из съездов как объединяющий рупор, голос рассеянного в эмиграции кадетства. Старшим кадетам было уже за 70 лет, остро вставал вопрос о собирании собственной истории, о передаче традиций и заветов детям, о сохранении их внуками. Эти, естественные для любого замкнутого сообщества, задачи актуализировались активной социальной позицией кадет в эмиграции и не достигнутой целью: освобождение России от коммунистов, – тогда как в политически

полярном мире, все еще живущем в атмосфере «холодной войны», наступало потепление и Запад активно шел на сближение с СССР.

Основной темой «Переключки» была историческая – история Государства Российского, история российского кадетства и, особенно, – кадетских корпусов в период революций 1917-го, Гражданской войны, а также тема становления кадетских корпусов в эмиграции. Несколько материалов были посвящены наставникам-офицерам и учителям кадет. В частности, в № 14 (1975) был напечатан большой архивный материал – воспоминания о директоре русских кадетских училищ в Сербии ген. Борисе Адамовиче и его письма воспитанникам (портрет генерала хранится в архиве). На страницах «Кадетской переключки» опубликованы уникальные, очень личностные воспоминания Веры Константиновны Романовой о семье (№ 7, 1973), а также ее мемуары о Второй мировой войне (№ 7, 1973; № 18, 1977). Публиковались и фотографии.

Надо сказать, что материалы о Второй мировой, опубликованные в журнале, и сегодня представляют огромный интерес для исследователей своим уникальным характером прямых свидетельств о событиях тех лет. Участие белой русской эмиграции на стороне стран «Оси» до сих пор мало исследовано в мировой историографии. Для западных историков эта тема, очевидно, не представляет интереса как частный пример эпизодического участия этнической группы в общем сюжете; для российских историков эта тема долгое время была под запретом – и вновь там оказывается сегодня. В 1990-е годы российские историки попытались было ответить на вопрос: как получилось, что в лагере гитлеровской коалиции воевало до 20,000-25,000 русских изгнанников? В то же время в армиях стран антигитлеровской коалиции воевало не более 6,000 выходцев из России (*Александр К. М. Против Сталина.* – СПб.: Ювента, 2003). Изучение материалов по этой сложной теме было в самом начале, но складывается ощущение, что последней тенденцией в российской исторической науке стало отступление на «советские» позиции, с подменой научного анализа уже апробированными обвинениями в «предательстве родины», в принадлежности к «врагам народа». Так, изданный в 2015 г. двухтомник (в 3-х книгах) «дела» ген. А. А. Власова носит характерное название: «Генерал Власов. История предательства». Что называется – можно и не читать, итог исследования как приговор вынесен на обложку. И вся архисложная, кричащая противоречиями, в том числе и предательствами, трагедийная история РОА и «Пражского Манифеста», а с ними – и актуальная, более широкая тема формирования идеологий и политических стратегий национальными движениями в межвоенный период в XX веке, оказываются закрыты. А это –

одна из важнейших, определяющих тем современной истории Восточной Европы, включая Россию. И многих проблем текущего XXI века можно было бы сегодня избежать, если бы такой анализ был проделан, а уроки учтены.

Всю активность белой военной эмиграции следует рассматривать именно в контексте формирования национального политического антикоммунистического фронта, и в любом другом контексте понять эту волну эмиграции нельзя. Формулировка «предатели родины» вообще не может быть применена к истории белой эмиграции, ибо Советский Союз они не предавали – не будучи его гражданами и не признавая легитимности самого режима, а за свободу России воевали до конца дней своих – так, как считали правильным. Гражданская война для русских кадетских корпусов длилась до падения советской власти, до конца 1980-х гг. И вопрос для них стоял лишь в выборе способов борьбы – в частности, использовать ли интервенцию как форму борьбы против коммунистической диктатуры – или нет. В том числе – интервенцию Германии в СССР.

В этом смысле, опубликованные на страницах «Кадетской переключки» уникальные воспоминания непосредственных участников Русского Охранного корпуса представляют особый интерес. В № 30 (1982) была опубликована статья кадета В. Бодиско «И воистину светло и свято дело величавое войны» (заголовком статьи стали строки Н. Гумилева – что тоже показательно, ибо офицер Гумилев был убит большевиками; впервые его имя после смерти зазвучало именно в Зарубежной России, для которой он оставался символом сопротивления и белого рыцарства). Поводом к статье послужила заметка в НРС об организации в Соединенных Штатах эмигрантами третьей волны Союза ветеранов войны, сражавшихся в Красной армии. Это «образование в среде русской эмиграции настолько необычно, настолько идет вразрез с существовавшей до сих пор идеологией, что откликнуться на него необходимо», – писал автор статьи Владимир Бодиско, рассказывая о белой военной эмиграции в годы войны.

Осенью 1941 года в Сербии началось формирование Русского корпуса с основной целью освобождения России от советской власти на волне немецкой интервенции в СССР. Корпус формировался под эгидой и при помощи немецкого командования и вступавшие в него полагали, что их идеи и стремления разделяются правительством Германии. Бодиско пишет: «Русский Корпус был последней попыткой ‘смело в бой идти за Русь святую’»... Трудно говорить об идеологических основах, развитии и истории Русского корпуса, не напомнив о положении русской эмиграции ко времени его основания, т. к. многие события в жизни корпуса были прямым последствием этого

положения. «Первая эмиграция в массе своей, а на Балканах особенно, была эмиграцией военной, чьим стержнем и объединяющим началом был Обще-Воинский Союз (РОВС), руководимый высшими начальниками Белой Армии. Пока живы были генералы Врангель, Кутепов и Миллер, РОВС вел активную борьбу с коммунизмом и участники Союза чувствовали себя к ней причастными... Медленное угасание РОВСа побудило многих его членов искать новых путей для борьбы. Герой Белого Дела, прославленный дроздовец генерал Туркул возглавил новую воинскую организацию, названную (если не ошибаюсь) ‘Союзом Участников Войны’⁷, которая отрицала внеполитичность военнослужащих и ставила себе целью продолжение деятельности белых вождей. Главным руководителем этой организации в Югославии стал корнет Л. В. Сердаковский» (его воспоминания печатались частично в «Переключке», позднее – в «Новом Журнале», полный текст мемуаров, очевидно, потерян). В попытках найти новые формы борьбы в среде русской эмиграции в межвоенный период возникают самые разнообразные движения и партии, как то: младороссы, русские фашисты, НСНП (позднее – НТС). «Рыцарская Германия, – продолжает автор, – вступила на прямой путь борьбы с коммунизмом, и близким казался час возрождения национальной России, тем более, что и сам народ воевать не хотел, сдаваясь в плен целыми дивизиями, если не армиями. Мысль о том, что гитлеровская Германия воюет не за свержение коммунизма, а за немецкие колонии на плодородных русских землях, и в голову не приходила, настолько высоко было доверие к немцам. *Русская эмиграция твердо верила, что настал час для ее активного участия в происходящем, для возрождения борьбы за Русь Святую*» (Курсив мой. – М. А.).

Мы не имеем возможности углубиться в анализ весьма противоречивой деятельности Русского Охранного корпуса, наша задача иная: выявить действительные поведенческие мотивы и цели той части русских кадет, которая пошла на военную коалицию с Германией.

Под началом генерала Скородумова началась регистрация русских эмигрантов в Сербии и был издан приказ о призыве на службу в Русский корпус всех эмигрантов, годных к строевой службе. В приказе была фраза: «...по выполнению долга перед приютившей нас страной, я приведу вас на родину» (Курсив мой. – М. А.). По свидетельству Бодиско, «сотни русских людей добровольно оставили насиженные места, службу и семьи, чтобы встать на тернистый путь борьбы за свободную Россию». Фактической основательницей будущего корпуса стала молодежь. По-видимому, замечает автор, подготовка к мобилизации была проведена заранее, т. к. с первого же дня записи

добровольцев в топчидерских казармах находился взвод молодых людей под командой полковника Гордеева-Зарецкого, впоследствии превратившийся в 1-ю Юнкерскую роту. На должности унтер-офицеров состояло несколько кадет, окончивших до этого курсы военной подготовки и носивших уже погоны подпоручиков... (Вскоре генерала Скородумова отстранили от командования, начальником штаба стал генерал-майор Б. А. Штейфон). Впоследствии выяснилось, что «согласие на формирование было дано не военным немецким командованием, а главным уполномоченным Германии по вопросам промышленности и снабжения на территории Сербии Нейхаузенем⁸, который отводил корпусу лишь роль охранников для рудников, индустрии, путей сообщения. Согласие же военного командования было получено, вопреки недоброжелательству партийных кругов, полковником Кевишем, офицером германской императорской армии, понимавшим, что победить Россию без поддержки русских – нельзя. При этом положении генерал Скородумов, открыто заявивший, что корпус формируется для борьбы словом и делом на территории России, оказался личностью неприемлемой, и ему пришлось уйти, а формировавшиеся части получили название ‘Шуц-кор’-а, т. е. Охранного Корпуса».

Довольно скоро стало понятно, что Гитлер борется не за освобождение России, а за ее порабощение. Бодиско продолжает вспоминать: «Не берусь говорить от лица всех, но та группа друзей и знакомых, с которой приходилось повседневно общаться, пришла к общему выводу: да, с немцами нам не совсем по дороге; враг у нас один, а цели разные, как и методы... по-видимому, настанет час, когда из союзников немцы превратятся во врагов, но и в этом случае бороться с ними изнутри будет легче, чем извне, особенно если мы, уйдя из Корпуса, превратимся снова в инертную эмигрантскую массу. К этим соображениям прибавился еще один фактор огромного значения: части Корпуса уже вели бои с коммунистическими партизанами, неся потери и нанося их врагу. *Честь и достоинство белого воина не допускали и мысли о возможности прекратить борьбу*» (Курсив мой. – М. А.). Таким образом, члены Охранного корпуса стали заложниками положения, заложниками идеи и – чести, как ее понимал офицер Российской Императорской армии.

До сих пор существует мнение, что действия корпуса были черной неблагодарностью в отношении приютившей белоэмигрантов Югославии. На самом же деле, и это понимали и писали об этом в «Переключке», в Югославии уже в военные годы началась гражданская война, где правые сражались против левых, а оба лагеря – против оккупантов... (Аналогичная ситуация, как мы помним, сложилась

и в Польше, и в Западной Украине). Важно другое: корпус не участвовал в боях против «четников», а немногочисленные схватки явились следствием нападений на транспорты оружия, столь необходимого «четникам» для продолжения борьбы ввиду отказа в помощи со стороны англичан. Объективно, корпус сражался вместе с сербскими националистами, разными путями борясь с общим врагом – коммунизмом. Правоту этой мысли кадета Бодиско доказал сам лидер югославских коммунистов Иосиф Б. Тито, устроив настоящую кровавую бойню в Югославии, – казнив и отправив в концлагеря колонии белоэмигрантов. Среди них были и старики, как генералы Ткачев и Литвинов, полковник Дрейлинг, о котором вспоминает в «ГУЛаге» А. Солженицын, и многие, многие другие. Были среди них и кадеты. Массовые захоронения были произведены на т. н. «скотском кладбище». Недавно, при поддержке правительства Сербии, Организация российских кадет за рубежом установила на этом месте поминальный крест. Таким образом, в 1940-е годы тема русской Гражданской войны была внесена на Балканы.

Ответ на еще один вопрос Второй мировой дает тот же Бодиско – вопрос об антисемитизме белоэмигрантов: «Русский Корпус в преследовании евреев не принимал никакого участия, а наоборот, помог нескольким из них скрыть свое происхождение. В еврейском вопросе руки у нас безупречно чисты». Бодиско пишет: «...в основном вся военная часть русской эмиграции была идейно единой, антикоммунистической и антисоветской». Нельзя не вспомнить здесь слова Михаила Осоргина: «Было бы слишком просто и для живых людей и для истории, если бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой: но были и бились между собою две правды и две чести, – и поле битвы усеяли трупами лучших и честнейших» («Сивцев Вражек»⁹).

Тема войны постоянно поднимается на страницах «Переключки» – что понятно, ведь жизнь именно этого поколения прошла в контексте главных войн XX века. В № 39 публикуется статья Владимира Улитина «Тень Лиенца. К 40-летию предательства англичан». Статья посвящена истории насильственной репатриации 50 тысяч казаков, сдавшихся англичанам в Южной Австрии (автор опирается на разбор книг Н. Бетела и Н. Толстого, а также анализирует фильм 1975 года «Приказы свыше»¹⁰). К концу 2-й Мировой войны на территории Германии, Австрии, Чехословакии, Италии и Франции находилось около 110 тысяч казаков. Центром был «Казачий стан» – 20 тысяч человек, в их числе старики, инвалиды, женщины и дети, проделавшие за два года переход с Дона до Млавы в Польше, а затем до Удине в Италии. О выдаче англичанами казаков в Юденбурге, Италия,

пишет в № 24 и Б. Ганусовский – мемуары «Десять лет за железным занавесом». Автор был насильственно репатриирован и отправлен в ГУЛАГ, где провел 10 лет¹¹.

Трагедия белой эмиграции продолжилась, но она опять, как и в 1920-х, не стала предметом обсуждения в мировой политике. Осуждение союзников по антигитлеровской коалиции, согласившихся на выдачу советским карательным властям тысяч людей, было принципиально для кадет, и они никогда не пересматривали эту свою позицию. Как не пересматривали и свое отношение к России, которое отчетливо выражено в редакционной статье (№ 57) «К 50-летию победы»: «Мы, кадеты, принадлежащие к воинскому сословию, никогда политикой не занимались. Вместе с тем, с молоком матери мы впитали в себя понятие: ‘Для нас Россия – не политика’. Действительно, кадеты всей своей жизнью доказали, что Россия и ее судьба были главным стимулом их существования. Вот это и есть наше кредо».

Замечательна в этом смысле эссеистика В. Козякина (№ 25, 1980). В частности, он писал: «Когда идеалы поколения интенсивны, оно полно энтузиазмом творчества и имеет перед собой светоч будущего, – не закончена еще жизнь поколения, оно еще движется вперед и продолжает творить. Когда же порывы становятся рассудительными, идеалы умеренными, – у поколения остается только прошлое, творчество его исчерпано и на смену ему приходит новое поколение. Этим и определяется временной промежуток, в который укладывается жизнь одного поколения. В условиях эмиграции этот промежуток оказался не связанным с нормальным в иных условиях физическим периодом творческой жизни поколения, протянулся от конца двадцатых годов, когда закончилось становление зарубежного поколения, почти до наших дней. Объясняется это, вероятно, тем, что на протяжении всего этого периода времени ‘философия поколения’ оставалась неизменной, подвергаясь лишь незначительным колебаниям, обусловленным внешними причинами. Вторая мировая война оказала влияние скорее на тактику и стратегию действий и, за малым исключением, не изменила основных стремлений поколения... Нам кажется, что весь исторический период интеллектуального существования первой эмиграции представляет собою феномен уже потому, что, начиная с конца двадцатых годов, в ней почти мирно существовали два поколения. Отцы и дети. Вначале отцы доминировали. Дети, начавшие с ‘ничего’, зализав раны гражданской войны и великого исхода, заканчивали образование и начали, осмысливая происходящее, искать свое место среди обломков прошлого. В этот период и началось становление нашего поколения, окрепшего уже на чужбине. К чести поколения следует сказать, что только незначительная часть его избрала путь

ассимиляции. Основная же масса, сохранив свою приверженность России, вступала первыми робкими шагами в жизнь, окруженная со всех сторон раздорами поколения российского краха, и выходила на тернистую российскую дорогу в необычайно тяжелых условиях. Поистине можно считать чудом, что зарубежное поколение, названное Варшавским 'забытое поколение', не исчезло в небытие».

В наследство от предыдущего поколения кадеты получили абстрактную любовь к «уходящей в туман времени России», как пишет Козякин, почти без всякой практической возможности служить ей и жить для нее, «и очень не абстрактное недоумение, почему наша жизнь сломалась, не успев расцвести»... Многие из кадет стали известными специалистами – инженерами, банковскими служащими, бизнесменами, профессорами университетов, культурными деятелями, видными учеными, врачами. Достигнув высокого интеллектуального уровня, они внесли свой вклад в развитие XX века и всей мировой культуры. Кроме родной. Это поколение было потеряно для России. Но, как пишет автор эссе, «оторваться от нее мы не могли». В силу исторических обстоятельств, они стали космополитами, «одновременно людьми восточной и западной культур», совмещая в себе качества обоих миров и не принадлежа до конца ни одному из них, реальных... «Миссия нашего поколения заключается в сохранении русской культуры, в те времена попираемой у себя на родине.» На эту же тему была и публикация глав из книги Николая Февра «Молодое поколение эмиграции» (№ 25).

Выпестованные офицерами-наставниками, кадеты уделяли большое внимание воспитанию молодых, – из собственного опыта понимая важность и сложность этой задачи. Конечной целью они ставили возрождение кадетских корпусов в освобожденной России. Так, в № 57 (1995) писалось: «...мы, усталые и седые, по-прежнему храним в душе светлые идеалы и веру в Россию. Эта вера помогала нам в тяжелые годы жизни вне родины, с этой верой мы устремились на встречу с родиной, едва представилась эта возможность. И сегодня (Речь идет о годах российской «перестройки». – М. А.), понимая, что родина-мать тяжело больна, мы тем решительнее стараемся внести свою скромную лепту в возрождение России и воспитание ее будущих лучших сынов – кадет российских кадетских корпусов». Надо сказать, что эту конкретную задачу зарубежные кадеты выполнили. Здесь большую роль сыграла личная активность кадета Алексея Йордана, который сумел реализовать идею воссоздания кадетских корпусов в России, а его сын Борис Йордан создал позднее Фонд памяти отца в поддержку этих корпусов. Но к счастливому финалу вела долгая тернистая дорога.

Разговор о психологии второго и третьего поколений русской белой эмиграции ведет и Александр Казанцев в ст. «О русской оппозиции здесь и там» из книги «Третья сила» (№ 25). Определяя русскую эмиграцию первой волны как «срез народа», он замечает: «Психологическая особенность эмиграции заключалась в том, что она была политической эмиграцией, непримиримо и активно антикоммунистической. Она не допускала мысли, что ее пребывание за границей долговременно или, тем более, постоянно», «вся жизнь укладывалась с расчетом на временность, на какой-то срок». «Отцы – в основном трудовая российская интеллигенция, разошедшая по всему миру, работали часто тяжелым физическим трудом, но детей воспитывали и учили, поднимая, как минимум, до своего уровня... Родина была мачехой, отвергшей нас с момента нашего рождения, поставившей вне закона без всякой нашей вины. Мы стали искать причин происшедшего, погрузились в изучение и истории и настоящего родной страны. Мы скоро увидели, что родина – мачеха не только для нас, а и для тех, кто живет там. Так вошли мы в политическую жизнь.» Исповедальный текст Казанцева, искренний, безоглядный, написан «для своих», перед которыми лукавство не пройдет, которые и сами пережили то, что выпало на долю автора. И трудно прервать эту исповедь. Казанцев продолжает: «Мы разглядели также и то, что коммунизм – это не только преступление, но и идея, которую победить можно только идеей же, более органичной, здоровой и человеческой. Из синтеза народной психологии, характерного для нашего народа извечного искания правды, глубоко христианского мировосприятия, и последних достижений передовой европейской философии мы создали свое мировоззрение, свою философию и политическую доктрину».

Мы видим, как в самой концепции отношений «отцы и дети» в эмиграции воплощается идея утопии как идеального социума, идеального государства (пусть, в нашем случае, государства без границ, поверх них) с идеальными, но вполне государственными задачами, – и в этом государстве было свое идеальное духовное воинство, свое рыцарство, свои крестоносцы, – Белый стан. Самое поразительное, что эта утопия реализовывалась поверх реальности, в ее жестком, беспощадном варианте изгойства, революций, войн XX века, а не в некоем средневековье, наполненном духом и религией.

Однако вернемся к журналу. С течением времени КП расширяет диапазон своих тем: по-прежнему давая отчеты со съездов, оставаясь центром для внутренних дискуссий, печатая воспоминания, отражая жизнь всех кадетских ассоциаций в их рассеянии, журнал теперь печатает на своих страницах и материалы современной общественно-политической проблематики и даже широко – литературные тексты.

Так, в частности, на страницах журнала появляется ряд статей, посвященных анализу современной ситуации в мире и в этом контексте – проблемам самой эмиграции. Одна из них – ст. Сергея Третьякова «Что делать?» (№ 33, 1983, заключительная часть доклада, прочитанного в Лос Анджелесе 7 ноября 1982 г. в День непримиримости). «Анализируя общее положение, нужно прийти к выводу, что всякая политическая работа сейчас должна идти на два фронта: по ту сторону железного занавеса и по эту, на Западе». И главная проблема, с которой столкнулась белая эмиграция на новом этапе, – это усиление русофобии, последовательная «антирусская кампания». Которая выражалась в том, что «ставился знак равенства» между русскими как нацией и коммунистами, вполне многонациональным разношерстным лагерем. Автор пишет: «Периодически в эмиграции вспыхивает горячая полемика о Русском национализме и невозможности сохранения Единой Неделимой России», – уточняется при этом, что в «неделимую» не входят ни Польша, ни Балтика, ни Средняя Азия, а лишь восточнославянские территории. «Правильнее сначала говорить лишь об единстве трех главных ветвей Русского народа: Великороссии, Малороссии и Белорусии. В этом случае исторически их труднее разъединить, чем когда-то было соединить». В этом первая эмиграция резко расходилась, в частности, с третьей волной и с советскими диссидентами. Так, автор статьи спорит с позицией известного диссидента ген. П. Григоренко, говорящего «об оккупации Украины Русским государством». Признавая заслуги Григоренко как антикоммуниста, автор возражает: «...История учит нас, что до объединения под властью царей Украина никогда не была единым независимым государством. Правобережная была польской, Слободская – всегда московской, а Левобережная – под протекторатом Польши. Новороссия же освоена общими усилиями, а заселена украинцами, которые состояли из малороссов, обрусевших греков и сербов, евреев, немцев и потерявших свои северные особенности великороссов». Надо сказать, что с Григоренко у кадет отношения вообще не сложились, – для генерала кадеты оставались «белой сволочью» (цитата из его текста), для кадет Григоренко был по-прежнему «красным» генералом. Кадеты даже написали «Открытое письмо гл. редактору НРС А. Седыху», видному представителю антикоммунистической русскоязычной эмиграции, за подписью инженера В.Матасова: «Я был участником гражданской войны и был той ‘белой сволочью’, о которой бывший сталинский генерал упоминал в придуманном им рассказе. Такой же ‘белой сволочью’ был доброволец, студент-еврей, рядовой нашей батареи, погибший геройской смертью в бою 30 сентября 1918 г. Такой же ‘белой сволочью’ был и

мой близкий товарищ и друг, еврей, подпоручик Конной артиллерии, расстрелянный немцами в 1943 году во Франции...»

Выступали кадеты и против формулировок т. н. ««Закона о порабощенных нациях» (P.L. 86-90), вышедшего в 1959 году (резолюция была единогласно принята на заседаниях американского Сената (6-го июля 1959 года), и Конгрессом). Называя среди порабощенных народов всех – вплоть до несуществующих Идель-Урала и Казакии¹², документ исключал из списка Россию; закон возлагал ответственность на поработителя – «коммунистическую Россию», игнорируя тот факт, что СССР состоял из 15 коммунистических советских национальных республик. Против этого словосочетания и выступала русская эмиграция: поработителем должно было бы обозначить Советский Союз, а не Россию. В частности, в ст. «История и политика» (подписано инициалами В. К., 1986, – о новых задачах борьбы с коммунистическим режимом) писалось: «Опыт прошлых лет укрепляет нас во мнении, что путь к победе над коммунизмом лежит в плане идеологической войны с ним, приоритет которой бесспорно гораздо важнее, чем стремление к разрешению конфликта путем вооруженного столкновения. Признавая русский народ первой жертвой, полоненной интернациональным коммунизмом, мы не только утверждаем историческую истину, но и определяем правильную стратегию идеологической борьбы. Не угроза уничтожения русского народа, а возвращение его в среду свободных народов представляется нам единственным возможным решением к восстановлению мирного сотрудничества всех народов, населяющих нашу планету. Закон 86-90 не способствует этому решению, а помогает противнику укрепить свои позиции. Он перемещает ответственность за трагический эксперимент с мирового коммунизма на оседланный им и доведенный до полного бесправия, и этнически, и религиозно наиболее преследуемый, забытый в списке этого закона, русский народ».

Той же теме посвящена и ст. кадета, проф. Павла Пагануцци «Русскоязычная образованщина в борьбе с русским национальным сознанием» (№ 49, 1990). Посыл статьи таков: «...за все время перестрочного кризиса, когда у нас на родине поваяло, наконец, ветром свободы, мы так и не смогли заметить в средствах массовой информации так называемого ‘свободного мира’ ни одной дружеской улыбки по отношению к России, ни одного доброго слова». Статья была направлена против третьей волны эмиграции, с которой у кадет отношения не сложились вовсе, и которая, по мнению автора статьи, «вдруг обретает статус политической эмиграции и от имени России и русских начинает вести политическую игру при двух козырях: антисоветизма и русофобии». Среди прочих материалов, приводится в

статье и известный факт, как группа правозащитников во главе с о.Димитрием Дудко, В. Аксочицем и другими отправила «Открытое письмо Конгрессу США и Совету Международного Радиовещания», в котором обвинила Янова, Терца (Синяевского), Тольца, Пайпса, Хазанова, Малинковича и других в «оскорбительно русофобских концепциях». Как известно, и Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей митрополит Виталий, сам бывший кадет, высказался по этому поводу. В «Литературной России» (№ 52, 1989) было напечатано обращение митрополита «Молодым людям России»: «Злые силы столько потрудились, чтобы сокрушить Православную русскую державу, что для них возрожденная Россия – это ночной кошмар с холодным леденящим потом». Заметим, что РПЦЗ, рожденная в эмиграции, всегда занимала четкую антикоммунистическую позицию и не скрывала этой своей вполне земной политической платформы.

Таким образом на страницах КП был запечатлен очередной драматический поворот из жизни русской эмиграции в XX веке: отказ старой эмиграции первой и второй волн признать третью волну. Этот антагонизм был определен исторически. Третья эмиграция действительно состояла из советских людей, которые в массе своей не знали и не могли знать досоветской России, которые в справедливом своем протесте опирались на ложную советскую историографию и для которых ненависть к Советскому Союзу парадоксально сублимировалась в ненависть ко всему русскому. Диалога между белыми кадетами и советскими диссидентами состояться не могло по определению: первые работали в контексте созидательной программы возрождения России через полное разложение СССР, вторые – в контексте схожей программы полного разложения Советского Союза, включая в него и историческую Россию, не сумев оформить положительную программу возрождения своей земли исхода.

Тогда как призывы и реальные попытки к объединению антикоммунистических сил внутри старой эмиграции продолжались. Вернемся к ст. Сергея Третьякова «Что делать?» (№ 33, 1983). Говоря о борьбе внутри «железного занавеса», автор ведет речь об антикоммунистической идеологической пропаганде при помощи новых радиостанций и, в частности, упоминает передачи архиепископа Антония (Блюма). Внутренняя же сложность борьбы для эмиграции состояла в том, что «...За все эти годы отцы постарели, а дети отошли от Русской жизни. Несмотря на жертвенные усилия многих родителей и церковно-национальных организаций, у нас почти нет русскоязычной смены». Поэтому Сергей Третьяков призывает к поддержке деятельности Конгресса русских американцев (созданного в 1973 г. из потомков старых эмигрантов) и деятельности образованного на

Совещании русских национальных организаций Комитета «с целью согласования наших действий в плане общих для нас интересов». Таким общим проектом стала программа на 1987 год, объявленный Конгрессом русских американцев Годом скорби и непримиримости. Скорби по всем жертвам коммунизма, непримиримости «по отношению к воплощению ЗЛА в лице коммунизма и любой тоталитарной системы, попирающей Божеские и человеческие законы, преследующей религию и лишаящей людей свободы и элементарных человеческих прав» (№ 43, 1987). Поддержанная кадетами резолюция КРА гласила: «Исходя из вышеизложенного, мы повторяем нашу прошлогоднюю просьбу к законодательным органам и правительству Соединенных Штатов Америки о проведении государственного закона, объявляющего 7 ноября официальным ДНЕМ ТРАУРА по всем жертвам интернационального коммунизма, с обязательным спуском в этот день по всей стране государственных флагов на полмачты» «и просим прекратить практику поздравлений с 7 ноября правительства СССР», «просим всех губернаторов, мэров городов и штатные и местные легислатуры повсеместно объявить 7 ноября ДНЕМ ТРАУРА по всем погибшим жертвам интернационального коммунизма, число которых в настоящее время достигло во всем мире 100 миллионов человек».

За годы своего существования «Кадетская переключка» как историко-публицистический журнал мало изменился. С первого года издания на его страницах появляются и редкие литературные тексты. Постоянным, «штатным» поэтом КП стала упомянутая выше Нонна Белавина, воспитанница Института благородных девиц, довольно известная поэтесса в послевоенной русской американской эмиграции; печатались стихи кадета Николая Туроверова, эссеистика поэта Ивана Савина. Сегодня имена Туроверова и Савина известны лишь немногим специалистам, тогда как талант их несомненен и, сложись русская история иначе, – как знать, мы могли бы сегодня читать статьи об их творчестве. Печатался в КП и А. Солженицын. Появлялись статьи, посвященные классической русской литературе, дискуссионные статьи, затрагивающие творчество А. Синявского, И. Бродского. Были напечатаны замечательные мемуары о создателе и руководителе Бостонского симфонического оркестра дирижере С.Кусевицком. Четко выражена позиция кадет в спорной ситуации вокруг Бахметевского архива...¹³ Однако нужно признать, что все-таки литературные и общекультурные темы лишь дополняли от случая к случаю панораму журнала.

«Кадетская переключка» сегодня – предмет истории. Пока существует сама организация – хотя XXI съезд 2010 года в Сербии

(Белград и Белая Церковь) прошел под знаком «заключительный»; остаются малочисленные кадетские Сборы. Как сохраняется и в самой Организации российских кадет за рубежом, последними ее членами, верность прежним принципам, сформулированным еще в 1920-е годы для мальчиков-кадет их учителями-наставниками, — с тем же кодексом Ордена Белых рыцарей, с кодексом чести, с той же приверженностью русской утопии. В самом деле, «настоящие» кадеты — выпускники корпусов в эмиграции — уже в мире ином, остались лишь их внуки и правнуки. В конце концов Россия освободилась от коммунистической диктатуры и российские кадетские корпуса там возрождены... Эти задачи, сколь ни казались они утопическими в начале прошлого века, выполнены. Так что заключить историю этих русских утопистов можно цитатой из редакционной статьи первого главного редактора «Переклички» П. Олферьева (№ 12, 1975): «Мне кажется, что историю организаций можно сравнить с историей Государства и с историей отдельных формирований. Государство, которое не строит своей организации для будущего, учитывая опыт прошлого, не может иметь никакого настоящего. И как были правы наши отцы, уделявшие все свое внимание созданию зарубежных школ, когда волна революции выплеснула нас на чужие берега. Они тогда знали, что будущее страны, за которую они боролись и которую они так любили, находится в руках молодежи. Наши корпуса, как и все русские зарубежные школы, воспитали нас для будущего творчества, и это должно быть основным принципом всех наших организаций».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Марков А. Кадеты. Юнкера. Гл. 18: Кадеты и юнкера в Белом движении. — <http://www.cadet.vrn.ru/litmarkov18.htm>
2. Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус. Шестая кадетская памятка, юбилейная. — Королевство Югославия, 1940. 350 с.
3. Гл. Кадеты и юнкера в Белом движении. — http://militera.lib.ru/memo/russian/markov_al/17.html
4. Организатором ташкентской бойни был Федор Колесов, «главный диктатор», как писал о нем позднее французский военный атташе Ж. Дюкрок в «Докладной записке о положении в Туркестане и Закаспии». Ф. И. Колесов в советские годы был председателем Совета Народных комиссаров Туркестанской АССР, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище как «заслуженный революционер».
5. Б. Павлов. Кадеты в Белом движении. — «Кадетская перекличка», № 16, 1976, с. 16.
6. Андрушкевич Игорь Николаевич (1927, Белград) — общественный дея-

тель, публицист, журналист и политолог, кадет 26-го выпуска ПРВКККК. Живет в Аргентине. В 1995 году возобновил издание в Буэнос-Айресе ежеквартального вестника «Кадетское письмо», основанного в 1955 году и закрытого в 1962 году. С 1998 года выпускает «Русские тетради. Независимый журнал русской политической мысли». В 2002 году вместе с женой начал издавать историософский журнал на испанском языке «Перспективы». В том же 2002 году был назначен ответственным редактором КП, после кончины А. Б. Йордана стал гл. редактором. Председатель Кадетского объединения в Аргентине.

7. «Русский национальный союз участников войны» — военно-политическая организация правого направления. Создана ген. А. В. Туркулом в 1936 году во Франции

8. Франц Нойхаузен – генеральный уполномоченный по экономике и металлургии Сербии.

9. *Осоргин М.* Сивцев Вражек. – Париж, 1928.

10. Телевизионный фильм «Приказы свыше» о выдаче казаков советским репрессивным органам был создан при участии атамана В. Г. Наumenко и Н. Назаренко в ноябре 1975 года. Был показан на ВВС.

11. По данным газеты «Правда» от 7 сентября 1945 года, «...Общее количество репатриированных до первого сентября сов. граждан достигает 5 115 709 человек. Из общего числа репатриации освобождены Красной армией 2 886 157 человек, а 2 229 552 передано нам властями союзников, в том числе 1 855 910 человек передано непосредственно через линию соприкосновения сов. войск с армиями союзников».

12. «Казачий национальный центр» («КНЦ»), национально-сепаратистская организация (с сер. 1930-х гг. центральный орган размещался в Праге), определял территориальные границы государства «Казакии» как: Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская, Сталинградская и часть Воронежской областей, а также территория, прилегающая к бассейну реки Урал.

13. О Бахметевском архиве в КП было напечатано в № 29, 1981. В нач. 1950-х гг. Б. Бахметев передал Колумбийскому ун-ту архив российского посольства, что и легло в основу современного архива, а также остатки посольского фонда (1 млн. 600 тыс. долл.). Во главе архива, по договоренности с ген. Эйзенхауэром (президентом ун-та, 1947) и с администрацией, был поставлен Л. Магеровский, кадет выпуска 1913 года Владимирского Киевского кадетского корпуса. Архив дополнялся личным архивом ген. Деникина, архивом Добровольческой армии, РОА, личными архивами Витте, Милюкова, Игнатьева, Бунина (письма) и др. Неожиданно для русских эмигрантов по распоряжению нового президента ун-та В.-Дж. МакГилла (16-й президент, 1970-1980) после 25 лет руководства Магеровский был уволен, а руководство архивом было передано, как писали кадеты, «в нерусские руки» (специалистам по истории Венгрии и Украины). Это нарушение утвержденных перво-

начальных договоренностей должно было бы «послужить серьезным предупреждением — не верить наши исторические ценности иностранному попечению» (обращение Н. Козякина к читателям КП писать письма в поддержку протеста КРА против устранения «русских от руководства русским архивом»). Напомним, еще в 1951 г. было создано «Положение об архиве» — о порядке назначения кураторов и членов СовеЩательного комитета (владельцы личных архивов имели право сами определять допуск к своим архивам, право снимать копии, цитировать и назначать срок хранения); хранитель архива должен был назначаться из доверенных лиц русской эмиграции. Не менее важным в протестном движении белоэмигрантов оказался и следующий факт: финансирование архива осуществлялось из нескольких источников — во-первых, из грантов Humanity Fund (г. о. 1936, осн. — Борис Бахметев; фонд был создан для помощи жертвам коммунизма и для поддержки русской культуры), во-вторых, из средств русских ветеранов Белых армий — их ежемесячных взносов в фонд. Эти личные денежные вложения и давали русским эмигрантам основание протестовать против отстранения их от управления делами архива. Через 35 лет после основания (1951), за смертью всех русских членов руководства, архив окончательно передали Колумбийскому университету и фонд архива ликвидировали.

Нью-Йорк

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Памяти Никиты Алексеевича Струве (1931–2016)

7 мая 2016 года, в Светлую субботу, в Париже ушел из жизни Никита Алексеевич Струве – французский русист, издатель и переводчик, исследователь истории и культуры Зарубежной России.

Н. А. Струве происходил из известной в русской межвоенной эмиграции семьи Струве, вклад которой в культуру Зарубежной России в XX веке трудно переоценить. Никита Алексеевич был внуком П. Б. Струве, известного русского общественного и политического деятеля, редактора и автора сборника «Из глубины», члена «Русского политического совещания», участника Белого движения, гл. редактора газеты «Возрождение»; он был сыном А. П. Струве, библиографа и антиквара, и племянником проф. Г. П. Струве, американского слависта, русского поэта, литературоведа, переводчика, издателя.

Никита Алексеевич родился в парижском предместье Булонь, учился в Сорбонне и там же с 1950-х годов преподавал русский язык. Позднее он преподавал в университете Париж X (Нантер). В 1951 г. стал сотрудником «Вестника РСХД», а затем его редактором и издателем. Более сорока лет Н. А. Струве руководил русским парижским издательством YMCA-Press (с 1956 – член правления, впоследствии – директор).

В 1971 г. А. Солженицын передал издательству «YMCA-Press» в лице Н. А. Струве права на «Август четырнадцатого» (издание на русском языке), в 1973 – доверил исключительное издание первого тома «Архипелаг ГУЛАг». В 1979 году Н. А. Струве защитил докторскую диссертацию об О. Мандельштаме (издана на французском, позднее – в авторском переводе на русском языке). В 1974 году Н. А. Струве получил от Н. Я. Мандельштам на хранение основной архив поэта Осипа Мандельштама; в 1976 году, исполняя волю вдовы, он передал архив в Принстонский университет (США).

С 1990 г. Н. А. Струве занимался возвращением наследия русской эмиграции в Россию. В 1991 г. он стал одним из учредителей и председателем правления издательства «Русский путь» (Москва), в 1995 году вместе с Фондом А. Солженицына и Правительством Москвы создал Библиотеку-Фонд «Русское Зарубежье» (Москва), куда передал из семейного архива архивные материалы П. Б. Струве, И. Бунина, И. Шмелева, Г. Федотова, о. Сергия Булгакова, Б. Зайцева,

митр. Евлогия и др. По инициативе Н. А. Струве был создан Комитет «Книги для России» (США) для сбора и передачи книг и архивных материалов в Россию.

Никита Алексеевич был членом Попечительского совета Свято-Филаретовского православно-христианского института и гл. редактором *Le messenger orthodoxe* и «Вестника РСХД».

Отпевание прошло 13 мая 2016 в Соборе Александра Невского (Париж). Похоронен Никита Алексеевич Струве на кладбище Sainte-Geneviève-des-Bois.

Корпорация и редакция «Нового Журнала» выражают искренние соболезнования родным и близким покойного.

*Корпорация The New Review Inc.
Редакция «Нового Журнала»*

СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

Сергей Шиндин

Обязательный постскрипtum и необязательные детали

Недавние заметки автора этих строк в одном из номеров «Нового Журнала» были посвящены подборке материалов «Памяти Осипа Мандельштама»¹, опубликованных в 54-м томе «Toronto Slavic Quarterly» и, по сути, открывших год 125-летнего юбилея Осипа Мандельштама. Там, в частности, шла речь о небольшой статье Александра Меца «Осип Мандельштам в Кремле (1918)», в которой рассматривается один из «темных» эпизодов биографии поэта и высказывается утверждение о том, что первой после октябрьского переворота весной поэтом был составлен некий политический меморандум, предназначавшийся для передачи лично Ленину – тогдашнему председателю Совета народных комиссаров.

К сожалению, и автор статьи, и его рецензент совершенно упустили из виду то важное обстоятельство, что термин, показавшийся требующим столь сложных интерпретаций, в его прямом словарном значении использовался самим Мандельштамом в повести «Египетская марка» (1927), где о главном герое Парноке в откровенно-ироническом контексте говорится: «Ему хотелось поступить драгоманом в Министерство иностранных дел, уговорить Грецию на какой-нибудь рискованный шаг и написать меморандум»; ср. один из черновых вариантов: «Хорошо бы стать драгоманом. – Уговорить Грецию на какой-нибудь тонкий шаг. – Написать меморандум»². Комментируя этот фрагмент, ранее Мец предложил оригинальную мотивировку, представляющуюся, однако, слишком буквальной, во всяком случае – в качестве основополагающей: «Вся эта линия сюжета возникла, вероятно, в связи с тем, что ‘первым драгоманом’ (послом; словарное толкование – переводчик при посольстве) русского посольства в Константинополе был однофамилец поэта, Андрей Николаевич Мандельштам (1869–1939); он в 1910-е гг. выступал с публичными лекциями на международные темы»³. Еще одна из предложенных интерпретаций также не выходит за границы сюжетного строя текста: «Желание сделаться драгоманом именно в Греции, слабой стране, стране-неудачнице, выразительно характеризует героя повести»; там же отмечается использование этого термина

по отношению к герою за пределами дипломатической темы: «В черновиках, и тоже в ироническом контексте (в иронических кавычках), О. М[андельштам] употребляет слово ‘меморандум’, рассказывая о Парноке: «За ним [стояли] следили (?) дядья, пишущие торговые ‘меморандумы’»⁴.

При обсуждении некоторых аспектов рассматриваемой темы с автором этих заметок, Георгий Левинтон заметил, что в такой общепотребительной форме меморандум уже появлялся в русской литературе – в третьей главе второй части первого тома «Войны и мира», в эпизоде беседы Кутузова с австрийским генералом, когда он говорит князю Андрею: «Вот что, мой любезный, возьми ты все донесения от наших лазутчиков у Козловского. Вот два письма от графа Ностица, вот письмо от его высочества эрцгерцога Фердинанда, вот еще <...>. И из всего этого чистенько, на французском языке, составь *mémorandum*, записочку, для видимости всех тех известий, которые мы о действиях австрийской армии имели. Ну, так-то, и представь его превосходительству»⁵. То, что именно этот эпизод осознанно или бессознательно подразумевался Мандельштамом при пересказе мечтаний Парнока, представляется бесспорным, тем более что в упоминавшемся в предыдущем обзоре рассказе Надежды Мандельштам о визите поэта к наркому иностранных дел Чичерину изображена удивительно похожая ситуация. В своих мемуарах после описания бегства поэта от Троцкого и других представителей новой власти в кремлевской столовой она вспоминает: «Аналогичный случай произошел у него и с Чичериным, когда его вызвали, чтобы поговорить о работе в Наркоминделе. К нему вышел Чичерин и предложил составить пробный текст правительственной телеграммы по-французски»⁶. Таким образом, процитированный фрагмент черновой редакции «Египетской марки» может содержать не только текстуальные параллели с романом Толстого, но и явные автобиографические коннотации. Визит к Чичерину, очевидно, был исключительно важен для Мандельштама; во всяком случае, в составленной вдовой поэта (очевидно, в середине 1960-х годов) краткой биографической канве он включен в набор главных событий послереволюционного периода: «1918, март. Переезд в Москву вместе с правительством. Горбунов (управделами СНК). Наркомпрос, отдел художественного воспитания <...>. – Наркоминдел, свидание с Чичериным»⁷.

Краткий период жизни Мандельштама после большевистского переворота 1917 года был явно отмечен его неоднократными контактами с некоторыми советскими государственными учреждениями и организациями, – эпизодическими и более продолжительными. Георгий Иванов в своих «мемуарных фельетонах» «Петербургские

зимы» так отразил это: «Когда пришел ‘Октябрь’ и ‘неудачникам всех стран’ были обещаны и дворцы, и обеды, и всяческие удачи, Мандельштам оказался ‘на той стороне’ – у большевиков. Точнее – около большевиков. В партию он не вступил (по робости, должно быть, придут белые – повесят), товарищем народного комиссара не пристроился. Но терся где-то около, кому-то льстил, пожимал какие-то руки, которые не следовало пожимать, – пожимал и какими-то благами за это пользовался. Это было, конечно, не совсем хорошо, но и не так уж страшно, если подумать, какой безответственной (притом голодной, беспомощной, одинокой) ‘птицей Божьей’ был Мандельштам»⁸. Возможно, с подобными поисками компромиссного диалога поэта с новой реальностью было связано и формирование одной из неофициальных версий его биографии (прежде всего – в эмигрантской среде), изложенной Сергеем Маковским: «Никто, вероятно, из писателей не был потрясен ‘Октябрем’ сильнее, чем Мандельштам, повторяю – может быть, даже до потери умственного равновесия. Недаром ходили слухи в России, что он вовсе не погиб ни от немцев (в годы нашествия), ни от чекистов, а попал где-то на юго-востоке России в лечебницу для душевнобольных»⁹.

Начало этого этапа, вероятно, относится к весне 1918 года, когда Мандельштам «в конце февраля устроился на должность делопроизводителя секретариата Комиссии с чрезвычайными полномочиями для разгрузки и эвакуации Петрограда. Должно быть, именно здесь он познакомился с Горбуновым, который <...> был направлен в состав Комиссии от Совнаркома. <...> Когда он окончательно уезжал в Москву в начале апреля, <...> Мандельштам мог присоединиться к нему, но, не исключено, приехал позже. С 8 по 30 апреля в летописи его жизни сведений о местопребывании не находим <...>. Таким образом, вероятность его поездки в Москву вместе с Горбуновым приблизительно 8–9 апреля есть, но настолько же вероятно, что он явился к Горбунову в апреле позднее»¹⁰. В связи с присутствующим в данном историко-биографическом контексте именем Чичерина совершенно особое значение приобретает тот факт, что, по одной из версий, именно 9 апреля он был назначен на должность исполняющего обязанности народного комиссара иностранных дел¹¹. Из этого обстоятельства вполне логичным кажется предположение о том, что Мандельштам, пользуясь содействием Горбунова, мог отправиться в Москву как раз для устройства на работу в новообразованную административную структуру. С учетом прямых свидетельств Надежды Мандельштам, почти не вызывает сомнений то, что поездка поэта была напрямую связана с попыткой его трудоустройства в Наркоминдел, в силу чего на встрече с Чичереным и возникла необходи-

мость в написании некой правительственной телеграммы. В таком случае вполне оправданным оказывается предположение о том, что именно этот эпизод мог отразиться в «Египетской марке», поскольку, согласно утверждению Дмитрия Сегала, в мандельштамовской повести «описание лета 1917 года довольно прозрачно намекает на события после ноябрьского переворота»¹². При этом в окончательной редакции текста речь идет о поступлении Парнока на дипломатическую службу именно при самом активном содействии стороннего лица: «...обещал же Артур Яковлевич Гофман устроить его драгоманом хотя бы в Грецию»¹³, — что не может не вызвать ассоциаций с той ролью, которая была отведена в данной ситуации Горбунову.

Одновременно с этим, с меморандумом, напрямую относящимся к военной топике, так же как и в романе Толстого, Мандельштам мог соприкоснуться опосредованно. Такого рода документ в близком значении косвенно, а точнее опосредованно, был связан с историей русской литературы XX века в эпизоде, когда прапорщик 5-го гусарского Александрийского полка Российской армии Николай Гумилев представил по команде меморандум «Записка относительно могущей представиться возможности набора отрядов добровольцев для французской армии в Абиссинии»¹⁴. Факт составления данной записки, вероятно, относится к началу 1918 года, когда Гумилев после расформирования его воинской части находился в Русской миссии в Париже: «С начала января перед Гумилевым остро встал вопрос об 'устройстве его служебного положения' <...>, оказавшись не у дел, он явно не собиравшись возвращаться в большевистскую Россию, стремящуюся заключить сепаратный мир с Германией. <...> Ища выход из создавшейся ситуации, Гумилев мог вспомнить об Африке и предложить свои услуги в разрешении вопроса своего трудоустройства через собственную отправку в Абиссинию для набора добровольцев»¹⁵. Ни о каких реальных последствиях подачи Гумилевым этой записки неизвестно, как неизвестно и о том, знал ли об этом эпизоде несостоявшийся нового «путешествия» в Африку Мандельштам, но прямых оснований для того, чтобы исключать такую возможность, нет¹⁶.

Каким бы интересным и заслуживающим внимания — хотя бы в плане «типологических» параллелей — не показался формирующийся в биографии и художественном мире Мандельштама специфический контекст вокруг таинственного меморандума, он не дает ответа на главный вопрос — какой именно документ подразумевается в воспроизводимых Мецем словах Александра Морозова: «Мандельштам дал Горбунову меморандум и попросил передать его Ленину. Горбунов ответил, что Ленину он передавать не будет, но положит в его архив»¹⁷. И здесь приходится напомнить об уже высказанном

автором этих строк удивлении в абсолютной неконкретности, аморфности того описания, которым этот эпизод биографии поэта вводится в научный оборот, причем не в гипотетической, а в констатирующей форме¹⁸. Видимо, следует все-таки считаться с тем, что отсутствие прямых или косвенных дополнительных свидетельств пока не позволяет включать во все еще зияющие лакунами труды и дни Мандельштама факт написания им весной 1918 года некоего документа, посвященного актуальным политическим событиям, и попытку передачи его лично председателю Совета народных комиссаров¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Шиндин С. К биографии Осипа Мандельштама. Новые материалы: Проблемы и перспективы // «Новый Журнал». 2015. Кн. 281. К сожалению, при работе над обзором автору еще не были доступны рецензии на хроникальное описание жизненного пути поэта (*Мандельштам О.* Полное собр. соч. и писем: В 3 тт. Приложение: Летопись жизни и творчества / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубяниковой. – М.: Прогресс-Плеяда, 2014), вводящие в научный оборот новые биографические материалы: *Кацис Л. Ф.* Летопись жизни и творчества Мандельштама: от факта к вымыслу // «Вопросы литературы». 2015. № 1; *Сальман М. Г.* Недостижимый и непостижимый Осип Мандельштам // «Русская литература». 2015. № 2.
2. *Мандельштам О.* Египетская марка // *Мандельштам О.* Полное собр. соч. и писем: В 3 тт. Том 2: Проза / Сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Меца, комм. Ф. Лоэста, А. А. Добрицина, П. М. Нерлера, Л. Г. Степановой, Г. А. Левинтона. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. Сс. 275, 384.
3. *Мец А. Г.* Комментарии // *Мандельштам О.* Полное собр. соч. и писем: В 3 тт. Том 2: Проза / Сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Меца, комм. Ф. Лоэста, А. А. Добрицина, П. М. Нерлера, Л. Г. Степановой, Г. А. Левинтона. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 660.
4. *Мандельштам О.* Египетская марка: Пояснения для читателей / Сост. О. Лекманов, М. Котова, О. Репина, А. Сергеева-Клятис, С. Синельников. – М.: ОГИ, 2012. С. 134; приведенная авторами черновая редакция в последнем мандельштамовском собрании сочинений воспроизведена несколько иначе: «За ним сидели дядя, пишущие торговые ‘меморандумы’» (*Мандельштам О.* Египетская марка. С. 371).
5. *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. Т. 4: Война и мир. – М., Художественная литература, 1979. С. 157. – Скрытые, совершенно завуалированные параллели с романом могут быть выявлены в одной из авторских характеристик Парнока, содержащейся в черновых редакциях «Египетской марки»: «Соленый ветер стратегической игры, ветер Иены и Аустерлица, взвил его,

как отклеившуюся от письма египетскую марку, и закружил по лампасам Дворцовой площади» (*Мандельштам О.* Египетская марка. С. 382).

6. *Мандельштам Н.* Воспоминания // *Мандельштам Н.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и др. произведения (1958–1967) / Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин, подгот. текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. Л. Фрейдина, коммент. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 182.

7. *Мандельштам Н.* Биографическая канва // *Мандельштам Н.* Собр. соч.: В 2 тт. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин, подгот. текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. Л. Фрейдина, коммент. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 953.

8. *Иванов Г.* Петербургские зимы [1928] // *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 тт. Т. 3: Мемуары. Литературная критика / Сост., подгот. текста Е. В. Витковского, В. П. Крейда, комм. В. П. Крейда, Г. И. Мосешвили. – М.: Согласие, 1993. С. 93.

9. *Маковский С.* Осип Мандельштам // *Маковский С.* Портреты современников. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. Сс. 392–393.

10. *Мец А. Г.* Осип Мандельштам в Кремле (1918) // *Toronto Slavic Quarterly.* № 54. 2015. С. 165.

11. Согласно другому варианту, назначение состоялось 13 марта, во всяком случае, все источники единодушны в одном – оно произошло вскоре после отставки Л. Троцкого с поста наркома иностранных дел, последовавшей за подписанием 3 марта 1918 года Брестского мирного договора.

12. *Сегал Д. М.* «Сумерки свободы»: о некоторых темах ежедневной русской печати 1917–1918 гг. // *Сегал Д. М.* Литература как охранная грамота. – М.: Водолей Publishers, 2006. С. 461. – Данное обстоятельство никак не отменяет еще одной параллели – хронологической: время действия в повести, формально приуроченное к первой половине весны 1917 года, совпадает с мандельштамовскими попытками трудоустройства в апреле 1918.

13. *Мандельштам О.* Египетская марка. С. 299. В свою очередь, в черновой редакции (сс. 569–570) этому эпизоду предшествует сцена посещения Парноком некоего «ответственного лица» (героя, чье появление в тексте не подкрепляется никакими сюжетными линиями) с совершенно явной импликацией написания некоего неординарного текста: «После завтрака господин Лидин внушительно пригласил Парнока пройти к себе в кабинет, – при этом он даже не покраснел <...> Траурный лапчатый госп[один] Лидин <...> долго расспрашивал Парнока, какие чернила считаются в городе лучшими, не водянисты ли [они] <...> и не ощущается ли в них недостаток».

14. См. первую и до сих пор едва ли не единственную научную публикацию этого документа: *Гумилев Н.* [Записка об Абиссинии] // *Гумилев Н.* Собр. соч. в 4 тт. Т. 4: Рассказы, очерки, литературно-критические и другие статьи, «Записки кавалериста» / Ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппов, подгот. текста и коммент.

Г. П. Струве. – Вашингтон: Изд-во книжного магазина Victor Kamkin, Inc., 1968. Сс. 439-440. – Автор глубоко признателен Георгию Левинтону за помощь в решении связанного с этой публикацией библиографического затруднения.

15. *Степанов Е.* Поэт на войне: Николай Гумилев. 1914–1918. – М.: Прогресс-Плеяда, 2014. Сс. 481-482.

16. Удивительным образом окруженное таким ярким историко-литературным ореолом слово «меморандум» проявит свои исключительные способности к генерированию новых смыслов значительно позднее – на этот раз в мемуарной в своей основе художественной прозе Варлама Шаламова. Если исходить из тех лексико-семантических данных, которые можно получить на материале сравнительного анализа шаламовских текстов, основное значение термина «меморандум» в Советском Союзе в 1930-е годы относится к его бытованию в правоохранительной системе. Под ним фигурировала характеристика политического заключенного по итогам следствия и суда и указания руководству мест заключения об условиях его содержания; одновременно так же назывались документы, составляемые непосредственно лагерным начальством.

В автобиографическом «антиромане» «Вишера» (в котором начало описываемых событий относится еще к 1929 году) Шаламов передает указания старшего офицера НКВД молодому следователю следующим образом: «Так и напишите в протоколе и вынесите в меморандум: ‘Печатал и распространял фальшивку, известную под названием ‘Завещание Ленина’», – и там же (конец 1930 года) приводится другой пример: «Я обратил давно внимание, что следственные работники всегда стараются исказить истину, утяжелить вовсе невыполняемый закон о сомнении в пользу подсудимого. В меморандуме Блюменфельда тоже возник этот литературный экзерсис: Блюменфельд Марк Абрамович по кличке Макс». В рассказе «Подполковник Фрагин» (действие которого отнесено к зиме 1951–1952 годов) упоминаются уже два типа таких документов – поступивший из Москвы вместе с заключенным и составленный местными органами НКВД: «‘Кадровый троцкист и враг народа’ так сказано в твоих документах. Правда, это колымский меморандум, а не московский. Но ведь из воздуха меморандума не составляют», – о чем подробнее говорится в рассказе «Тачка II» (об особенностях работы заключенных в конце 1930-х годов): «В каждое личное дело, картонную папочку, тоненькую, новенькую, было вложено два документа – выписка из постановления ОСО и спецуказания <...>, что лагерное начальство должно о поведении заключенного имярек сообщать в Москву не реже одного раза в шесть месяцев. В местное управление такой рапорт-меморандум полагалось присылать раз в месяц. Этой новенькой, тоненькой папке полагалось потом обрасти грудой сведений – распухнуть от актов об отказе от работы, от копий доносов товарищей, от меморандумов следственных органов о всех и всяческих ‘данных’»; ср. о самом герое-повествователе рассказа «Город на горе» (действие происходит

летом 1945 года): «Меморандум говорил о штрафном прииске, о спецзоне, где я должен находиться отныне и до скончания века». Наконец, «меморандум» способен выступать в функции синонима доносу, как, например, в повести «Курсы» (очевидно, конец 1930-х гг.) в реплике отрицательного персонажа д-ра Доктора: «По части всяких клеветнических ‘меморандумов’ Доктор <...> был большой мастер и мог ‘оформить’ кого угодно»: «Вот ты мне не поклонился при встрече, а я на тебя напишу: донос, да не просто донос, а официальный меморандум. Напишу: ‘Кадровый троцкист и враг народа’ – и уж будь покоен – штрафной прииск тебе обеспечен»; ср. в «Вишере: «Допросы уже увезли в управление, но следователь ждет и других курьеров по тому же делу, других меморандумов» (*Шаламов В. Т.* Собрание сочинений: В 6 тт. + т. 7, доп. / Сост., подгот. текста, прим. И. Сиротинской. Т. 4: Автобиографическая проза. – М.: Книжный клуб «Книгобек», 2013. Сс. 156, 247; Т. 2: Очерки преступного мира. Воскрешение лиственницы. Перчатка, или КР-2. Анна Ивановна: Пьеса. – М.: ТЕРРА; Книжный клуб, 2004. Сс. 370, 341, 181; Т. 1: Рассказы 30-х годов / Колымские рассказы. Левый берег. Артист лопаты. – М.: Книжный клуб, 2013. С. 516; Т. 4: Автобиографическая проза. С. 209).

17. *Мец А. Г.* Осип Мандельштам в Кремле (1918). С. 163.

18. См.: *Шиндин С.* К биографии Осипа Мандельштама. Новые материалы: Проблемы и перспективы. Сс. 307, 308.

19. Попутно нельзя не отметить, что тема отражения ленинского образа в творчестве поэта в современном мандельштамоведении, кажется, еще не становилась предметом отдельного рассмотрения. Единственное, пожалуй, исключение – исследование Елизабет Мачерет «О некоторых источниках ‘буддийской Москвы’ Осипа Мандельштама» (*Acta Slavica Iaponica*. Т. 24. 2007), основывающееся на уверенности автора в том, что «доступными для юного Мандельштама уже могли быть произведения Какиномото-но Хитомаро, Мацуо Басё, Абэно Накамаро, Мукай Кёрая, Йосано Бусона, Сэй Сёнагон, Масаоки Сики и многих других» (с. 168). Именно поэтому исследовательница утверждает, что в мандельштамовской поэзии «облик Москвы 1920-х гг. неразрывно связан с образами недуга и смерти – эпохи, пространства, лирического героя... Наиболее явным прототипом последнего был скончавшийся в муках и одиночестве В. И. Ленин. В стихах Мандельштама 1924–25 гг. (и статье ‘Прибой у гроба’, 1924) Ленин – это мертвое лицо самой России» (с. 173). Даже если на секунду представить себе, что, например, Какиномото-но Хитомаро, покинув свою «страну Ивами», увидел нечто подобное в Киото, разумнее будет такого рода находки оставить для современной буддологии, а не для мандельштмоведения.

Пользуясь предоставленной возможностью, автор хотел бы исправить и небольшое упущение в предыдущем обзоре, где говорится о сочувственном восприятии большинством рецензентов и критиков 1-го и 2-го изданий ман-

дельштамовского «Камня» стихотворения «Silentium» («Она еще не родилась...», 1910). Очевидно, впервые на «множественность» этого факта обратила внимание Дора Черашняя в статье «Осип Мандельштам. 'Silentium': возврат или становление?», опубликованной в сетевом издании «Филолог» (научно-методический, культурно-просветительский журнал Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; 2009. № 8; см.: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_8_8), позднее вошедшей в авторский сборник статей: *Черашняя Д. И.* Лирика Осипа Мандельштама: проблема чтения и прочтения. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ГУ, 2011. С. 5.

Москва

Kolodzei Art Foundation – вчера, сегодня, всегда

К 25-летию Фонда-коллекции

Татьяна Колодзей: Костаки, Додж и другие души...

Я начала собирать свою коллекцию более 50 лет назад. Сегодня она насчитывает свыше семи тысяч произведений: живопись, графика, фотография, скульптура, кинетические объекты и интерактивные инсталляции – более трехсот авторов из России и стран бывшего Советского Союза. Это уникальное свидетельство развития главных направлений российского искусства от хрущевской «оттепели» до наших дней – своеобразный исторический и художественный срез. Главными критериями для отбора работ в коллекцию были всегда индивидуальность, талант художника и качество произведений; направление и стиль – это было не так важно. Поэтому сегодня наше собрание дает достаточно полное представление о современном русском искусстве.

Своим учителем я считаю Георгия Дионисовича Костаки. Коллекция Костаки была просто бесценна. Попав к нему впервые в 17 лет и увидев его коллекцию, я «заболела» этим на всю жизнь. В коллекции Костаки и в немногих других частных собраниях (Я. Е. Рубинштейна, А. Ф. Чудновского) находилось то, что нельзя было увидеть нигде в России: Попова, Клуцис, Шагал, Малевич, Кандинский, Филонов... Эти художники не выставлялись в официальных музеях. Все музейные фонды – и Третьяковской галереи, и Русского музея – были закрыты для публики. Запасники были настоящими «секретными объектами». Слово «абстракция» нельзя было произносить вслух – враждебная идеология. А у Костаки всегда была очень теплая и дружеская обстановка; к нему приходило много художников, и эти посещения оказывали на них большое влияние, давая возможность увидеть подлинники и оценить значение русского авангарда XX века. Было в собрании Костаки и много работ Анатолия Зверева, Дмитрия Плавинского, Дмитрия Краснопевцева, т. е. произведения того поколения, которое начала собирать я. В те годы я не могла даже представить себе, что на базе моего собрания будет создан фонд в Америке.

Г. Д. Костаки и Т. Колодзей

Советский Союз был закрытой страной с тоталитарным режимом. Коллекцию я хранила в комнатах коммунальной квартиры и показывалась она только знакомым, которые интересовались современным искусством. Большинство людей даже не подозревало, какое богатство представляет современное

неофициальное искусство, современниками которого они были. Собранные работы шли вразрез с тем, что представляло официальное искусство, – да и с тем, что было вокруг. Слухи о коллекции росли; в нее стали попадать работы из самых разных уголков страны – Грузии, Эстонии, Латвии, куда я ездила несколько раз в год.

В Москве в 1969 году была введена обязательная строжайшая цензура для всех выставок. Цензура осуществлялась Главным управлением культуры Моссовета. Невидимая советская «берлинская» стена ощущалась почти физически, кожей, – и думаю, что более болезненно и чувствительно, чем жителями Восточного Берлина – их реальная стена. «Оттепель», слишком короткая, чтобы что-то растопить, все превратила в лужу, которая быстро испарилась. Запреты стремительно распространились по территории СССР, чуть свободней было только в трех прибалтийских республиках. В Таллинне, начиная с 1968 года, проходило триенале современной графики, которое я всегда посещала.

Например, история моего портрета Анатолия Зверева 1969 года. В 1969 году Толя пришел ко мне на Дорогомиловскую, где я жила в одной комнате коммунальной квартиры. Соседи недоверчиво на него посмотрели, так как на нем рубашка и серая фуфайка были надеты наизнанку. Это был Толин «фирменный» стиль того времени. В то время не было материалов, Толя сделал несколько работ на мешковине, расстелив ее на полу. У меня была книга по технике живописи, которую он внимательно пролистал, особенно главу «грунты». Мы с ним обсудили нескольких великих мастеров прошлого. Толя был сведущ в истории искусств, и мне было с ним интересно разговаривать. «А хочешь, я напишу твой портрет?» – спросил Толя. Зная несколько случаев, когда он писал портреты и все краски оказывались на потол-

Анатолий Зверев. Портрет Т. Колодзей.
1969. Картон, тушь, 69,3 x 49,5

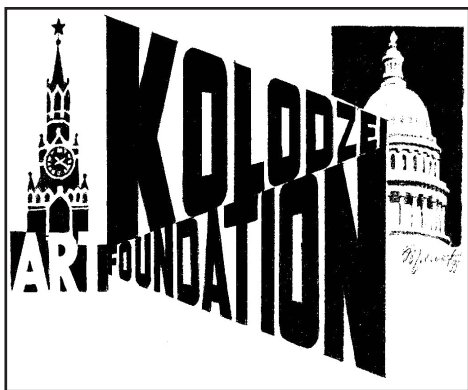
ке, я пришла в замешательство. Почувствовав это, Толя сказал: «Неси газеты и постели их на стол». Вопрос стал, чем рисовать. У меня был кусок серого выцветшего картона, но зато имелась баночка английской туши и настоящая японская кисть, что Толя очень оценил. Несколько виртуозных взмахов – и портрет был готов; мне он очень понравился. «Ты знаешь, чтобы никто ничего не подумал, я напишу: 'В подарок за дельный совет'. Ты мне очень помогла.» После портрета мы спустились перекусить в

пельменную в нашем доме. Ловя косые взгляды посетителей, Толя спросил: «Тебе, наверно, стыдно со мною сидеть?» Он был очень чувствительным и трепетным человеком. Второй мой портрет Толя сделал в мастерской Владимира Немухина маслом на холсте за несколько месяцев до смерти в 1985 году.

В 1969–1971 годах мне удалось организовать несколько выставок художников-нонконформистов – Дмитрия Плавинского, Михаила Кулакова и Отария Кандаурова – в Доме культуры ученых ядерной физики в Дубне. Тем, кто не был членом Союза художников, было очень непросто приобретать материалы для работы, особенно для печатной графики. Литографские камни были пронумерованы и выдавались только членам Союза, медные или цинковые доски вообще невозможно достать... Вспоминаю, как в 1970 году после выставки Плавинского несколько работников института, восхищенные офортами мастера, помогли вынести из сверххраняемого помещения несколько металлических пластин, которые позже он использовал для работы.

В 1974 году у меня родилась дочка Наташа. Первую работу в свою собственную коллекцию она получила в подарок от художника Петра Беленка, когда ей исполнился всего один год. Наташа росла среди картин и скульптур; в 2003 году, уже став куратором и искусствоведом, она организовала персональную выставку Петра Беленка «В черно-белом пространстве» – в ООН в Нью-Йорке. Это стало открытием для американцев.

В августе 1975 года художники попросили меня и Леонида Талочкина помочь в организации выставки и работе с экспозицией в Доме культуры на ВДНХ, приуроченной к годовщине «бульдозерной»

Эрик Булатов. Kolodzei Art Foundation.
1991. Бумага, цветной карандаш. 21,5 x 28

выставки. 29 августа 1975 года было получено разрешение от Главного управления культуры исполкома Моссовета на проведение выставки художников, проживающих только в Москве. Для этого предоставлялось помещение павильона «Дом культуры» на ВДНХ СССР, с 20 по 30 сентября 1975 года. Каждый желающий художник с московской пропиской мог принять в

ней участие. Первоначально единственным цензурным условием было не нарушать принципы советского права, прописанные в Уголовном кодексе РСФСР (оскорбление герба и флага, национального героя, порнография). В результате администрация создала невыносимые условия для организаторов и участников выставки. При завозе работ художники по несколько часов ожидали именного пропуска, которые действовали только при предъявлении паспорта с московской пропиской. Мне долгое время не выдавали пропуск, в конце концов, после проволоочки, я получила его с... № 1. Все пропуска были пронумерованы и подписаны высоким милицейским чином. Я до сих пор храню в нашем архиве этот пропуск как олицетворение маразма советского времени. Все окна «Дома культуры» были плотно закрыты и открывать их не разрешали, хотя на улице стояла жара. Художников и рабочих, вышедших пообедать, подолгу не пропускали обратно. Все продолжалось и во время проведения выставки: то у одного, то у другого участника отбирали постоянные пропуска, контрамарок выдавалось в несколько раз меньше, чем было обещано. Ночью перед вернисажем цензурная комиссия ГУК без объяснений сняла с экспозиции 38 работ. В знак протеста все художники сняли все свои работы. Выставка тут же была закрыта, а художники, собравшиеся около павильона, были оцеплены конной милицией. После нескольких часов дебатов было достигнуто компромиссное соглашение с администрацией о снятии 16 работ. 21 сентября выставка наконец-то открылась для посетителей. В конечном итоге в ней участвовало 146 художников, работающих в различных направлениях, и было экспонировано более 500 работ.

Но борьба с властью, многие представители которой были хорошо физически подготовлены и одеты в плотно облегающие мускулы

трикотажные костюмы и одинаковую обувь, продолжалась ежедневно до конца выставки. Пиком экспозиции стали работы «Хипповый флаг» группы «Волосы» и инсталляция «Высиживайте яйца!» Рошаля – Скерсиса – Донского (позднее – группа «Гнездо»). Несмотря на то, что по требованию пожарной охраны инсталляция – гнездо из зеленых ивовых веток – было пропитано и почти плавало в антипожарном составе антипирине, часть инсталляции была просто выброшена «пожарниками» на помойку как огнеопасная. Работы, запрещенные к показу, были арестованы на все время выставки и возвращены только на следующий день после демонтажа экспозиции. Естественно, никаких объявлений о выставке не было. Но

Эрнст Неизвестный. Кентавр.
1962. Гипс. 44,5 x 40 x 19

новость быстро разнеслась, и толпы зрителей занимали очередь с раннего утра и стояли по несколько часов, чтобы попасть на выставку.

Участвовала я и в нескольких перформансах, включая группу «Красная Звезда» Михаила Чернышова в 1975 году. В коллекции хранится моя именная куртка с эмблемой перформанса. Михаил Чернышов организовал группу «Красная Звезда» в 1975 году, чтобы отметить тридцатую годовщину Организации Объединенных Наций. Накануне перформанса я приехала в небольшую квартиру Чернышова и его жены Нади, где шли последние приготовления. Участники готовили самодельные флаги (американский, советский, британский и ООН) и белые куртки из простынного хлопчатобумажного материала с гуашевой набивкой по трафарету с фамилией участника и большой красной звездой. На следующий день на самой ранней электричке, почти в темноте, из квартиры Чернышова участники перформанса приехали на станцию «Горки». Надев обмундирование, мы установили на снежном поле флаги и цветные знаки (звезды, круги и свастики) двумя рядами. Когда добрались несколько зрителей, в основном друзья, знаки были подожжены. Идея перформанса была основана на визуальной конфронтации знакомых символов, вызвала различные социальные и исторические аллюзии, некоторые из которых были достаточно провокационными (например, объ-

единение свастики с советской звездой). Но так как перформанс проходил далеко от Москвы и свидетелями были только друзья, то все закончилось благополучно для участников.

В 1974 году художник Борис Штейнберг познакомил меня с американским коллекционером Нортон Доджем, и я активно стала помогать формированию его коллекции, старалась показать ему художников, которых считала интересными. Тогда они были мало известны, а теперь работы многих из них висят в различных музеях мира. Оказалось, что я не ошиблась в выборе. Нортон Додж хотел написать об этом в первом каталоге его коллекции в 1977 году, но я попросила этого не делать. В то время такое упоминание было просто опасно, а ведь у меня была маленькая дочка. Позже, в 1995 году, Нортон Додж написал в книге о своей коллекции: «Главным прорывом в собирательстве было в середине 1970-х, когда художник Борух (Борис Штейнберг), брат Эдуарда Штейнберга, привел меня к Татьяне Колодзей. Каждый раз, когда я приезжал в Москву, я встречал Татьяну днем после работы, когда это было возможно, и мы посещали двух, трех, а иногда четырех художников, – прежде чем едва не падали от усталости. Она тогда уже была известным московским коллекционером. С ее помощью я встретил несколько десятков ключевых московских нонконформистов, которые были или не известны мне или вне моей досягаемости, таких как Римма и Валерий Герловины, Эдуард Гороховский, Франциско Инфанте, Илья Кабаков, Вячеслав Колейчук, Виталий Комар и Александр Меламид, Дмитрий Краснопевцев, Виктор Пивоваров, Эдуард Штейнберг, Михаил Шварцман, Анатолий Слепышев, Борис Свешников, Алексей Тяпушкин, Олег Целков, Владимир Янкилевский и другие».

В 1978 году Виталий Комар и Александр Меламид, приехав в Нью-Йорк, создали свой первый «капиталистический» проект – корпорацию по покупке и продаже душ. Покупка и продажа душ – это не новая идея; мы знаем о Фаусте, Мефистофеле, вполне символических скупленных «мертвых душах» Гоголя... – давняя традиция. В данном случае речь, напротив, не шла о соблазненных, «купленных» дяволом душах, – просто о деловом предприятии. Человек продает душу за определенную сумму, а художники ее перепродают. Комару и Меламиду был интересен капиталистический подход к такой духовной проблеме, и, казалось, что это даст неожиданное сочетание и новизну. В этом проекте большую роль играли бюрократические бумаги, расписки, реклама. Они напечатали много рекламы в *Art in America*, *The New York Times*, табло было на Times Square. Поместив объявление – бланк – как вкладыш в журнал «Арт Форум», подписчики «Арт Форума» могли его заполнить. Сначала желающих про-

Т. Колодзей, Н. Колодзей и Нортон Додж у работы Виталия Комара и Александра Меламида «Душа Нортон Доджа». 1978–1979 гг. Выставка «Москва – Нью-Йорк. Сеанс одновременной игры»

дать душу было немного, Энди Уорхол продал свою душу за \$0.00 (что в принципе не являлось легальным контрактом), а Нортон Додж продал свою душу за 98 центов. Но когда художники предложили поставить души на комиссию, где продающему можно было вписать любую стоимость, то они сразу получили несколько сотен душ. Люди запрашивали за свою душу до 1,000,000 долларов. Аукцион душ, который вели Рошаль, Скерсис и Донской, состоялся в Москве 19 мая 1979 года и был, наверное, первым художественным аукционом в СССР, задолго до Сотбис 1988 года. Текст приглашения гласил:

«С ноября 1978 г. по май 1979 г. Комар и Меламид скупали души у американского населения для последующей перепродажи в Москве. Одновременный хеппенинг – аукцион американских душ – планируется в Москве и Нью-Йорке. Души будут продаваться в Москве в то время, как в Нью-Йорке в галерее Рональда Фельдмана соберется публика для участия в аукционе.

Как мы, художники, верим, душа творца присутствует в каждом произведении искусства. Таким образом, можно предположить и обратное: каждый предмет, который содержит душу индивидуума, является произведением искусства. Следовательно, мы осуществляем первую открытую распродажу американского искусства в Москве в целях дальнейшего расширения советско-американских торговых отношений.

Продажу душ осуществят Донской – Рошаль – Скерсис 19 мая 1979 г. в 19 часов по московскому времени в мастерской художника Одноралова Михаила по адресу: Москва, ул. Дмитриевского, д. 10, кв. 13 (вход со двора, с торца здания).

Комар и Медамид, Нью-Йорк

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО!

АУКЦИОН АМЕРИКАНСКИХ ДУШ В МОСКВЕ.»

В 1979 году на московском аукционе «Душа Нортон Доджа» из проекта Виталия Комара и Александра Меламида «Корпорация по покупке и продаже душ» стала самым дорогим лотом. Я приобрела «душу» за 146 рублей – сумма для того времени большая. Через 30 лет после продажи «души» Нортон Доджа и пребывания его «души» в Москве в 2008 году она возвратилась в Нью-Йорк и стала символом выставки «Москва – Нью-Йорк. Сеанс одновременной игры. Из коллекции Kolodzei Art Foundation» в Челси Арт музее. Нортон Додж, пришедший на выставку, поблагодарил меня и Наташу за изумительную сохранность его души. Ему тогда исполнился 81 год.

Шло время... Наступил 1985-й год. Все художники постепенно начали выставляться более-менее свободно, а я стала подумывать о создании Фонда. Однако моя первая поездка в Америку произошла лишь в декабре 1989 года. До этого ОВИР не выпускал меня ни в Польшу, ни в Болгарию, так как я никогда не была членом партии и ВЛКСМ. В Америке я встретила знакомых, которые посещали мою коллекцию в Москве. Они приняли меня замечательно, особенно Грэйс Кеннан Уорнике, дочь Джоржа Кеннана, бывшего посла в СССР в сталинское время. Я приехала в Нью-Йорк по ее приглашению и провела первое в жизни американское Рождество у родителей Кеннан в Принстоне. Грэйс поддержала идею основать Фонд. В этом очень помогли корреспондент «Херст» Джон Волик и юрист Майкл Клайн. И в феврале 1991 года, на закате советского режима, «Колодзей Арт Фаундейшн», основанный на базе коллекции, начал свою деятельность в США. В Совет директоров вошли Нортон Додж, Самуэл Харрелл, Грэйс Кеннан Уорнике, Кристиан Кизи, Грегори Гурофф, Вэйн Мэри, кн. Ольга Щербатова-Джорджадзе, гр. Рут Ламбсдорфф и другие.

Каждый период в искусстве имеет свои временные границы и технические возможности. В предыдущих веках жизнь протекала размеренно, и если художник вместо темперы начинал работать маслом, это была уже революция. XX век пронесся стремительно. Каждое новое поколение пыталось смести все, что было до него.

Однако абсолютно новое создавать трудно. Молодой художник, если он наделен творческим потенциалом, старается играть с новыми материалами и идеями. Я считаю, что XXI век тем и хорош, что в нем сосуществуют много разных направлений; одно ни в коем случае не подменяет и не вычеркивает другое.

Наталья Колодзей: ...И жизнь, и слава, и любовь

Сегодня Фонд организует художественные выставки в музеях, культурных центрах и университетах на территории США, России и Европы, устраивает российско-американские культурные обмены; издает книги и каталоги по русскому искусству. Мы не продали из своей коллекции ни одной работы. Однажды маму спросили: «Сколько стоит ваша коллекция?» Она ответила: «Моя коллекция – это моя жизнь. И если моя жизнь чего-то стоит, то это и есть цена коллекции». В коллекции находятся работы уже ставших известными художников, таких как Илья Кабаков, Виталий Комар и Александр Меламид, Владимир Немухин, Эрик Булатов, Иван Чуйков, Эдуард Штейнберг, Олег Васильев, Михаил Шемякин, Эрнст Неизвестный, Михаил Шварцман, Франциско Инфанте и многих других. «Колодзей Арт Фаундейшн» является своеобразным миссионером русского искусства и, одновременно, ведет несколько крупных проектов. Наряду с уже получившими мировую известность художниками, на выставках экспонируются интересные работы молодых авторов.

Почти с каждой работой в коллекции связана своя история. Например, одна из работ Дмитрия Краснопевцева из нашей коллекции – «Натюрморт» 1958 года (которая выставлялась в квартире Святослава Рихтера в 1962 году) – в 2005 году экспонировалась на выставке «Квартирные выставки 1956–1979» в рамках Московского биеннале. Работа Игоря Холина (сына Лидии Мастерковой) участвовала в знаменитой «бульдозерной» выставке 1974 года, напечатана в каталоге «Россия!» к выставке в Музее Гуггенхайма в 2005 году. В коллекции находятся небольшие рисунки конца 1950-х и знаковые произведения последнего времени Владимира Немухина; ранние работы и стихи Анатолия Зверева, написанные кистью на бумаге; ранние работы Валерия и Александра Волковых; ранние работы Валерия Черкашина, замечательный карандашный двойной портрет Тани и Наташи Колодзей, сделанный Петром Беленком, одна из первых работ 1963 года Александра Ситникова, ранние работы Валерия Герловина, кубики Риммы Герловиной, рисунок обнаженной, сделанный на 3-м курсе института Владимиром Янкилевским; ранний рисунок 1961 года Ильи Кабакова; вариант дипломной работы 1957 года

Олега Васильева и многие другие раритеты. Каждое произведение и объект очень важен для цельной концепции коллекции и занимает свое место в контексте творческой биографии художника, а также в контексте всего современного искусства.

Работы из нашей коллекции очень часто экспонируются на выставках в США, Европе и России, включая выставки «100 художников из коллекции Колодзей» в Государственном музее изобразительных искусств в г. Ташкенте, 1989; «Ураган времени» в Сан-Ремо, Италия, 2000; «Абстракция в России. XX век» в Государственном Русском музее, 2001–2002; «Обретая свободу: 1961–2005» в Берген-музее в Нью-Джерси и музее Липпа-Ратнер во Флориде, 2004–2005; «О Духовном в русском искусстве, 1965–2011. Из коллекции Kolodzei Art Foundation», Музей русского искусства, Миннеаполис, Миннесота, 2013; «Это ведет к пожару: Русское искусство от неонконформизма до глобального капитализма. Из коллекции Kolodzei Art Foundation», Neuberger Museum of Art, Перчес, Нью-Йорк, 2014–2015; «Обретая свободу: 1961–2005. Из коллекций Kolodzei Art Foundation и доктора Вэйн Ф. Якес», Paul and Lulu Hilliard University Art Museum, Лафейетт, Луизиана, США, 2014; «О Духовных традициях в русском искусстве. Из коллекции Kolodzei Art Foundation», Chelsea Art Museum, Нью-Йорк, 2011; «Москва – Нью-Йорк. Сеанс одновременной игры. Из коллекции Kolodzei Art Foundation», Государственный Центр современного искусства (ГЦСИ), Москва, 2007; Chelsea Art Museum, Нью-Йорк, 2008; «От неонконформизма до феминизма: русские женщины-художники из коллекции Kolodzei Art Foundation», Chelsea Art Museum, Нью-Йорк, 2008–2009; «От Ленинграда до Петербурга: 25 лет в искусстве», Chelsea Art Museum, Нью-Йорк, 2003–2004; Historic MADI: Its Roots. Artists from Russia through Uruguay to Argentina in 20th Century, MADI Museum, Даллас, США, 2006; «Московская печатная авторская графика 1961–2005, из собрания Колодзей», International Print Center New York, Нью-Йорк, 2005, и т. д.

В 1992 году был осуществлен грандиозный проект «Европа – Америка 500». В космос была запущена ракета с капсулой, в которую были помещены послания Ельцина и Далай-ламы, а также 9 рисунков молодых сибирских художников из «Круга чистых» (г. Новокузнецк) – из нашей коллекции.

В последние годы многие художники живут и работают на Западе. Мы прилагаем много усилий, чтобы соединить пространства искусства разных стран в единое целое. В 2004–2005 годах мы организовали ретроспективную выставку Олега Васильева в Государственном Русском музее и Государственной Третьяковской галерее. Мы радуемся каждому своему проекту, особенно, когда чув-

Татьяна и Наталья Колодзей, Chelsea Art Museum, Нью-Йорк, 2011

ствуешь, что проект имеет значение в жизни художника, – например, как выставка и книга «Олег Васильев: память говорит (темы и вариации)» в ГТГ и ГРМ, 2004–2005 годах. Эта была первая (после 1968 года) в России масштабная выставка Олега Васильева (1931–2015), с 1991 года жившего в Америке, это было возвращение творчества художника на родину, в контекст русской культуры. В 1968 году прошла первая ежегодная персональная выставка-дискуссия Олега Васильева в кафе «Синяя птица» в Москве, где большинство художников-нонконформистов (Комар, Меламид, Кабаков, Булатов, Волохов, Беленок, Бахчанян) начинали свою выставочную деятельность в СССР. Мы также приняли участие в организации выставок Дмитрия Плавинского в Третьяковской галерее, Вадима Воинова в Государственном Эрмитаже, Шимона Окштейна в Государственном Русском музее, Якова Виньковецкого в Государственном институте искусствознания в Москве и Ольги Булгаковой и Александра Ситникова в Государственной Третьяковской галерее.

Мы всегда стараемся поддерживать интерес к русскому искусству на Западе, в Америке, собрали группу коллекционеров, насчитывающую более двухсот человек. В 1995 году под эгидой нашего Фонда создана Международная ассоциация коллекционеров современного русского искусства. С 2008 года я стала Почетным академиком Российской Академии художеств. Каждый проект Фонда осуществляется за счет грантов от различных общественных организаций, а также частных фондов, поддерживающих искусство.

Художники русского авангарда получили мировое признание не так давно. Мы не хотим, чтобы поколение наших талантливых современников тоже ждало 70 лет до заслуженного признания. Надеемся, что музеи и коллекции, особенно Нортон Доджа, насчитывающая около тридцати тысяч работ (в Jane Voorhees Zimmerli Art Museum в Университете Ратгерс, Нью-Брансвик, Нью-Джерси), сыграют большую роль в определении места и значения русского изобразительного искусства в мировом контексте.

С февраля 2016 года «Колодзей Арт Фаундейшн» отмечает свое двадцатипятилетие; организованы выставки в National Arts Club в Нью-Йорке; «Рассвет исследования космоса человеком. Фотографии Леонида Лазарева» в Институте Гарримана Колумбийского университета в Нью-Йорке; «Что остается: Ася Додина и Слава Полищук» в Narthex Gallery, St. Peter's Church, Нью-Йорк; лекции и встречи с художниками. За 25 лет существования «Колодзей Арт Фаундейшн» организовал или принял участие в более чем ста выставках. Жизнь коллекции и Фонда продолжается.

Нью-Йорк

ОБ АВТОРАХ

БЕРДНИКОВ Лев Иосифович (1956, Москва). Писатель, историк, литературовед. Окончил МПИ; кандидат филолог. наук. Автор монографии «Счастливый феникс: очерки о русском сонете и книжной культуре XVIII – начале XIX вв.», «Щеголи и вертопрахи. Герои русского Галантного века», «Евреи в ливреях» и «Шуты и остро словы» (2009) «Евреи государства Российского (XV – начало XX вв)» (2011). Автор более 350 публикаций в различных странах мира. С 1990 г. живет в США.

ВОЛЬФСОН Янислав (1953, Смоленск). Поэт. Окончил Крымский медицинский институт. Работает врачом в г. Вудбери, в штате Миннесота. В 2003 г. в издательстве «О.Г.И.» в Москве вышла книга стихов «Ялтинская Фильма» и там же книга прозы «Глаз вопиющего в пустыне». Публикации в «Крещатике», «Дружбе народов». В США с 1990 г.

ГОЛИЦЫНА Анна (Москва). Поэт, фотограф. Училась на мехмате МГУ, там же защитила кандидатскую диссертацию. В 1992 году уехала с семьей в Англию, потом в США. Работает программистом. Пишет стихи на русском и английском языках, а также философские эссе на тему восприятия искусства. Занимается художественной фотографией.

ЕМЕЛЬЯНОВ Константин Викторович (1966, Алма-Ата). Прозаик, журналист. Окончил факультет журналистики Казахского ГУ (1989). Работал корреспондентом в Казахском Телеграфном Агентстве (КазТАГ), преподавал на факультете журналистики, был зав.отделом и зам.главного редактора в республиканских гг. «Казахстанская Правда», «Караван»; шефом отдела информации теле-радиокомпании РИК (1988–1997). В США работал переводчиком, преподавал русский язык. Публиковался в ряде местных русскоязычных газет. С 1997 живет в США.

ИЛЬИН Борис (Украина). Поэт. Окончил Нью-Йоркский городской ун-т, Университет Лонг-Айленда. Стихи и проза публиковались в ж. «Крещатик». Автор двух стихотворных сборников. Живет в Нью-Йорке.

ИСАЕВА Ольга Евгеньевна (1958, Казахстан). Прозаик. Окончила филологический факультет Московского Педагогического института им. Крупской, работала учителем. В 1988 году с семьей эмигрировала в США. В настоящее время живет под Нью-Йорком, печатается в российских и эмигрантских периодических изданиях. Первый рассказ вышел в журнале «Время и мы» в 1997 году. Автор книг прозы «Разлука будет без печали», «Мой папа Штирлиц», «В Новом Свете» (Москва, «Эксмо»).

КАНАПЬЯНОВ Бахытжан (1951, г. Кокшетау, Казахстан). Поэт, прозаик, кинодраматург, переводчик; инженер по образованию. Учился на Высших литературных курсах (семинар А. Межирова и Ст. Лесневского). Работал инженером, сценаристом, режиссером на киностудиях «Мосфильм» и «Казахфильм». Автор книг поэзии «Ночная прохлада», (1977), «Чувство мира» (1982), «Ветвь» (1985), «Кочевая звезда» (1991), «Над уровнем жизни» (1999), и книги прозы «Куранты небес» (2011), вышедших в издательствах Казахстана, России, Украины, США, Великобритании, Малайзии, Южной Кореи. Известен как переводчик казахского фольклора (лиро-эпическая поэма «Кыз-Жибек») Лауреат ряда международных литературных премий. Живет в Алматы.

КАТИШОНОК Елена (Рига). Прозаик. Окончила филологический факультет Латвийского университета. Преподает русский язык, занимается редакторской работой, переводами. Автор четырех романов: «Жили-были старик со старухой» (2006) – премия «Ясная Поляна» (2011, номинация «XXI век»), «Против часовой стрелки» (2010), «Когда уходит человек» (2011), а также книг стихов «Блокнот» (2005), «Охота на фазана» (2008, совместно с Евг. Палагашвили), «Порядок слов» (2010) и «Свет в окне» (2014). Живет в Бостоне.

КАЛАУС Лиля (1969, Алма-Ата, Казахстан). Филолог, писатель, литературный редактор, сценарист. С 2001 по 2014 гг. была главным редактором ж. «Книголюб» (Алма-Ата). Сценарист программ казахстанского телеканала «Образование и культура». Повести и рассказы публиковались в журналах «Простор», «Нива», «Аполлинарий», «Литературная Алма-Ата», «Дружба народов», «Новая Юность», «Крещатик», др. Книги: «Бестиарий» (1999), «Книга стихов и рисунков» (2002), «Роман с кровью и другие повести» (2005), «В поисках Золотой чаши. Приключения Бату и его друзей» (в соавторстве с Зирой Наурызбаевой, 2014), «Пиньята» (2015). Лауреат I и III премий литературного конкурса «Сорос-Казахстан-Дебют» (1996), лауреат Третьего Открытого книжного форума и литературного фестиваля стран Центральной Азии (2014, 3 место). Член Союза писателей

КЕНЖЕЕВ Бахыт (1950, Чикмент/Шымкент, Казахстан). Поэт. Окончил химический факультет МГУ. Эмигрировал из СССР в 1982 году. Автор книг стихов «Избранная лирика. 1970–1981», «Анн Арбор», «Осень в Америке», «Снявшаяся утром», «Из семи книг», «Сочинитель звезд», «Названия нет» и др.; книги прозы «Золото гоблинов». Печатается в журналах «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», и др. Стихи переводились на англ., нем., фр., и др. языки. Член Русского Пен-Центра. Живет в Нью-Йорке.

КОЛОДЗЕЙ Татьяна Александровна (1947, София). Коллекционер, искус-

ствовед, куратор и организатор многочисленных художественных выставок и проектов российского и зарубежного искусства в России и за рубежом; в 1991 году основала Kolodzei Art Foundation. Автор многочисленных статей и интервью в сборниках, журналах и газетах, включая «Femmes collectionneuses d'art et mécènes de 1880 à nos jours» (2014), «Kunstsammlerinnen» (2009), *Art* (Germany), *Beaux Arts*, НЛЮ, *The New York Times*, *Forbes*, *Bloomberg*, *RobbReport*, *New York Newsday*, *The Daily Oklahoman*, *Connections*, культурная программа CNN, «Прогулки по Бродвею» (телеканал «Культура»), *Star Tribune*, *The Moscow Times*, «Собрание», «Свой».

КОЛОДЗЕЙ, Наталья Александровна (1974, Москва). Искусствовед, куратор и организатор многочисленных выставок и проектов российского и зарубежного искусства в России и за рубежом; коллекционер, исполнительный директор Kolodzei Art Foundation. Окончила университет Ратгерс (Нью-Джерси). С 2008 года Почетный академик Российской академии художеств. В 2010 году была членом рабочей группы по культуре в двусторонней Президентской комиссии Обама-Медведев. Автор статей для книг и каталогов, включая «Олег Васильев: память говорит (темы и вариации)» (2004); «Олег Васильев: окна памяти» (М.: НЛЮ, 2005); «Арт Конституция: Иллюстрированная Конституция Российской Федерации» (М. 2003); «ŽEN d'ART Гендерная история искусства на постсоветском пространстве: 1989–2009» (М. 2010); «Ольга Булгакова», «Александр Ситников» (М. 2007); «Вадим Воинов: Эрмитаж под полной луной» (СПб.: Государственный Эрмитаж, 2005) и др. Автор статей по русскому и современному искусству (на английском и русских языках), включая журналы «Арт Хроника», «Пинакотека», «Искусство», «ДИ», «Новый Журнал» и др.

ЛЮБИМОВ Андрей (1959, Каменка, Ивановская обл.). Историк, краевед. С 1992 г. живет в США. Печатается в периодических изданиях Русского Зарубежья. Исследователь творчества известного прозаика эмиграции Сергея Максимова.

МЕКЛИНА Маргарита (1975, Ленинград). Прозаик, эссеист, журналист, Окончила филологический ф-т Педагогического университета им. Герцена, СПб., и Университет Сан-Франциско. Автор книг «Сражение при Петербурге», «У любви четыре руки», «РОРЗ» (совм. с А. Драгомощенко), «А я посреди», «Моя преступная связь с искусством», «Вместе со всеми». Лауреат премии Андрея Белого (2003), Русской премии (2008), «Вольный Стрелок: серебряная пуля» (из-во «Franc tireur», 2009); Финалист премии «НОС» (2014) и др. Член жюри Премии Андрея Белого (2016). Автор многочисленных публикаций в англоязычных журналах. Живет в Ирландии (Дублин).

ТАСБУЛАТОВА Дилира (Алма-Ата. Казахстан). Кинокритик, прозаик. Член союза кинематографистов России. Кинообозреватель журнала «Итоги». Автор книг «Кот, консьержка и другие уважаемые люди», «Мама, Колян и слово на букву 'Б'», «У кого в России больше?». Имеет награды: «Критик года» (2000), «Лучший киножурналист России» (2002). Живет и работает в Москве.

ТУРСУНОВ Ермек (1961, село Первомайское, Алма-Ата, Казахстан). Писатель, журналист, кинодраматург. Окончил Казанский ГУ и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Работал журналистом, главным редактором г. «Мегаполис», гендиректором телеканала «Казахстан», генпродюсером «31 канал». Автор сценариев и режиссер десятка фильмов, книг прозы. Номинант на «Оскара» (к/ф «Келин», шорт-лист «Лучший фильм на иностранном языке», 2010; к/ф «Шал», 2013; к/ф «Жат», 2015, лонг-лист).

УРАЛЬСКИЙ Марк (1948, Новокузнецк). Публицист, писатель. Окончил МИТХТ. Был близок к московскому литературно-художественному андеграунду, в 1980-х участник литературно-художественной группы «Мансарда», московского Клуба поэтов. Под псевдонимом «Николай Марин» выпустил сборники стихотворений «Янус», «Антология русского верлибра». Автор книг «Камни из глубины вод», «Немухинские монологи: портрет художника в интерьере андеграунда», «Избранные, но незванные: Историография независимого художественного движения», «Небесный залог: Портрет художника в стиле коллажа». С 1999 г. публикует стихи и прозу под собственным именем, в том числе в «NOVUM-Verlag» (Австрия), «Крещатик» (Германия) и др. С 1992 г. живет в Германии.

ФУРМАН Рудольф (1940, С.-Петербург). Поэт. По образованию – врач, канд. медицинских наук. Автор поэтических книг «Времена жизни...», «Парижские мотивы», «Два знака жизни», «И этот век не мой...», «Человек дождя», «После перевала». Печатался в ж. «Нева», «Новый Журнал», «Мосты», «АВЕ», «Побережье», «Встречи», «Слово/Word» «Интерпоэзия», «Связь времен» и др. В США с 1998.

ХАЗАН Владимир (1952). Филолог, профессор, доктор наук, преподает русскую словесность в Еврейском университете в Иерусалиме, является автором 15 книг и нескольких сотен статей по различным проблемам истории русской литературы, еврейской истории, а также диалога русской и еврейской культур. Эмигрировал в Израиль в 1992 г.

ЧЕРЕШНЯ Валерий, (1948, Одесса). Поэт. По образованию инженер связи, работал на предприятиях Петербургской телефонной сети. Автор четырех

поэтических книг («Свое время», 1996; «Пустырь», 1998; «Сдвиг», 1999; «Шепот Акакия», 2008), книги эссе «Вид из себя» и многочисленных публикаций в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Постскриптум», «Крещатики» и пр. Живет в Санкт-Петербурге.

ШИНДИН Сергей (1963, Саратов). Литературовед. В 1986 году окончил Саратовский университет. С 1988 года – публикации в России и за рубежом. Принимал участие в нескольких исследовательских проектах сектора структурной типологии Института славяноведения и балканистики РАН, посвященных изучению славянских и балканских заговоров в контексте индоевропейской мифологической традиции. В 1999 году в Амстердамском университете защитил докторскую диссертацию о творчестве О. Мандельштама. Член редколлегии академического проекта «Мандельштамовская энциклопедия: Компендиум знаний о жизни и творчестве поэта» и Совета Мандельштамовского общества.

ШРАГОВИЦ Евгений (1935, Ленинград). Окончил Институт связи в 1958. Окончил Ленинградский ГУ, кандидат технических наук. Почетный профессор Компьютерной инженерии в Университете Миннесоты. Автор многочисленных технических статей. С 2011 года начал публиковать статьи о поэзии Б. Окуджавы, О. Мандельштама, Г. Иванова, Ф. Тютчева, печатался в ж. «Звезда», «Нева», НЛЮ, «Вопросы литературы», «Новый мир». Автор книги «Загадки творчества Булата Окуджавы: глазами внимательного читателя» (2015). С 1978 года живет в США.

ЭТЕЛЬЗОН Михаил (1959, Винница). Поэт. По образованию – инженер и патентовед. Учился в Ленинграде. Победитель международного конкурса в Брюсселе «Эмигрантская лира–2009». Публиковался в альманахах и периодике: «Нева», «Арион», «Новый Журнал», «Интерпоэзия», «Слово/Word», «День и Ночь», и др. Автор книг: «Под Созвездием Рака», «Соло» и «МеждуМетие». Живет в Нью-Йорке. В США с 1989 года.

ЯРМОЛИНЕЦ Вадим (1958, Одесса). Писатель, журналист. Окончил Одесский университет. С 1990 года живет в Нью-Йорке. Работал в газете «Новое русское слово». В настоящее время работает на радио. Публикации в журналах «Волга», «Октябрь», «Новая юность» и др. Роман «Свинцовый дирижабль, 'Иерихон 86-89'» стал финалистом «Большой книги» (2009).

The New Review / Novyi Zhurnal is the oldest continuously
published Russian-language literary quarterly

General Sponsor of The New Review, Inc.: The Dynasty Foundation

The non-profit Dynasty Foundation was founded in 2002 by Dmitry Zimin. The Foundation's priorities are the development of fundamental scientific research and education, the popularization of science and civic education. The Dynasty Foundation runs 30 programs and projects for the support and popularization of science and the development of education and culture.

The New Review Inc. gratefully acknowledges the support of our loyal friends:

Patrons: Russian Nobility Association in America;

Benefactors: The Tcherepnine Society, Mr. P. Tcherepnine;

Sponsors: Mr. S.Hollerbach; Capital Builders Group, Mr. & Mrs. G.Lukin;

Fellows: Mrs. & Mr. B. Pushkarev; Mrs & Mr. I. Vechesloff;

Friends: Mrs. & Mr. R. Colacicchi; Mrs & Mr. V. Galitzine; Mr. A. Moussaian;

Mrs. L. Obolensky-Flam; Ms. C. Raeff, Mrs. M. Sechkarev, Mrs. V. Sinkevich.

It requires the support of loyal friends for year 2016:

Patron –	\$ 5,000 and up
Benefactor –	\$ 2,000 and up
Sponsor –	\$ 1,000 and up
Fellow –	\$ 500 and up
Friend –	\$ 100 and up

The Internal Revenue Service has determined, in a letter on March 9, 1990, that The NEW REVIEW, Inc. is a tax-exempt organization and a «public charity» pursuant to the provisions of the Internal Revenue code 501 (c) (3). Contributions to The NEW REVIEW, Inc. are tax-deductible under the provisions of section 170 of the code.

Checks must be made payable to The NEW REVIEW

THE NEW REVIEW
611 Broadway, Room 902
New York, NY 10012

НАШИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Москва, Россия: Николай Сарафанников – тел.: 7-495-304-4879

Санкт-Петербург, Россия: Евгений Голлербах – тел.: 7-812-579-7581

Монреаль, Канада: Генрих Иоффе – тел.: 514-279-1045

Париж, Франция: Виталий Амурский – e-mail: vitaly.amoursky@gmail.com

Иерусалим, Израиль: Рина Левинзон – тел.: 2-586-2333

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ» МОЖНО КУПИТЬ В МАГАЗИНАХ:

Дом Русского Зарубежья: 109004 Москва, Нижняя Радищевская, д. 2

Librairie du Globe: 67, Bd. Beaumarchais 75003 Paris, France

на сайте журнала: www.newreviewinc.com (кнопка: Подписка), через **PayPal**

Вы можете оформить электронную подписку на журнал. Подробности на сайте: [www/newreviewinc.com](http://www.newreviewinc.com) (кнопка: Подписка)

Все дополнительные вопросы: newreview@msn.com